АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

Зеев Бар-Селла

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Об Александре Беляеве, носящем титул «классика советской фантастики», известно на удивление мало, и современные биографические справки о нем пестрят неточностями. Он — выпускник духовной семинарии и юридического лицея — работал в суде, играл в театре, был журналистом и даже милиционером. После стечения трагических обстоятельств, включая серьезную болезнь, периодически приковывавшую его к постели, жизнь Беляева изменилась: появился писатель-фантаст, тонко чувствующий современность и обладающий даром научного предвидения. Широкое признание пришло к нему посмертно — Беляев умер от голода в оккупированном фашистами Пушкине.

Автор книги, известный израильский литературовед Зеев Бар-Селла, опираясь на архивные документы, воспоминания современников, сочинения писателя и критику его творчества, реконструирует биографию Александра Романовича Беляева в контексте сложного времени, в которое он жил и работал.

знак информационной продукции 16+

- Зеев Бар-Селла
  - СКАЗКА О БЕЛЯЕВЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая

- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- БЕССМЕРТИЕ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Приложение 1
  - Приложение 2
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. Р. БЕЛЯЕВА
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249

- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293

- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337

- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381

- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410

Зеев Бар-Селла
Александр Беляев

СКАЗКА О БЕЛЯЕВЕ

Знаете, как Беляев сделался писателем? Не знаете… Хотите, расскажу? Значит, так… В 1922 году написал Беляев письмо:

> «Представьте, мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший милиционер. Я же — фотограф, снимающий преступников, я же лектор, читающий курсы по уголовному и административному праву, и „приватный“ юрисконсульт. Несмотря на все это, приходится голодать».

До этих пор всё правда: и письмо такое было — Вере Былинской, и в угрозыске Беляев служил, и разные должности совмещал…

Но новейшему исследователю этого мало, и он делает следующий шаг:

> «В своем письме Александр Беляев не упомянул еще об одной своей „штатной обязанности“ — в ялтинской милиции он был, выражаясь по-современному, инспектором по делам несовершеннолетних. Тысячи беспризорников спасались тогда в „теплых краях“, и каждого необходимо было приспособить к новой жизни. Вот Александр Беляев и „приспосабливал“.
>
> В литературных архивах я не нашел пока документального подтверждения, но твердо убежден: именно со „сказок“, которые младший милиционер придумывал для своих неумытых и голодных подопечных, и началась его писательская биография. Косвенное подтверждение этой моей догадке имеется. В произведениях Беляева нет выдумки ради выдумки, приключения ради самого приключения — уж больно требовательными были его первые, много повидавшие несовершеннолетние слушатели, их фальшивыми фантазиями увлечь было невозможно»[1].

Беда в том, что автор приведенных выше строк не сумел внимательно прочесть даже единственный попавшийся ему на глаза документ — письмо 1922 года.

А в письме том написано буквально следующее:

> «Вначале я взял место заведывающего *(так!)*

школой-колонией в Жемис-су (7 в[ерст] от Ялты), но сквернейшие условия, клопы, плохое питание и пр. заставили меня пешком сбежать в Ялту чрез неделю. В Ялте трудно найти место, — как везде, — сокращения. И вот, представьте, мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший милиционер» и т. д.

Из чего каждому грамотному по-русски должно быть ясно, что в детской школе-колонии Беляев проработал всего неделю и произошло это *до* поступления в милицию.

А вот что касается придуманных для беспризорников «сказок»… Я в жизни много чего повидал, еще больше прочел, но тут, признаюсь, смутился — от чужого бесстыдства… Не единого факта! Ведь даже назвать эту историю высосанной из пальца — значит безмерно польстить автору!

Да еще историческое невежество — беспризорными не милиция занималась, а ГПУ. И в 1922 году никто в Крым не рвался — там такой голод был, что Поволжью не снилось.

И эту тоскливую чушь печатали неоднократно![2]

А вот рассказ об Ихтиандре куда увлекательнее:

> «В мае 1903 года в Гатчину прибыл военный врач капитан Артемий Мышкин. Это был великолепный хирург, прекрасно разбирающийся в химии. Он был официально освобожден от лекарских обязанностей в полку высочайшим распоряжением. На новом месте ему предписывалось заниматься научной работой без отвлекающей суеты и с достойным „вспоможением“ со стороны армейского департамента.
>
> Что же такое сотворил никому не известный эскулап? Оказывается, ему удалось сделать невероятное. Он подшил сухопутным животным (крыса, собака, обезьяна) доли акульих жабер, и те стали амфибиями. То есть могли по своему усмотрению дышать в воде или на земле.
>
> А секрет чуда был вот в чем. В известном британском медицинском журнале „Ланцет“ Мышкин познакомился со статьей физиолога Афанасия Герца. В ней говорилось, что пластины крови могут примитивно мыслить, настраиваясь на команды введенных в организм химических реактивов. Так, например, если пластины получат приказ сохранять в организме повышенное содержание кислорода при его дефиците, то так оно и будет. Эскулапу волей Провидения удалось

добыть чудодейственный реактив. Он подключал капсулу с этим веществом к дыхательной системе прооперированных животных и тем самым активизировал функционирование неполноценных (усеченных) легких и жабер.

Но вот беда — выжившие после сложнейших операций сухопутные животные, превращенные талантом хирурга в земноводных, — умирали от естественного отторжения тканей. Обычно смерть наступала спустя несколько часов или дней.

Непонятно почему долго здравствовала только собака по кличке Муха — целых полтора года. Жить и кормиться дворняга предпочитала в аквариуме. Правда, каждые шесть часов ей приходилось менять капсулу, содержащую компоненты, известные только Мышкину.

Через некоторое время капитана вызвали в Петербург. Здесь начальник департамента специальных вооружений П. И. Карамышев довольно в жесткой форме сформулировал задачи, стоящие перед Мышкиным. — Флоту нужны не плавающие крысы, а люди, способные скрытно ставить под водой мины, тайно проникать на корабли супостата, разрушать придонные коммуникации. Можете ли вы гарантировать такую возможность?

В итоге военному эскулапу дали еще год на эксперименты. Мышкин с упорством фанатика проводил новые и новые операции. Триумфом была пересадка годовалому борову Борьке вместо удаленного левого легкого жабер тигровой акулы. Хряк долго жил в пруду Царскосельского парка, и, говорят, однажды даже представители царской фамилии как-то побаловали его бананами.

Наконец нашелся доброволец стать Ихтиандром. Это был молодой солдат, страдающий неизлечимым легочным заболеванием. Он сам согласился на частичную замену легких жаберными сегментами селахии.

Операция закончилась блестяще. Новоиспеченный человек-амфибия чувствовал себя отлично не только в госпитальной палате, но и в теплых водах прогретого солнцем пруда. Но, увы… все завершилось трагедией. Последовало отторжение чужеродных тканей, и Игнатий Воропаев умер.

Власти отреагировали на происшедшее

незамедлительно. Военный министр просил у монарха продолжить дорогостоящие, но весьма перспективные эксперименты. Однако Николай II дал письменный ответ следующего содержания:

„Это полезно, но богопротивно. А все полезное опасно!“

Этот рескрипт был до боли понятен — Артемий Мышкин делами своими опередил время, и не только в котором жил, он обогнал и настоящее.

Ни один исследователь, располагая сегодняшними фантастическими возможностями медицины и физиологии, ничего подобного повторить не смог.

Повесть „Человек-амфибия“ вышла в свет в 1928 году. Очевидцы утверждали, что Александр Романович сказал: „Это всего лишь социальная утопия, сказка, но выросшая из были, которую сотворил военврач Мышкин“.

Теперь на вопрос: был ли прототип у Ихтиандра? — можно смело ответить да! Им явился русский солдат Игнатий Воропаев»[3].

Сколько имен, титулов, званий… Физиолог Афанасий Герц, начальник департамента специальных вооружений П. И. Карамышев, хряк Борька… И сколь велико будет потрясение, когда станет ясно, что никого — буквально, ни одного из указанных лиц (и рыл) и в природе не было! Равно как и департамента специальных вооружений. Единственный реальный предмет — журнал «Ланцет». Его любил читать доктор Ватсон. Что тоже нашло свое отражение в рассказе о князе… простите, докторе Мышкине: отказ Николая II дать деньги на дальнейшие опыты продиктован королевой Викторией из фильма Билли Уайлдера «Частная жизнь Шерлока Холмса» («The Private Life of Sherlock Holmes», 1970) — кинокоролева запретила строительство подводных лодок как неспортивного и неанглийского оружия (подлый удар из-под воды, то есть исподтишка)…

А раз Мышкин, Карамышев и Воропаев среди живых не значились, то и Беляев по их поводу никакого мнения иметь не мог.

Так что же перед нами — обман? Да нет, всего лишь мистификация — одна из многих, придуманных тренером по подводному спорту Александром Потаповым (1952–2009)[4].

А вот уже не об Ихтиандре, а о его авторе.

Как-то вдруг среди пишущих о Беляеве распространилась мода называть его «советским Жюль Верном» (именно так — не

склоняя имени!) и уверять, что этим почетным титулом писателя наградили современники[5].

Но мемуаристы ни о чем подобном не вспоминали… А в тот единственный раз, когда современники действительно поставили два этих имени рядом, незамедлительно последовал вывод:

> «Нам нужны советский Жюль Верн и Уэллс. А Беляева ни с тем, ни с другим сравнивать, конечно, невозможно»[6].

И вот, оказывается, всплыл один документ — дарственная надпись на книге:

> «Советскому Жюлю Верну А. Р. Беляеву от автора.
>
> *С уважением,*
>
> *К. Ціолковский 1934 г.».*

Тут и титул, и уста современника… И какого современника!

Все было бы замечательно, кабы не одна неувязка… Даже не неувязка, а так — заусенец.

Надпись сделана на брошюре «Дирижабли». А Циолковский своим подаркам вел педантичный учет. И в его бумагах отмечено, что такую брошюру он Беляеву действительно отослал, но было это в 1935 году — то есть на год позже, чем надпись на обложке.

Позвонил в Калугу Татьяне Николаевне Желниной — лучшему специалисту по рукописному наследию Циолковского. Только начал говорить, как она меня прервала: «Посылаю мою статью…»

Оказалось, что интернет-аукционы наводнены разнообразнейшими письмами и дарственными автографами Циолковского, причем те и другие объединяют полнейшая бессодержательность и хронологическая невозможность — даты указывают на то время, когда Циолковский и адресат еще не были знакомы[7]. Что же касается Беляева, то ни полученные им письма, ни подаренные ему книги до нас дойти не могли — архив и библиотека писателя безвозвратно погибли…

Так что и «советский Жюль Верн», как ни горько — это придумка нынешнего фальсификатора.

В чем причина появления всех этих вымыслов, мистификаций и фальшивок? В том, что они удовлетворяют вполне естественную человеческую потребность — знать. А об Александре Беляеве нам известно на удивление мало. Меньше, чем о писателях XVIII века. И те, кому недостает охоты или умения узнать больше, начинают

придумывать, кто во что горазд.

Большинство же писательских биографий строится по одному шаблону: вначале — и очень кратко — родился, учился, печатался, скончался; а затем — размашисто и вдохновенно — пересказ содержания конкретных произведений. В конце концов, так и остается непонятным, почему эти произведения написал данный писатель, а не любой другой его сверстник и современник.

Мы начали с поиска неизвестных фактов. Их оказалось немало, но совершенно недостаточно для понимания личности писателя. И тогда пришлось найденные факты рассмотреть в контексте времени, в котором жил писатель. А для этого понадобилось смотреть не в учебник, а в первоисточники. Просто удивительно, как много удалось тогда понять и в жизни Беляева, и в его произведениях.

Но странствие по этому пути не увенчалось бы и половиной удач без помощи коллег: Песаха Амнуэля (Бейт-Шеан, Израиль), Анны Андриенко (Москва), Алексея Гурзова (Смоленск), Татьяны Желниной (Калуга), Даниэля Клугера (Реховот, Израиль), Вячеслава Нечаева (Москва), Сергея Филимонова (Симферополь), Сергея Шаргородского (Киев).

Им книга обязана своими достоинствами. А за недостатки ответит автор.

Иерусалим, 11 октября 2012 года — 15 дня месяца тишрей 5773 года от Сотворения мира.

Глава первая
НАЧАЛО

Лишь однажды и лишь в одном произведении он упомянул свой родной город:

> «Какая-то река показалась вдали. На высоких прибрежных холмах раскинулся город. На правом берегу город был опоясан старинными зубчатыми стенами кремля с высокими башнями. Над всем городом царил огромный пятиглавый собор.
>
> — Днепр!.. Смоленск!.. Наша первая остановка!..
>
> Аэроплан пролетел над лесом и плавно опустился на хороший аэродром.
>
> Позавтракали и пустились в дальнейший путь»[8].

Вот и всё упоминание — *мимолетное*! А ведь в городе этом он не только родился, но провел целых 30 лет своей жизни!..

Что знает о Смоленске нынешний российский читатель? Если читатель не смолянин, то немного… И прежде всего то, что Смоленск — это древний русский город.

Да и как может быть иначе, раз посреди города стоит кремль?! А летопись гласит, что уже в 863 году Аскольд и Дир, выйдя в поход из Новгорода на Царьград, предпочли Смоленск обойти стороной — многолюден был город и хорошо укреплен, варяжской дружине не по зубам. Понятно, что многолюдство и крепостные стены — дело не одного десятилетия и, значит, Смоленск куда древнее летописи…

Удивительно другое — перечисляя города «Руськой земли», летописцы аккуратно пропускали Смоленск… И если бы только Смоленск — так ведь и Великий Новгород, Псков, Суздаль, Владимир, Рязань тоже не были для летописца русскими!

Как это понять? Ответ можно отыскать в той же летописи: Смоленск — это город кривичей, славянского, но все-таки нерусского племени. Можно, конечно, не соглашаться с летописцем… Но вот такой факт: сравнительно недавно, в 30-х годах XIX века, помещик Викентий Павлович Ровинский, чье имение находилось в Духовщинском уезде Смоленской губернии, сочинил шуточную поэму на языке своих крепостных и назвал ее: «Энеида, на смоленское крестьянское наречие переложенная».

Начиналась она так:

> Жыв-быв Эней, дзяцюк хупавы,

Парнюк няввошта украсив;
Хоць пан, а вдався нялукавы,
Даступен, весял, неспясив…

Сегодня эта поэма под названием «Энеида навыворот» считается классикой… *белорусской* литературы — «Энеіда навыварат»!

А как щедро был одарен Смоленск при рождении: встал на великой реке — Днепр, на славном торговом пути «из варяг в греки», раскинулся на семи холмах, как Москва, Киев, Константинополь, Рим и Иерусалим… Но что-то не задалось.

Бывало, что смоленские князья садились на киевский престол — если сложить все годы таких княжений, срок получится немалый — 33 года, треть столетия. И все-таки смоляне чувствовали себя чужими на Руси… А в дальнейшем и вовсе переметнулись к Литве. И вышло так, что частью Руси — уже Московской — город стал лишь в 1514 году, а окончательно еще через полтора века, в 1654-м… Одновременно с Украиной!

Сразу после первого захвата Смоленска московский князь Василий III начал ломать хребет смоленской вольнице… Впрочем, без жестокости — самым знатным смоленским боярам предложили поместья в Москве, а их родовые поместья в Смоленске заняли бояре московские. За самыми знатными в московские Палестины отправились знатные просто, за ними те, что поплоше… Потом получили новые назначения духовные пастыри… В результате к XVIII веку смоленская элита была полностью очищена от местных уроженцев.

Российская власть решала политическую проблему — уберегала себя не только от опасности сепаратизма, но и от возможности появления такового в грядущем. Но нельзя решить одну проблему, не создавая других.

Такой другой проблемой стала русская провинция. И то, что сегодня называют «московским пылесосом» — выкачивание из провинции в столицу всего лучшего и талантливейшего, было приведено в действие именно тогда, в царствование Василия III. Рюриковичей сменили Романовы, Романовых — узурпаторы, а провинция так и не сумела подняться… В нынешнее время ситуацию удобно наблюдать с помощью экономических показателей: 85 процентов всех денежных потоков впадают в Москву, Петербургу досталось только пять процентов — ничтожно мало (по сравнению с Москвой), но все-таки половина всех денег, приходящихся на остальную Россию.

Механизм, запущенный 600 лет назад, уже не нуждается в

государственной поддержке: и ныне человека со способностями и амбициями в один прекрасный день настигает озарение — в родной провинции шансов достичь чего-то стоящего у него нет. И тогда он бросает все и устремляется в столицу. Покинутая родина со временем превращается в красивую сказку, куда не возвращаются.

В конце XIX и в начале XX века Смоленск никто не назвал бы многолюдным — население 50 тысяч, да к тому же 10 тысяч из них — офицерские и нижние чины местного гарнизона (не выветрилась, значит, память о смоленских сепаратистах…). Выходят две газеты: одна казенная— «Смоленские губернские ведомости», раз в неделю, вторая — «Смоленский вестник», ежедневная. Театра собственного нет, летом прибывают сборные труппы гастролеров… Иногда на площади перед Молоховскими воротами разбивает свой шатер заезжий цирк…

В таком городе 16 марта (4 марта по старому стилю) 1884 года у священника, настоятеля Одигитриевской церкви Романа Петровича Беляева и его супруги Натальи Федоровны родился сын. Согласно семейному преданию, принимали младенца доктор Бриллиант и повитуха Клюква. Новорожденный был столь молчалив, что врач и акушерка решили поначалу: мальчик — немой, и предрекли ему будущую судьбу — самую никудышную. Через неделю младенца крестили и — по настоянию матери — нарекли Александром.

Саша не был единственным ребенком в семье — старшего брата звали Василий, а потом родилась и младшая сестра — Нина.

На четвертом году жизни Саша переехал в новый дом на той же Большой Одигитриевской улице[9]. А за домом, как рассказывали очевидцы, располагался «весьма живописный сад, спускавшийся по крутому склону в вершину оврага, идущего далеко к собору и по пути образующего улицу Козловская гора». Ну разве не раздолье для детских игр! Особенно для мальчишки, прозванного матерью Царевич-Непоседа.

Впрочем, о детстве Беляева мы знаем немного, да и то из его собственных рассказов…

Например, что любил он, сидя на стуле, качать ногой… И няня всякий раз его одергивала: «Не качай нечистого!»… Но стоило няне отвлечься, как Саша принимался за прерванное занятие — пусть покачается!

Чертей в доме священника боялись… Но деться от них было некуда. Захаживал местный юродивый, сидя на печке в кухне, бормотал молитвы, крестил потолок, стены… Но черти одолевали. Юродивый соскакивал с печки, хватал кочергу и

обводил себя защитным кругом… А Саша смеялся.

Но хорошо смеется тот, кому весело… Это Саша понял, когда, переев сырого гороху, свалился в горячке. И тут из-под подушки, из-за занавесок, даже из-за иконы полезла чертячья мелочь и принялась щекотать. Саша изнемогал от смеха и ужаса. Тут бы ему и испугаться на всю жизнь. Но нет…

Интриговало его и Царство Света. В церкви вглядывался в иконы и зажмуривал то один глаз, то другой… И тогда пламя свечей превращалось в сияющее кружево. В советское время в подобных прозрениях однозначно видели пробуждение атеизма.

Как тут не вспомнить другого малыша — Володю Ульянова. Тот тоже экспериментировал — вспарывал брюхо игрушечным лошадкам и с восторгом убеждался, что вместо теплых внутренностей из лошадок сыпется труха. А потом Володя понял, что и Бога нет!

Но любознательность в этих двух случаях направлена на разные цели. Володя Ульянов желал убедиться, что его обманывают — говорят, лошадка, а всучили мешок с опилками… Значит, люди врут! Взрослые врут детям, а взрослым — другие взрослые. И врут не просто так, а преследуя свой интерес, свою выгоду. И надо их разоблачить, пригвоздить и наказать! Сценарий дальнейшей жизни готов.

Иное дело — Беляев. Его тоже интересуют тайны, но тайны за пределами человека, запредельные. По ту сторону очевидного, того, что видит око. Ведь и слово «черт», запретное к употреблению в отцовском доме, происходит от слова «черта»: черт — это то, что за чертой, за гранью нашего мира. И для экспериментов со свечным пламенем нет нужды ходить в Церковь — свечей и дома хватает… Значит, дело не в свечах, а в том, что они освещают — в ликах святых. И за внешним покровом мира таится мир иной, загадочный и манящий…

Но истинные тайны лежат глубоко, и надо четко отличать истину от предрассудков… А над легковерием не грех и посмеяться.

Однажды в лавке, где торговали всякой всячиной, Саша купил за двугривенный человеческий скелет. Величиной с ладонь, гипсовый и на шарнирах. Потом пошел к отцу приятеля — гробовщику и попросил смастерить для скелета гробик по росту. Вернулся домой, дождался вечера и пообещал няне показать что-то интересное. В комнате был полумрак, и няня не сразу разглядела, что на столе стоит игрушечный гроб. Вдруг крышка гроба откинулась, из гроба выскочил скелет и принялся отплясывать. Няня с криком бросилась вон. Прибежала мать и выяснила в чем дело — к крышке гроба и костям скелета были

привязаны нитки, за которые Саша и дергал. Наказывать шалуна мать не стала — слава Богу, хоть сам цел!

Потому что бывало всякое — совсем недавно чуть глаза не лишился…

Мемуаристы, да и сам Беляев, больше всего о детских проказах и рассказывали. А биографы за эти рассказы ухватились. Потому что увидели в них ключ к писательскому будущему. Вот Беляев с приятелем, Колей Высоцким, придумали такой трюк: взяли жестяной поднос, вырезали в нем дыру, в дыру просунули голову… И получилась отрезанная голова на блюде. Отсюда, значит, берет начало голова профессора Доуэля! А еще принялся Саша Беляев с крыши сарая прыгать. С зонтиком в руках. Ну и понятно, допрыгался до Ариэля!

Чтобы так рассуждать о литературе, нужно в одном романе не разглядеть ничего, кроме отрезанной головы, а в другом, напротив, видеть всё, что летает.

И еще одно удобство — написал про детство, и ни о чем больше думать не надо. И за руку тебя никто не схватит.

Но мы за простотой гнаться не будем, потому что жизнь Беляева не была простой и обычной. Что вовсе неудивительно — ведь не прямо из колыбели шагнул он в литературу!

Ну а пока Саша Беляев ходит в школу, потом поступает в Смоленскую духовную семинарию. Преподаванию религиозных дисциплин здесь, конечно, уделено особое внимание, но в остальном учебная программа, как в гимназии. Но на гимназию у скромного приходского священника денег не хватает, а семинария предоставляет различные льготы. И может сложиться впечатление, что деньги эти потрачены не зря: Саша Беляев — круглый отличник. Ах, знали бы родители, сколь мал***о*** влияние школы на будущее талантливых мальчиков!..

Глава вторая
ШАГ В СТОРОНУ

1901 год, май, последние экзамены, и вот Александр держит в руках долгожданное свидетельство об окончании семинарии. Беляев — выпускник по 1-му разряду, и одна дорога перед ним уже открыта — в Духовную академию.

Но в первый день нового учебного года «Смоленский вестник» публикует следующее сообщение:

> «Режиссер театра Народного дома г-н Нарский отказался *(так!)* и на его место приглашен другой актер из Москвы некто А. И. Черняев и кроме того нанято пять новых актеров и актрис. Амплуа новых актеров следующие: А. И. Черняев — 1-й любовник, на роль героинь приглашена А. П. Волконская, ingénue comique — И. А. Поль, герой-резонер — С. П. Аксенов, 2-й любовник и фат — А. П. *(так!)* Беляев. На вторые роли приглашена А. И. Волина. Все актеры и актрисы приглашены при посредстве театрального бюро. Из прежних остаются М. С. Борин — комик, помощник режиссера — А. С. Двинский, суфлер — Державин. Оркестр Копорского полка под управлением Чухалдина. Спектакли начнутся с 8 сентября пьесою кн. Сумбатова „Соколы и вороны“»[10].

Заметка написана крайне небрежно, не сказано, в частности, — *от чего* отказался г-н Нарский (оно, может, и хорошо, что отказался — двумя годами раньше его игру даже в Вологде сочли старомодной)… Поэтому ошибку в одном инициале Беляева — А. П. вместо А. Р. — легко объяснить опечаткой или невнимательностью репортера.

Однако в 1902 году газета упоминает актера театра Народного дома Беляева неоднократно и трижды сопровождает его фамилию инициалами. Это уже не «А. П.» и не правильное «А. Р.», но «А. Н.»!!![11]

Как это понимать? А понять это можно, если вспомнить об отношении православной церкви к актерам.

Христианство пришло в мир, где театр пользовался б*о*льшей популярностью, чем храм (в том числе языческий). И конкуренция церкви и театра в те времена была нешуточной — иначе от актера, обратившегося в христианство, не требовали бы отказа от игры на сцене.

А в России и две тысячи лет спустя (в 1910 году) архиепископ Никон об актерах высказывался так:

> «Хоронят актрису, по-русски — лицедейку, Комиссаржевскую, и десятки тысяч народа сопровождают ее гроб… <…> За гробом, в честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высших учебных заведений; ведь они лучшие ценители всякого лицедейного искусства. <…> Это была жрица того идола, который именуется театром; ее „обожала“ наша беспутная молодежь: и вот за ее гробом идут, идут, идут бесконечной вереницей юноши и девы, несут венки (их привезено целых восемь возов!) — прискорбно отметить, что был венок и от студентов здешней духовной академии — и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угоднице театра, не постыдились своего звания! <…>
>
> А в Москве требовали от духовенства служить панихиду непременно на подмостках театра, там, где лицедействуют всякие кощунники нашего беспутного времени, а когда духовенство сочло это неприличным и предлагало пойти в Божий храм, то отказались и сами сочинили „гражданскую“ панихиду… <…> Где тут здравый смысл? Где христианство? И при чем тут оно — христианство? Ведь, в сущности, весь этот шум вокруг гроба несчастной лицедейки никакого отношения к молитве не имеет, все это — сплошное издевательство над Церковью, желание обратить церковный обряд в прославление лицедейства. <…> Я уже не говорю о том, как мучительно тяжелы такие кощунственные почести для души почившей, которая ищет себе помощи, ко ангелом очи возводящи, к человеку руки простирающи…
>
> Церковь наша смиренна, как Христова невеста; ее поносят, оскорбляют, над нею издеваются ее враги и в газетах, и в театрах. <…> И все терпит Христова невеста: она ждет, не вразумятся ли эти безумцы, не придут ли в чувство раскаяния… Но доколь же это будет? Не наступит ли скоро час, когда всем таким кощунникам будут закрыты двери храма Божия и над главою их блеснет тот страшный меч, который дан Церкви Самим Христом Господом и который грозит всем богоотступникам — анафема!..»[12]

Александр Беляев, как мы помним, был сыном православного священника, и отец, смотри он даже на вещи не так строго, как

Никон, одобрять лицедейство никак не мог. Не мог он, видимо, ничего поделать и с собственным сыном. Единственно, чего добился — замены отчества… Что означало это «Н»? Николаевич? Никанорович? Никодимович? Неизвестно… Хочется верить, что в замене инициала Александр видел лишь сценический псевдоним, а не отказ от отца.

И вот Беляев на сцене. Первый спектакль — по пьесе А. И. Сумбатова-Южина и В. И. Немировича-Данченко «Соколы и вороны». Анонимный рецензент отметил, что «публики было не особенно много» и «безусловно, хорошо провела свою роль Ольги Застрашевой вновь приглашенная артистка г-жа Поль». О четверых прочих (Черняев, Волконская, Беляев и Аксенов) сказано лишь, что это было их первым выступлением на сцене Народного дома и кто чью роль сыграл (Беляев — Тюрянинова)[13].

К Беляеву начинают присматриваться. 28 сентября спектакль по пьесе Н. А. Потехина «Нищие духом»…

> «Нельзя было поручать роль Николая Алекина г-ну Беляеву, быть может, способному артисту, но, по-видимому, не совсем опытному. Г-н Беляев в достаточной степени манерничал в этой роли»[14].

Но раз на раз не приходится:

> «Спектакль в Народном доме, состоявшийся 23-го ноября, прошел очень удачно и оживленно. Театр был полон. Пьеса Салова „Скряга“ смотрится с неослабным интересом и, как многие пьесы Салова, очень сценична. <…>
>
> Г-н Аксенов умно создал тип „петербургского генерала“… <…> Г-н Черняев хорош был в исполнении роли сына скряги. <…> Г-жа Поль играла, как всегда, с душою. Исполнители остальных ролей: г-жа Волконская, гг. Нарбут, Беляев, Федоров и другие содействовали общему ансамблю. <…>
>
> Исполнение пьес в Народном доме в этом году несравненно лучше прошлогоднего и подбор таких сил, как гг. Аксенов, Борин, г-жа Поль, Волконская и Беляев сослужит службу делу народных развлечений. Теплота и искренность исполнения находит себе отклик в сердце публики, посещающей Народный дом, и, благодаря такому исполнению, Народный дом охотно посещается публикой»[15].

Так что впечатление от игры Беляева, скорее, благоприятное:

«Пьеса „Комета“, поставленная на сцене Народного дома, 19-го декабря, в пользу благотворительного общества для раздачи пособий бедным семействам к Рождественским праздникам, принадлежит к тем многочисленным произведениям современного репертуара, которые, благодаря нескольким сценическим эффектам, живости действия, смотрятся с интересом, но уходя с которой зритель остается совершенно спокоен, — что-то далекое, совершенно чуждое ему, совершалось на подмостках сцены. <…> Федоров, игравший роль инженера-путейца, и г-н Беляев, брат Нелли, выдавались из среды играющих по тонкому исполнению своих ролей…»[16]

«8 января в театре Народного дома поставлена была пьеса „Два подростка“, сочинение Пьера-де-Курсель в переводе с французского Корша. Все роли распределены были удачно и пьеса прошла гладко, но антракты были невозможно длинные, благодаря чему спектакль окончился только в первом часу ночи и сильно утомил публику. <…> Недурен был г-н Беляев в роли капитана д’Альбоаз»[17].

И снова неудача, но вины Беляева в ней почитай что и нет:

«3 февраля на сцене Народного дома поставлена „Княгиня Ульяна Вяземская“, историческая драма Аверкиева. За болезнью г-на Аксенова, роль князя Семена Мстиславовича Вяземского играл г-н Беляев. Артисту дана была не его роль и пришлось исполнять ее экспромтом, и потому неуверенность тона и близкая связь с суфлером не могли внести должного чувства в игру артиста»[18].

А затем гроздь похвал и поощрений:

«Поставленная на сцене Народного дома в бенефис г-жи Поль [пьеса] „Девичий переполох“ прошла с большим успехом. Прекрасно провела свою роль — дочери воеводы — сама бенефициантка. <…>

Успеху пьесы содействовали и остальные исполнители: г-н Плескачевский, создавший верный тип старого русского боярина, г-н Аксенов, игравший роль дьяка, г-н Беляев, исполнивший роль скомороха, и другие»[19].

«Спектакль 8 февраля в Народном доме привлек чрезвычайно мало публики и сбор был самый незначительный; несмотря на это игра некоторых артистов была очень живая и искренняя. Шли драматические картины Деденева „Ночи безумные“… <…> Нам впервые пришлось видеть такую искреннюю и радушную *(так!)* игру г-на Беляева, какую показал артист в роли Широхова в драматических картинах. Для выражения подобных драматических мотивов у артиста несомненно есть способность»[20].

«Пьеса „Новый мир“, сочинение Баретта, поставленная на сцене Народного дома, содержит в себе много сценических мест и слушается зрителями с большим интересом. По своему содержанию она напоминает собою роман Сенкевича „Камо грядеши“, но значительно уступает ему по силе художественного творчества. <…>

Поль в роли Мерции была, как и всегда, искренна; Федоров в роли Тигелина, Беляев в роли Лициния и Волконская в роли Вероники и Нарбут в роли Луция провели свою роль выдержанно»[21].

Наконец, согласно условиям контракта, актеру предоставлена возможность представить публике свой бенефисный спектакль:

«12 февраля в театре Народного дома имеет быть бенефис артиста А. Н. Беляева. Г-н Беляев ставит для своего бенефиса драму „Картежник“ в четырех действиях из повести Пушкина „Пиковая дама“ и водевиль „Заколдованный принц, или Переселение душ“, сочинение Кулинова, в трех действиях. В заключение будет поставлена живая оригинальная картина „Веер“. В „Картежнике“ бенефициант исполнит роль Германа, а в „Заколдованном принце“ — роль Гайда»[22].

Какое впечатление произвел на публику этот опыт двойной — режиссерско-актерской — работы Беляева, газета, к сожалению, не сообщила.

А через две недели случилось нечто удивительное:

«В воскресенье, 24 февраля, в театре Народного дома дан был последний спектакль с участием подвизавшихся в течение всего зимнего сезона в Народном доме артистов под режиссерством г-на Черняева. Поставлена была драма кн. Сумбатова „Соколы и вороны“. Публики

было почти полный зал. С успехом проведены роли г-жой Поль, г-жой Волконской, г-м Бориным и г-м Аксеновым. Г-н Беляев в роли Тюрянинова был слишком молод; артист не нашел нужным почему-то загримироваться как следует»[23].

Отчего, почему? Ведь спектакль был сыгран не в первый раз — с него как раз и начался зимний сезон. И тогда, пять с половиной месяцев назад, 8 сентября, Беляев играл ту же самую роль — и никаких нареканий не вызвал.

А теперь — ведь выйти на сцену и продемонстрировать, что твой возраст не соответствует возрасту персонажа… Да, Иван Александрович Тюрянинов не стар, даже молод. Но не юн — а актеру Беляеву всего 17 лет. И демонстрировать это публике — означает сорвать спектакль!

Но, быть может, в этом и была цель Беляева?!

Спустя неделю «Смоленский вестник» проинформировал читателей:

> «Срок контракта, заключенного комитетом Народного дома с артистами Черняевым, Аксеновым, Беляевым, Волконской и Поль на зимний сезон 1901/02 года, окончился, и артисты, за исключением Аксенова и Поль, разъехались»[24].

Беляеву из Смоленска разъезжаться было некуда. А потом выяснилось, что и Черняев отъехал не слишком далеко — в Рославль, возглавить труппу тамошнего Народного дома. А с Поль, Волконской и Аксеновым правление смоленского Народного дома подписало новый контракт — с повышением оклада денежного содержания.

Так что невостребованным и не у дел оказался один лишь Беляев. И о том, что он окажется единственным лишним, ему, видимо, стало известно до того, как был сыгран последний спектакль. Терять было нечего, а скрывать свою обиду Беляев не пожелал…

Глава третья
ЛИЦЕЙ

Итак, надежда на то, что сцена Народного дома станет первой ступенькой на лестнице, ведущей к всероссийской славе, — не сбылась. И, честно говоря, больше в Смоленске Беляеву делать было нечего. Если, конечно, не поставить крест на всех мечтах — явиться с повинной головой к отцу и отправиться в Духовную академию.

Оставалось — идти учиться. Но чему? Театральных училищ тогда не было… А с прочими гуманитарными интересами куда идти? Только в университет, на историко-филологический факультет. Ну, что ж — университеты в России имеются… Да только Беляеву путь в них закрыт.

Как так? Ведь даже для евреев введена процентная норма, а Беляев русский и православный со всех сторон!

Всё так, но беда Беляева в том, что учебное заведение он окончил не то, которое нужно. А выпускникам духовной семинарии доступа в университеты нет.

Что же делать? Есть выход — лицей. Пользуется всеми правами высших учебных заведений, но, в отличие от университетов, он не государственный — императорский, а частный. В России таких лицеев несколько, и в них принимают бывших семинаристов. Не всех, конечно, а лишь окончивших семинарию по 1-му разряду — круглых отличников. В гимназии таким давали золотую медаль. Но это не единственная привилегия гимназистов — их (и не только медалистов) в лицей принимали без экзаменов. А семинарист должен был пройти испытание латынью и русской историей.

И Беляев отправился в Ярославль, явился в Демидовский юридический лицей (ничего более гуманитарного за пределами университетов не было), продемонстрировал знание двух требуемых предметов и был зачислен в лицеисты.

Обучение было рассчитано на четыре года.

На первом курсе изучали богословие, энциклопедию права и три истории права — русского, римского и всеобщую историю права.

На втором курсе студенты должны были прослушать пять обязательных предметов: политэкономию, право римское, государственное и финансовое, а также историю философии права, и два необязательных — статистику и историю юридической литературы.

Третий курс: право — гражданское, уголовное, административное — и необязательный предмет — уголовная политика.

И последний год: оставшиеся разделы права — церковное, международное, торговое, и две дисциплины судебные — процесс гражданский и уголовный.

Оценок было три: «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно».

Сохранились сведения о социальном происхождении студентов Демидовского лицея по состоянию на 1 января 1906 года. Всего лицеистов тогда насчитывалось 866, из них дворян — 64, детей чиновников — 139, детей военных — 16, потомственных почетных граждан — 23, купцов — 31, мещан — 95, крестьян — 94, духовного звания — 404, нехристианских вероисповеданий: иудейского — 38, магометанского — 1.

То, что выходцы из духовного сословия составили фактически половину студентов, как будто легко объяснимо — в университеты выпускников духовных семинарий не принимали и иной возможности получить гуманитарное образование им не оставили.

Но высшее образование бывает разное — не только гуманитарное. Как же объяснить тогда абсолютно непропорциональный процент выходцев из духовного сословия в общей численности студентов России — 23 процента, фактически каждый четвертый русский студент?!

Крестьянин, купец, чиновник, дворянин могли учить своих детей чему угодно — грамоте, счету, иностранным языкам… А могли и не учить.

Иное дело — духовное сословие. Этим выбора не дали — для детей служителей православного культа (и только для них!) среднее образование было обязательным.

Так и возникло в образованном классе засилье поповских детей. Проявилось это каким-либо образом в русской жизни? Несомненно. Есть в России такое понятие — интеллигенция. Это люди, получившие высшее образование и имеющие собственное суждение об окружающем мире. Во всех прочих странах таких индивидов называют интеллектуалами или просто образованными людьми. В чем отличие европейского интеллектуала от русского интеллигента — только в обозначении, или действительно между ними существует принципиальная разница?

Большой поклонник русской интеллигенции Максим Горький в одной из пьес заставляет своего персонажа заявить: «Интеллигентный человек не может быть антисемитом!» Заметьте

— не умный, не думающий, не образованный, а интеллигентный! То, чему в обычном языке соответствовало бы слово «порядочный». Иначе говоря, интеллигенты — это не просто лица с высшим образованием, а носители определенной морали. Вспомним также, что полученные знания русский интеллигент намерен использовать не в собственных интересах, а исключительно на благо народа. Перед каковым народом у интеллигента имеется целый комплекс вины — он, интеллигент, виноват в том, что чему-то учился, когда народ только и делал, что страдал. На что это похоже? На чувства и поведение священника, стремившегося принести своей пастве спасение и утешение, но разуверившегося в том, что спасение в религии. И теперь он с прежним пылом служит культу Знания. А появиться такая гражданская религия спасения могла лишь в головах, никакого иного представления о счастье, кроме жизни в раю, не имевших. И готовых вести за собой всех остальных. Намерения были самые благие, результат предопределен…

Началом учебного (академического) года в лицее считалось 16 августа, а концом — 1 июня следующего года.

И на четыре года ход жизни не обещал никакого разнообразия: осень, зима и весна в Ярославле, Рождество и лето — в Смоленске.

Никто тогда и не помышлял, что великие события стоят при дверях и имен их не сыскать ни в каком соннике: Цусима, Мукден, Ляоян, Порт-Артур…

Глава четвертая
ПРОСТРАНСТВО РИМАНА

Про учебу Беляева в Демидовском лицее упоминает каждая биографическая справка о писателе — в 1902 году поступил, в 1906-м окончил…

Каких-либо ссылок на документы не приводится. И не мудрено: архив Демидовского лицея сгорел вместе с лицейским зданием в июле 1918 года. Да и как зданию не сгореть, когда его прямой наводкой расстреливает артиллерия! А артиллерия понадобилась, чтобы подавить в Ярославле восстание против большевиков.

Можно было бы сослаться на другие документы — диплом, трудовую книжку, заполненные рукой писателя анкеты… Но их никто не видел и не искал. И, тем не менее, все сходятся в одном — в 1902 году поступил, в 1906-м окончил…

Откуда взялась эта дата — 1906-й? Все просто: известно, что курс обучения в Демидовском лицее был четырехгодичным. Прибавим к 1902-му еще четыре и получим: 1906-й. После чего, и в этом тоже сходятся все биографы, Беляев приступил в Смоленске к адвокатской деятельности.

Но вот что удивительно: первое упоминание смоленской прессы об участии адвоката Беляева в судебном заседании датируется 18 июля 1909 года! В заметке «Судебные дела» репортер «Смоленского вестника» сообщает о предстоящих слушаниях по делу о принадлежности ряда лиц к запрещенной партии социалистов-революционеров. Репортер называет это дело «очень интересным», поскольку на скамье подсудимых оказались сын и дочь П. А. Герна, бывшего секретаря губернского предводителя дворянства. А в числе защитников назван «пом. прис. пов.», то есть помощник присяжного поверенного А. Р. Беляев. Заседание суда было назначено на 23 октября[25].

А смоленский краевед В. И. Грибоедов вообще утверждает, что в коллегию адвокатов Беляева приняли только в 1911 году[26].

Ну, с этим-то как будто все просто — своими сведениями краевед обязан, наверное, «Памятной книжке Смоленской губернии на 1911 год». Не найдя сведений о Беляеве в томе «на 1910 год», исследователь мог решить, что адвокатурой тот занялся не раньше 1911-го.

«Памятная книжка» не обманывает, нужно только уметь ею пользоваться. Например, книжка на 1911 год вышла из печати в 1910 году и фиксировала состояние и личный состав губернской

администрации на момент сдачи в печать. И тот, кто попал в книжку на 1911 год, занимал свой пост *уже* в 1910 году. Великолепное объяснение, но… помощник присяжного поверенного Беляев А. Р. в книжке на 1911 год — по непонятной причине — отсутствует! Упомянут лишь Александр Романович Беляев — Товарищ Председателя смоленского Общества любителей изящных искусств[27]. Так что узнать, на каком основании краевед Грибоедов пришел к своим выводам, нам не дано.

В качестве помощника присяжного поверенного Беляев выступал в суде и в мае 1914 года[28]. А 31 июля 1914 года на первой полосе «Смоленского вестника» появилось объявление:

> «Присяжный Поверенный
> А. Р. Беляев
> переехал на Одигитриевскую ул., д. Неудачина»[29].

Со времени первого газетного упоминания о Беляеве-адвокате (18 июля 1909 года) прошло ровно пять лет и полторы недели.

Для того чтобы помощнику присяжного поверенного превратиться в присяжного поверенного, нужны были всего две вещи: диплом о законченном высшем юридическом образовании и пятилетний стаж работы в должности помощника присяжного поверенного. В полном соответствии с тем, что мы узнали об адвокатской карьере Беляева из смоленских газет.

Но из этого следует, что *до* лета 1909 года Беляев юридической практикой не занимался. А тогда возникает естественный вопрос: чем же занимался Беляев целых три года — с лета 1906-го, окончания выпускных экзаменов в Демидовском лицее, до лета 1909-го?

В автобиографии Беляев, не указывая дат, пишет:

«Не менее 15 лет отдал театру. Режиссировал и играл в провинции и несколько сезонов в Москве (в Сергиевском нардоме)»[30].

Играл «несколько сезонов» в Москве… Театральных сезонов в России было два: зимний (с сентября по февраль) и весенний (с марта по май). После чего актеры (вместе с остальной труппой или сами по себе) выезжали на гастроли. Театры при народных домах на лето закрывались.

С осени 1909 года у Беляева для игры на московских подмостках времени уже не было… А как обстояли его театральные дела в предшествующее трехлетие?

Сергиевский народный дом (после революции — Клуб им. Каляева) занимал все здание под номером 37 на Новослободской улице (здание не сохранилось) и находился под покровительством московских властей. Но еще более широкой известностью пользовался существовавший при нем театр. Многие из тех, кто подвизался на Сергиевской сцене, стали впоследствии профессиональными артистами. И потому спектакли двух его трупп — драматической и оперной — регулярно попадали в поле зрения ведущих театральных газет и журналов.

К сожалению, ни в одной из этих рецензий Беляев не упомянут.

Впрочем, необходимо помнить, что в театрах при народных домах, наряду с профессиональными актерами, играло и немало любителей. И не все любители готовы были огласить свои подлинные имена. Поэтому афиши и программки спектаклей пестрели псевдонимами и просто анонимами — вместо имени исполнителя три звездочки. Архив театра утрачен. Не встретилось имя Беляева и в бумагах режиссера драматической труппы М. А. Мелитинской (Лопатиной)… Бумаги эти хранятся в архиве московского Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (фонд № 168). Но в том же музее удалось разыскать коллекцию афиш и программ спектаклей, сыгранных в театре Сергиевского народного дома в 1906–1918 годах. Следует сказать, что коллекцию эту собирал очень осведомленный в делах Сергиевского театра человек. На многих афишах и в программках против актерских псевдонимов и анонимов чернилами указаны подлинные имена.

От 1906 года сохранились программки трех спектаклей по пьесам А. Н. Островского: 22 марта («Свои люди — сочтемся»), 29 сентября («Волки и овцы»), 17 ноября («Василиса Мелентьева») и одного по Горькому — 15 декабря («На дне»).

От 1907-го осталась лишь программка горьковского спектакля «Дети солнца» (30 ноября).

За 1908-й нам известны афиши и программки трех представлений: «Новый мир» по пьесе У. Баретта (15 февраля), «Снегурочка» Островского (3 апреля) и «Гамлет» Шекспира (10 декабря).

От 1909-го до нас дошли афиши и программки четырех спектаклей: «Коварство и любовь» Шиллера (2 апреля), «Дурак» Л. Фульда (19 апреля), «Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма (23 октября) и «Отелло» Шекспира (28 октября).

И ни на одной афише, ни в одной программке нет имени Александра Беляева!

Конечно, это лишь малая толика сыгранных спектаклей. Но если Беляев был постоянным участником труппы, практически нереально, чтобы его имя *ни разу* не встретилось в списке исполнителей.

И то, что исполнителем роли короля французского в спектакле «Король Лир», сыгранном 29 сентября 1910 года, указан *г-н Беляев,* ситуации не меняет. Тем более что осенью 1910 года у Беляева было не столько свободного времени, чтобы с легкостью срываться в Москву… И не просто так: с поезда в театр, из театра на поезд… Спектакль — это ведь не по сцене пройтись, это и репетиции… И потому Беляев без инициалов в роли французского короля — наверняка однофамилец.

Куда же девались и на что ушли три года жизни?

Чтобы разобраться с этим, надо отступить немного назад — в 1905 год, не похожий ни на один другой.

Начался он Кровавым воскресеньем… И сразу грянула забастовка студентов. Первым забастовал Петербургский университет, поддержал и усугубил забастовку университет Московский. После чего забастовали студенты всех высших учебных заведений по всей России. Не остался в стороне и Демидовский лицей. Так что, едва успев после зимних вакаций добраться до Ярославля, Беляев снова возвращается в родные пенаты и отдается любимому занятию. Уже 13 февраля он выступает в зале смоленского Благородного собрания. Артистка Инна Поль и группа любителей разыгрывают спектакль по пьесе И. Н. Потапенко «Крылья связаны»[31].

Пьеса, естественно, выбрана не случайно — в самом названии проглядывает намек на стремление общества разорвать путы, расправить крылья и рвануться в царство свободы.

С наступлением весны студенты в лицей все-таки вернулись, но совсем не для занятий.

Вечером 1 мая, в шестом часу группа демидовцев совместно с местными семинаристами и гимназистами устроила катание на лодках по Волге. Участвовали не менее ста человек. Проплывая мимо набережной, учащаяся молодежь развернула красные флаги, запела революционные песни и начала выкрикивать «Долой самодержавие!». Для усиления впечатления было произведено несколько револьверных выстрелов в воздух. Капитан казенного парохода «Рыбинск» решил преподать смутьянам урок — направил пароход на скопление лодок, заставил их броситься врассыпную и пристать к берегу. Высадившись, студенты первым делом попрятали флаги, но увидев, что опасности нет, снова развернули знамена и с пением и возмутительными возгласами пошли строем по Казанскому

бульвару, переполненному гуляющей публикой. Не ждавшие такого подвоха городовые стали увещевать молодежь призывами прекратить бесчинство, но юноши были тверды в своих намерениях и расходиться не пожелали. Пришлось дожидаться казаков, которые и восстановили порядок. Ярославский губернатор Рогович уверил горожан, что никаких телесных повреждений, а тем более увечий никому причинено не было, и никто ни на что не жаловался[32]. Потом, правда, пришлось разоблачать злонамеренный слух, что студент Демидовского лицея Н. К. Масальский от нанесенных ему при разгоне демонстрации побоев скончался. На самом деле оказалось, что Масальский — всего лишь *бывший* студент лицея, да к тому же еще и жив…[33]

Хотя ярославские газеты и уделяли Демидовскому лицею особое внимание (шутка сказать — единственное высшее учебное заведение на весь город!), никакой иной информации о лицейских делах в прессе не появилось. А рассказать было о чем… Например, о том, как 17 января лицеисты объявили забастовку. Или об их участии в грандиозной (три тысячи человек!) демонстрации 21 марта. Поводом послужило самоубийство пятиклассника Коли Панова, доведенного «верноподданными учителями». Двое лицеистов — Чистосердов и Подвойский (в будущем один из организаторов штурма Зимнего) — несли венок с надписью на ленте: «Жертве самодержавия».

Зато в роскошном юбилейном томе «Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем» (Ярославль, 1914) мы и таких крох не найдем — если верить этому сочинению С. П. Покровского, то не то что забастовок или демонстраций, самого 1905 года не было…

Промчались летние каникулы, и жизнь как будто вернулась в накатанную колею: приезжают абитуриенты, за ними студенты… И вдруг — 30 августа: «В Демидовском Лицее обычного годового акта, в день храмового Лицейского праздника не состоялось»[34].

Это еще почему? Без комментариев — газета молчит.

А 2 сентября подает в отставку директор лицея, профессор Э. Н. Берендтс. Профессорский совет просил его не уходить, Берендтс остался[35]. Но ведь в отставку-то подавал!

По какой причине? Газета молчит.

А через десять дней появилась заметка о том, что «11 сентября в 11 часов дня в здании Демидовского лицея состоялась общестуденческая сходка, по вопросу о начале учебных занятий…». Собрание было долгим и оживленным, но вопроса не решило. Выбрали только комиссию для редактирования

резолюции собрания. А также постановили созвать новую сходку — для обсуждения отредактированного проекта резолюции…[36]

На следующий день — 12 сентября — собрались одни студенты четвертого курса. Цель собрания: просить профессорский совет лицея начать чтение лекций по программе восьмого семестра…[37]

Вот и выяснилось: не только с началом занятий ничего не выходит, но и прошлый учебный год завершить не удалось, восьмой семестр длится с января по май, и, значит, занятий в лицее не было с января 1905 года!

А из этого следует вывод: в 1904/05 учебном году А. Р. Беляев положенного курса лекций не дослушал и экзамены за третий курс не держал. Следовательно, и на четвертый курс перейти не мог. А значит, не имел никакой возможности в 1906 году получить диплом об окончании лицея.

А пока что в лицее царят разброд и анархия: 14 сентября студенты вновь собираются на сходку, но договориться друг с другом никак не могут. Расхождения, действительно, непреодолимы: одна часть студентов («академисты») отстаивает тезис, что цель студентов — учиться. Другие незамедлительно разоблачают подлинное лицо «академистов» — словами о стремлении послужить народному благу прикрывают свой шкурный интерес. Можно ли служить народу, предварительно не освободив его от тирании?!

15 сентября студенты успевают собраться дважды. Безрезультатно. Гнилой компромисс — пусть одни студенты учатся, а другие разворачивают в лицее политическую борьбу — с негодованием отвергнут.

Видя, что в студентах согласия нет, совет профессоров постановил: дать лицеистам срок до 25 сентября. Пусть, в конце концов, решат: намерены они учиться или нет[38].

И в полдень 25 сентября студенческое собрание состоялось. Началось со скандала — в зале обнаружились слишком много посторонних и нехватка студентов. Поскольку администрация заявила, что рассматривать она будет лишь решение, принятое студенческим большинством, собравшиеся могли бы сразу же и разойтись. Но для организаторов собрания возобновление учебы было делом десятым. Оттого принятая большинством (неизвестно кого) резолюция гласила:

> «…Прекратить забастовку, как пассивное средство борьбы, не достигающее в настоящее время своего назначения, открыть Лицей, с одной стороны для целей освободительного движения, а с другой для

возобновления академической жизни, предоставив полную свободу в стенах Лицея как желающим заниматься наукой, так и политическими вопросами, под непременным условием непрепятствования и недопущения таких действий, которые повлекли бы за собой закрытие Лицея.

Настоящая резолюция сохраняет свою силу впредь до того времени, пока не последует особенных обстоятельств, которые заставят отказаться от принятого решения»[39].

Из этого любопытного документа мы, в частности, узнаем, что причиной невозобновления занятий были не какие-то там разногласия, а забастовка — та самая, объявленная еще 17 января.

Совет профессоров решил не обращать внимания как на заявление студенческого собрания, что забастовка может возобновиться в любой момент, который студенты сочтут «особенным», так и на то, что большинство студентов участия в собрании не принимали… Профессора полагали, видимо, что стоит студентам заняться делом и втянуться в привычный ритм учебной жизни, как политическая дурь сама выветрится из лицейских голов. И профессорский совет объявил 3 октября днем начала занятий[40].

Профессиональные бездельники сразу раскусили коварный замысел профессуры и тут же приняли резолюцию о недопущении экзаменов с целью перевода студентов на следующий курс. В ответ 8 октября профессорский совет объявил дату экзаменов — каждую пятницу с октября по ноябрь. Чтобы, значит, студенты всю неделю сидели за столами, как приклеенные, и зубрили.

Ну уж нет! — сказали студенты.

Сказано — сделано: в среду 12 октября в актовом зале лицея грянул… концерт. Благотворительный, в пользу бастующих рабочих. В программе: «Марсельеза», «Варшавянка», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу» и прочие запрещенные вокальные произведения. Запевалой выступал все тот же неугомонный Подвойский. Публики набралось сотни четыре. Сбор 400 рублей.

Понятно, что в экзаменационную пятницу профессорам и зубрилам тоже не дали покоя — в лицее прошел митинг. Участвовало три тысячи человек — в четыре раза больше, чем всех студентов. Главный вопрос повестки: требование освободить студента Подвойского, арестованного за руководство хором нелегальной песни.

Освободили. По сему поводу новый митинг в лицее — пять тысяч человек! Не лицей, а какой-то ярославский Смольный!..

А в понедельник 17 октября в Санкт-Петербурге вышел Высочайший манифест — народонаселению Российской империи были дарованы свобода слова, свобода собраний и парламентские выборы.

Власть потерпела поражение. Это было ясно и противникам, и сторонникам самодержавия.

И тогда на сцену вышли те, кому было что терять. И они стали студентов бить. А поскольку студентов в Ярославле было мало, досталось и гимназистам. И реалистам. Не забыли и евреев, которых в городе числилось еще меньше, чем студентов, — всего 129 семей… Евреев не только избивали, но еще и грабили.

Разбойничали два дня — 18 и 19 октября. Подробностей широкая общественность не знала, поскольку с 16 октября в Ярославле не выходила ни одна газета — бастовали типографские рабочие. Приходилось довольствоваться слухами…

Вину за погромы прогрессивная общественность возложила на власти (попустительство) и черносотенцев. Администрация действительно прекращать погромы не спешила. А что касается самих погромщиков, то объявлять их черносотенцами, то есть видеть в их действиях направляющую руку организации, было ошибкой — пресловутый Союз русского народа еще не возник.

Погромщиками руководил страх — на их глазах жизнь, какой уж она ни была, проваливалась в тартарары. Все стало вдруг и окончательно непонятно. И толпа обрушила свой трусливый гнев на тех, кто громче других кричал о неминуемом крахе привычного мира.

Число жертв погромов подсчитать так и не удалось. Часть избитых залечивала раны дома, те, кого побить не успели, попрятались.

Прятались многие. В том числе и профессора. А когда отважились выйти из дому, начали принимать меры. 26 октября директор лицея Берендтс подал в отставку. А 28-го совет профессоров постановил занятий не возобновлять до 15 января 1906 года. Студенты затеяли очередную говорильню и потребовали занятия начать. При этом простодушно объяснили, зачем им это нужно:

> «Закрыв лицей, совет [профессоров] предоставил студентов каждого самому себе; разъединенные, не имеющие чисто внешней почвы для сплочения между собой, студенты принуждены укрываться от насилий и избиений невежественной массы кто где может, и

> поэтому не могут составить одной общей силы, которая должна противостоять темной силе. <…> Кроме же лицея студенчеству и вообще интеллигенции, как показал опыт, опереться не на что…»[41]

Значит, студенты смотрели на лицей как на «чисто внешнюю почву». Стенания же по поводу того, что теперь им будет негде укрыться от избиений, доверия не заслуживают — на сходку они собрались как раз потому, что опасности нарваться на погромщиков уже три недели как не было. Ну и, конечно, захотелось задним числом оправдать былой перепуг — вот если бы не разъединенность, мы бы погромщикам показали!..

Совет профессоров на уговоры не поддался, и студенты разошлись. А иногородние, которым теперь в Ярославле делать было решительно нечего, разъехались.

Большинство, конечно, разъехалось по домам. А вот Беляев если и побывал в Смоленске, то недолго. Это становится ясным из нескольких строк автобиографии, посвященных событиям 1905 года:

> «В 1905 году студентом строил баррикады на площадях Москвы. Вел дневник, записывая события вооруженного восстания. Уже во время адвокатуры выступал по политическим делам, подвергался обыскам. Дневник едва не сжег»[42].

Кое-что из перечисленного поддается проверке и соответствует истине. Ну разве что несколько преувеличено… «Выступал по политическим делам» — действительно, выступал, но один-единственный раз, в 1909 году в уже названном процессе по делу эсеров. «Подвергался обыскам» — подвергался, но и здесь множественное число не к месту: обыск был проведен всего один, в том же 1909 году — из-за знакомства с эсерами.

Так что причин усомниться в истинности слов Беляева о его революционном прошлом у нас как будто нет…

Тем более что деяния эти достаточно скромны — баррикады строил, но с оружием в руках не защищал. Вносил в дневник записи о событиях. Для того дневники и существуют. Кто ж виноват, что время выпало такое — революционное… А дневников тогда не вел только неграмотный… Впрочем, в своем дневнике Беляев мог фиксировать не только события, но и свое к ним отношение… Например, нелицеприятно отзываться о властях или, не дай бог, о государе… Молодежи свойствен максимализм. Оттого, наверное, и опасался, что дневник попадет на глаза жандармам.

А вот и Москва… В декабре строительство баррикад заняло всего сутки. В ночь на 10 декабря начали и к вечеру 11-го покрыли баррикадами весь город. Пришли, как на праздник, с радостью выворачивали фонарные столбы, опрокидывали афишные тумбы, крушили заборы, наваливали сверху всякую рухлядь и спереди подпирали эту кучу снятыми с петель воротами. А затем закидывали сооружение снегом и заливали водой, превращая баррикаду в ледяную горку. Так, будто еще немного… и строители разобьются на две ватаги — одна примется снежную крепость штурмовать, а вторая отбиваться снежками!

Но снежной баталии не случилось. Усталые и довольные горожане разошлись по домам. Охраны никакой не выставили, да и от кого охранять? Если кому невтерпеж с горки скатиться, пусть себе катается!

Чтобы поучаствовать в этом радостном труде, Беляев должен был оказаться в Москве не позже 11 декабря. А вот на какой из площадей он трудился, в точности сказать невозможно — за сутки москвичи соорудили три линии баррикад. Первая обозначила пунктиром Бульварное кольцо — от Арбата до Покровских ворот, вторая прошла по Садовому кольцу — от Смоленской площади до Сухаревой башни, а третья связала три заставы — Бутырскую, Тверскую и Дорогомиловскую. А еще баррикады выросли в Замоскворечье, Лефортове, Хамовниках, на Пресне, перегородили Арбат, Пречистенку, Мясницкую, Лесную, Долгоруковскую…

Городить городили, а воевать не собирались… Вот и Максим Горький, походив по Москве, не мог скрыть удивления: «…в отношении войска в публике наблюдается некоторое юмористическое добродушие».

И у солдат настроение совсем не боевое…

«— Чего же вы — стрелять в нас хотите? — спрашивают солдаты, усмехаясь.

— А вы?

— Нам неохота.

— Ну и хорошо.

— А вы чего бунтуете?

— Мы — смирно…»[43]

А потом вдруг началась стрельба.

До сих пор не затихают споры: кто выстрелил первым — солдаты или революционные боевики?

Высказывается и мнение, что причиной перестрелки стали многообразные недоразумения. Например, такое: в саду «Аквариум» собралась толпа, в которую затесалось до сотни

вооруженных боевиков. Полиции дали приказ их разоружить. Полиция принялась за дело, но без ретивости… В результате большинству вооруженных удалось сбежать. А тех, кого все-таки задержали, назавтра отпустили.

А по городу несется слух: солдаты расстреляли митинг… убитых десятки… раненых не счесть…

Ну, понятно, несколько мстителей-эсеров спешат в Гнездниковский переулок и бросают две бомбы в окна Московского охранного отделения. Один убитый, двое раненых. Боевики скрылись.

Или еще случай: стояло на Чистых прудах реальное училище И. И. Фидлера. И в училище том находились Московский совет рабочих депутатов и боевики. Подошли к училищу полицейские и предложили сдать оружие. Надо было двери запереть, полицейские потоптались бы и ушли. Но некий пятнадцатилетний подросток жутко занервничал и бросил из окошка в стражей порядка две гранаты. И кого-то из стражей порядка убил. Полицейские под пули лезть не захотели и позвали солдат с пушкой. Это преступление царизма называется «расстрел училища Фидлера».

Какая-то цепь нелепых случайностей, порожденных растерянностью и паническими слухами…

Но вот инструкция «Советы восставшим рабочим», составленная Боевой организацией Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и 11 декабря — для всеобщего сведения — опубликованная в газете «Известия». В ней все прописано по пунктам:

> «1. Главное правило — не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать…
>
> <…>
>
> 7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих…
>
> 8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.
>
> 9. В борьбе с полицией поступайте так. Всех высших чинов до пристава включительно при всяком удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте…»

Выходит, никакого повода и не требовалось — все

«случайности» были предопределены заранее. Точно так же заранее были составлены списки приговоренных. И не поименные — на смерть обрекались *все* казаки, *все* драгуны, *все* солдатские патрули, *все* чины полиции не ниже пристава… Ничего личного!

А дальше начинается безудержное и самозабвенное вранье. Прежде всего о противостоящих силах. Вооруженных дружинников насчитали две тысячи. Да к ним прибавили шесть тысяч безоружных пособников…

А правительственных войск — всего ничего: с трудом наскребли полторы тысячи солдат… И московский генерал-губернатор Федор Васильевич Дубасов забрасывает Петербург паническими телеграммами: «Положение становится очень серьезным, кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск становится явно недостаточно»; «Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты».

То есть, говоря проще, — шлите войска, пока еще не стало окончательно поздно. Одну ночь мы еще продержимся, а днем Уж не выстоять!

На самом же деле, миллионная Москва сумела выставить не больше тысячи двухсот боевиков — включая нервных подростков. Вооружение — револьверы да самодельные бомбы.

А вот солдат, действительно, было всего 1350 штыков. Но это если считать только пехоту. А к пехоте надо добавить семь эскадронов кавалерии. И, кроме того, — дивизион жандармов и две тысячи полицейских с винтовками. Да еще 16 полевых орудий и 12 пулеметов…

И тому, что эти силы не могли разогнать бунтовщиков, есть только одно объяснение — такого приказа им никто не отдавал. Приказ был прямо противоположный: стянуть все силы в центр города, разместив их в Кремле, в здании Манежа и на Театральной площади. Причем на Театральной площади под открытым небом — и это в декабре!

А в ночь с 14 на 15 декабря в Москву прибыл Семеновский полк. Целых две тысячи солдат. Немедля по прибытии шесть рот из состава полка были сведены в один отряд под командованием полковника Н. К. Римана и направлены… вон из Москвы — наводить порядок на Казанской железной дороге.

Оставшихся сил — двух батальонов — хватило на то, чтобы 16-го очистить от мятежников всю Москву, за исключением Пресни, а 17-го взять главную цитадель повстанцев — Прохоровскую мануфактуру («Трехгорку») и освободить насильно удерживаемых там рабочих. К 19 декабря были ликвидированы последние очаги сопротивления и несбежавшие боевики.

Прибывшим 16 декабря на подмогу Конно-гренадерскому и

Ладожскому полкам работы уже не осталось.

Когда с восстанием было покончено, из Кремля вылез Дубасов и обвинил Семеновский полк в… убийстве мирных граждан (боевики ведь не солдаты, формы не носят!). Имена командира полка генерала Мина и командира «казанского» отряда полковника Римана стали нарицательными — теперь они значили «убийца» и «палач».

Эта византийская подлость Дубасова остается и по сей день необъяснимой.

С пониманием всего остального — дела обстоят еще хуже. Потому что вместо фактов нам подсовывают раскрашенные картинки.

Главной достопримечательностью Москвы 1905 года стали кровопролитные сражения на баррикадах. Они отражены в фильмах, живописных полотнах и скульптурных композициях…

Но это все чистая выдумка — на баррикадах никто не сражался, поскольку пункт 2-й «Советов восставшим рабочим» четко указывал: «*Товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти…»*

Оттого-то пункт 10-й гласил: *«Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй — убейте…»*

Восстание — это свобода проходных дворов.

Но непонятнее всего то, что стало причиной революции 1905 года.

Поскольку Октябрьский манифест о даровании свобод и парламента революционеров лишь раззадорил, можно с уверенностью сказать, что причиной революции было вовсе не бесправие. Экономические трудности? Но ни кризиса, ни голода, не безработицы не было… Что же было? А было то, что принято считать моментом, усугубившим ситуацию, только моментом, — война с Японией.

Нет народа, довольного своим правительством — налоги, равнодушие, произвол властей… Но Россия — государство особое, военное (Ленин, безбожно мешая времена и эпохи, даже разглядел здесь «военно-феодальный империализм»). И такому государству прощают многое, если не всё. Но только до тех пор, пока оно выполняет свою главную функцию: обеспечивает победу в войне.

«У России только два союзника — русская армия и русский флот», — неустанно твердил Александр III Миротворец.

В Порт-Артуре и на полях Маньчжурии Россия потеряла

первого союзника, в Цусимском проливе — второго. Россия осталась в одиночестве, побежденная.

И кем побежденная?! Японцами, которых иначе как «макаками» никто не называл!..

Стыд и позор! Национальный стыд и национальный позор.

И виновные были налицо: бездарные генералы и продажные министры.

Оставалась последняя надежда — гарант российской мощи, Государь.

И 9 января народ пошел к царю с жалобой на министров. И был встречен пулями.

Тут бы царю выйти к народу и сказать, что приказа открыть огонь он не давал. Его, царя, и в Петербурге в тот день не было… И выгнать жадных министров, отдать под суд бездарных генералов. И тут же прилюдно объявить о нерушимом единстве царя и народа.

Но Николай не сделал ничего! И народ остался один[44].

Оттого в 1905 году и случилось небывалое: на российской территории появились республики. Три провозгласили себя в Польше — Заглебьевская, Островецкая, Славкувская… Две в Сибири — Красноярская и Читинская… Одна в Грузии — Гурийская. Столицами суверенных государств стали село Марково в Московской губернии и Старый Буян в Самарской. Были республики на один квартал — Симоновская (три улицы Симоновской слободы в Москве), Чечелевская (в Екатеринославе), Шулявская (в Киеве)… Объявили независимость Новороссийск и Сочи… Больше двух недель ни одна республика не прожила.

Иначе как анекдотическими такие государственные образования не назовешь. Их даже в советское время стеснялись.

Но то был не анекдот — это народ вынес власти вотум недоверия. Именно народ, а не кучка боевиков-дружинников.

Никто до сих пор не дал ответа на один вопрос: отчего восстание произошло в Москве, а не в Петербурге? Ведь если захватывать власть в централизованной России, то начинать надо со столицы (как через 12 лет большевики и сделали)!

Но в 1905 году ситуация была иной: Россия больше не признавала за Петербургом права на власть. И тогда встала Москва, вся Москва, а не 1200 боевиков-дружинников.

Вот записки Владимира Михайловича Зензинова, политкаторжанина, а при Ленине — политэмигранта:

> «Строили баррикады с энтузиазмом, весело. Работали дружно и с восторгом — рабочие, господин в бобровой шубе, барышня, студент, гимназист, мальчик…

> На короткое время все чувствовали какую-то взаимную близость, чуть ли не братство — и потом все снова расходились по своим делам… Баррикады строил обыватель. Это было так весело! Разрушать и строить! Разрушать и строить! В постройке, казалось, было даже какое-то соревнование — как будто люди старались построить у своих домов баррикады, которые должны были быть лучше соседних»[45].

А это из дневника графини Екатерины Леонидовны Камаровской — 7 декабря:

> «Точно праздник. Везде массы народу, рабочие гуляют веселой толпой с красными флагами. Масса молодежи! То и дело слышно: „Товарищи, всеобщая забастовка!“ Таким образом, точно поздравляют всех с самой большой радостью… Ворота закрыты, нижние окна — забиты, город точно вымер, а взгляните на улицу — она живет деятельно, оживленно»[46].

И когда московский генерал-губернатор шлет донесения в Петербург и умоляет прислать войска, то это не трусость или растерянность, а чистое нежелание проливать кровь москвичей своими руками. Если Петербургу угодно подавить бунт — делайте сами.

Россия больше не хотела для себя и Петербурга общей судьбы. И потому всеобщее движение за отделение России от Петербурга возглавила древняя русская столица Москва. А Дубасов не захотел идти против всей России.

Современников тех событий такое объяснение происходящего вряд ли бы удовлетворило. Они, скорее, готовы были поверить марксистам, уверявшим, что причиной всего на свете является классовая борьба. Или тому, что бунтовщики лишь орудие в руках врага — японских, английских или еврейских заговорщиков.

Ничего удивительного — уж сколько лет каждому российскому школьнику вколачивают в голову «Горе от ума» Грибоедова, а ни один учитель так и не объяснил, что, бичуя Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов, Чацкий обличает не российские порядки вообще, а исключительно ту уродливую их форму, которая удержалась в Москве. И этот московский подлый уклад, калечащий всякую живую душу, Чацкому — петербургскому, то есть новому русскому человеку — невыносим. Оттого неизбежен разрыв с Софьей — Петербургу и Москве вместе не ужиться. Это главный и единственный конфликт великой русской пьесы.

1905 год завершился, и Беляев в нем следа не оставил. Нам известны лишь события, изменившие его жизнь. Как и вся Россия, он очутился в совершенно ином мире — неустойчивом, рождающем надежды и тут же их развеивающем, прекраснодушном, жестоком и подлом. Сколько предрассудков рухнуло, сколько человеческих репутаций погибло, сколько новых имен вынесло на гребень волны, скольких поглотила пучина…

И чем дальше продвигался отряд полковника Римана, тем сильнее линия Казанской железной дороги превращалась в мировую линию, выписывая плоскость пространства, носящего имя однофамильца полковника — немецкого математика Римана. Гиперсферы, замыкающейся там, куда не проникает близорукий эвклидов глаз, — в будущем, где Москве суждено стать новой столицей России, а Санкт-Петербургу — центром Ленинградской губернии.

Глава пятая
ОТЕЦ

О своем отце, Романе Петровиче, Беляев никому не рассказывал. По крайней мере, в воспоминаниях знакомых и близких писателя мы таких сведений не найдем.

Мало что добавляют и немногие анкетные данные, добытые нынешними краеведами — окончил ту же, что и сын, Смоленскую духовную семинарию, в 1878 году принял сан священника, за свои труды был награжден камилавкой (суконной, расширяющейся кверху священнической шапкой фиолетового цвета). Служил отец Роман в Одигитриевской церкви, возведенной после 1654 года, когда из города изгнали поляков. Необходимость в скорейшей ее постройке возникла оттого, что все смоленские церкви поляки превратили в костелы. И, пока не был сооружен Успенский собор, икона Смоленской Божией Матери (Одигитрии) находилась в новой церкви. В 1764 году на месте деревянного здания было возведено каменное в стиле барокко — по типу одноглавых храмов: восьмерик на четверике, с примыкающими с запада трапезной и колокольней. В начале XX века в церкви числилось более двухсот прихожан — 97 мужчин и 115 женщин, а церковный капитал составлял 500 рублей. Причт состоял из священника, псаломщика и дьякона. В храме пел лучший церковный хор города, составленный из выпускников училища для слепых.

Церковь дала имя двум улицам, на пересечении которых находилась, — Большой и Малой Одигитриевской.

В доме на Большой Одигитриевской и родился будущий писатель. А через три года — в 1887-м — семейство перебралось в новый дом — № 18, но все на той же Большой Одигитриевской улице. Впрочем, номера домов в Смоленске так до самой революции и не привились — почтовый адрес состоял из названия улицы и имени домовладельца (иногда даже бывшего — самому Беляеву довелось снимать квартиру на Пушкинской улице в «д. б. Ранфа»[47], то есть в доме, ранее принадлежавшем Ранфу).

До того как приняться за строительство дома, семейство приобрело обширный (894 квадратных метра) участок земли, который, как вспоминал некий А. Н. Троицкий, «…заключался весьма живописным садом, спускавшимся по крутому склону в вершину оврага, идущего далеко к собору и по пути образующего улицу Козловская гора».

И, согласно документам, земельный этот участок

принадлежал не главе семьи, а его супруге. На ее имя были записаны и строения: одноэтажный дом площадью 99 квадратных метров и флигель о шести жилых и хозяйственных помещениях. Во флигеле, по воспоминаниям все того же А. Н. Троицкого, поселились дьякон и псаломщик[48]. Иными словами, весь причт Одигитриевского прихода проживал на одном подворье.

А 27 марта 1905 года священник Роман Петрович Беляев преставился[49]. И один из его друзей опубликовал о нем прочувствованные слова. Мы приведем этот некролог — и не только ввиду сообщаемых им биографических сведений, но и как образчик забытой ныне риторики[50].

> **«Памяти о. Романа Беляева**
>
> 29 марта я участвовал в отпевании безвременно умершего настоятеля Смоленской Одигитриевской церкви о. Романа Петровича Беляева.
>
> Отпевание совершил кафедральный о. Протоиерей с участием почти всего городского духовенства. Истово-торжественное совершение обряда, удивительное дивное чтение самого по себе содержательного погребального канона и сонм молящихся иереев — всё это несколько сглаживало печальную обстановку этого преждевременного события, умиротворяло скорбь об усопшем и располагало к молитве о нем. Но по временам все же отвлекаешься от молитвы, вспоминаешь жизнь покойного — жизнь, полную лишений, горя и обиды, и сам собой в памяти восстает завет Христа своему последователю: „…возьми крест твой и иди за Мной“ (Марк 8, 34). Покойный о. Роман, как истинно-верующий христианин, в своей жизни был верен этому завету. Вот от пожара дважды лишается он своего имущества, своего крова и — ни слова ропота. В течение двух лет умирают у него единственная горячо любимая дочь, девочка редкой нежной души, и взрослый сын и — та же безропотная покорность воле Божией. „Не всё радости и радости, — говорил покойный, — нужно и горе, чтобы не забыть Бога“. Но все эти лишения ничто в сравнении с теми неприятностями, с той нравственной обидой и обвинениями, часто граничащими с клеветой, какие приходилось о. Роману переносить по службе, как настоятелю своей церкви. И здесь не было жалобы, — разве только вынужденная. Верил покойный, что рано или поздно истина сама себя явит, и терпел. Только всё чаще и чаще в его взоре появлялась серьезная

задумчивость, всё более и более стремился он к молитве и всё строже относился к своей службе. Да, тяжел был крест покойного, но легко и безропотно он нес его.

Только незадолго до своей смерти о. Роман стал беспокоиться и волноваться. Примиренный со всеми, за время своей непродолжительной болезни дважды принявший Св. Тайны и отсоборованный — он готов был умереть, но его тревожила и страшила мысль, что после себя он оставляет свою больную жену и еще обучающегося сына без крова и без всяких средств к жизни. Он тосковал и даже плакал. И тяжело было смотреть на эту сознательную скорбь умирающего любящего отца и нежного мужа. Благодаря своему доброму отзывчивому характеру, о. Роман за время своей жизни не мог сберечь для своей семьи на черный день. Умер пастырь-нестяжатель, и сироты сразу стали лицом к ужасной нужде, насколько она ужасна для бедного интеллигентного семейства. После покойного ничего не осталось, кроме обстановки в церковном доме да 50 рублей, внесенных им на эмеритуру.

Милость нашего Архипастыря, сделавшего распоряжение о выдаче из Попечительства денежной помощи на погребение, была принята сиротами с чувством глубокой благодарности и ободрила их надеждой на Бога. Нашли сироты утешение и в задушевном слове, произнесенном при погребении о. прот. Василием Белавенцевым.

„Псалмопевец говорит, — слышится убежденный бодрый голос проповедника, — не видал я праведника оставленным и потомков его просящими хлеба“. Легче делается на душе и верится, что и семьи безвременно умершего доброго пастыря-настоятеля не оставит Бог и добрые люди. *Боже! пусть же будет не тщетна эта надежда…*

Священник […]»

Какой образ рисует автор некролога? «От пожара дважды лишается он своего имущества, своего крова и — ни слова ропота»… «В течение двух лет умирают у него единственная горячо любимая дочь… и взрослый сын и — та же безропотная покорность воле Божией».

Да-да, именно так — перед нами новый Иов!

Но оказывается, что все эти беды и страдания «ничто в сравнении с теми неприятностями, с той нравственной обидой и

обвинениями, часто граничащими с клеветой, какие приходилось о. Роману переносить по службе, как настоятелю своей церкви».

Что же может быть страшнее пожаров и смерти любимых детей?

Никаких подробностей на этот счет автор некролога не дает — видимо, его читателям они были известны…

Но «Смоленские епархиальные ведомости» никогда ни о чем подобном не писали.

Потребность вынести сор из храма ощутил иной орган — газета «Днепровский вестник».

На исходе 1903 года в рубрике «Местная хроника» появилось такое сообщение:

> «Нами получено письмо следующего содержания:
>
> По распоряжению градского благочинного назначены выборы старосты для Одигитриевской г. Смоленска церкви на 28-е января 1904-го года в 12 часов дня. Выборы эти уже были произведены 9-го ноября в 12 часов дня при значительном стечении прихожан… <…> Выбран был в старосты Н. С. Троицкий, прослуживший храму уже десять с половиной лет с июня 1893 года. <… > Несогласных на избрание Троицкого не оказалось, протестов не было. Благочинный считал выборы происшедшими правильно. По истечении же месяца с лишним, 13 декабря, вместо утверждения появляется распоряжение о новых выборах.
>
> Почему? Зачем?!
>
> На просьбу Троицкого сообщить ему копию указа по этому делу благочинный не только не сообщил копии, но не счел нужным и ответить. В следующих номерах мы сообщим сведения об обстоятельствах предшествовавших, которые прольют достаточно света на это дело»[51].

Редакция обещание сдержала — не прошло и недели, как газета начала печатать подробнейшую историю старостования г-на Троицкого. Рассказ растянулся на три номера, но все было ясно с самого начала: староста пострадал за правду — не дал нечистым на руку священнослужителям вершить за спиной прихожан свои злодейские дела. Ну а злодеи, понятное дело, принялись возводить на честнейшего старосту всяческую хулу и клеветы. А возненавидели они г. Троицкого за то, что тот стал вести книгу доходов и расходов. Собственно, вести такую книгу староста был обязан, но в газете это делопроизводство представлено как акт доблести. Потому что злодеи — и главный

из них иерей Роман Беляев — так и норовили запустить руку в церковную кассу, а у них на пути стоял, как скала, неподкупный витязь-староста.

> «Наступает июнь 1899 года, — время выборов.
> <…>
> Троицкий опять выбран. Опять подано прошение причта об удалении Троицкого… Удалили бы и кончено! Но этого уже недостаточно было Иерею Р. Беляеву. Хотелось удалить так, чтобы Троицкий уже никогда не мог опомниться»…

Автор повести о старосте Троицком проявляет непостижимую для журналиста осведомленность — в деталях и лицах излагает беседы, происходившие с глазу на глаз в течение десятилетия. А кроме того, подает как факты рассказы одной из сторон конфликта. Могло случиться, конечно, что противная сторона от разговора уклонилась, но тогда необходимо на это обстоятельство указать. Чтобы придать написанному хоть видимость объективности. Это азы журналистской профессии.

Нет, автор многословнейшей статьи — не журналист. Так кто же он? Первая статья из серии «К выборам старосты Одигитриевской церкви» анонимна. Зато вторая и третья — подписаны: *Н. Т-ій*[52]. Поэтому, вспомнив глубокие познания автора в делах и чувствах церковного старосты, мы можем псевдоним этот немедленно и безошибочно раскрыть: *Н. Троицкій*.

Так что сам себя староста хвалит, сам себе и сочувствует.

И колет глаза своим противникам… Например, по поводу приобретения земельного участка — там якобы совершен был подлог: вместо слова «церковь» в купчую было внесено женское имя — лица, близкого одному из причта, то есть имеется в виду Наталья Федоровна Беляева. А затем участок этот был выгодно перепродан…

Затем последовали письма в редакцию. В поддержку священнослужителей не высказался никто, а вот на защиту старосты встали один прихожанин[53], один житель Санкт-Петербурга (бывший председатель приходского попечительства села Спас-Углы Духовщинского уезда Смоленской губернии, тоже обиженный церковным начальством)[54] и, самое главное, Л. А. Черевин — издатель «Днепровского вестника»:

> «И, не стесняясь, скажу откровенно: если бы дело до того дошло, что предстояло бы выбирать либо священника Беляева, либо г-на Троицкого, то я, не обинуясь, высказался бы за последнего.

> Священников-то хороших много, а найти другого такого усердного и добросовестного старосту, как г-н Троицкий, едва ли удастся по нынешним временам, когда большинство порядочных людей не интересуются церковными делами»[55].

Такое выступление, равно как и предоставление несообразно большой газетной площади словоизвержениям Троицкого, несомненно, указывает на личную заинтересованность издателя газеты в публикации компромата. И мишенью газеты наверняка был не настоятель Одигитриевской церкви, а более высокое церковное начальство, если не православная церковь вообще.

Но отцу Роману Беляеву от этого легче не становилось… Крошечный Смоленск, крошечный приход — никуда не деться от осуждающих глаз и шепота за спиной. И никакой возможности оправдаться — даже в суд с иском о защите доброго имени не обратиться… Церковные склоки не в компетенции гражданского суда.

И оттого автор некролога оплакивает пастыря-нестяжателя, ничего не скопившего, кроме отложенных на старость пятидесяти рублей… Некролог даже сгущает краски — не столь бедственно было положение вдовы и сына, чтобы надеяться лишь на милость и щедрость добрых людей. В собственности вдовы находились как минимум два дома, да и от продажи участка какие-то деньги, быть может, оставались…

А Н. С. Троицкий долго еще портил жизнь смоленским иерархам. Постоянно побеждал на выборах, а консистория результатов не утверждала — за малым числом избиравших…

И в 1911 году его наконец-то уволили. Причина та же, что и в 1905 году — неисполнение высочайше утвержденных инструкций, а говоря конкретно: отказ переводить церкви собранные прихожанами взносы[56]. Троицкий так и остался при убеждении, что сумеет распорядиться деньгами лучше любого благочинного…

От должности его уволили, а расстаться с Беляевым не получилось — через 90 лет краевед Алексей Гурзов отыскал в архиве воспоминания о доме, стоявшем на земельном участке, переходившем в овраг и улицу Козловская гора. Автор мемуаров — А. Н. Троицкий…

Отцы и дети. Непредсказуемый русский роман.

Глава шестая
МУТНОЕ ВРЕМЯ

Ушел в историю 1905 год, а русская революция все никак не кончалась. Не хотели возврата к прошлому и демидовские лицеисты. Март 1906-го… В газете «Северянин», сменившей «Ярославский вестник», репортаж об общем собрании студентов лицея по вопросу о внесении платы за 1905/06 учебный год. Мнения разделились. Одни, ввиду прискорбного финансового положения лицея, готовы были внести требуемую сумму. Другие недоумевали: а за что, собственно, платить, если лекции читались всего две недели? И корреспондент высказывает мнение, что при таких непримиримых разногласиях каждый студент будет решать вопрос об оплате самостоятельно[57].

На следующий день в «Северянине» напечатано:

> «Объявление
>
> Выпускные экзамены для студентов 4-го курса (старого состава) Демидовского юридического Лицея разрешены Министерством народного просвещения с половины марта текущего года.
>
> И. о. директора Лицея *Щеглов*»[58].

На 12 марта было назначено общее собрание студентов всех курсов, но явилось лишь 20 человек. Собрание сочли несостоявшимся[59].

А лицейское правление известило, что неплательщики будут безжалостно из лицея отчислены[60].

Студенты на угрозы не поддались. И администрация, поняв, что срок расчистки авгиевых конюшен настал, вывесила список «уволенных за невзнос платы на право слушания лекций во второй половине 1905 гражданского года». Из третьекурсников — к которым принадлежал Беляев, — исключили 68 студентов[61].

О возобновлении занятий и слова не было сказано. Так что судьба тех, кто деньги внес, и «уволенных» за отказ платить была одинаковой — отправляться по домам.

Беляев и решения не стал дожидаться — уже 3 марта в родном городе он участвует в спектакле, исполненном силами членов смоленского художественного кружка. Для кружка спектакль этот был первым и состоял из двух драматических этюдов Метерлинка — «Там внутри» и «Вторжение смерти». Беляев участвовал во втором, и его исполнение было высоко оценено анонимным рецензентом «Смоленского вестника»:

«…г-н Беляев провел роль Седого деда вполне реально, оставаясь верным настроению и жизненной правде в мельчайших нюансах»[62].

Но наша жизнь — не только игра. И вот в последнем томе советского собрания сочинений Беляева мы находим с десяток фотографий из семейного архива писателя. Среди них одна, относящаяся к 1906 году, — совсем молодой и безусый Александр сидит на крыльце в окружении крестьян и детей, а в руке у него блокнот. О фотографии сказано, что сделана она в селе Ярцеве в бытность Беляева сотрудником газеты «Днепровский вестник»[63]. Газета с таким названием выходила с 1 августа 1903-го по 27 января 1906 года. Беляев и окружившие его лица одеты весьма легко, так что о зиме или поздней осени не может быть и речи. Вот только при сплошном просмотре всех номеров «Днепровского вестника» — за все годы и сезоны — ни одной публикации Беляева, а тем более его корреспонденций из Ярцева отыскать не удалось. Так что же, комментаторы ошиблись? И да, и нет… 28 января 1906 года «Днепровский вестник» вернул себе исконное имя и с тех пор до самого конца в 1917 году назывался «Смоленский вестник».

В номере «Смоленского вестника» от 7 мая 1906 года мы находим статью без подписи[64]. На следующий день в газете появляется окончание[65], и оно уже подписано: *Б. Р-нъ*.

Статья называется «О Хлудовской фабрике (Рассказ рабочего)». Фабрика эта прядильная и находится в селе Ярцеве Духовщинского уезда Смоленской губернии. Время написания статьи — весна. Все сошлось, не правда ли?

А тогда загадочный «Б. Р-нъ» — это БѢляевъ Романъ, слегка переделанное написание имени по старой норме: БѢляевъ Александръ Романовъ.

И 7 (20) мая 1906 года отныне должно считаться вехой в истории русской литературы — это начало литературной деятельности писателя А. Р. Беляева.

От одной ли только скромности не поставил он под статьей своего полного имени? Для ответа на такой вопрос следует побольше узнать о самой Хлудовской фабрике.

Официальным владельцем ее считалось Товарищество Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. И. Хлудова. Здесь каждое слово способно ввести в заблуждение: «бумажные изделия» — это хлопчатобумажные ткани, владение предприятием Хлудов ни с какими «товарищами» не делил, а Ярцевская мануфактура — не мануфактура. Термин «мануфактура» составлен из двух латинских слов: *manus* — «рука»

и *facio* — «делаю», а принципиальное отличие мануфактуры от любой ремесленной мастерской — это принцип разделения труда, когда каждый работник выполняет только одну операцию.

А принципиальное сходство мануфактуры с мастерской в том, что все операции осуществляются руками. На Ярцевской «мануфактуре» с самого начала (1876 года) работали машины, движимые силой пара, а это уже следующая стадия промышленного развития — индустриальная. И «мануфактура» в селе Ярцеве была не просто фабрикой, а крупнейшим промышленным предприятием Смоленской губернии, говоря современным языком — флагманом смоленской индустрии.

Нынче принято оценивать личность Алексея Ивановича Хлудова крайне положительно: библиофил, коллекционер, филантроп… Давал деньги на учебные заведения, больницы, дома призрения, церкви, музеи… Богатейшую свою коллекцию старинных книг и рукописей завещал Никольскому единоверческому монастырю в Москве, откуда она сразу после революции попала в Румянцевский музей (будущую «Ленинку»).

И умер сравнительно молодым — 64-летним, в 1882 году, сидя на извозчике. При вскрытии мозг оказался как труха и без извилин — от непрестанной, как решили врачи, напряженной умственной работы.

Действительно, головой он поработал немало и неплохо. Построив свою мануфактуру в самом глухом углу, Хлудов должен был обеспечить ее рабочей силой. Квалифицированных работников поблизости (да и во всей Смоленской губернии) не оказалось, но принцип разделения труда позволил свести технологию к самым элементарным операциям, выполнять которые могли люди, отроду никаких машин не видавшие. То есть крестьяне окрестных деревень. И вдруг в 1880 году рабочие объявили стачку. С чего это вдруг неизбалованные крестьяне вздумали бунтовать? По причине продуманной организации труда. Половину занятых на производстве составляли женщины — им платили намного меньше, чем мужчинам, 20 процентов работников были детьми десяти-двенадцати лет, оттого и деньги получали они совсем смешные. Зато мужчинам просто недоплачивали — кого не обсчитают, того оштрафуют… А вот что касалось всех без исключения: продолжительность рабочего дня — 12 часов. Но человек — не машина, поэтому людей на время останавливали: шесть часов отработал — поешь, отдохни и трудись дальше.

За четверть века правления наследников Хлудова мало что на фабрике изменилось.

Своей статье Беляев предпослал эпиграф:

Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости.

(Из «Фабричной „Камаринской“»)

Это фраза из второго куплета, а вот — первый:

Эх и прост же ты, рабочий человек!
На богатых гнешь ты спину весь свой век.
У Морозова у Саввушки завод,
Обирают там без жалости народ.

Историки считали песню анонимной или приписывали ее разным авторам. И лишь когда кончилась советская власть, вспомнили, что Л. Д. Троцкий в автобиографии еще в 1930 году признался: «Фабричную „Камаринскую“» сочинил он — в 1882 году, в тюрьме города Николаева, вдохновленный Морозовской стачкой.

Нынешние фабричные порядки Беляев описывает так:

«На Хлудовской ткацко-прядильной фабрике живет без малого 7000 человек, а именно: 2800 мужчин и 4000 женщин. Фабричные здешние — крестьяне из ближних мест, дальних малое число. Они не развязались с землей. Они полу-крестьяне, полу-фабричные. С 17 апреля 1906 года заведены новые условия найма. Прежде наём был на срок определенный — на полгода. Теперь наём на срок неопределенный. Это значит, что рабочего контора может уволить, когда угодно, лишь предупредив его за 2 недели. Работают в 2 смены. Смена дённая: 4 часа утра — 8 ½ часа утра; до 1 часу дня эта смена уже не работает; с 1 часу дня и до 5 ½ часа дня; итого дённая смена работает 9 часов. Смена ночная: 5 ½ часов вечера — 10 ч. вечера; от 8 ½ утра до 1 часу дня. <…> На фабрике значит сейчас 9-часовой рабочий день. Это потому, что не хватает хлопка, а так как все рабочие сдельные, то конторе от этого не убыток. <…>

Ткачи и прядильщики… вырабатывают… 16–17 рублей в месяц. <…> На ватерах (ватерных машинах)… [в] месяц… вырабатывают рублей 7–8. На ватерах дисконтёрщик много очень „мудрит“ на расценках и книжках, половина заработной платы рабочих на ватерах остается в руках у дисконтёрщика. На банкаброссах

(машины)[66]… вырабатывают… 7–12 рублей в месяц. Мотальщицы 5–7 рублей в месяц. Сортировщики подённо 40–45 к. Конторский штат 300 человек. Конторские мальчики получают 10 рублей в месяц. Конторщики — 25, 30, 40, 60, 70. Директор фабрики получает 12 тысяч в год. Мастер прядильного цеха 200 рублей в месяц.

<…> За прогул 1 дня пишут штраф в 2 дня платы. Подмастерье Копарей на ватерах жестоко штрафует. <… > Ночной надсмотрщик Л-н немилосердно штрафует, избивает почем зря, озорничает и издевается над женщинами. Новый директор А. И. Минофьев стал очищать фабрику от старожилов. 3 недели тому назад рассчитали рабочего Ивана Карпова, проработавшего на фабрике 30 лет. Иван Карпов пошел к директору за пособием за верную службу. А директор Минофьев сказал: „Ишь, старые, вас на воду сажать надо, а не пособие вам давать“. Карпов поехал добиваться своего в Смоленск к фабричному инспектору. Тот обещал приехать и расследовать; пока что его не видно.

<…> 6 с половиной тысяч рабочих живут в фабричных спальнях. Фабричные спальни находятся на фабричном дворе. <…> Еще недавно у ворот была вывеска: „посторонним, особенно господам жидам, вход строго воспрещается“. Но теперь слова „особенно господам жидам“ замазаны. Под спальни отведено 20 деревянных корпусов по 32 каморки в каждом корпусе, в каждой каморке по 6 человек. <…> В… каморках спят по 2 на одной кровати. <…> В семейной казарме… [в] каждой каморке 4 семейства; ребята живут тут же при родителях, хоть до 18 лет. <…>

В казармах большая сырость. Много клопов, крыс, мышей, блох и проч. Вентиляции нет. <…> Тараканы покрывают стены казарм. <…> Во время сна они залезают в уши и человек 10 каждое утро идут к доктору таскать из ушей тараканов. Чтобы морить тараканов раньше был специальный тараканщик. Летом прошлого года его рассчитали. В этом году после Пасхи рабочие попросили, чтобы снова наняли тараканщика. Администрация предложила рабочим самим найти тараканщика и нанять его на свой, рабочих, счет. Рабочие отказались. Тараканщика нет. Тараканы заедают людей. В казармах часто бывают пропажи вещей, потому что воруют друг у друга».

Выясняется, правда, что:

> «При фабрике есть большая школа в красивом здании. Заведующий 1, учителей 5, учительниц 3–4. Учатся в школе 900 человек мальчиков и девочек, дети рабочих. За зиму в школе было 2 забастовки: <…> Дети… не хотели учиться тогда, когда фабрика не работала. <…> Есть немалая библиотека. <…> Очень много беллетристики, есть и естественнонаучные книжки; но по общественным вопросам нет совсем».

Так что политическому развитию масс администрация мешает, как может. В силу чего наблюдается упадок нравов:

> «Пьянство сильно развито. <…> На станции две пивных, да в заводском Ярцеве четыре, итого 6 пивных; в заводском Ярцеве еще два трактира и одна монополька. Да еще на станции буфет. По праздникам много пьяных на улицах. Дерутся промеж себя и бьют евреев. Каждое воскресенье бьются на кулачках стенка на стенку, казарма на казарму. В этом году весь Великий пост бились на кулачках».

На церкви тоже глаз не отдыхает…

> «В фабричной церкви священником состоит Геронтий Каверзнев. За венец берет 3 рубля. В прошлом году 8 ноября (архангела Михаила) сказал проповедь: „вы бунтуете здесь на земле и требуете равенства. А на небе и то равенства нет, и там не бунтуют. Вот, например, архангел Михаил — архангел, значит там начальство и ангелы его слушают“. Диакона Иванова о. Геронтий прогнал со скандалом (дрались книгами в церкви во время обедни)».

Еще хуже обстоит дело с заботой о теле:

> «Большая детская смертность: 6–7 гробиков каждый день несут на погост. <…> Больница: один доктор-акушер, один доктор, две фельдшерицы, одна акушерка. <…> Зубы рвет фельдшер. Зубного врача нет».

Впрочем, лекарства отпускают, и аптека имеется. Но —

> «…против всех болезней касторка и валерьянка. <…> Больных кормят в больнице горохом. Раньше был

хороший доктор Б. А. Соколов; теперь же больницей заведует зять Хлудовой врач А. Н. Гончаров».

Объективности ради Беляев не счел нужным скрывать, что «больных после выздоровления (значит, кто-то все-таки выздоравливал. — *З. Б.-С.)* отправляют на поправку в имение Хлудовой „Яковлево“, где содержат хорошо».

Вывод:

> «„Все рабочие в убогости, а на них большие строгости“, как поет песня».

На статью ответил заведующий фабричной больницей А. Н. Гончаров:

> «Начну с детской смертности.
>
> Поданным автора, она выражается в 6–7 смертях ежедневно. В действительности, ежедневная детская (до 10-летнего возраста) смертность выражается дробью 0,67 (среднее за последние 5 лет). Цифра достаточно сама по себе крупная, чтобы стоило еще увеличивать ее в 10 раз.
>
> Затем следует ошибка при перечислении персонала больницы: на фабрике не 2 фельдшерицы, а 3 и 1 фельдшер, не считая персонала аптеки, во главе которой стоит провизор. <…>
>
> „Зубы рвет фельдшер“. Неправда. Зубы рвут только врачи.
>
> „Против всех болезней касторка и валерьянка“. Только на аптеку за истекший год истрачено 8161 р. 01 к. Sapienti sat[67].
>
> „Больных кормят горохом“. Пищевое довольствие больных выработано на основании научно установленных норм и обходится около 26 к. в день на больного. Раз в неделю больным, получающим 1-ю порцию[68], дается гороховый суп с ¾ фунта мяса. Суп этот довольно вкусен, значительно богаче белками, жирами и углеводами, чем, например, щи, и стоит несколько дороже.
>
> Намек, заключающийся в указании на мои отношения с владелицей фабрики, считаю неуместным и всеми силами протестую против таких нелитературных приемов.
>
> В заключение предлагаю автору приехать в Ярцево, чтобы из документов, личного осмотра и опросов убедиться, как легкомысленно он отнесся к своим

обязанностям корреспондента и как мутен был тот источник, из которого он почерпнул свои сведения.

Примите и пр.»[69].

Против обыкновения, ответного хода от редакции не последовало. Почему? Во-первых, возразить было нечего, и завбольницей Гончаров выставил автора статьи на посмешище — если верить газете, на одной только Ярцевской фабрике ежегодно вымирало до трех тысяч детей! Во-вторых, сообщение каких-либо новых фактов создавало опасность раскрытия информаторов (та же цифра детской смертности, указанная в статье — шесть-семь гробиков, доставляемых ежедневно на погост, слишком напоминает реальную — 0,67; а из этого следует, что источник сведений не слишком грамотен, но имеет доступ к больничной документации). Газета оценила меру журналистской неопытности Беляева и писать статьи более ему не поручала.

Но еще месяц Беляев провел в Ярцеве, присылая оттуда репортерские заметки. Литературная ценность их невелика, но как голос и памятник эпохи они весьма любопытны.

Вот первая после статьи корреспонденция. Подписана: «*Б. Р.*»[70].

«4-го мая здешние рабочие с Хлудовской фабрики выработали целый ряд требований и предъявили их администрации».

Далее следует перечень требований в шестнадцати пунктах. Среди них, под номером 12, такое:

«Чтобы на счет фабрики наняли тараканщика морить тараканов».

Но и прочие требования совпадают, в основном, с теми упреками, которые предъявил фабричной администрации Беляев в своей статье. Поскольку требования рабочих были оглашены за 3 дня до появления беляевской статьи, становится понятным, кто чем вдохновлялся. В конце репортажа с удовлетворением отмечен рост политической сознательности ярцевских пролетариев:

«В среду, 3-го мая, через ст. Ярцево проезжал поезд с 2 арестантскими вагонами с политическими, увозимыми на Москву. Поезд стоял 20 минут. И. Д. Зорин, отправленный из Смоленской тюрьмы, все время держал агитационную речь к случайно находившимся на платформе рабочим. Те отнеслись очень сочувственно. Поезд тронулся, и из обоих вагонов послышалась „Марсельеза“. Рабочие махали красным».

Те же чувства обуревают Беляева и неделю спустя:

> «Во вторник 9 мая из Духовщинской тюрьмы доставили на ст. Ярцево шесть политических для отправки в Смоленскую тюрьму. День был праздничный; фабрика не работала. На станцию пришло много рабочих „посмотреть политиков“, пока они дожидались поезда, который приходит в Ярцево в 2 часа дня. Отношение рабочих к политикам было дружественное. Подносили цветы, булки, папиросы»[71].

Но к концу мая вера в пролетариат была сильно подорвана:

> «Рабочие Ярцевской мануфактуры, как известно, предъявили экономические требования. <…> Петицию понесла к хозяйскому дому целая смена рабочих. Рабочим предложили выбрать депутатов».

Рабочие их избрали.

> «Депутатов позвали в хозяйский дом и пообещали… прибавить жалованья…»

После чего депутаты —

> «…пришли к рабочим и сказали, чтоб рабочие подождали как распорядится управление, „если не хотите так работать, то придется повесить замок на фабрику“. Конечно, рабочие начали ждать. <…>
>
> На днях приехала владелица фабрики. Рабочие пошли к ней. Г-жа Хлудова заплакала и сказала:
>
> — Сейчас я ничего не могу сделать, потому что дом и ковры продала… А если вы совсем фабрику остановите, то я совсем пропаду, у меня самой ничего нет.
>
> Рабочие, конечно, поверили и согласились работать на старых условиях.
>
> Потом 22 мая отслужили молебен, администрация детям раздавала конфекты, а взрослым давала денег на водку.
>
> Так кончилось всё наше „рабочее движение“»[72].

Поэтому два последних репортажа из Ярцева[73] посвящены сходкам, организованным заезжими агитаторами социал-демократами в ближайшем к фабрике лесочке. Собранные рабочие проголосовали за резолюции в поддержку гонимых

депутатов-социалистов Государственной думы. На этом поток корреспонденций о происходящем на Хлудовской фабрике иссяк. Надо думать, по причине отъезда автора из Ярцева.

Но Беляеву и до этого случалось покидать фабричный поселок и наезжать в Смоленск, дабы окунуться в кипящую здесь политическую жизнь.

Об одном таком визите можно прочесть в «Смоленском вестнике».

> «Милостивый Государь, господин Редактор!
>
> Не откажите дать место в Вашей уважаемой газете следующим строкам.
>
> Очевидно наши низшие блюстители порядка считают митинги и всякие народные собрания поприщем для стяжания себе наград „за самоотверженное и ревностное исполнение своих служебных обязанностей“, по крайней мере, ничем другим нельзя объяснить себе тот возмутительный факт, которому мы были свидетелями 21 мая при возвращении из собрания партии „Народной Свободы“. По Блонью шла толпа человек в 20, состоящая исключительно из подростков, и с пением прошла к Пушкинской; пение начало уже затихать, как вдруг от 1-й [полицейской] части, очевидно увидав из-за угла, что враг не велик, выскочили двое городовых и с криками „держи их!“ бросились за убегавшей толпой, причем ими было произведено по убегавшим подросткам два выстрела. Городовые продолжали погоню до „Эрмитажа“ и там — как нам уже передавал владелец фотографии г-н Соколов и др. свидетели, — городовые, размахивая револьверами, кричали: „долой с тротуара, по доброму, а то стрелять будем!“ Затем они ворвались в сад „Эрмитаж“, где тоже произвели переполох (что может засвидетельствовать помощник пристава 2-й части).
>
> Когда мы подходили к „Эрмитажу“, трое (?) храбрецов уже возвращались из своего славного похода, причем им удалось поймать одного мальчика; если они не ограничились „отеческим внушением“, а доставили его в часть, их начальство может убедиться, с каким врагом приходилось им иметь дело. Между тем вышедший из „Эрмитажа“ на этот переполох, произведенный только что удалившимися городовыми, помощник пристава 2-й части подошел к стоявшим здесь другим городовым и спросил их, не они ли ворвались в

„Эрмитаж“, на что один из них ответил, что они ничего не делали, но что в них, городовых, стреляли, но не попали.

Там, в стенах городской Думы член Государственной Думы, М. А. Кваскова[74] так горячо, так красноречиво говорил о том, что нами уже что-то приобретено, что-то достигнуто, но… довольно было выйти из зала Думы, как жизнь, не менее красноречиво, заговорила о ином…

Неустрашимые блюстители порядка палят из аршинных револьверов по кучке беззащитных, убегающих детей, нахально грозят убить всякого, кто не посторонится пред ними и, выпустив несколько выстрелов, без запинки „рапортуют“ начальству, что „в них стреляли, но, слава Богу, не попали“.

Если это и весь итог того, что нами „добыто“, — мало утешительного!

А. Беляев, И. Бекин, П. Гильберт»[75].

Можно понять, что привлекало Беляева в социалистах-революционерах и социал-демократах — бескомпромиссность. Они не тешили себя иллюзиями и открыто говорили, что мир остался прежним — несправедливым и бесчеловечным.

Придерживаясь столь крайних взглядов, в спутники себе Беляев избрал, однако, не каких-то там смутьянов или вертопрахов, а людей весьма положительных… Иван Павлович Бекин — член правления Общества взаимного страхования от огня[76]. Кем был в 1906 году Петр Фомич Гильберт, точно сказать трудно, но явно и он был не последним человеком — со временем стал членом Смоленского Городского по квартирному налогу присутствия, а также членом и затем секретарем Городской управы[77]. Петра Гильберта у нас еще будет повод вспомнить — ему предстоит сыграть роль и в личной жизни Беляева…

Дальнейшая биография Беляева на протяжении трех лет обозначена лишь пунктиром.

В апреле 1907 года в «Смоленском вестнике» опубликована статья «Народная лирика» за подписью «Ал. Р-овъ», то есть «Александръ Романовъ».

«Народная лирика»

Настроение народа ярче всего выражается в несложных и не отличающихся особой музыкальностью песнях. <…> Народ любит песню, как надежную хранительницу общих идей… Естественно, что и текущие события не могли не затронуть народную лирику и не вызвать соответствующий отклик.

Тем, кто, опираясь на народное настроение, защищает разлагающийся старый строй, не лишним было бы прислушаться к деревенской песне, к ее голосу, вырывающемуся прямо из груди, от чистого сердца. Многие «истинно-русские люди» утверждают, что народ в своем быте очень консервативен и сторонится новизны, смуту же сеют лишь [враги] отечества — крамольники.

Послушаем, что скажет на это народная лирика. Известны так называемые «припевки» или «частушки» деревенские, распеваемые молодежью в некоторых уездах Смоленской губернии. <…> Особенным свободолюбием сквозят песни молодежи, которые, однако, редко выходят из границ, определенных сотским или урядником. Полицейская опека и на поэзию наложила свою тяжелую руку.

Вот, например, две «припевки», имеющие между собою некоторую связь и выражающие взгляд народа на просвещение и на казенную виноторговлю:

Наша школа развалилась,
Наклонилась наперед,
В окнах синяя бумага:
Осуждает весь народ.

А вот другая, в противовес первой:

Наша новая казенка —
Палисадник с трех сторон,
На верху железна крыша
И с балясами балкон.

Послушали бы министры финансов и народного просвещения, что говорит народ про их дела, и, умилившись душою, взяли бы себе урок из песен по делу народного образования и питейной торговли. <…>

В большом ходу в деревне песня «Веревочка».

Свил веревочку детина,
Не пришлось ее продать,
Не пришлось своей голубки
В алы губы целовать.
Распроститься с ненаглядной
Сизый голубь не успел,

Как злодей ему на шею
Ту веревочку надел.

> <…> С какою скорбью и как образно народ выражает свое убеждение в том, что он сам у себя на груди воспитывает ядовитых гадюк. Недаром же сложилась пословица, так часто пускаемая в ход народниками-полемистами: «терпи, Гаврила; твои же вила, да тебе жив рыло».
>
> Много новых песен посвящено Государственной Думе. Дума, в представлениях народа, является провозвестницей справедливости и лучшей доли и карательницей зла и неправды. На нее народ возлагает самые светлые надежды, как на единственную спасительницу от давящего кошмара. <…>
>
> Скоро речка разольется,
> Скоро травы расцветут,
> Скоро Дума соберется,
> Скоро волю нам дадут[78].

Разглядеть в процитированных песнях (особенно в «Веревочке») те смыслы, которые извлек из них Беляев, вряд ли возможно. И совершенно ясно, что под видом размышлений о народной песне Беляев написал откровенно политическую статью. Но свидетельствует она о том, что взгляды автора не остались прежними. Нет, он, как и раньше, нетерпим к черносотенцам («истинно-русским людям») и полицейскому террору, но отношение к Государственной думе претерпело изменения, а значит, былые симпатии к революционерам уступили место надеждам на эволюционное развитие, парламентские реформы. Неизвестно, к сожалению, когда Беляев все это написал — статья не привязана к конкретному событию и могла пролежать в редакции несколько месяцев. Поэтому на вопрос: «Где обретался Беляев весной 1907 года?» — ничего определенного ответить нельзя.

А вот осень он точно провел в Смоленске.

2 сентября он присутствует на церемонии открытия в Смоленске Народного университета и слушает лекцию приват-доцента Московского университета С. Г. Крапивина о природе энергии, ее разнообразных проявлениях и переходах из одного вида в другой. Лекция произвела на Беляева впечатление весьма удачной, что он и отметил в своем отчете[79].

15 сентября Беляев присутствовал на многолюдном (до двухсот человек) литературном вечере в Обществе любителей изящных искусств, где оппонировал Я. К. Имшенецкому, прочитавшему доклад о пьесе Леонида Андреева «Жизнь человека»[80].

А 21 ноября в Народном доме силами общества изящных искусств был сыгран спектакль по пьесе А. И. Сумбатова-Южина «Измена». Театр был полон. Рецензент Энъ писал:

> «В несколько мягких тонах исполнил г-н Беляев роль Солейман-Хана, так что в интерпретации г-ном Беляевым этой роли не вполне выступил тот грозный восточный повелитель, взор которого вселяет ужас»[81].

О том, чем был занят Беляев в первой половине 1908 года, мы сведениями не располагаем. Не совсем грамотное сообщение:

> «В последнее время в городской историко-археологический музей поступили следующие пожертвования: …от А. Р. Беляева — изображение птицы, сделанной (так! — *З. Б-С.*) из целого куска дерева…»[82]

Хронологически это недостаточно конкретно: пожертвование могло быть сделано и только что, и в прошлом году.

Зато уверенно подтверждается то, что сентябрь — ноябрь он провел в Смоленске, отдавая свои силы и время искусству.

3 сентября побывал на концерте скрипача Г. Эрденко и поделился своими впечатлениями в газете[83].

14 сентября Беляев присутствует на собрании Общества любителей изящных искусств, где его избирают в члены сразу двух комиссий — драматической и литературной[84].

На следующий день, 15 сентября, Беляев уже участвует в заседании литературной комиссии. На заседании было решено озаботиться устройством в ближайшем будущем вечера, посвященного Л. Н. Толстому, и избрана подкомиссия для разработки программы вечера. В нее вошел и Беляев[85].

21 или 22 октября посещает концерт певицы М. Д. Славянской, которой остался недоволен:

> «„Та же ночка, те же песни“, — поет симпатичным голоском Маргарита Дмитриевна. Увы, давно иные ночки, иные должны быть и песни!»[86]

6 ноября концерт другой певицы — артистки Императорских театров М. А. Михайловой. Беляев строг и к ней:

«К сожалению, г-жа М. А. Михайлова была „не в ударе“. Пение не отличалось обычной экспрессией, верхние ноты звучали резко и как-то тяжеловесно, зато на среднем регистре необыкновенно приятный по тембру голос г-жи Михайловой чарует по-прежнему»[87].

7 ноября состоялся литературный вечер, устроенный литературной комиссией Общества любителей изящных искусств. Первым заслушали реферат А. Р. Беляева о «Синей птице» Метерлинка. «В часовой речи, — отметил корреспондент „Смоленского вестника“, — референт развил перед слушателями свои тезисы, в которых удачно суммировал искания Метерлинка в проблеме счастья»[88]. В кратком заключительном слове Беляев ответил на заданные вопросы.

А весной следующего, 1909 года Беляев получил диплом Демидовского юридического лицея. Когда же он успевал учиться?

Со второй половины 1906 года и до весны 1909-го о происходящем в лицее ярославская пресса не сообщает ровным счетом ничего. Полтора года он с газетных полос не сходил, а тут полное молчание! В чем причина? А в том, что ничего, представляющего интерес для широкой публики, в лицее более не происходило. Впрочем, один эпизод все-таки привлек внимание газетчиков:

«Во вторник 11 октября [1906 года] в здании Лицея состоялось собрание студентов, вошедших в состав академического союза (то есть тех, кто предпочитал учиться, а не бунтовать. — *З. Б-С.)*.

Предметом обсуждения был проект одного из членов союза о желательных изменениях в учебной части, сводившихся в общем к следующему:

Совершенное уничтожение выдачи дипломов и замена их свидетельствами о прослушании полного курса (без всяких прав по государственной службе); в случае невозможности устранения совершенно дипломного зла, — уничтожение различия дипломов, уничтожение пятибалльной системы… обеспечение доступа в Лицей в качестве вольнослушателей лиц обоего пола, без различия вероисповеданий и национальности, начиная с 16-тилетнего возраста. <…>

Проект этот собранием принят и внесен на обсуждение совета профессоров Лицея»[89].

Как явствует из дальнейшего, профессора к смелому

реформатору не прислушались и уничтожить лицей не дали.

Поступив в лицей в 1902 году, Беляев успел до Кровавого воскресенья прослушать пять семестров. Оставалось еще три. В 1905-м учиться не довелось. Не порадовала и первая половина 1906-го. Итак, полтора года были потеряны. Развитию искусства в Смоленске посвятил Беляев вторую половину 1907-го и вторую половину 1908 годов. Следовательно, на учебу и пребывание в Ярославле оставались весь 1906/07 учебный год и вторые семестры 1907/08 и 1908/09 учебных годов.

Правда, 10 февраля 1909 года Беляев находился в Смоленске, где принял участие в литературном вечере, посвященном Л. Н. Толстому, и исполнял роль в постановке третьего акта из драмы «Власть тьмы»[90]. По всей видимости, расписание последнего семестра выпускного курса было более свободным — Беляев, например, мог воспользоваться отпуском для написания дипломного сочинения.

Итак, для завершения образования пришлось прослушать, в общей сложности, четыре семестра. Вызвано это, скорее всего, было тем, что прослушанный в 1904 году первый семестр третьего курса Беляеву по какой-то причине не засчитали.

Но, как бы то ни было, весной 1909 года в Смоленск наконец-то прибыл из Ярославля не «вечный» студент, а дипломированный юрист.

Неясным остается еще одно обстоятельство — финансовое. На какие средства жил Беляев в годы учебы и вынужденного безделья. В автобиографии он называет лишь один и явно случайный источник существования: «В студенческие годы зарабатывал одно время игрой в оркестре цирка Труцци»[91]. Под «игрой в оркестре» Беляев несомненно имеет в виду игру на скрипке. Но вот беда — в Ярославле, по месту учебы, московский цирк Труцци гастролировал лишь в период летних каникул, а первые гастроли в Смоленске случились только в 1912 году. Надо полагать, что о своих дореволюционных финансовых возможностях Беляев предпочитал в советское время не распространяться.

Это все, что мы могли узнать о трех с половиной годах жизни Беляева, анализируя и сопоставляя данные прессы. Но, кроме учебы и общественной деятельности, есть у человека и личная жизнь. И здесь мы располагаем счастливой возможностью обратиться к самому необширному разряду сведений о Беляеве — воспоминаниям.

В 1974 году в букинистический магазин в проезде Художественного театра (ныне Камергерский переулок) принесли на продажу личные бумаги, оставшиеся от директора одной из

московских школ Веры Васильевны Прытковой (урожденной Былинской). Родилась Вера Васильевна в Смоленске, но еще в юности перебралась в Москву — сначала как курсистка, затем учительница и директор школы. Выйдя на пенсию, решила записать свои воспоминания о встречах с Беляевым, но публиковать их не стала. Из букинистического магазина они попали в Центральную научную библиотеку Всероссийского театрального общества, где теперь и хранятся[92].

С Беляевым Вера Былинская познакомилась в 1908 году (относительно даты она сомневалась, но, как мы убедимся, то был действительно 1908 год). И вот что она вспомнила:

> «Лето (не помню 1908 или 1909 [года]) не обещало мне ничего особенно приятного в смысле времяпрепровождения. Близкие знакомые и друзья переезжали из города куда-нибудь на отдых, мне предстояло остаться довольно одинокой в нашем милом Смоленске.
>
> И вдруг неожиданно все изменилось.
>
> Я встретила на улице свою подругу детства, с которой мы последние месяцы как-то не виделись. Оказывается, за это время она успела выйти замуж и, увидев меня, сейчас же потащила к себе знакомиться с мужем. Муж ее был студент Ярославского лицея Александр Романович Беляев.
>
> Мы стали часто встречаться, и около четы Беляевых быстро сплотился постоянный кружок из пяти человек.
>
> Собственно, дружны были раньше только мы с Аней, замуж она вышла недавно, а двое других были еще мало знакомые друг другу люди, но как-то само собой вышло, что мы все сдружились, а иногда компания пополнялась кем-нибудь.
>
> А. Р. имел неиссякаемые планы для нашего времяпрепровождения. Мы совершали интересные прогулки, играли в теннис, выезжали за город, в дождливую погоду занимались литьем из гипса, чтением, разыгрывали маленькие, сочиненные им сценки и др. Однажды А. Р. предложил нам пойти гулять на поляну около крепостной башни Веселухи[93], сам же взял с собой большой пакет. Секрет пакета открылся по приезде на место назначения, — в пакете был бумеранг. У австралийцев эта вещь имеет разное назначение, например, служит как охотничье оружие и служит для игры — задача состоит в том, чтобы метнуть его так,

чтобы он, описав в воздухе круг, вернулся к ногам того, кто бросил его. Много раз мы ходили, упражнялись в метании бумеранга, но это оказалось очень трудно, и овладел этим искусством один Ал[ександр] Ром[анович].

Иногда мы брали лодку. Около Смоленска Днепр имеет довольно быстрое течение, и, очевидно, для большей устойчивости все лодки делаются двойные, т. е. две скрепленные рядом… Участники прогулки получали от А. Р. задание приготовить небольшой интересный рассказ на вечер. Часов в шесть, запасшись продуктами, все были на месте и отплывали к Шейновскому мосту за город. Там, на опушке леса, раскладывали костер. Начинались разговоры и, главное, рассказы. Не все выполняли задание — иметь наготове рассказ, но Шура Ром, как мы стали его звать, был и тогда мастер найти занимательный сюжет и выручить нас. Жаль было возвращаться в город.

Самыми прекрасными были путешествия в деревню Гнездово за несколько километров от Смоленска. Туда ездили на ночь, ночевали на сеновале у крестьянина, с которым был знаком А. Р., и рано утром, часа в 4–5, вооруженные лопатами выходили из деревни по направлению к курганам. Эти курганы были местом очень древних захоронений и находились под охраной Археологического общества.

Курганов было много, и многие из них представляли собой очень большие сооружения, разрывать их без особого разрешения было запрещено. Мы решались разрывать только самый маленький курганчик, в котором нельзя было рассчитывать найти что-либо интересное (украшения, оружие). Мужчины начинали копать, и, когда доходили до серого слоя, что указывало на присутствие пепла, работа передавалась в женские руки. Мы с Аней раскапывали руками очень осторожно и находили обычно небольшой глиняный горшок. Он был совсем мягкий, и его нужно было сначала часа 2 сушить, чтобы он не сломался, на солнце, которое в это время поднималось довольно высоко.

Один раз мы нашли какие-то костяные бусы и небольшой обрывок кольчуги. Эти маленькие трофеи А. Р. сдавал в местный краеведческий музей (Тенишевой[94]).

Нам нравился процесс этих раскопок, и жаль было, что удалось организовать эти поездки только 2 раза за

лето.

Вообще А. Р. оказался очень интересным[95] человеком, все, что он делал, возбуждало в нем интерес и желание делать это лучше. Например, он любил фотографировать, но никогда не снимал стереотипные группы, а искал красивое обрамление в окружающей природе или обстановке, четкое отражение в воде, вообще стремился сделать какой-нибудь более оригинальный снимок.

Он хорошо рисовал, играл на скрипке, декламировал и др.

Настала осень, и все мы разъехались в разные стороны»[96].

О прочих играх и забавах, которым предавался Беляев тем летом, свидетельствует один документ, дошедший до нас в копии. Это скрепленный красной сургучной печатью договор между В. В. Былинской, с одной стороны, и Сатаной, с другой.

«Контракт

Я нижеподписавшаяся кровью своей заключила сей контракт с Сатаной в том, что г. Сатана обЂщает мнЂ помощь свою на всЂх путях и перепутьях моих, — я же обЂщаю вручить ему душу мою по пришествію моему в потусторонній мір. Контракт удостовЂрен обоюдными подписями и скрЂплен печатью г-на Сатаны.

1908 года, августа 17 числа,10 ½ ночи.

ВЂруня Васильевна Былинская

Satana».

А на сургучном оттиске квадратной печати надпись в рамке:

«Sator
arepo
tenet
opera
rotas»[97].

Слева направо вниз и справа налево вверх читается одинаково: «Sator — arepo — tenet — opera — rotas». В переводе с латыни: «Пахарь Арепо управляет колесным плугом».

Следует ли из этого, что смоленские проказники баловались

сатанизмом? Едва ли, документ скорее говорит о том, что данные представители русской молодежи уже не верили ни в Бога, ни в черта…

Итак, что же мы знаем теперь о личной жизни Беляева? А то что, он стал женатым человеком и жену его звали Анна. И произошло это, скорее всего, не позже января 1908 года.

А теперь об археологии. Гнёздовские курганы — это находящийся в двенадцати километрах к западу от Смоленска погребальный комплекс, крупнейший в Европе. Былинская вспоминает:

> «Один раз мы нашли какие-то костяные бусы и небольшой обрывок кольчуги. Эти маленькие трофеи А. Р. сдавал в местный краеведческий музей (Тенишевой)».

А вот что сообщал в 1908 году «Смоленский вестник»:

> «В городской историко-археологический музей поступили следующие пожертвования: 1) от А. Р. Беляева две погребальных урны с шариками из кости из Гнездовских курганов»[98].

Шарики из кости — это то, что Былинская назвала костяными бусами, а две погребальные урны — выкопанные ею и женой Беляева небольшие глиняные горшки. А раз так, то с Беляевым Былинская действительно познакомилась летом 1908 года. Не раньше и не позже.

Единственная неразгаданная загадка, если, конечно, мемуаристка не напутала — судьба обрывка кольчуги.

Глава седьмая
ПЯТЬ ЛЕТ СТАЖА

До получения диплома Беляев успел сделать еще один решительный шаг. Вспоминает В. В. Былинская:

> «Следующей весной я узнала, что жена его (моя подруга) оставила его и вышла замуж за другого.
>
> А. Р. переехал к матери, у которой была маленькая квартирка»[99].

Как рассказывал Беляев, несмотря на то что причиной развода была измена жены, он взял вину на себя. Лишь это сделало возможным для нее сочетаться браком с любовником. Впрочем, и этот брак по любви не принес бывшей супруге счастья — еще долго и часто приходила она к Беляеву с жалобами на жизнь: «Ты меня никогда не ругал, а он меня бьет»[100].

По непроверенным данным, фамилия бывшей жены была Станкевич, а нового супруга — Гильберт, тот самый Петр Фомич, что в 1906 году вместе с Беляевым наблюдал полицейскую погоню за группой подростков. В 1912 году у супружеской четы родился сын Дмитрий, судьба которого оказалась незавидной: в 1941 году, работая мастером инструментального цеха вагоноремонтного завода в Тамбове, Д. П. Гильберт был арестован и 1 декабря военным трибуналом Ленинской железной дороги приговорен к десяти годам лагерей.

А Беляеву был выдан нагрудный знак выпускника Демидовского лицея: белый эмалированный овальный щит, окаймленный дубовой и лавровой ветками; на верху щита — императорская корона, еще выше — хвост государственного герба, а в самом низу — другой щит, маленький, и на нем — по синей эмали — золотые инициалы лицея. Перед Беляевым открывается новая жизнь и карьера. Первое дело, доверенное начинающему адвокату, достаточно громкое — процесс над членами партии социалистов-революционеров (с.-р., то есть эсеров). Особую остроту процессу придает одно обстоятельство — эсеры эти не просто государственные преступники, но свои — смоляне, и среди них Алексей и Юлия Терн — сын и дочь бывшего секретаря губернского предводителя дворянства, 23 октября 1909 года они предстали перед особым присутствием Московской судебной палаты. Часть адвокатов тоже москвичи, но привлечены и местные, в том числе помощник присяжного поверенного А. Р. Беляев. Кого из подсудимых защищал тот или

иной адвокат, что сказали 13 свидетелей и четыре эксперта, не сообщалось — процесс шел при закрытых дверях. Поздним вечером, в 23 часа, двери открыли и огласили приговор: четверым подсудимым, в том числе — детям секретаря, тюремный замок, двоих оправдали[101].

О каких-либо прочих судебных делах с участием Беляева газеты в 1909 году не сообщали, но эсеровский процесс ему аукнулся: в ночь со 2 на 3 ноября чинами жандармской и городской полиции у него на квартире был произведен обыск[102]. Ничего компрометирующего, впрочем, не нашли. Но к Беляеву жандармы нагрянули не случайно. Впервые о предполагаемом его участии в суде над эсерами газета сообщила в середине июля[103]. А уже в августе его имя фигурирует в «Дневнике наружного наблюдения и сводок по Смоленской организации партии социалистов-революционеров». Впрочем, для пущей конспирации Беляев в жандармском делопроизводстве проходит не под своим именем, а под кличкой — «Живой»[104]: Отчего живой? За покойниками жандармы не следили… Оттого, наверное, что от прочих подопечных наружки отличался он живостью, бойкостью и подвижностью.

В архиве нашлись и документы об известном нам обыске. Это совершенно секретное распоряжение за № 743–746 от 2 ноября 1909 года: «Произвести самый тщательный обыск… у Корелина (на самом деле: К*а*релина. — *З. Б.-С.),* Подвицкого, Беляева и Кельма…» Обыск, как мы знаем из прессы, был произведен и результатов не дал. Оказывается, не все было так просто.

4 ноября в Москву полковником Н. Г. Иваненко была отправлена совсекретная депеша за № 755, из которой выясняется, что у трех обысканных — Беляева, Виктора Подвицкого и прусского подданного Гуго-Эмиля Кельма — ничего предосудительного, действительно, найдено не было. Но зато у четвертого — Карелина Владимира Александровича, ранее уже судимого за политическое преступление, — нашлись и брошюры подстрекательские, и письма, прямо указывающие на крайнюю его неблагонадежность. Но хватать злодея начальник губернского жандармского управления не спешит — Карелина заодно с Подвицким оставляют на свободе. Естественно, под секретным наблюдением — пусть сами выводят на своих подельников.

Продолжается негласное наблюдение и за двумя другими фигурантами: Кельмом и Беляевым. Тем более что иногда вся группа собиралась у Беляева на квартире.

Пять лет спустя, 14 октября 1914 года, издательница «Смоленского вестника» Софья Пиотровская обратилась к смоленскому губернатору с просьбой разрешить А. Р. Беляеву

занять пост ответственного редактора газеты. Из канцелярии губернатора в губернское жандармское управление был сделан запрос: «Не навлекал ли на себя какого-либо подозрения в политической неблагонадежности присяжный поверенный Александр Романович Беляев?» Прямо на запросе карандашная надпись: «Неблагонадежных сведений не имеется». На оборотной стороне — печать жандармского управления и ответ: «Компрометирующих сведений нет»[105].

Состоял ли Александр Беляев в партии эсеров? Или вступил и вышел? Симпатий к монархии он точно не испытывал, но от антипатий до партийной работы расстояние немалое…

А чем он вообще занимался с осени 1909 года? Начало адвокатской практики, хлопоты с разводом… Любому другому за глаза хватит, чтобы свободного времени и вовсе не осталось. Но Беляев — человек живой, непоседливый, увлекающийся…

> «Вместо Глинкинского музыкального кружка, фактически прекратившего свое существование, в Смоленске возникло новое музыкальное „Симфоническое общество“… <…>
>
> 7-го сентября в здании ремесленного училища состоялось организационное собрание нового общества и выбор правления. В правление оказались избранными: председателем Н. А. Гарбузов и членами: Ю. Н. Сабурова, М. П. Плуман, В. А. Плескачевский и *А. Р. Беляев.* <…> Запись в члены общества производится у Н. А. Гарбузова (Ремесленное училище) и у *А. Р. Беляева*[106] (Пушкинская, д. б(ывший] Ранфа, кв. 4)»[107].

Прошел месяц…

> «13-го октября. Состоялось первое собрание членов „Смоленского клуба общедоступных развлечений“ в здании уездного земства. До открытия собрания один из учредителей клуба А. В. Иванов прочитывает устав и делает сообщение об истории возникновения клуба и о целях, которые ставили себе его инициаторы. — Мысль основать настоящий клуб зародилась в небольшом кругу смоленской интеллигенции, имевшей случай познакомиться с аналогичными учреждениями в других городах. На одном из частных собраний инициаторы избрали комиссию, которой и поручили более близкое ознакомление с уставами существующих клубов, выработку собственного устава, сбор пожертвований и

пр. Главные основания, на которые, по мысли инициаторов, должен опираться вновь учрежденный клуб, — следующие: Клуб должен быть общественным и вступление в него не может обусловливаться никакими сословными, классовыми и национальными различиями. Клуб должен сделаться доступным для всех благодаря низкому членскому взносу и должен обслуживать главным образом недостаточные слои смоленского населения, лишенные разумных и полезных развлечений. Наконец, целью клуба является не только доставление разного рода нравственных развлечений и удовольствий, но и культурно-просветительной работы. Поэтому, с одной стороны уставом клуба не разрешается карточная игра и буфет крепких напитков, а с другой — в задачи клуба входит устройство литературных чтений, лекций, курсов, музыкальных вечеров и пр. <…>

После непродолжительного перерыва собрание приступает, согласно предложению С. Н. Кузнецова, к выбору правления в количестве 9 членов и 3-х кандидатов к ним. По запискам избираются большинством голосов членами правления следующие лица (в порядке полученного числа голосов): А. В. Иванов, С. Н. Кузнецов, Р. И. Гинзбург, *А. Р. Беляев*, П. Г. Григорьев, Я. К. Курнатовский, А. Г. Кононов, Д. В. Руженцев и А. А. Устинов — и кандидатами к ним: А. А. Могилевкин, Е. С. Синегуб и А. Н. Цапенко»[108].

Надо ли говорить, что больше про Клуб общедоступных развлечений никто никогда не слыхал? Да и то сказать: что это за идея такая — культурный досуг без буфета крепких напитков? Если не абсурдная, то уж точно мертворожденная… Но Беляев отметился и здесь и попал в число избранных.

А за полторы недели до этого —

«4 октября созвано было общее собрание членов общества [любителей изящных искусств] для рассмотрения отчета ревизионной комиссии, выборов литературной комиссии и разрешения некоторых текущих дел. Собралось, однако, всего лишь 30 человек, в силу чего собрание было признано несостоявшимся и перенесено на 5 октября. 5 октября собралось уже свыше 40 человек. Председателем собрания избран г. Коровин. Заслушанный доклад ревизионной комиссии не вызывает никаких замечаний и таким образом принимается собранием к сведению. Следующий вопрос — о

литературной комиссии проходит уже не так гладко. Некоторые из членов общества указывают на бездеятельность литературной комиссии, на отсутствие у нее общего плана и т. д. <…> Члены литературной комиссии гг. Курнатовский и Подвицкий поясняют, что широкая и систематическая деятельность по ознакомлению публики с художественной литературой не может быть осуществлена при наличных силах. <…> Остается лишь откликаться по-прежнему по мере сил и возможности на выдающиеся события в мире литературы (юбилеи) и время от времени знакомить публику с литературными новинками. <…>

Собрание переходит к выборам членов литературной комиссии по запискам. Избранными оказываются следующие лица: гг. *Беляев*, Курнатовский, Подвицкий, Коровин, Карелин, г-жа Граве, г-н Финогенов, г-жа Тагац»[109].

Беляев, Подвицкий, Карелин… — какая разница между литературной комиссией изящных искусств и партией эсеров? Для страшно узкого круга смоленской интеллигенции, видимо, никакой.

А вот жандармы разницу уловили, выделив Карелина и Подвицкого в отдельное от прочих смоленских болтунов производство. Потому что и Карелин Владимир Александрович (1891 г. р.), и Подвицкий Виктор Владимирович (1886 г. р.) эсерам не просто симпатизировали, но и сами ими были. Впрочем, жизнь им предстояла разная. Например, Подвицкий, хоть при обыске ничего у него не нашли, в начале 1910 года отправился в смоленскую тюрьму, где просидел целый год. А Карелин свой год отсидел раньше, и на сей раз горькая чаша его миновала. И к Октябрьскому перевороту отнеслись они по-разному: Подвицкий резко отрицательно, а Карелин с шестью другими левыми эсерами стал народным комиссаром в ленинском правительстве. Правда, в 1919 году арестовали обоих. Но Карелина отпустили, а Подвицкого сослали в Актюбинск, где через 15 лет он и окончил свои дни. Карелин умер на четыре года позже, зато не своей смертью — в 1938-м его расстреляли.

А пока все чудесно, молодо, временами скандально… Например, когда речь заходит о распределении ролей в любительских спектаклях. Давать роли любителям бывалым и испытанным или же считать всех любителей равными? Беляев и ряд других с огульным равенством решительно не согласны, хотя не рады и бесправию новичков. Выход найден: распределением

ролей будет ведать не диктатор-режиссер, а специальная комиссия[110].

А вот в другой области привычных занятий Беляева — журналистике — зияет пустота: первая публикация за подписью *«А. БЪляевъ»* появится в «Смоленском вестнике» лишь в 1912 году и название ее: «К вопросу об открытии в Смоленске городской аптеки»[111]. В силу чего желания ставить вопрос: о чем писал Беляев до того, как стать фантастом? — ни у кого не возникло.

Но один эпизод в небогатой именами газетной жизни Смоленска наше заинтересованное внимание все же привлек: 13 апреля 1910 года на страницах «Смоленского вестника» появился новый автор: *B-la-f* [112].

С 1910 по 1913 год под этим псевдонимом было опубликовано 67 театральных, музыкальных и концертных рецензий.

Кому же он принадлежал?

Самое логичное предположение, что в основу псевдонима положена запись полной формы имени. Но что тогда означает конечное — *f*? Ведь фамилия *Беляев* оканчивается на — *в,* то есть в записи латинскими буквами — v или — *w*. Но возможно, что мы имеем дело не с транслитерацией (побуквенной записью слова иным алфавитом), а с транскрипцией — передачей не написания, а звучания. А конечное — *в* во всех русских словах звучит глухо — как — *ф*. Что же касается звука — л, то перед буквой — *я* он звучит как «л мягкое» *(ль)*. Но в европейских языках звук *l* произносится не мягко и не твердо, а средне: тверже, чем в русском слове «лес», но мягче, чем в «лыко».

Как же, в таком случае, можно было записать фамилию Беляев?

Ожидаемый ответ — *Belaef* или, согласно бывшей тогда в ходу немецкой норме: *Belaeff*. А процедура сокращения еще проще: *B-(e)-la-(ef)-f*.

Получается: *B-la-f*.

Еще одно соображение… Иногда наборщики ошибались в чтении последней буквы подписи: то наберут нечто малоприличное — *B-la-t*[113] а то облают — *B-laj*.[114]

Но прочесть *t* или *j* там, где стоит *f* можно в одном-единственном случае — при наборе с рукописного текста. А это значит, что наборщик держал перед глазами авторскую рукопись. И вот однажды ошибку допустил сам автор — подписывая статью, вместо латинской буквы *B* поставил русскую *Б,* что наборщик и увековечил: *Б-la-f*. А у автора просто сработала привычка — обычная его подпись начиналась с буквы *Б*.

И последнее — *B-la-f* ни разу не высказал своего мнения о

сыгранных Беляевым ролях или каких-либо иных мероприятиях с его участием. Такой привилегией пользовались Карелин и Подвицкий…

Предвещает ли что-либо в рецензиях *B-la-f* а будущего писателя? Несомненно, и это общее мы будем отмечать каждый раз, анализируя фантастические произведения Беляева. А вот от подробного разбора самих рецензий и нахождения им места в российской театрально-музыкальной журналистике 1910-х годов мы воздержимся — это область интереса специалистов.

А пока Беляев с тем же пылом посещает собрания всех существующих и учреждаемых обществ и избирается, избирается, избирается…

Год 1910-й.

> «На состоявшемся 9 мая общем собрании *общества изучения Смоленской губерниш* присутствовало всего… 10 человек. <…>
>
> Обращает на себя внимание индифферентное отношение публики к изучению своей губернии. Даже те, которым по своей профессии приходится постоянно иметь дело с флорой и фауной, геологией, палеонтологией, историей губернии, как преподаватели учебных заведений губернии, на собрании (кроме одного) отсутствовали. <…>
>
> В ревизионную комиссию избираются — О. К. Майер, *А. Р. Беляев* и Б. А. Герн»[115].

> *«5* октября состоялось общее собрание членов смоленского *общества любителей изящных искусств* под председательством А. Д. Грудзинского. <…>
>
> В состав литературной комиссии вошли следующие лица: Б. Н. Цапенко, М. П. Якубович, В. А. Карелин, А. Д. Грудзинский, *А. Р. Беляев.* <…>
>
> Избранными в режиссерскую комиссию оказались: Грудзинский, Свешников, *Беляев А. Р.,* Н. Б. Цапенко, Н. Малюжениц и Буш»[116].

Вдобавок к членству в комиссиях Общества любителей изящных искусств Беляев избран еще и товарищем (то есть заместителем) его председателя[117]. Поэтому слово его звучит весомо:

> «23 октября в помещении губернского земства на литературном вечере, устроенном обществом любителей изящных искусств, В. А. Карелиным был прочитан

доклад „Уайльд об искусстве“. <…> *А. Р. Беляев* высказал несколько интересных мыслей о причине перелома в душе Уайльда»[118].

«9-го ноября в 5 часов вечера в помещении купеческого собрания состоялось общее собрание членов глинкинского музыкального кружка по вопросу о чествовании памяти Л. Н. Толстого.

<…> Председателем вносится предложение об отчислении части чистого дохода с первого концерта в пользу фонда имени Л. Н. Толстого. Н. Е. Разумовский и Н. М. Тумилло-Денисович предлагают с этим вопросом обождать, так как неизвестно, даст ли доход концерт.

А. Р. Беляев. Общее собрание может сделать условное постановление: отчислить в пользу фонда, если концерт даст доход. Такое постановление ни к чему не обязывает и, вместе с тем, в случае дохода с 1-го концерта, даст возможность сделать взнос в пользу фонда своевременно. <…>

А. Р. Беляев вносит предложение избрать представителя кружка в думскую городскую комиссию, организованную для разработки вопроса об увековечении памяти Л. Н. Толстого. <…>

8-го ноября состоялось экстренное заседание правления. <…> Обсуждение детального плана чествования памяти Толстого было отложено до разработки этого вопроса в думской городской комиссии, куда были избраны представителями о-ва В. В. Подвицкий и *А. Р. Беляев*»[119].

Год 1911-й. И снова прием пожертвований для музея[120]. И членство в очередном новом обществе:

«Читателям „Смоленского вестника“ уже известно, что недавно в Смоленске открылось новое общество содействия физическому и умственному развитию. <…>

Сегодня новое общество открывает свою деятельность организацией литературно-вокально-музыкального вечера, в котором примут участие О. А. Бузыцкая (рояль), *А. Р. Беляев* (чтение), Н. Н. Иванов (декламация), М. Н. Колосова (пение), Л. Я. Левитан (виолончель)… Затем будет играть хор балалаечников под управлением А. Г. Чухалдина»[121].

Посмотришь — культурная жизнь бьет ключом. Вот только одно обстоятельство, общее для всех этих обществ и начинаний, смущает — участники. И не то, что каждый раз их не больше 40–60 человек, а то, что всюду и всегда это одни и те же люди. И к какому бы культурному делу ни прикладывали они свои руки, главным остается одно — все они дилетанты. Нет среди них ни писателей, ни поэтов, ни актеров, ни ученых — хотя бы и невыдающихся. Они читатели, зрители, слушатели, короче — публика. А то, чем они занимаются, это — взаимное самообслуживание и имитация разнообразных художеств. И пока Беляев срывал аплодисменты такой аудитории, ничего из него выйти не могло…

Но и это, при всех изъянах, все-таки праздничная сторона жизни, для души, отдушина… А вот — рабочие будни.

25 февраля 1911 года. Дело о самовольной порубке леса. Истцы — Рославльский и Ельнинский сиротские суды. Обвиняемые — Скундин, Хазанов и Маргорин. Нанесенный ущерб — 28 тысяч рублей. Но сироты требуют взыскать с подсудимых 100 тысяч. Хазанова и Маргарина защищает помощник присяжного поверенного А. Р. Беляев. В ходе слушания дела Беляев сделал заявление для суда:

> «Сейчас во время перерыва ко мне подошел один из свидетелей по делу, г-н Козьменков (ельнинский городской староста), и предложил не ставить ему во время допроса такие вопросы, какие для него неприятны, угрожая, что в противном случае он найдет способы со мной сосчитаться. Прошу слова эти, сказанные во время судебного разбирательства, занести в протокол!»

Судье Козьменков сказал, что во время допроса одного из свидетелей защитник Беляев, упоминая его, Козьменкова, фамилию, допустил замечание, тон которого он считает для себя обидным.

На вопрос судьи: что это за возможность свести счеты? — Козьменков заявил, что всего лишь имел в виду власть судьи, которому он хотел пожаловаться на обидчика[122]. Объяснения Козьменкова судью, видимо, удовлетворили, и заявлениям Беляева об отсутствии в действиях подсудимых состава преступления — они рубили и продавали свой собственный лес — не внял. И Беляев процесс проиграл — всех подсудимых суд признал виновными[123].

Хорошо хоть обидчивый Козьменков не успел с адвокатом разобраться:

«10 марта вечером в квартире г-на Козьменкова в г. Ельне по предписанию властей был произведен обыск, находящийся в связи с арестом его. <…> Между прочим, передают, что основанием к привлечению к аресту Козьменкова послужил не единичный случай, жертвою которого сделалась его воспитанница Б. Таких „случаев“ ельнинские обыватели насчитывают несколько. Воспитанница Козьменкова, 12–13-летняя девочка, имеющая отношение к аресту его, воспитывалась раньше в ельнинской гимназии, попечителем которой состоял Козьменков, но затем отношения к ней Козьменкова послужили, как говорят, поводом к переводу ее в одно из смоленских учебных заведений. <…> Живя в Смоленске, несчастная девочка рассказала о своем несчастье квартирной хозяйке. О преступлении доведено было до сведения судебных властей. Узнав об этом, Козьменков поспешил взять к себе в Ельню свою воспитанницу. Но скрыть преступление уже не удалось. В Ельне арест городского старосты произвел сенсацию»[124].

Впрочем, на судьбе беляевских подзащитных и это никак не сказалось — при вторичном (по апелляционной жалобе) слушании дела приговор был оставлен без изменений[125].

А вот и удача:

«Вчера в смоленском окружном суде слушалось интересное дело по иску смоленского отделения Государственного банка к Н. И. Верховскому 300 руб. по векселю. Николай Иванович Верховский рабочий „молотобоец“, живущий постоянно в Москве, получив повестку о предъявлении к нему иска по векселю, был очень обескуражен, так как никогда в Смоленске не бывал и векселей не выдавал. По просьбе его поверенного, пом. присяжного поверенного *А. Р. Беляева*, была произведена экспертиза сличения почерков его доверителя и — неизвестного векселедателя, также Николая Ивановича Верховского. Экспертизой было установлено полное различие почерков и Государственному банку в иске было отказано. Таким образом, из-за „фамильного сходства“ Н. И. Верховский отделался сравнительно легко: пришлось лишь — потратиться на дорогу в Смоленск да из-за этой поездки потерять место на заводе, где он служил»[126].

Еще одна победа:

> «24 октября… <…> прослушано было дело о замышинском сельском старосте Гжатского уезда крестьянине Сергее Васильеве. Он обвиняется в том, что растратил 106 р. 97 к., собранных им общественных сумм, подделав в оправдательных документах целый ряд исправлений, так: цифру года 1905 исправил на 1906; исправил сумму расписки с 2 р. на 12 и т. д.
>
> Подсудимый не признает себя виновным.
>
> Свидетели все показывают не в пользу подсудимого.
>
> Защитник, пом. присяжного поверенного *А. Р. Беляев,* признавая растрату, говорит, что подлог не доказан, и просит палату судить Васильева только за растрату.
>
> Палата приговорила Васильева (за растрату) к 1 году тюрьмы»[127].

А вот другое дело — судят фальшивомонетчиков. Слово имеет защитник крестьянина Карла Юмика, А. Р. Беляев, который:

> «Не отрицая того большого вреда, который приносит государству фабрикация фальшивой монеты, в то же время считает, что положенное за это наказание слишком велико. Прокурор сказал, говорит защитник, что за подделку фальшивых денег полагается каторга, а я добавлю, что от 8 до 12 лет. Такое же наказание грозит и за убийство. И неужели вы, гг. присяжные заседатели, оцените человеческую кровь фальшивой 3-рублевкой? Во времена Алексея Михайловича за подделку монеты виновному в горло вливали расплавленный металл. Представьте, если бы у вас потребовали этого теперь. Я уверен, что вы этого не сделали бы. Жизнь идет вперед, и от влития в рот расплавленного металла законодатель перешел к каторге, а завтра, быть может, перейдет к еще более легкому наказанию. Защитник полагает, что уж не такой большой вред нашему государственному бюджету принес Юмик, распространив 50 штук фальшивых 3-рублевок. Останавливаясь на указанных прокурором нравственных мучениях, перенесенных лицами, у которых были отобраны фальшивые деньги, защитник опять предлагает присяжным заседателям положить на чашу весов нравственное мучение и наказание, равное каре за убийство. Затем защитник переходит к разбору

фактических данных. Заканчивая речь, он говорит: Я полагаю, что факт привлечения к суду по обвинению в каком-либо преступлении еще никому не дает права оскорблять привлекаемого.

Здесь же, из уст г-на прокурора, я слышу, что он не верит тому, что обвиняемым могли принадлежать процентные бумаги, рассказывает о разбойных нападениях на имение Бауфало, на контору Заикина. Но дело о Бауфало уже прекращено, и мой подзащитный по нему больше не привлекался, за недостаточностью улик. Если же он и был привлечен, то это была ошибка правосудия, как бывают иногда ошибочными и смертные казни. Указывая затем на бедственное положение своего подзащитного, А. Р. Беляев просит облегчить его участь».

Встает товарищ прокурора Л. А. Зубелевич и попрекает защитника молодостью и незнанием жизни:

«Да что такое каторга? Это только одно слово. Раньше каторга была на острове Сахалине, а теперь выйдите за Молоховские ворота [Смоленского кремля]— вот вам и каторга. Разница лишь та, что из этой каторги люди посылаются в Сибирь, где они приписываются к крестьянским обществам и живут там очень хорошо. В Сибирь теперь направляются тысячи переселенцев. Затем прокурор опять поддерживает обвинение против всех обвиняемых».

Суд выносит Карлу Юмику приговор: четыре года в исправительных арестантских отделениях с зачетом полутора лет предварительного заключения. И это вместо двенадцати лет каторги![128] Красноречие Беляева одержало верх над прокурорскими попреками.

А вот сразу три дела в один день.

Крестьянина К. М. Степанова обвинили в краже сапог ценой три рубля с полтиной. Суда он дожидался 13 месяцев, сидя в предварительном заключении.

«В своей защитительной речи присяжный поверенный *А. Р. Беляев* обратил внимание присяжных заседателей на то, что большинство рецидивов совершается в нетрезвом состоянии. „Если вы по окончании сессии заявите чрез председателя ходатайство о закрытии винных лавок навсегда, то этим и для Степанова, и для других рецидивистов вы сделаете

больше, чем если даже оправдаете их“.

Присяжные заседатели вынесли Степанову оправдательный вердикт»[129].

Мало того, присяжные откликнулись на призыв и подали председателю суда прошение, под которым все и расписались:

> «Убедившись из рассмотренных нами в текущую сессию уголовных дел в том, что подавляющее число преступлений, в особенности среди рецидивистов, совершается под влиянием алкоголя, мы, присяжные заседатели, люди различных общественных положений, считаем своим нравственным долгом и гражданской обязанностью обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой представить через г-на министра юстиции г-ну министру финансов наше ходатайство, в целях уничтожения пьянства среди массы населения России о закрытии казенных винных лавок в империи навсегда».[130]

Винная торговля и так, по случаю войны, была запрещена повсеместно, но разносословные присяжные уже радели о послевоенном обустройстве России.

Другое дело — Терехова и Иващенкова — кража по предварительному сговору. Терехов вину признал, Иващенков нет. С Терехова сняли только обвинение в предварительном сговоре, а Иващенкова оправдали вчистую. Мораль — не признавайся.

И, наконец, перед судом предстал Иван Поляков, обвиненный в краже с воза ящика со спичками. Девять месяцев в предварительном заключении он уже отсидел.

Беляев считает факт похищения ящика недоказанным и просит Полякова оправдать. Вердикт присяжных — оправдать[131].

Но фортуна переменчива. Госпожа Киселева во время таинства крещения чихнула, а священник решил, что она хихикает. И приказал церковному сторожу прихожанку из церкви вывести. Сторож приказ исполнил, но при этом, как заявила Киселева, столкнул ее с лестницы, да так, что потерпевшая ушиблась. Защитник Беляев счел факт самоуправства доказанным. А городской судья с ним не согласился: церковного сторожа оправдал за недоказанностью обвинения, а дело в отношении священника прекратил, признав его неподсудным гражданскому суду[132].

В мемуарах Светланы Беляевой проскальзывало упоминание еще об одном судебном процессе, в котором участвовал ее

отец, — об употреблении евреями христианской крови. Такой вот смоленский отголосок дела Бейлиса. Лишь недавно мемуаристка назвала источник этих сведений — двоюродная сестра отца, Елизавета Николаевна Беляева, в замужестве Серебрякова.

> «Александр Романович был приглашен в качестве защитника [в деле] по обвинению в преднамеренном убийстве. <…> Обвинялся еврей в убийстве русского ребенка, совершенного якобы в целях использования его крови для приготовления мацы. <…> Взявшись вести это дело, отец немало потрудился. Он был уверен, что единственно правильный ответ на вопрос — могло ли быть совершено такое убийство, нужно искать в еврейском писании. Для того чтобы его прочесть, отцу пришлось искать человека, хорошо знавшего древнееврейский язык, который смог бы сделать дословный перевод. Естественно, не всего Писания, а только тех мест, которые могли пролить свет на истину. Досконально изучив материал, отец убедился, что поиски его правильны. В Талмуде ничего не говорится о том, что мацу следует приготавливать из крови иноверцев — так они называли всех людей неиудейского вероисповедания. Писание гласило, что все люди, кроме евреев, нечестивцы и безбожники. Были и другие доказательства, полностью опровергавшие обвинение в убийстве. <…> Одним словом, цитируя выдержки из Священного Писания, отец сумел очень убедительно доказать невиновность подсудимого и тот был оправдан и освобожден прямо в зале суда.
>
> Этот судебный процесс наделал много шума. Пресса печатала статьи и заметки о нем, признаваясь, что выигран он блестяще. Во время суда зал был настолько переполнен, что мог вместить далеко не всех желающих послушать, и многие были вынуждены стоять на улице, под окнами, стараясь уловить долетавшие до них слова.
>
> После этого процесса, когда отец появлялся на улице, с ним то и дело раскланивались какие-то евреи. Были ли это родственники обвиняемого, знакомые или просто сочувствовавшие, отец не знал»[133].

Дело о кровавом навете в Смоленске действительно имело место. Вот только горожане впервые узнали о нем из газеты «Русское знамя», органа Союза русского народа. Там 14 мая 1910 года некий Н. П., он же — Н. П-ц, он же — Н. Полтавец, а на самом деле — Николай Еремченко, напечатал статью «Родители,

берегите своих детей!». И рассказывалась в ней такая история.

В пятницу, на первой неделе Великого поста, то есть 5 марта 1910 года, незамужняя Евдокия Абрамова 43 лет, с шестимесячным младенцем Марией на руках ходила по домам смоленских обывателей и просила милостыню. Забрела она и в дом, где квартировало еврейское семейство. Евреи Абрамову в дом пустили, выслушали рассказ о грустной ее жизни и предложили отдать дочурку на воспитание. И уверили, что когда девочка вырастет, то будет в шляпках ходить. Несчастная мать тут же согласилась, и тогда пожилая еврейка унесла младенца в задние комнаты, чтобы напоить ребенка чаем. Время шло, а еврейка с девочкой все не возвращалась. Тут мать заволновалась и пригрозила евреям полицией. Ребенка тут же вернули. Спустя какое-то время у девочки началась рвота. Мать подумала, что девочка то ли заболела, то ли чего-нибудь съела. А через несколько дней, когда собралась ее помыть, вдруг обнаружила на теле ребенка какие-то язвочки. Сопоставив факты — пребывание у евреев, недомогание ребенка, раны на детском теле и то, что случилось это на Пасху, Абрамова все поняла: жиды кололи дитя иглами, дабы добыть христианскую кровь. И как только рассказ об этом появился в «Русском знамени», то есть через два месяца после события, подала прошение окружному прокурору. Тот распорядился начать следствие, но полицейский врач, осмотрев ребенка, заявил, что ранки эти всего-навсего — незажившие шрамы от прорвавшихся нарывов, а чирьи произошли от грязи.

Газета не смогла сдержать возмущения и в августе 1910 года напечатала целых пять статей, в которых объявила, что судебные и прочие власти Смоленской губернии окончательно прожидовели.

А в начале 1911 года пожилая еврейка, оказавшаяся Миррой Лейбовной Пинкус, подала на издателя и главного редактора «Русского знамени» А. И. Дубровина (он же по совместительству — председатель Союза русского народа), авторов статей Н. Еремченко и Н. Ракитского, а также на Е. Абрамову в суд по обвинению в клевете. Поскольку обвиняемые от явки в суд регулярно уклонялись (а Дубровин так и не явился), слушание дела состоялось лишь 10 декабря 1913 года. Абрамову суд оправдал, а остальных приговорил к шести месяцам тюрьмы (Дубровина заочно). Вопрос об употреблении евреями христианской крови суд даже не рассматривал, видимо, не считая его заслуживающим внимания — процесс Бейлиса закончился 28 октября.

Так что никакой экспертизы и привлечения еврейских первоисточников не требовалось. А выступали со стороны

обвинения присяжные поверенные А. А. Иогансен и Н. К. Муравьев[134].

Выходит, что Беляева сюда приплели совершенно напрасно… Другой вопрос — зачем приплели? Что бы там ни было, но это та жизнь, которая проходила на людях… Но ведь наверняка что-то напоказ не выставлялось…

Весной 1912 года жившая в Москве Вера Былинская:

> «…получила от Беляева письмо с просьбой купить ему некоторые книги ([как я] помню, о Бетховене и Вагнере). Просьбу я выполнила, книги выслала и сопроводила письмом с какими-то мыслями о просмотренной книге. Мы начали переписываться. Это лето 1912 года было периодом нашей окрепшей дружбы.
>
> Он уже работал, но не переставал участвовать в вечерах и спектаклях, писал в газету рецензии, фельетоны. Я никогда не переставала удивляться и любоваться его трудоспособностью и настойчивостью. Несмотря на это мы часто встречались и много говорили. Его мать ко мне хорошо относилась, и это давало мне право бывать у них.
>
> Я видела, как изменился он за три года (на самом деле, с предыдущей встречи прошло четыре года. — *З. Б.-С.)*. Не было прежней жизнерадостности, жадности ко всем проявлениям жизни. Он очень много говорил о своих мечтах и планах и сам же критиковал их и начинал новые искания.
>
> Работа не только не удовлетворяла его, но даже тяготила временами. Его влекло в искусство, в литературу, и он не верил в себя. Его мысли и мечты были всегда шире и смелее того, что он видел в окружающей жизни.
>
> В наших разговорах и спорах я всегда старалась заставить его поверить в свои возможности, но в ответ он горько говорил: „Нет, мне суждено остаться дилетантом, это ужасно…“
>
> Тяжело подействовала на него в это время смерть человека, которого он, по-видимому, полюбил.
>
> Переписка наша продолжалась, видно было, что его не покидает чувство юмора, т. к. он прислал несколько шутливых открыток, и в ноябре я получила его портрет с надписью: „Человек, из которого ничего не вышло“»[135].

А вот и фотографический портрет, изготовленный в ателье Гершовича (Смоленск, Троицкое шоссе, дом Григорьева).

И надпись:

> «Человѣк, из котораго ничего не вышло.
> Ал. БѢляев 27/X — 12»[136].

Сразу видно, что писал вольнодумец — в слове «Человек» и в фамилии нет твердого знака.

Какие же отношения связывали юную слушательницу московских Высших женских курсов и молодого разочарованного адвоката? Оба люди свободные, придерживаются прогрессивных взглядов… Однако наносить визиты одинокому мужчине девушка осмеливается лишь с одобрения и в присутствии матери молодого человека. Приличия соблюдены.

Но среди материалов, относящихся к знакомству Веры Былинской с Беляевым (письма, открытки, фотографии, программки любительских спектаклей), хранится один необычный предмет — зеркало, на обороте которого красной краской написано:

> «И это называется истина! Увы, только ложь можно обнажить так… А истина… это прекрасная незнакомка под черной густой вуалью. Женщина — символ этой „закутанной“… истины…
> А в ней — „прекрасная ложь“.
>
> *Н. О.»*[137].

«Незнакомка» — это стихотворение Александра Блока (1906). Оттуда же и «черная густая вуаль»:

> И странной близостью закованный,
> Смотрю за *темную вуаль,*
> И вижу берег очарованный
> И очарованную даль…

Беляев в своих произведениях Блока никогда не цитировал… Впрочем, автор этой возмущенной надписи себя обозначил — Н. О. Ни одной общей буквы ни с Александром Беляевым, ни с одним из его псевдонимов и прозвищ.

Как же попало это зеркальце в беляевскую коллекцию? Начнем разбираться.

> «И это называется истина! Увы, только ложь можно обнажить так…»

Итак, в том, с чем полемизирует Н. О., речь шла об истине, и эта истина представала в обнаженном виде. В русском языке такое понятие имеется, хоть и звучит несколько иначе: *голая правда.* Источник данного выражения известен — это цитата из первой книги «Од» латинского поэта Горация (7-й стих 24-й оды):

> Urget? Cui Pudor et lustititiae soror,
> Incorrupta Fides, *nudaque Veritas*
> Quando ullum inveniet parem?

В недословном переводе:

> Сон? Найдут ли ему в доблестях равного,
> Правосудья сестра — Честь неподкупная,
> Совесть, *Правда открытая*?

«Nuda veritas» — это голая правда и есть. И возмущение Н. О. она вызвала именно в своей латинской ипостаси — оттого и пришла на память блоковская «Незнакомка»:

> И пьяницы с глазами кроликов
> «In vino veritas» кричат.

По-латыни «in vino veritas» означает *«истина* в вине» (то немногое, что запомнили из гимназического курса лентяи и пошляки)…

Следовательно, негодование Н. О. вызвал некто, посмевший представить «Nuda veritas» в виде обнаженной женщины. Кто на такое отважился — Беляев? Нет, Густав Климт, австрийский художник, в 1899 году изобразивший *обнаженную женщину* с круглым *зеркалом* в руке и назвавший свое полотно *«Nuda veritas».* Картина эта пользуется известностью и в наши дни, а в начале XX века она била все рекорды популярности.

А теперь возьмем зеркальце из нашей коллекции. С оборотной стороной мы ознакомились, приглядимся к лицевой. А там мы увидим невнятные следы какого-то смытого рисунка. На зеркальную поверхность он, видимо, был нанесен посредством переводной картинки. Владелица этот артефакт долго хранила, но затем решила нескромную картинку аккуратно удалить (наверное, чтоб не попалась на глаза подрастающим детям)…

Остается последний вопрос: при чем здесь Беляев? А при том, что он, скорее всего, это зеркальце с нагой «Истиной» Вере

Былинской и вручил. Памятуя о чрезвычайной скромности тогдашних нравов, приходится допустить, что сделать женщине такой подарок мог лишь мужчина, отношения с которым вышли за рамки чисто дружеских.

Что же хотел сказать влюбленный своим подарком? Ответ, видимо, кроется в том, что *Veritas* и Вера созвучны… Прозрачная аллегория: обнажившись, возлюбленная открыла взору мужчины нечто неизмеримо более возвышенное — нагую «Истину».

А потом новый поклонник, увидев зеркальце, решил уничтожить соперника словесно… И разразился расхожей пошлостью.

Пути Веры и Александра разошлись. Былинская уехала в Москву:

> «В [19] 13-м году я начала работать в школе, целиком захватила меня эта работа, и я потеряла из вида своего друга»[138].

А Беляев — за границу.

В представлении Светланы Беляевой, дореволюционная жизнь отца — это пора счастья, нечто прямо противоположное скучному советскому убожеству:

> «Закончив Демидовский лицей, отец получил должность частного поверенного в городе Смоленске. Вскоре он стал известен как хороший юрист, у него появилась постоянная клиентура. Отец смог снять хорошую квартиру, обставить ее. Увлекаясь искусством, он приобрел хорошую коллекцию картин известных художников, собрал большую библиотеку. Закончив какое-нибудь дело, отправлялся путешествовать за границу. Неоднократно бывал во Франции, ездил в Италию. Поднимался на Везувий и даже заглядывал в кратер вулкана. О Венеции рассказывал восторженно и в то же время с грустью. Говорил, что первое впечатление было прекрасным. Красивый сказочный город, залитый солнцем. Живописные каналы с отражающимися в них зданиями, медленно плывущие гондолы. Окраины же города, где жила беднота, наводили уныние.
>
> Что рассказывал отец о Франции, в частности о Париже, — я не знаю. А у мамы сохранилось в памяти только то, что отцу очень понравилось во Франции обслуживание и пища.
>
> — Все словно для меня было приготовлено, — говорил он»[139].

Как мы теперь знаем, дорогим и модным адвокатом Беляев не был, дела, по большей части, вел мелкие и неденежные. Но за границей, действительно, побывал. Свидетели все те же: два написанных по возвращении очерка с подзаголовком «Из заграничных впечатлений»[140] и одна корреспонденция с места событий[141]. И еще *B-la-f* поделился своими впечатлениями о немецкой и итальянской театральной публике, придя к выводу, что в России ничего, достойного этого наименования, нет[142].

Итак, Беляев несомненно побывал в Германии, Бельгии, Франции и Италии (в автобиографии список несколько отличен: «…ездил в Италию изучать Ренессанс. Был в Швейцарии, Германии, Австрии, на юге Франции»[143]). Сколько раз выезжал он за пределы отечества? Дочь утверждает: «Неоднократно». Но путешествия из России за границу никогда не были делом дешевым… А помощник присяжного поверенного, ведущий дела о краже пары сапог или ящика со спичками, гонорарами похвастаться не мог. И все-таки — в 1913 году поехал! Обратим внимание и на время заграничного турне — март[144], начало весны. Судебная сессия в разгаре, а в Европе (в Германии, например) еще холодно. С чего же он, бросив все, сорвался с места?

Причина, думаю, в том, что в жизни Беляева снова произошли перемены — он женился. О второй жене Светлана Беляева может рассказать совсем немного:

> «Вторая жена Александра Романовича, Верочка, была единственной дочерью, избалованной и капризной. У них часто бывали семейные скандалы. Вернее, Верочка была вечно чем-то недовольна. Отец вспоминал, что, когда она начинала кричать, он спокойно напевал:
>
> — А я мальчик бедненький, бедненький, бедненький. Любить меня некому, некому, некому»[145].

Родители, сумевшие избаловать капризную дочь, были, видимо, людьми обеспеченными. И дали за дочерью неплохое приданое — по крайней мере, на свадебное путешествие за границу хватило…

И Беляеву хватило впечатлений, чтобы десятилетие спустя превратить Францию и Германию в место действия своих произведений.

Беляев явно стоит на пороге резкого поворота судьбы. После 1913 года в газете уже не появляется автор *B-la-f* а в 1914-м московский детский журнал «Проталинка» печатает в своем приложении беляевскую пьесу «Бабушка Мойра»[146]. Пьеса названа четырехактной, но длится каждый акт не больше

четверти часа. Это оттого, что пьеса предназначена не только для детского зрителя, но и для детского исполнения. Единственные взрослые роли — Бабушка и старуха Мойра. Прочие персонажи: дети Петя и Маша, а также Кот, оказавшийся говорящим и кошачьим царем… Он и приводит детей к волшебнице Мойре, которая наглядно демонстрирует детям, как нехорошо быть жадным. На автора сильно повлияла «Синяя птица», но его собственная пьеса от этого лучше не стала. Невзыскательная редакция еще два года объявляла Беляева своим постоянным автором, но ни одной строчки он больше в журнале не напечатал.

В том же 1914 году закончился пятилетний период стажерства — Беляев теперь не помощник присяжного поверенного, а присяжный поверенный — полноправный адвокат. Это открывает совсем другие перспективы…

И тут Беляев идет на решительный шаг — он порывает с профессией, 17 октября представляет в канцелярию смоленского губернатора Д. Д. Кобеко прошение:

> «Имею честь заявить Вашему Превосходительству, что я принимаю на себя в полном объеме ответственность редактирования издаваемой С. Г. Пиотровской газеты „Смоленский Вестник“ и что я удовлетворяю всем требованиям, предъявляемым к ответственному редактору Временными правилами о печати.
>
> Ввиду изложенного прошу выдать надлежащее свидетельство.
>
> Присяжный поверенный
> *Александр Романович Беляев»*[147].

Тремя днями раньше — 14 октября — губернатора уже проинформировала издательница Софья Пиотровская:

> «Настоящим имею честь заявить, что помимо лиц, допущенных Вашим Превосходительством к редактированию газеты „Смоленский Вестник“, обязанности ответственного редактора названной газеты по моему приглашению принял на себя также присяжный поверенный Александр Романович Беляев».

Ответа пришлось ждать долго — в канцелярии хотели удостовериться в благонадежности просителя и запросили жандармское управление. А 15 ноября скончался губернатор…

Но бесконечно уклоняться от решения тоже возможности не было, и в начале 1915 года Беляев уже числится секретарем

редакции[148].

А 14 февраля 1915 года, в 43-м номере «Смоленского вестника», в самом низу четвертой полосы было напечатано:

> «Редактор *А. Р. Беляев.*
> Издатель С. Г. Пиотровская».

И так в каждом номере, изо дня в день, пока 27 февраля, в № 56, внимательные читатели не углядели вдруг следующее:

> «Редактор *С. Г. Гуревич.*
> Издатель С. Г. Пиотровская».

Что произошло в редакции, сказать трудно. У Соломона Григорьевича Гуревича бывали нелады с цензурой, и временами ему приходилось место редактора покидать (например с 1907 по 1909 год). И, быть может, издательница Беляеву должность редактора пообещала, а потом обещание свое взяла обратно. Что, естественно, радости у обманутого не вызвало…

Так оно было или не так — с уверенностью сказать не можем. Но следует отметить, что больше в «Смоленском вестнике» Беляев не печатался[149]. Мало того — вернулся к своим адвокатским обязанностям.

Снова кражи, убийства…

Рецидивист Иван Петров обокрал трех разных лиц — у одного спер галоши, у другого — пачку французских велосипедных ключей, у третьего — полотенце. Общая стоимость похищенного три рубля.

Присяжный поверенный А. Р. Беляев указал, что Петров, как рецидивист, лишенный всех прав состояния, не мог найти себе постоянного заработка и должен был терпеть постоянную нужду. Так что заключение в тюрьму для него и наказанием не станет. И ущерб, причиненный его кражей, куда меньше тех затрат, что понесет государство, то есть все общество, на содержание Петрова в тюрьме. Присяжные Петрова оправдали[150].

А Василия Петроченкова обвинили в убийстве. Дело было так: в селе Егорье трое крестьян пили пиво. Подошел четвертый, угостили и его. А он взял и ногой две бутылки разбил. Угощавшие высказали ему неодобрение. Тут подошел Петроченков и вмешался в спор: ударил одного из угощавших по голове стальными ножницами для стрижки овец. У того от полученной раны наступили паралич правой стороны тела, потеря речи и — через две недели — смерть. Защитник Беляев просит присяжных учесть, что убийство было совершено в драке, что сам убийца тоже был избит, а еще у убийцы большая семья…

Присяжные защитника послушались и приговорили подсудимого к шести месяцам тюрьмы и шести рублям ежемесячных выплат семье покойного[151].

И тут Беляев заболел плевритом. Местный врач произвел прокол плевральной полости, чтобы дать выход гною. То ли рука у врача дрогнула, то ли от неумения, но игла сорвалась и внесла инфекцию в один из спинных позвонков. Так плеврит перешел в костный туберкулез. Врачи еще не уверены в диагнозе, и Беляев еще долго будет надеяться на чудо.

Чуда не произойдет — один укол иглой изменил жизнь Беляева окончательно и навсегда.

Но кто скажет: кем стал бы Беляев, не заставь его болезнь покинуть родной город? Ведь мог он так и остаться недовольным собой адвокатом, завсегдатаем драмкружков и литературных вечеров, человеком, не интересным никому, кроме собственных друзей…

Глава восьмая
РУССКАЯ АМЕРИКА

5 апреля 1915 года на общем собрании Общества изучения Смоленской губернии А. Р. Беляев был избран членом ревизионной комиссии. Четыре дня спустя об этом событии сообщил «Смоленский вестник»[152], и всё — более имя Беляева в смоленской прессе не упоминалось. Да, честно сказать, и сообщать было не о чем: Беляев в Смоленске задерживаться не собирался и не задержался. В поисках спасения от страшного недуга он, надо полагать, наведался и в столицы. По крайней мере, Вера Былинская вспоминала:

> «В [19] 14–15 году я получила от него письмо из Ленинграда. Оно было написано с подъемом, и я решила, что он нашел себя, хотя он о себе почти ничего не писал и обещал все рассказать, когда я откликнусь. Между прочим, очень убеждал меня перейти на работу в Ленинград. Этого я не хотела. Я опять потеряла его из вида, но шла война, и мне казалось это естественным»[153].

Поразительное именование дореволюционного Петрограда Ленинградом — это отголосок странной моды, поразившей советское общество в конце 1920-х годов. Жертвами ее стали самые разнообразные люди, начиная с товарища Сталина[154].

Нас, однако, сейчас занимает обстоятельство не менее удивительное: женатый мужчина предлагает молоденькой девушке бросить все и переехать туда, где он в данный момент обосновался. Но дело, видимо, не в беспардонности, а в том, что отправитель письма снова холост:

> «Когда отец заболел плевритом, — пишет Светлана Беляева, — и лежал с высокой температурой, Верочка оставила его, сказав, что она не для того выходила замуж, чтобы ухаживать за больным мужем. <…> Врачи Смоленска не могли поставить диагноз. В поисках хорошего врача отец объездил несколько городов, наконец попал в Ялту, где у него признали туберкулез позвоночника и уложили в гипс»[155].

До Ялты Беляев действительно доехал, но в гипс его тогда никто не укладывал, поскольку спустя непродолжительное время

мы находим его в Ростове-на-Дону, и не в лечебнице, а в редакции одной из крупнейших южнорусских газет «Приазовский край». Ростовский эпизод беляевской биографии не только не изучен, но до сих пор никому и известен не был. Так что об этом вы читаете впервые.

Но прежде всего — о самом Ростове. Родной город Беляева не мог похвастать обилием прозвищ — Смоленск и Смоленск… А вот о Ростове хотелось высказаться многим. И то сказать… Например, порт — по числу паровых судов занимал третье место в России. По числу судов всех типов — второе. По количеству вывозимого хлеба — первое.

Промышленных предприятий — 140. В их числе табачная фабрика Асмолова. В 1882 году — самая крупная в России, с 1912-го — в мире. А кроме того — электрические фонари на улицах (с 1896 года), электрический трамвай (с 1901-го), кафешантаны и театры…

Отсюда клички и прозвища: Донской Вавилон, Азовский Ливерпуль, Русский Чикаго, Русский Американец (так в 1910 году окрестила город газета «Приазовский край»)…

А 14 июля 1915 года в «Приазовском крае» появился новый автор. Напечатанный им очерк назывался «На курортах (Из крымских впечатлений)»[156] и действительно рассказывал о том, что творится на курортах Крыма (подробнее об этом очерке можно прочесть в главе «Война», где мы сравниваем две военные публикации Беляева — из эпох Первой мировой и Великой Отечественной). Следующая публикация — в августе[157], затем — в сентябре[158]. Для штатного сотрудника негусто… Чем же он в редакции занимался?

Ответ нам будет дан лишь в декабре 1915 года:

> «Открыта подписка на 1916-й год на ежедневную политическую, общественную и литературную газету „Приазовский Край“.
>
> <…> В газете принимают участие… *Беляев А. Р.* (передовые статьи, фельетоны, обзор печати)…»[159]

Вот и объяснение того, почему так редко появлялись в газете беляевские публикации. Публикаций было гораздо больше, только опознать их крайне трудно, если вообще возможно, — это анонимные передовые статьи (передовицы) с изложением мнения редакции по тому или иному поводу. До революции автор таких статей носил звание «передовик»…

Теперь понятна причина, по которой Беляев остался в Ростове. Но что заставило его в Ростов приехать? Судя по всему, медицина. В Петербурге наверняка хватало отличных врачей. Но

стоимость их услуг была небогатому провинциалу не по карману… А необходимость нанимать в столице квартиру — на дворе-то все еще старый режим, и троих взрослых людей (Беляева, его мать и няню) в одну комнату не заселишь. И тут выясняется, что Варшавский университет — со всеми профессорами, приват-доцентами и студентами — решено эвакуировать в Ростов. А медицинский факультет на новое место уже перебрался.

Так что поворот в судьбе показался не столь ужасным, а в чем-то даже отличным… Большой город и настоящая журналистская работа. И «Приазовский край» ожиданий Беляева не обманул — здесь он и стал настоящим писателем. И не просто писателем…

Глава девятая
РОЖДЕНИЕ ФАНТАСТА

Истекал 1915 год. Русская армия отступала, и конца войне видно не было… Беляеву тот год тоже не принес радости: страшный диагноз, попытки излечения, расставание с родным городом и со всей прежней жизнью… И все-таки Беляев еще на шаг приблизился к тому делу, которому мечтал посвятить жизнь — искусству. Пусть еще не столица, но и Ростов — не чета Смоленску. И главное — он не просто пишет: писание стало его профессией! Его печатают и читают. А значит, судьбу свою он держит в собственных руках. Только так и делаются чудеса.

И чудо произошло. Рождественское. Утром 25 декабря, в праздничном номере газеты был опубликован: «Берлин в 1925 году (Очерк А. Р. Беляева)».

Почти век пребывал этот очерк в полном забвении, и пришло время его прочесть.

«Берлин в 1925 году
(Очерк А. Р. Беляева)

Как я попал сюда, не знаю. И почему сейчас 1925-й, а не 1915 год, тоже не знаю.

В последний раз я был в Берлине за год до минувшей войны. Посмотрим, что стало с Берлином.

Внешний вид города мало изменился. Так же размеренно течет средь каменных громад людская масса, — точно мутные воды Шпрее, заключенные в гранитные берега, пламенем электрических реклам объяты по вечерам дома. Из дверей „биргалки“ несутся звуки вальса, смешанные с запахом сигар и пива.

Только автомобили обзавелись новыми рожками-граммофонами, с самым разнообразным репертуаром коротких музыкальных фраз и трюков: одни из них стонут, как грешники в аду, другие адским хохотом пугают замешкавшегося прохожего.

Какая масса, однако, женщин! Женщина-шофер, газетчик, и даже шутцман.

Почти не встречаются „штатские“ женщины, — все в форме.

Мужчин мало. Но калек не видно.

Захожу в пивную.

Играет механический оркестрион, неподражаемо

воспроизводящий звуки струнного оркестра. Кельнеров нет. Пиво и закуски отпускаются автоматическими ящиками. Медленно вращается в стене диск, увлекает куда-то порожнюю посуду, которую посетители сами ставят на диск.

Увы, русского узнают так же быстро, как и раньше. В обращении уже нет прежней немецкой заносчивости, однако за холодной вежливостью чувствуется затаенное недружелюбие.

Я разговорился с соседом. Он оказался безруким (чего я не заметил вначале) ветераном минувшей кампании. Когда я обратил внимание на его руку, он улыбнулся.

— У нас ортопедия делает чудеса! Вот видите? — И он проделал рукой и пальцами ряд движений. — А ведь у меня рука выше локтя ампутирована! Калек вы почти не увидите, а их у нас теперь чуть не десять процентов всего населения! К сожалению, — с грустью сказал он, — многим не поможет никакая ортопедия… Пришлось бы целиком составить механического человека! Да так оно и есть, — продолжал он уже с улыбкой, — машина у нас пополняет убыль в людях. Почти вся торговля производится автоматически; автоматы же работают на почте, вокзалах, банках. Кроме того, мы упразднили все профессии и должности, без которых можно обойтись. Уничтожили целую армию тунеядцев, живущих „чаевыми“, уничтожили эти синекуры швейцаров, лакеев и т. п. Мы упразднили даже вагоновожатых и кондукторов на трамваях. Управление вагонами слишком несложно, у нас все обучены этому немудреному искусству, и вагон ведет обычно один из пассажиров, причем, надо отметить, это делается очень охотно. А вместо взимания платы за проезд установлен трамвайный налог, соответствующий средней годовой затрате каждого на трамвай. Мы обратили внимание также и на то, что слишком много лиц отдается искусству. Мы должны отказаться, пока, от этой роскоши. Симфонические оркестры у нас везде заменены механическими оркестрионами, а в области театра у нас осуществлена мечта Гордона Крэга (видите, мы не против иностранцев!), — с механическими артистами. Живопись заменена фотографией, идеально передающей окраску. Преподавание в школах производится, преимущественно, при помощи граммофона и

кинематографа. Три класса, расположенных рядом, разделены стеклянными стенами. Один надзиратель, находящийся в средней комнате, имеет возможность наблюдать за порядком во всех трех классах, но это почти излишне. Дисциплина редко нарушается детьми. Всеобщая женская повинность дала возможность заполнить те должности, которые не заменишь автоматом. Пока ничего, справляемся.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я его, — что за странную процессию я видел сегодня утром? По улице ехал целый автомобильный поезд, наполненный маленькими детьми, откуда и чьи они?

— Это государственные дети, — ответил мой собеседник, — разве вы не знаете? Для скорейшего пополнения убыли населения у нас установлена материнская повинность. Дети воспитываются на счет государства. К 1957 году мы предполагаем иметь население чуть не вдвое больше того, которое могло бы быть даже без войны при обычном проценте рождаемости.

— Но не находите ли вы, что такое разрешение вопроса слишком затрагивает частную жизнь?

— Ее интересы неотделимы от интересов государства. Нас не спрашивали, когда посылали на войну, угодно ли нам жертвовать своею жизнью.

— Кто же вас заставлял? Простите, ваша политическая программа?

— Я — социал-демократ. Кто заставлял? Отечество! Так, по крайней мере, мы думали тогда. Правда, мы с самого начала наступали, а не защищались, но нас уверяли, защищаться можно только наступая, и что Антверпен, Лувен, Варшава, Вильна, — всё это только базы для организации самозащиты. А то, что уже взято дорогой ценой, — трудно отдать добровольно: так, незаметно, война превратилась из оборонительной (в наших глазах) в завоевательную. Но как только она стала и для нас завоевательной по целям, она, увы, превратилась в оборонительную по существу… Такой круг совершили мы. Конечно, лучше бы его не совершать. Однако, мне пора!

Мой собеседник, с тою же холодной вежливостью, приподнял шляпу и ушел.

В тот же вечер благодаря стечению целого ряда случайностей мне удалось проникнуть на тайное

заседание верховного совета, в руках которого теперь находятся судьбы страны.

На трибуне стоял грузный старик и говорил речь:

— Война не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Наши владения в Европе почти не тронуты, но мы потеряли многие колонии. На пути к мировому господству Германии стоят препятствия, которые должны быть сметены.

Речь оратора была прервана аплодисментами.

— У нас мало солдат, — продолжал оратор, — но зато мы мобилизовали силы природы. Что устоит пред их могуществом? Опыт прошлой войны показал, что будущее не в „пушечном мясе“, а в колбе ученого. Покорите силы природы, сделайте их своими послушными рабами, мобилизуйте огонь и воду, и воздух, опрокиньте на головы врагов лаву Везувия, направьте на них стрелы молнии, — и весь мир падет у ваших ног! Как это сделать, нам скажут наши уважаемые ученые!

Оратор сделал жест по направлению к синклиту ученых, поклонился и сошел с кафедры.

Его место занял пожелтевший, высохший как мумия, безволосый старик в огромных очках. Он хитро улыбнулся и, потирая сухие руки, вкрадчивым голосом начал:

— Я приручил бациллу чумы. Хе-хе. Как приручают зверьков. Я открыл античумную прививку. Она будет привита всем нам, и тогда, не боясь заразы, мы можем пустить чуму на врагов!

Гром аплодисментов покрыл слова оратора.

Однако доклад вызвал споры. Некоторые указывали, что таким путем будет уничтожена не только армия, но и всё население страны. „Таким образом, мы потеряем рынок“.

Вопрос о чумной заразе остался открытым.

Вторым выступал суетливый старик, химик, которому удалось разрешить проблему питания:

— Дайте мне горсть земли, и я в этой горсти выращу вам бобы в 27 часов! Германии не страшна больше никакая блокада! Правда, она будет сидеть на бобах, но наши хозяйки постараются приготовить их повкуснее.

Наибольший успех выпал на долю электротехника, который изобрел омега-лучи, убивающие, взрывающие и даже сплавляющие металлы на расстоянии.

— Отныне Германия — царица мира!

Собрание пришло в неистовый восторг.

В этот момент ворвался какой-то бледный господин, протолкался на кафедру и, стуча кулаками, о чем-то отчаянно кричал. Но за шумом ничего не было слышно, а его двигающийся, как у вынутой из воды рыбы, рот возбуждал даже смех.

Только когда господин хватил графином об пол, шум стал стихать и выделился охрипший голос оратора.

— Несчастье!.. Несчастье, — кричал он, — мы можем погибнуть! Враги опередили нас!

Эти слова заставили всех насторожиться.

— Мне удалось расшифровать радиотелеграмму, посланную из Лондона в Париж. Из нее я узнал, что наши изобретения раскрыты, что враги обладают нашими секретами, — больше того, они успели изобрести изоляторы для охраны себя от омега-лучей, и если мы пустим в ход эти лучи, они сделают то же и вся наша страна обратится в одно сплошное кладбище! Ах…

Господин хотел еще что-то сказать, но голос у него оборвался и он опустился в изнеможении.

Точно омега-лучи прошли по собранию, такое вдруг гробовое молчание наступило, так мертвенно-бледны стали лица.

Шатающейся походкой подошел к кафедре грузный старик, который открывал собрание, и прерывающимся голосом скорее прохрипел, чем проговорил:

— Здесь… среди нас… измена!

Точно кратер выбросил лаву… всё слилось в один сплошной рев… Так длилось несколько минут, потом все стали подозрительно осматривать друг друга.

Вдруг на меня уставился мой знакомый, с которым я разговаривал в пивной. Лицо его исказилось злобой, и он крикнул, указывая на меня рукой:

— Русский, шпион!!

Я не люблю, когда на меня обращают внимание, и потому я хотел скромно уйти, но в мое пальто сразу вцепился добрый десяток рук.

Меня стали так тормошить, что… нельзя было не проснуться»[160].

Несколько мелких замечаний…

Фраза: «В последний раз я был в Берлине за год до минувшей войны» — документальное свидетельство того, что в 1913 году,

путешествуя по Европе, Беляев побывал и в Германии. Хотя не обошлось и без гиперболы — тот визит в Берлин был для автора не последним, а единственным.

Загадочное же слово «биргалка» — это напрочь забытое ныне обозначение пивной (из переделанного на русский лад немецкого *Bierhalle* — «пивной зал»). Вначале так называли только фирменные немецкие пивные, но слово оказалось слишком выразительным («рыгаловка»), а потому (по крайней мере в южнорусских городах) стало наименованием всякой пивнушки.

Но главное, конечно, не в этих мелочах… Перед нами первый фантастический рассказ Александра Беляева. На десять лет старше рассказа «Голова профессора Доуэля», с которого до сих пор отсчитывают начало его фантастического творчества. Мало того, некоторые черты этой первой фантазии мы сможем опознать и в зрелых произведениях Беляева — это немецкие злодеи-ученые («Человек, который не спит», «Замок ведьм»), место действия — Берлин («Властелин мира», «Светопреставление»), сон, как способ перемещения в будущее («Борьба в эфире»)…

А вот и картинка будущего:

> «…механический оркестрион, неподражаемо воспроизводящий звуки струнного оркестра. <…> Пиво и закуски отпускаются автоматическими ящиками. Медленно вращается в стене диск, увлекает куда-то порожнюю посуду, которую посетители сами ставят на диск… <…> ортопедия делает чудеса! <…> Почти вся торговля производится автоматически; автоматы же работают на почте, вокзалах, банках».

На нынешний взгляд, обычное предвидение, делающее честь любому фантасту.

Но первые читатели видели в этом совсем другое:

> «Против нашей восточной мистической религиозной души стала воплощенная в Германии механизированная душа, антихристианская, рационализированная по-машинному, душа без вещих ведений и прозрений, но с необычайной силой материализма, душа язычников — Гёте, Канта, Ницше — и всех этих бесчисленных, блестящих, но холодных умов».

Это статья Федора Сологуба «Мира не будет», написанная в 1914 году[161] и обнажающая самые глубокие корни великой европейской войны — страшная битва холодной языческой души-машины со славянской богоизбранной душой, Ницше против

Евангелия. И желать мира с Германией может только тот, кто презрел заветы Христа и зовет к союзу с антихристом.

Оттого-то Беляев и видит будущую Германию царством автоматов, а в будущих немцах прозревает ловко свинченные механизмы, имитирующие человеческие движения и повадки, но, как всякая машина, чуждые и враждебные природе и людям.

А вот покушение на самое для Беляева дорогое:

> «Мы обратили внимание также и на то, что слишком много лиц отдается искусству. Мы должны отказаться, пока, от этой роскоши.
>
> Симфонические оркестры у нас везде заменены механическими оркестрионами, а в области театра у нас осуществлена мечта Гордона Крэга (видите, мы не против иностранцев!), — с механическими артистами. Живопись заменена фотографией, идеально передающей окраску».

Об английском режиссере Гордоне Крэге *(Henri Edward Gordon Craig*, 1872–1966) Беляев много думал еще до войны и 5 ноября 1912 года выступил с докладом («рефератом») «Гордон Крэг и искусство театра»[162]. Через полторы недели появился газетный отчет об этом выступлении:

> «Гордон Крэг и его искания — несомненно, что эта тема представляет для каждого, любящего театр, большой интерес. Вернее, даже не тема, потому что тема эта — самые основы сценического творчества, — а своеобразная трактовка, яркая парадоксальность, отвращение к окольным путям мысли, которые так выгодно отличают Крэга среди современных теоретиков „искусства театра“. <…> Нельзя поэтому было не приветствовать мысли правления о[бщест]ва любителей изящных искусств устроить вечер, посвященный Гордону Крэгу. <…>
>
> Как и можно было ожидать по теме, вечер вышел очень интересным.
>
> Обстоятельно и полно осветил в своем докладе воззрения Крэга на современный театр А. Р. Беляев. Острая критика тех ненормальных условий, в которые поставил себя современный театр — это и в самом деле самая ценная и самая заметная часть крэговских писаний. В своей критике Крэг зачастую неотразим. Неотразим он там, где говорит об отсутствии единства в современных театральных постановках. Ведь творцом

впечатления от постановок является целый ряд лиц — автор, режиссер, актер, декоратор, даже последний рабочий — лиц, совершенно различно преломляющих в своей психике то, что должно происходить на сцене. Менее веско указание Крэга на то, что человек, по самому существу своему, представляет негодный материал дня сцены, и на то, что театр захвачен теперь литераторами, стремящимися сделать из театра рупор для своих высказываний. Но от меньшей убедительности некоторых отдельных положений не становится менее убедительным общий вывод, который делает Крэг: театр должен быть мало того, что обновлен, театр должен быть создан заново. Основания для этого создания Крэг намечает. Предметом постановки должно быть воплощение идеи в движении. Материалом для постановок будущего театра должны быть лучшие создания человеческих рук — слоновая кость, бархат — и это в представлении широкой публики альфа и омега крэговских построений — актер сверхмарионетка. Все нити постановок, создание их, должно сосредоточиться в одних руках, в руках „единого творца“. Крэг не останавливается над вопросом, возможно ли вообще существование лица, совмещающего в себе таланты и художника-декоратора, и режиссера, и драматурга. У Крэга вообще много туманностей и неясностей особенно там, где он от разрушения переходит к созиданию — взять хотя бы пресловутую сверхмарионетку. На этих туманностях подробно остановился референт в заключительной части своего доклада»[163].

Беляев полностью принимает критическую часть рассуждений Крэга (в обзоре не нашли отражения высказывания Крэга о торгашестве антрепренеров и мещанской пышности постановок, особенно нелепой на фоне плоских декораций)… Но то, каким видит Крэг театр будущего, повергает Беляева в сомнения относительно возможности осуществить прожекты режиссера. В особенности это касается «пресловутой сверхмарионетки»…

Крэг искренне считал, что поскольку каждое произведение искусства создается творцом, этот принцип справедлив и на сцене. Творцом же спектакля является режиссер, стремящийся донести до зрителя свою режиссерскую мысль. Но здесь на его пути встает актер, который свою роль понимает по-своему. И такой актерский произвол в театре правильном, то есть построенном по Крэгу, недопустим! И, чтобы играть в театре

будущего, актер обязан отказаться от того, чтобы представлять на сцене себя. Только тогда он сможет по-настоящему перевоплотиться, только тогда он сможет выразить на сцене другой характер — исполненный сокровенного смысла, того сверхчеловеческого смысла, что постиг режиссер. А для этого актер должен стать абсолютно послушным воле режиссера-творца. То есть превратиться из актера-человека в сверхмарионетку.

Сам Крэг не заявлял, что свою сверхмарионетку он произвел из ницшевского сверхчеловека. Но когда эту связь улавливали другие, Крэг не возражал.

Театр будущего и актер будущего… Какими они будут? Эти вопросы занимали Беляева чрезвычайно. И о гибели искусства в Германии он заговорил как раз потому, что наконец понял, какие страшные и губительные идеи кроются в нарочитых туманностях крэговских построений — покушение на саму природу человека во имя мертвого, подчиненного нечеловеческой и бесчеловечной воле механизма.

Какой урок мы можем извлечь из первого фантастического опыта Беляева? Пожалуй, самый важный: произведения Беляева не исчерпываются рассказами о фантастических изобретениях и занимательных похождениях героев. Рассказ о том, что может случиться — это только поверхность, под которой таится какая-то совсем другая идея, чаще всего — весьма неожиданная.

Глава десятая
НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Настоящих праздников в России было ровно два — Пасха и Рождество. И праздничный номер газеты даже по виду отличался от будничного: в два-три раза толще, с рисунком (бывало и цветным!) на первой полосе. Для такого случая провинциальные газеты приглашали на свои страницы столичных знаменитостей, но и собственным авторам кое-что перепадало. На два дня в году газетные поденщики — «передовики», «злобисты» (писавшие на злобу дня), репортеры, фельетонисты — превращались в писателей.

25 декабря 1916 года это случилось и с Александром Беляевым — на седьмой полосе «Приазовского края» было напечатано: «Чаши гнева Господня. Рассказ А. Беляева».

Такое определение жанра — «рассказ» — появилось под публикацией Александра Беляева впервые. До того даже фантастический рассказ «Берлин в 1925 году» (на Рождество 1915 года) проходил по разряду «очерка», а художественный очерк «Враг в небе» (на Пасху 1916-го) именовался «наброском»… Вполне журналистская продукция.

А рассказы пишут писатели!

Для рассказов к празднику существовали свои ограничения: время действия — праздничные дни, а во-вторых и прежде всего — тема. Пасхальные сочинения повествовали о нравственном возрождении (например рассказ Леонида Андреева «Баргамот и Гараська»: здесь в городовом по прозвищу Баргамот вдруг проступают человеческие черты, а в опустившемся бродяге Гараське просыпается чувство собственного достоинства). Перед лицом смертельной опасности морально преображаются и персонажи беляевского «наброска» «Враг в небе»…

Тема рождественского рассказа — чудо, происходящее под Рождество.

В 1915 году беляевский герой чудесным образом переносился в будущее. А к Рождеству 1916 года Беляев явно собирался написать рассказ юмористический.

Начало такое:

> «Чаши гнева Господня»
>
> *Рассказ А. Беляева* Узкая и крутая каменная лестница вела в подвал старого дома. По обе стороны лестницы стояли вывески, старые, облупившиеся, забрызганные

грязью.

На левой сохранилось только несколько слов: «настоящий искусственные минералы…» и нарисованная головка сифона; правая выглядела лучше. На ней изображена была аршинная бутылка, из которой, как из жерла вулкана, вылетает пробка в целом веере белых полос. Вокруг бутылки неровными печатными буквами написано:

«Сдесь продаецца боярски квас с приятним отрижком».

В подвале доживал шестой десяток квасник Назарыч. Никакими минеральными водами он не торговал, и сам не мог бы объяснить происхождение вывески с нарисованным сифоном. Квасное дело перешло к нему от отца и всегда, сколько он себя помнит, торговали они только квасом.

От отца же Назарыч унаследовал секрет приготовления кваса необыкновенной шипучести.

Это свойство кваса было своего рода «специальностью фирмы» и создало в свое время большую славу во всей округе. Вывеска достаточно красноречиво поясняла несведущим, в чем прелесть этой «шипучести».

Автору еще недостает опыта… Вот он цитирует надпись на вывеске: «Сдесь продаецца боярски квас с приятним отрижком». Неграмотность налицо. Мало того — писавший и с русским языком не в ладах: «с приятним отрижком». Такому обороту место на вывеске кавказского духана, а не русского квасного заведения. Но ведь Назарыч не просто безупречно русский человек, он и писать должен вполне грамотно. Уже из следующей фразы мы узнаем, что:

«Но не одним квасом был знаменит Назарыч.

Слава его, как чтеца и толкователя священных книг, была не меньше, а лет двадцать тому назад даже больше, чем слава его кваса».

Может быть, вывеску заказал отец Назарыча? Никак невозможно, поскольку:

«После отца осталась целая библиотека: полный „круг“ жития святых („Четьи-Минеи“), — четыре громадных толстых книги в тисненых кожаных переплетах, с металлическими застежками, и старинная Библия».

Так что малограмотным не был и основатель квасного дела — Назар…

> «Все поля этих книг были испещрены какими-то каббалистическими знаками, — понятными одному Назарычу. По этим знакам он с необыкновенной быстротой разыскивал нужное ему место в книге. Он умел найти подходящий текст Св. Писания или рассказ из житий святых на всякий случай. Это умение сблизить вечное с преходящим, „злобы дня“ с древними преданьями, близкое, личное с далеким, божеским привлекало к нему людей.
>
> Правда, он пользовался словом Писания довольно свободно и еще свободнее толковал его, но слушатели приходили к нему не за тем, чтобы критиковать.
>
> Лет двадцать тому назад, когда в городе еще не было кинематографов и киосков с продажею шипучих вод, — его квас и его чтения собирали в полутемный сырой подвал многочисленных посетителей».

К Священному Писанию мы еще вернемся, а пока обратим внимание на один момент — «киоски с продажею шипучих вод». Это примета времени.

В том же 1916 году Виктор Севский, сослуживец Беляева по «Приазовскому краю», напечатал фельетон «Ситро»:

> «Ситро в обиходе появилось недавно, всего несколько лет назад. Раньше был лимонад и русский „боярский“ квас. <…>
>
> Ситро изготовляется из лимона, сахара и воды. Клеветники утверждают, что вместо лимона в ситро — лимонная кислота, вместо сахара — сахарин и только вода так-таки и остается водой»[164].

Ситро — это шипучий лимонад. Процедура его изготовления описана Севским весьма точно. Что же сделало этот продукт пищевой химии таким популярным? Название! Как только началась война, французское название *limonade au citron,* сокращенное до одного слова «ситро» *(citron* — «лимон») стало символом сердечного согласия — *I'Entante cordiale,* сиречь «Антанты», знаком того, что Россия не одинока, у нее есть союзники. И с каждым выпитым стаканом ситро союз этот становился все крепче!

А теперь о главном — о Священном Писании:

«С какими только горестями не приходили к Назарычу, и он всегда находил слова утешения.

Моль испортила у соседки салоп, и он читал ей о сокровищах нетленных на небеси, приходила к нему женщина, у которой умер ребенок, и он, углубившись на минуту в свои иероглифы, открывал Четьи Минеи, и вот уже слышится мерное его чтение жития преподобного отца нашего Андроника и святыя супруги его Афанасии.

Рече ей святый: почто убо о них плачеши… глаголю бо ти… чада небесными благами питаются у Христа, его же молят глаголюще: Праведный Судие, лишил еси нас благ земных, не лиши убо нас небесных. Она же, слышавши сие, умилися, и преложи скорбь на радость, глаголющи: „аще чада моя живут на небеси, то почто аз плачу“…»

Четьи минеи — это собрание всех (почти всех) известных на Руси житий святых. Составил его в конце XVII века митрополит Ростовский Димитрий. «Четьи» означает: «предназначенные для чтения», а «минеи» происходит от греческого слова *μινιαιος (miniayos)* — «помесячный, длящийся целый месяц». Поэтому православный человек был обеспечен чтением круглый год.

Читают такую литературу не для развлечения, а для поучения. И для руководства: каждый житийный эпизод — это образец правильного поведения в конкретной жизненной ситуации. И что примечательно — из множества приведенных в рассказе цитат и примеров нет придуманных. У каждого упоминания есть точный адрес. Например, о «сокровищах нетленных» сказано в шестой главе Евангелия от Матфея:

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 19–21)[165].

И житие преподобных Андроника и супруги его процитировано безупречно… И рассказ Павла, епископа Монемвасийского, о святых трех женах, обретенных в пустынной горе… Да иначе и быть не могло — духовную семинарию Беляев окончил по первому разряду. И Назарыч этим знанием пользуется вовсю.

«Даже с сердечными делами обращались к Назарычу.

Однажды он до полусмерти напугал парня, который, оставив девушку, свою первую любовь, хотел жениться на другой.

По жалобе покинутой, Назарыч призвал парня к себе и, раскрыв Апокалипсис на второй главе, грозно сказал ему:

— Слушай, что сказано про таких, как ты: „Ты много переносил и имеешь терпение… но имею против тебя то, что оставил ты первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься“… „Сдвину светильник с места“. Это значит — поражу тебя смертью! Ты понимаешь? Вот какое наказание ожидает тебя, если ты бросишь Марфушу!

Перепуганный парень прямо от Назарыча побежал к священнику „насчет законного брака с девицей Марфой Панкратовой“».

Но все в этом мире преходяще:

«С началом войны в отношении „публики“ к Назарычу и его чтениям произошел… резкий перелом.

Жития святых уже совсем не привлекали слушателей.

А однажды был даже такой случай.

Назарыч читал „житие триех жен, в горе пустынней обретенных“.

Когда он прочитал о том, как птицы приносили пустынножителям овощи, солдатку-дворничиху прорвало.

— Хорошо им было спасаться, — перебила она Назарыча, — когда птицы им овощи носили, да дикие козы доиться приходили! А вот тут, когда за каждым куском сахара полдня простоишь, да за кружкой молока для ребенка по всему базару побегаешь, вот тут и спасись! Вот тут и подумай о душе! Это б всякий в пустыню пошел бы! И душу спасешь, — и бегать не надо. А тут ни душе, ни телу, как каторжные…

И долго еще слышались ее причитания».

Другой бы смирился, пристыженный, но Назарыч сдаваться не собирался.

«И после долгого, напряженного раздумья ему,

наконец, пришла в голову счастливая мысль.

— Что ж, мобилизуем и мы свое предприятие, — шептал он с лукавой улыбкой, — будем работать на оборону!»

Далее, естественно, следует ожидать развеселую историю о том, как ловкий пройдоха дурачил доверчивую публику.

Поскольку рассказ напечатан в рождественском номере газеты, то и время действия должно соответствовать событию:

«Вечером, в Рождественский Сочельник, в подвале квасника Назарыча собралось всего четверо слушателей: солдатка-дворничиха, — та самая, что рассердилась на трех жен-пустынножительниц, ее свекор, полуглухой, высокий, сухопарый старик, пароходный повар Иван Потапыч и пароходный буфетчик Кольчиков.

Потапыч, маленький, кругленький, с пуговкой вместо носа, живой, как ртуть, был давнишним приятелем Назарыча, который в шутку называл его „Пот*о*пыч“.

— Ну, что, Потопыч, еще не потоп на своем дырявом пароходе? <…>

Иногда Назарыч называл своего приятеля-повара Ефросином, за его крайнюю любовь к житию преподобного Ефросина. Любовь же эта основывалась на том, что Ефросин, так же, как и Потапыч, был поваром. <…>

Буфетчик Кольчиков считал себя интеллигентом. Он любил выражаться изысканно: „чувствительно вами тронут“, „великодушно извиняюсь“, на письмах подписывался „уважаемый Вами Кольчиков“. Он почитывал газеты, оставляемые пассажирами, носил потрескавшийся и пожелтевший от времени воротничок „композиция“, по натуре был скептик и даже немножко атеист.

К Назарычу Кольчиков согласился идти только потому, что… по случаю Сочельника закрыт кинематограф „Грезы“.

Мужчины уселись вокруг стола, дворничиха, сложа руки на груди, стояла у стены.

Керосиновая лампа, висевшая над столом, освещала красивую голову Назарыча, с целой гривой седых волос, правильными, крупными чертами лица и густой бородой. Это был „лик“, исполненный древнего русского „благообразия“. <…>

— Это что ж, — с улыбкой недоверия спросил буфетчик, — тут ответы на все случаи жизни, — вроде как бы оракул? <…>

— Здесь, — спокойно ответил Назарыч буфетчику, поглаживая ладонью раскрытую Библию, — в сих богодухновенных книгах есть все случаи не только жизни, но и смерти человеческой.

— Ну вот, к слову сказать, как святые писатели говорят насчет… — буфетчик запнулся, но потом твердо проговорил, — насчет закрытия винополии?

Повар даже со стула привскочил.

— Ну и дурак! <…>…очень интересна святым писателям винополия твоя!»

«Винополия» — это, понятное дело, «монополия». Так назывались казенные лавки, торговавшие водкой; исключительное право на торговлю этой разновидностью «хлебного вина» Российское государство присвоило себе. А как только началась война, торговля спиртным в России была запрещена и «монопольки» закрылись.

«— Есть и про винополию, — спокойно сказал Назарыч, будто ожидавший такого вопроса. — Слушайте, что говорит пророк: „Пробудитесь, пьяницы, и плачьте и рыдайте все пьющие вино о виноградном соке, ибо он отнят от уст ваших“!

Буфетчик с удивлением и недоверием заглянул в Библию. Назарыч показал ему пятый стих первой главы пророка Иоиля.

— Совершенно верно! — смущенно проговорил буфетчик и прочел сам следующий стих: „ибо пришел на мою землю народ сильный бесчисленный“…

— Это немцы! — не удержался Потапыч. — Как немцы пришли, так и вину крышка. Что, получил? — обратился он торжествуя к буфетчику, раскачиваясь на стуле и потирая колени руками. — Ну, а как там по части спекуляции да взяточничества? Тоже, чай, прописано?

На этот раз Назарыч немного замешкался, но и тут не посрамил себя. „Пророк Михей, глава седьмая. Так“, — проговорил он про себя.

— Не стало милосердных на земле, — начал Назарыч сильным, обличительным голосом, будто дух древнего пророка, который не боялся говорить правду в глаза народу и сильным мира сего, пробудился в нем.

— Нет правдивых между людьми: все строят ковы, чтобы проливать кровь…

— Работают, значит, на оборону, — шепотом пояснял повар.

— …Каждый ставит брату своему сеть. Руки их обращены к тому, чтобы делать зло…

— Это всё про спекулянтов! — не унимался буфетчик.

— …Начальник требует подарков…

— Начальники станций, значит, понимаем!

— …и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело. Лучший из них — как терн, и справедливый — хуже колючей изгороди…

— Взять хотя бы нашего капитана, — вдруг с необыкновенной горячностью перебил Назарыча повар. — Сущий терн, так и лезет, так и цепляется почем зря!»

Комический эффект достигается просто — возвышенные слова Писания слушатели воспринимают, как откровение о собственных бытовых невзгодах. Прием прост, но безотказен.

«— А что, про удушливые газы тоже есть? — вошел во вкус буфетчик.

Назарыч открыл Апокалипсис.

— Слушайте! „Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней, как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей…“

— Будто бы от газов меньше померло, — усумнился буфетчик.

— Так война-то еще не кончилась, — возразил ему повар. — А ты подожди, еще такую вонь придумают, что, может, и тут нам с тобой носы затыкать придется!

— Всё должно исполниться, — наставительно произнес Назарыч, — ни одна буква не прейдет. И всё предсказано, всё предопределено. Предсказана и дороговизна, когда горсть пшеницы будет стоить столько же, сколько дневная плата поденщику, предсказаны в Откровении и карточки на продукты продовольствия. В тринадцатой главе прямо сказано, что никто, ни малый, ни великий, ни богатый, ни бедный не в состоянии будет

ни продать, ни купить, не имея на руке „начертания“, то есть, значит, карточки на покупку или разрешения на продажу».

И тут рассказ словно надламывается:

«Сидевший всё время неподвижно полуглухой старик вдруг неожиданно спросил скрипучим голосом:

— А насчет конца войны ничего не слыхать?

Потапыч заерзал на стуле от досады, что такой интересный вопрос не ему первому пришел в голову.

— Об этом в Откровении сказано трижды, и везде указана совершенно точная цифра. В главе одиннадцатой сказано, что язычники будут попирать святой город сорок два месяца, и дальше, что два свидетеля будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней. Сочти. Сорок два месяца, как и тысяча двести шестьдесят дней, составляют ровно три с половиной года. Это и есть время войны. Теперь считай дальше-то. Война когда началась?

— Мубилизация к самому Илье Пророку объявлена, — отозвалась солдатка, которая твердо помнила этот день, стоивший ей стольких слез.

— Так. Стало быть в июле четырнадцатого года. Да три с половиной. Выходит, что война кончится к январю восемнадцатого.

— Когда? — недослышал дед.

— Двадцатого января тысяча девятьсот восемнадцатого года, — отчеканил повар.

Дед помотал головой.

— Хватит ли животов-то? — проскрипел он.

Наступило молчание».

Только что мы были свидетелями юмористической сценки — пришедшие для нехитрого развлечения задают вопросы, не испытывая никакого доверия к ответам. Но вдруг задан самый главный вопрос и всех словно накрыло ледяным крылом из будущего. Шутки кончились. И мы знаем это лучше, чем автор рассказа, его персонажи и читатели 1916 года.

Потому что для России Первая мировая действительно закончилась в 1918 году. Правда, мирный договор с Германией был подписан лишь 3 марта, но это дата по новому стилю. А по русскому счету тот день считался 18 февраля. Кроме того, в 1916 году никто и помыслить не мог, что Украина объявит себя самостийной державой и подпишет мир с немцами отдельно от России — 27 января (9 февраля) 1918 года. А значит, Назарыч и

Беляев ошиблись всего на одну неделю! И это прогноз на год вперед!

Но теперь все хотят заглянуть еще дальше.

«— Ну, а дальше-то что? — задумчиво спросил Кольчиков. <…> — <…> После войны-то что?

— А дальше придет великий день гнева Божьего! — пророчески произнес Назарыч, поднимая вверх указательный палец. — Исполнились пророчества, свершились времена. Восстал народ на народ и царство на царство, были глады и моры, и знамения небесные, и лжепророки. „Се гряду скоро и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его“. Горе, горе живущим на земле! В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них…

Назарыч… встал. Свет лампы ярко освещал его седые пушистые волосы. На темном фоне они светились, будто сияние исходило от чела его. Глаза его горели. Весь он был похож на древнего пророка, посланного призвать людей к последнему покаянию.

<…> Солдатка колотилась мелкой дрожью и тихо шептала: „Господи спаси, Господи спаси“… Потапыч ерзал на стуле, тяжело вздыхал и пожимался, будто его окатывали то холодной, то горячей водой, буфетчик устремил неподвижный взор на лицо Назарыча; в этом взоре отражался страх и глубокое внимание; от прежнего недоверия не осталось и следа. Даже дед приложил руку к уху, чтобы лучше слышать жуткие, но притягательные, как бездна, слова Апокалипсиса.

Уже нет убогого подвала, с кислым запахом кваса и коптящей лампой, всё унеслось куда-то в темную бездну… и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь, и звезды небесные пали на землю… и небо скрылось, свившись, как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих…

Вот конь рыжий. Сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга, вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, ад следует за ним, а вот и сам страшный таинственный зверь, с семью головами и десятью рогами, выходящий из бездны морской. Он подобен барсу. Ноги у него, как у медведя, а пасть, как у льва…

Голос Назарыча звучал, как труба ангела,

возвещающая о грозном Пришествии.

— „И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю“… И вот, выливают ангелы чаши свои, и начинают мучить людей язвы, огонь и звери, и бесовские духи… Седьмой ангел вылил чашу свою на воздух… от Престола раздался громкий голос: свершилось! И произошли молния, громы и голоса, и великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле.

— Такое землетрясение, — слышится громовой голос Назарыча, — так[ое] великое!..»

Вот оно как! Что там дата конца войны, числа и сроки… Беляев провидел такое, для чего и слова-то нашлись только в Апокалипсисе.

И исполняются пророчества эти немедленно:

«Вдруг страшный удар потряс весь подвал Назарыча, — точно своды небесные обрушились. Задребезжали стекла в окнах, пламя лампы заметалось, как в предсмертной судороге, солдатка истерически крикнула, слушатели побледнели…»

И, наконец, — долгожданное разоблачение!

«Когда волнение немного улеглось и все убедились в своей целости, послышался такой обычный, знакомый, простой голос Назарыча:

— Это, наверно, большая бутыль с квасом не выдержала!

Назарыч подошел к корзине, из-под которой уже расползалась по каменному полу темная лужа.

— Так и есть! — произнес он, почему-то виновато улыбаясь.

Рассеялись страшные призраки.

Всем стало как-то неловко, что разорвавшуюся бутыль с квасом они приняли за гром от пролитой чаши гнева Господня.

Гости стали поспешно прощаться с Назарычем, у которого так и застыла на лице виноватая улыбка».

Ну что? А вы уже поверили! Не было ничего… Не было, нет и не будет! Небеса как стояли, так и стоят. И не гнев Господень подвал залил, а квасное сусло. Эх, сунуть бы вас, легковерных,

мордой в эту лужу!..

Такой была бы мораль и нехитрая идея рассказа, если забыть, что написал его Александр Беляев. Завзятый, знаете ли, театрал…

И вспоминаются Чехов Антон Павлович, пьеса «Чайка» и ее финал…

> «*Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.*
>
> **Аркадина** *(испуганно).* Что такое?
>
> **Дорн**. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (*Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.)* Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (*Напевает*.) „Я вновь пред тобою стою очарован…“
>
> **Аркадина** (*садясь за стол*). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как… (Закрывает лицо руками.) Даже в глазах потемнело…
>
> **Дорн** (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья… письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим… (*берет Тригорина за талию и отводит к рампе*) так как я очень интересуюсь этим вопросом… (*Тоном ниже, вполголоса.)* Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился…
>
> *Занавес*»[166].

А это значит, что все случилось на самом деле — и небеса рухнули, и чаша гнева пролилась, и лопнул, как склянка с эфиром, сосуд скудельный — человек, и небо стало, как власяница, и вода сделалась, как кровь.

У беляевского рассказа двойное дно. Оттого и бродит по лицу Назарыча виноватая улыбка. Он открыл людям нежеланную для них правду, и гром небесный был знамением истинности сказанного. Но люди напуганы ликом послевоенного грядущего, которое страшнее войны. И, жалея людей, Назарыч списывает все на действие квасных паров…

Сколько было попыток объявить Беляева экстрасенсом, мистиком, контактёром, на худой конец — пророком. Наглая, глупая и отвратительная ложь от незнания… И зачем лгать, когда все так просто и ясно. Кто он был? Господи! Да всего-то лишь гений.

Глава одиннадцатая
БЕГ

Лишь в 1941 году у писателя наконец появился биограф: местный репортер С. Головко тиснул в пушкинской газетке соответствующий очерк.

И вот что рассказано о рождении таланта:

> «С юного возраста, рано лишившись родителей, А. Р. Беляев добывал средства к существованию своим трудом»[167].

Так прямо и встает перед глазами картинка проклятого прошлого: обделенный судьбою Оливер Твист или Алеша Пешков, хищники-хозяева, наживающиеся на детском труде…

Но если следовать правде жизни, то, лишившись отца, Беляев был все-таки скорее молод, чем юн, — 21 год, студент третьего, предпоследнего курса. А к моменту кончины матушки сиротке, уже дважды женатому и разведенному, и вовсе исполнилось 38 лет…

Казалось бы, мелочь… Но мелочь крайне полезная: из сына попа и домовладелицы писатель враз превратился чуть ли не в пролетария.

Оттого-то и сообщения вполне нейтральные начинаешь подозревать в сокрытии тайных грехов…

> «Заболев в 1915 году костным туберкулезом, А. Р. Беляев надолго лишился возможности заниматься литературным трудом. Уже в годы советской власти ему пришлось более трех лет пролежать в гипсе в ялтинской лечебнице. В это время и зародились у писателя мысли, развитые в романе „Голова профессора Доуэля“».

Заподозрили — и зря! Гарантия достоверности — сам Александр Романович:

> «Могу сообщить, что „Голова профессора Доуэля“ — произведение в значительной степени… автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни „головы без тела“,

которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать „голова без тела“»[168].

Такое он рассказывал в 1939 году. Понятно теперь, где источник репортерской осведомленности — писатель Беляев ему все это и поведал.

И поведал чистую правду… Вот письмо, отправленное Беляевым Вере Былинской еще 22 ноября 1922 года:

> «Вы вероятно уже знаете, что я заболел костным туберкулезом спинных позвонков и три года пролежал, свалившись с параличем *(так!)* ног. Паралич прошел чрез несколько месяцев, но три года пришлось выдерживать скучный курс лечения абсолютным покоем! Увы, только не моральным покоем!»[169]

Все сходится: костный туберкулез, паралич, три года неподвижности…

А кроме того, в письме сказано:

> «Неужели только шесть лет прошло с тех пор, как мы не видались с Вами, а не шесть столетий?»

Письма отправлено адресату в конце 1922 года. Отсчитаем шесть лет назад — получим 1916-й. После чего написано:

> «Вы вероятно уже знаете, что я заболел костным туберкулезом спинных позвонков и три года пролежал, свалившись с параличем ног».

«Вероятно…» Это значит, что в 1916 году, при последней встрече, Беляев о своей болезни Былинской не рассказывал. И скорее всего, потому, что сам о ней не знал. Какие-то признаки туберкулезной инфекции врачи у него наверняка отыскали еще в 1915 году — иначе Беляев не направился бы в Крым. Но в Крыму он не задержался, переехал в Ростов-на-Дону, наезжал в Петроград, посещал вреднейшие для чахоточного влажные субтропики Кавказа…

Так что отъезд в Крым на длительный срок мог состояться не раньше ноября 1916 года (этим месяцем датированы последние регулярные публикации в «Приазовском крае»).

В Ялте тоже выходили газеты, но ни в конце 1916-го, ни в 1917 году ни одной беляевской публикации мы в них не отыщем… Видимо, и вправду стало ему не до писания!

А в Ялте, как и во всей России, тем временем случились две революции.

И Беляев нарушил молчание: 9 декабря 1917 года в «Приазовском крае» появляется его статья «Отклики». Задумана была целая серия, но первый отклик — «О хорошем тоне» — оказался последним.

> «Бедная русская революция, а вместе с нею, и бедная Россия! Они гибнут жертвою хорошего тона…
>
> В политике также есть книги о хорошем тоне. О том, что*о* принято, что*о* „comme il faut“ и что*о* „fi donc!“.
>
> Гласность — comme il faut, закрытые двери общественных заседаний — fi donc!
>
> Свобода печати — comme il faut, цензура — fi donc!
>
> <…> Но, свято храня катехизис хорошего тона, не надо забывать, что „суббота для человека, а не человек для субботы“, не надо становиться фанатиками хорошего тона, сектантами политического comme il faut.
>
> К сожалению, для бонтонных политиков человек всегда был для субботы.
>
> Революция, например, принесла отмену смертной казни. Это был красивый, идеалистический жест.
>
> Но жестокая жизнь очень скоро поставила дилемму: или смертная казнь для единиц, или смерть для сотен от озверевшей толпы. Для всех, не ушибленных хорошим тоном, вопрос решался простым арифметическим расчетом. Иначе рассудили благовоспитанные политики.
>
> — Позвольте — говорили им, — но ведь фактически смертная казнь существует в самой отвратительной форме?
>
> — Нет, — отвечали „бонтоны“, — там не смертная казнь, а самосуд!
>
> — Но ведь партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] допускала убийство человека, как средство борьбы, в достижении общего блага?
>
> — То не смертная казнь, а террористический акт!
>
> Странная логика! Будто убийство перестает быть убийством, если его назвать самосудом или террористическим актом!
>
> <…> Из крупных, ответственных политиков едва ли не один А. Ф. Керенский вполне ясно представлял, как трудно совместить в бурный период государственного переустройства хороший политический тон с требованиями жизни.

Политика — грубое ремесло. В ней трудно „капитал приобрести и невинность соблюсти“. Благовоспитанный политический мальчик, А. Ф. Керенский терзался от этой двойственности. В этом была его глубокая личная драма: как сохранить революционный капитал, не губя своей „невинности“? Он так и не решился сделать выбор между хорошим тоном и хорошей политикой… хороший тон учил о том, что неприлично смотреть на обнаженную женщину, а ему приходилось спасать обнаженное тело свободы из рук насильников, которые спешили раздеть ее и „поделить ризы ея“, и сшить из них себе шубу.

И Керенский то хватался за обнаженное тело гибнущей свободы, то стыдливо закрывал лицо руками. То отменял смертную казнь, то вновь вводил ее, то, оставляя ее юридически, отменял фактически, то истерически кричал о железе и крови, то, не менее истерически, клялся „провалиться на этом месте“, если он прольет хоть каплю крови, то садил большевиков в тюрьму, то выпускал их, то шел войной на Петроград, то заключал перемирие и исчезал в пространстве.

И исчез. Пал жертвою хорошего тона.

Но он все-таки колебался, он видел невыполнимость хорошего тона во всей чистоте.

Другие не видят и этого. Не считаются ни с чем.

Даже с фактами.

Тем хуже для фактов, — невозмутимо говорят они.

Гордый лозунг: „В борьбе обретешь ты право свое“ расплылся в хорошем тоне в какое-то дряблое непротивленство.

Только в самое последнее время живая жизнь будто бы стала пробивать толщу политического консерватизма. Такой признанный вождь, как Церетели, — говорят, — заявил (пока только заявил, но и этого уже много), что большевизм он определенно причисляет к контрреволюции… А Чернов, — передают, — будто бы даже сказал, что всем, противящимся созыву Учредительного Собрания, партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] напомнит старые методы борьбы.

Вот первое слово, достойное последовательного революционера.

Только не поздно ли? Разве хороший тон уже не погубил революцию? Разве от всех наших свобод не осталась одна тень?

Увы, свободы приходится вновь завоевывать!»[170]

Статья напечатана 22 декабря 1917 года по новому стилю. А 18 января 1918 года в Петрограде открылось Учредительное собрание.

Председателем выбрали Виктора Михайловича Чернова, эсеровского вождя. Того самого, что грозил большевикам вспомнить старые методы борьбы, иначе говоря — пугал террором. Заседали всю ночь, а утром узнали, что караул устал. Разошлись по домам. А когда вернулись, увидели на двери замок. Нерушимость замка охраняли пулеметчики и две пушки.

Депутаты обиделись, но от шумного протеста воздержались: вспомнили, что демонстрацию рабочих и служащих в поддержку Учредительного собрания большевики вчера расстреляли. 19 демонстрантов погибли.

Плохим пророком оказался Беляев — считал действующими лицами политические трупы (Керенский) и полутрупы (Чернов с Церетели), возлагал на них надежды и обрушивал бич сатиры… И фельетонная легкость обвинений нимало не соответствовала тому, что уже творилось на самом деле.

Выскажем свое неудовольствие Беляевым и… задумаемся. Ведь фантазией он обделен не был… Но, быть может, сама невозможность для него осознать то, что происходит, ярче всего свидетельствует о немыслимости происходящего для вменяемого человека?!

Ну, ладно — то было далеко, в Петрограде… А что в Ялте, в Крыму… 8 января 1918 года в Ялту из Севастополя прибыл эсминец «Гаджибей» и высадил десант. Десант, при поддержке авиации (гидросамолеты), вступил в бой. С кем?

Дело в том, что признанной власти тогда в Крыму не было: в Симферополе заседал совет, в Бахчисарае — курултай, Севастополь объявил себя «южным Кронштадтом»… И никто никому не подчинялся! Но оружие было у всех. Вот с воинством курултая — татарским эскадроном — матросы и сражались. А поскольку татары упорно сопротивлялись, пришлось звать на подмогу еще два эсминца — «Керчь» с «Дионисием».

Корреспондент «Петроградского эха» писал:

> «На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города»[171].

Из Симферополя картина виделась куда прозаичнее:

> «Высадившиеся в Ялте матросы и хулиганы разогнали и навели страх не только на жителей города, но и на жителей окрестных деревень.

Старики, женщины и дети принуждены были холодные и голодные ночевать в поле. <…>

Для действий против большевиков из Симферополя в ночь на 10 января на автомобилях отправлена особо дисциплинированная часть в составе одной роты. <…> Отряд… прибыл на место, соединился с мусульманскими войсками и совместно с ними двинулся на большевиков.

Большевики, видя свою неорганизованность и бессилие, выслали парламентеров, которым было предъявлено требование немедленно же сдать оружие, находившееся на руках у большевиков. После недолгого колебания большевики приступили к сдаче оружия. Между прочим, большевиками сданы два бронированных автомобиля, неизвестно откуда ими добытые.

Татарские войска вступают в город»[172].

Так оно, наверное, все и было: в Ялту матросы приплыли не воевать (войск в городе не было), а грабить и безобразить. И получив за свои художества по мордам, матросы призвали на помощь еще два эсминца и зачистили Ялту снарядами…

Засим победители занялись расстрелами. Убивали с видом на море — на главном молу.

Через полгода об этом стихами расскажет юный Владимир Набоков:

ЯЛТИНСКИЙ МОЛ

В ту ночь приснилось мне, что я на дне морском…
Мне был отраден мрак безмолвный;
Бродил я ощупью, и волны,
И солнце, и земля казались дальним сном.
Я глубиной желал упиться
И в сумраке навек забыться,
Чтоб вечность обмануть.
Вдруг побелел песок,
И я заметил, негодуя,
Что понемногу вверх иду я,
И понял я тогда, что берег недалек.
Хотелось мне назад вернуться,
Закрыть глаза и захлебнуться;
На дно покатое хотелось мне упасть
И медленно скользить обратно
В глухую мглу, но непонятно

Меня влекла вперед неведомая власть.
И вот вода светлее стала,
Поголубела, замерцала…
Остановился я: послышался мне гул;
Он поднимался из-за края
Широкой ямы; замирая,
Я к ней приблизился, и голову нагнул,
И вдруг сорвался…
Миг ужасный!
Стоял я пред толпой неясной:
Я видел: двигались в мерцающих лучах
Полу-скелеты, полу-люди,
У них просвечивали груди,
И плоть лохмотьями висела на костях,
То мертвецы по виду были
И все ж ходили, говорили,
И все же тайная в них жизнь еще была.
Они о чем-то совещались,
И то кричали, то шептались:
Гром падающих скал, хруст битого стекла…
Я изумлен был несказанно.
Вдруг вышел из толпы туманной
И подошел ко мне один из мертвецов.
Вопрос я задал боязливый,
Он поклонился молчаливо,
И в этот миг затих шум странных голосов…
«Мы судим…» — он сказал сурово.
«Мы судим…» — повторил он снова,
И подхватили все, суставами звеня:
«Мы многих судим, строго судим.
Мы ничего не позабудем!» —
«Но где ж преступники?» — спросил я.
На меня взглянул мертвец и усмехнулся,
Потом к собратьям обернулся
И поднял с трепетом костлявый палец ввысь.
И точно сучья в темной чаще,
Грозой взметенные летящей, —
Все руки черные и четкие взвились,
И, угрожая, задрожали,
И с резким лязгом вновь упали…
Тогда воскликнул он: «Преступники — вон там,
На берегу страны любимой,
По воле их на дно сошли мы
В кровавом зареве, разлитом по волнам.

Но здесь мы судим, строго судим
И ничего не позабудем…
Итак, друзья, итак, что скажете в ответ,
Как мните вы, виновны?»
И стоглагольный, жуткий, ровный,
В ответ пронесся гул: «Им оправданья нет!»[173]

Впрочем, и противник оказался не более приличен: выбитые из Ялты татарские кавалеристы принялись за истребление местных греков…

А потом пришли немцы, большевики сбежали. Возникло и местное русское правительство, но никто, кроме создавших его немцев, с ним дел***а*** вести не хотел. В ноябре ушли немцы, пришла Антанта. В апреле 1919-го снова приходили большевики — всего на десять недель. Даже террора толком не успели развернуть. Зато следующие полтора года Крым был безукоризненно белым.

И донельзя культурным и образованным. Лучшие русские люди собрались на крымском пятачке. И не только артисты, журналисты, писатели и певцы… Хотели открыть сразу три университета — в Севастополе, в Ялте и Керчи… Столько съехалось сюда бесприютных профессоров и приват-доцентов, что открывшийся в Симферополе новый, с иголочки, Таврический университет их уже вместить не смог. В Керчи университет, наименованный Боспорским, кстати, и открылся. А еще в Ялте захотели и открыли кинофабрику! До сих пор существует под вывеской «Ялтинская киностудия»…

Сам Беляев в советское время рассказывал о тогдашней Ялте нечто странное, мол, «город заполнили бежавшие из больших городов дворяне, спекулянты и… воры». Поэтому:

«Беляеву пришлось прервать лечение и заняться поисками заработка. Он сочинял для местной газеты небольшие рассказы и очерки об ученых. Но их печатали редко и платили мало. На эти заработки не проживешь. Он устроился воспитателем детского дома, а затем стал работать в уголовном розыске»[174].

К работе воспитателя и милиционера Беляев приступил не раньше 1921 года — уже при советской власти. В какой же газете он печатался?

С наступлением советской эпохи в Ялте под разными именами (наверное, чтобы не наскучить читателю) выходила одна-единственная газета. А называлась она то «Известия Ялтинского ревкома», то «Красноармейская правда», то «Красная Ялта», то «Ялтинские известия».

«Красноармейской правдой» она стала, когда саму Ялту

переименовали — с января по август 1921 года назывался город Красноармейском.

Но как бы ни меняла газета названия, одно в ней оставалось неизменным — ни одной беляевской публикации![175]

Будущая жена писателя Маргарита Магнушевская захотела познакомиться с ним, узнав от брата о сотрудничестве Беляева в ялтинской газете, отметив, что на момент знакомства Александру Романовичу было 35 лет[176]. Это значит, что впервые встретились они в 1919 году, когда Крым был глубоким тылом белой армии.

А всюду, куда приходили белые, наступало газетное половодье. В крошечной Ялте, например, выходило до пяти газет…

Различались газеты не только качеством, но и ориентацией. «Ялтинский вечер» был органом монархистов, «Наша газета» — меньшевиков, «Наш путь» выражал мнение профсоюзов, то есть критиковал власти, но в рамках умеренности… «Ялтинский курьер» обращался к беспартийной интеллигенции. А вот «Ялтинский голос» был не похож ни на что, имея одним редактором эсера Пасманика, а вторым Набокова-отца — кадета.

Вот только от ялтинских «белых» газет мало что осталось. Меньше, чем от аналогичной прессы в других местах… Профессор Сергей Борисович Филимонов в телефонном разговоре объяснил это так: найденный при обыске экземпляр газеты (неважно, монархической или профсоюзной) служил в Ялте билетом на тот свет. Понятно, что желавшие положить жизнь за клочок газетной бумаги оказались в меньшинстве… А прочие поспешили от опасного мусора избавиться. И эмигрантам этот хлам тоже не казался особо ценным… В любом случае, в багаж свой они ялтинские подшивки не клали… Так что никаких следов ялтинской газетной жизни Беляева я не отыскал.

А все оттого, как теперь выяснилось, что не там искал — на Западе и в Москве с Питером. А надо было в Ялту ехать да через Киев. Как профессор Филимонов.

Я ему лишь позвонил, а он мне сразу выдал список беляевских публикаций за 1918–1920 годы.

Где Беляев печатался? Всегда тянуло его к органам эсеровского толка — «Смоленский вестник», «Приазовский край»… Естественным было думать, что в Ялте Беляев предложит свое перо «Ялтинскому голосу». И точно — в номерах с мая 1918 года по февраль 1920-го удалось найти шесть публикаций за подписью *«А. БѢляевъ»*. А летом 1920-го он сменил «Ялтинский голос» на профсоюзный «Наш путь». Газета эта явно была не богаче «Голоса» — в любом случае, субсидий от врангелевского правительства она (единственная из всех ялтинских газет!) не

получала. И к профсоюзному делу Беляев как будто особой страстью не пылал… Так что причина его ухода из «Ялтинского голоса» несомненно была достаточно серьезной.

Пока (надежду терять никогда не стоит!) нам известны восемь беляевских публикаций бело-крымского периода. И, что характерно, нет среди них ни одного рассказа и ни одного очерка об ученых. Попадается кое-что о литературе и искусстве (с местным краеведческим колоритом — «Дача А. П. Чехова»[177], «Левитан»[178]), но все остальное — чистая политика!

Интересны (куда интереснее и умнее антипоповских выпадов, скажем, в «Человеке-амфибии») рассуждения о церкви и ее отношении к государству:

> «Два царства, два мира живут одновременно в человеческом обществе: церковь и государство.
>
> Государство — „царство от мира сего“, церковь — „царство не от мира сего“.
>
> Государство ведает делами земли, церковь живет небом.
>
> Государство охраняет земные интересы человеческие, охраняет богатства „тленные“, церковь собирает богатства, которые „тля не тлит и червь не точит“.
>
> Государство стремится к могуществу, церковь говорит, что весь мир не стоит души человека.
>
> В самой идее церкви и государства лежит коренное противоречие, это противоречие не могло не привести к борьбе, скрытой, или явной, между церковью и государством. Церковь желает победить „князя тьмы“, превратить государство в теократию. Государство хочет подчинить себе церковь, сделать ее орудием для достижения своих земных целей. История отношений церкви и государства — это история их борьбы»[179].

Как вырваться из этого замкнутого круга противоборства Неба и Земли? Беляев обращается к авторитетам и выясняет, что ни Достоевский, ни Владимир Соловьев выхода не увидели. И, тем не менее, выход найти можно:

> «Как сложатся отношения между церковью и государством в новой России, мы не знаем. Что же касается настоящего переходного периода, то для него эти отношения определяются в недавно опубликованном письме ген. Деникина к председателю Особого Совещания. <…>

Основное положение, выдвигаемое ген. Деникиным, — православная церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и управления. <…> И это освобождение церкви от светской власти можно лишь приветствовать.

<…> Все… исповедания приглашаются содействовать среди своих последователей общей задаче — борьбе с общим врагом, разрушающим начала государственности и нравственности, оздоровлению и возрождению России.

Церковь, разумеется, не может стоять в стороне в такое критическое время.

Но погружаясь в житейское море с его политическими бурями, церковь должна быть чужда политиканства. Церковь должна стоять на страже высших духовных ценностей, она должна неуклонно идти в сторону „исторического движения добра“».

«Общий враг, разрушающий начала государственности и нравственности», не назван по имени, но нет никаких сомнений, о ком идет речь — о большевиках (на какого иного врага призывал ополчиться Деникин?!).

А вот статья, которая никаких догадок не требует — «Последнее письмо Леонида Андреева»[180].

Предыстория такова: проживавший в Финляндии русский писатель Леонид Андреев послал в Париж письмо Владимиру Бурцеву, известному охотнику на агентов охранки («провокаторов») — именно он разоблачил Азефа. Письмо Андреев написал 9 сентября, а 12-го скончался. И получилось так, что письмо это оказалось для писателя последним. И тогда Бурцев выдернул из письма несколько отрывков, подогнал их под свой стиль и напечатал под заголовком «Заветы Леонида Андреева»[181]. Литературная репутация Леонида Андреева стояла в те годы достаточно высоко, чтобы бурцевскую выжимку перепечатали эмигрантские и неподсоветские газеты. Естественно, и все крымские. Беляев андреевское письмо лишь комментирует:

«Замечательное письмо, проникнутое глубокой скорбью за родину.

„Большевизм должен погибнуть“, говорит Леонид Андреев, как всякая биологическая уродливость[182]. Но „в каком положении останется Россия, когда большевики уйдут? Нельзя и подумать об этом без ужаса“.

Леонид Андреев всю свою жизнь был певцом ужаса.

> Но как этот последний ужас не похож на прежние ужасы, устрашавшие его».

А завершает Александр Беляев свою статью так:

> «Страшно подумать о биологических последствиях большевизма, об этом небывалом в истории искусственном подборе, уничтожающем в народе всё лучшее и оставляющем плодиться и множиться всё худшее. Страшно за вырождение народа».

Понятно, что через два десятка лет Беляев старался говорить о своих крымских газетных выступлениях как можно невнятнее… А пока все ужасные предчувствия связаны с последствиями большевистской чумы, от которой Россия неизбежно и скоро излечится. Здесь же, в белой — здоровой — России, даже болезни человеческие — туберкулез например. А Беляеву еще не нужно и бояться за оставшихся в Совдепии близких — живет он в Ялте вместе с матерью и няней Фимой, за двадцать с лишним лет ставшей почти что членом семьи. Дом стоит на весьма приличной Барятинской улице, но квартирка, прямо скажем, неказистая — одна темная сырая комната (задняя стена дома упирается в гору) и веранда. К тому же часть веранды выгорожена под кухню.

Но жить все-таки можно. Особенно на веранде. И принимать гостей. И посетителей, пришедших за юридической консультацией. И даже молодежь — дочь соседей рассказала соученикам, что живущий в доме больной юрист не только обаятельный собеседник, но и весьма авторитетен и в театральном деле. А ученики решили своими силами поставить пьесу Ростана «Романтики» и обратились за советом и помощью к Беляеву. Тот охотно согласился, и ученики зачастили к Беляеву. А один из них поделился восторгами от этих встреч со своей сестрой Маргаритой. Повод для визита нашелся быстро: замечательный человек сотрудничает в газете, значит, нуждается в книгах. А девушка как раз работала в городской библиотеке…

Маргарита принесла каталог, Беляев в нем что-то отметил — и искать иных поводов для регулярных встреч более не требовалось…

Впрочем, отношения эти были платоническими — Беляев и вправду оказался интересным собеседником.

Но в один ужасный день всё хорошее кончилось — ветры выдули воду из Сивашского залива, и по обнажившемуся дну Гнилого моря дивизия Махно вышла в тыл частей, державших оборону Перекопа. Фронт был прорван, и армия Врангеля покатилась на юг, к Черному морю.

Дойдя до моря, стала грузиться на корабли.

В дальнейшем об эвакуации той рассказано было немало гнусностей.

Главный и талантливейший, ваяя поэму «Хорошо!», тоже не жалел грязных красок:

Забыли приличия,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто —
без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,
солдат
полковника
сбивает с мостков.

Но вот воспоминания очевидца:

> «Прошла кошмарная ночь с 31-го октября на 1-е ноября [1920 г.] — последняя ночь пребывания армии Врангеля в Ялте, и наступило светлое, тихое осеннее утро 1 ноября [14-го по н. с.]). <…> Повсюду, куда ни посмотришь — стоят оставленные, крепко сжатые друг к другу телеги, арбы, поломанные тачанки, двуколки, затертые походные кухни, набок свалившиеся и окончательно загораживающие дороги передки орудий — и чем ближе вы подходите к молу, тем теснее, тем сплоченнее стоит опустевший замерший обоз… Дальше дороги нет! Всюду серая, сплошная масса, нет никакой физической возможности пробраться к молу через это бесконечное количество колес, дышел, кузовов, странно сплетенных и наваленных друг на друга. Вы обходите со стороны Городской Управы и по узкой панели вдоль самого моря подходите к молу. Кое-где попадаются одинокие лошади, печально бродящие с помутневшими оловянными глазами, их ввалившиеся бока, поломленные копыта и набитые до крови спины свидетельствуют о длинных переходах и тяжестях боевой жизни. Бедные! Сейчас ненужные своим хозяевам, которые при всем желании не могли бы вас взять с

собой. Вы посмотрите на этот пароход, который сейчас должен отойти — разве найдется там место?!! Гудок один, другой, третий. Пароход медленно отходит. Слышно „ура!“. Не боевое „ура!“, а скорее успокаивающее себя и дающее понять остающимся, что хоть и уезжаем Бог весть куда и на сколько времени, даже, может быть, навсегда из родной страны, а все-таки не страшимся этой темной гнетущей неизвестности!! На моле сердобольные обыватели плачут, кричат тоже „ура!“, но грустное, печальное…

В ялтинских обывателях совершенно не видно того злорадства и наглости зазнавшегося осла, которым так отличались в других местах при отступлении Армии. Многие кричат: „Возвращайтесь скорей!“ Многие бабы бросают хлеб (несчастные, они не знали, что через неделю этого хлеба, которого так много было в „осажденной крепости — Крыму“, нельзя будет достать никакими просьбами, ни за какие деньги). Вот пароход медленно бортом прошел мимо стоящего на рейде крейсера „Генерал Корнилов“… <…> Через некоторое время за большим транспортом подняли якорь другой и третий, маленькие — и мол опустел… <…> На море прямо на юг видны дымки уходящих пароходов… а налево по направлению к Феодосии чуть видной точкой удаляется „Генерал Корнилов“. Тихо! Мертвенно тихо. Все незаметно стараются удалиться, не обращая внимания на все те богатства, которые валяются по дороге и в раскрытых таможенных *(так!)* складах. Домой! Скорей домой! Чтобы не заметили и не донесли, а то потом придется отвечать за проводы [, устроенные] белым…»[183]

То же происходило и в других приморских городах Крыма. На берегу горы армейского имущества. Но не оружия. А личный состав армии эвакуировался весь. И масса гражданских. Большинство, конечно, решило остаться.

Не захотели покидать родину и множество бывших офицеров, рядовых, а также раненые и больные.

Вот этих расстреляли всех без исключения. И всех медсестер в лазаретах и госпиталях, и всех врачей. Из 700 тысяч, живших в Крыму к приходу красных, было истреблено не меньше 300 тысяч человек.

В Ялту первые красные воинские части (51-я Московская стрелковая дивизия и полки Первой конной) вступили лишь 17

ноября, когда в городе не осталось ни одного вооруженного белогвардейца.

А 7 декабря чрезвычайная тройка Крымской ударной группы особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов — товарищи Чернабрывый, Удрис, Гунько-Горкунов — вынесла постановление о расстреле 315 человек.

Несколько имен из списка расстрелянных:

> «13. Багратион Александр Петрович, 1861 г. р., генерал-майор в отставке с 1916 г. В Белой армии не служил, в Ялте на отдыхе и лечении.
>
> 16. Бедросов Аврам-Гайк Карапетович, 1881 г. р.; в 1916–17 гг. был на австрийском фронте, в Белой армии не служил.
>
> 23. Бобырь Николай Павлович, 1853 г. р., дворянин, генерал-лейтенант. В Белой армии не служил, в Ялте на лечении и отдыхе.
>
> 35. Венжер Николай Матвеевич, 1860 г. р., титулярный советник, чиновник Всероссийского земского союза в Москве.
>
> 50. Гинце Ирина Александровна, 1898 г. р., дворянка, беспартийная, в 1920 г. работала помощницей регистратора уголовного розыска в Симферополе.
>
> 56. Греков Константин Николаевич, 1875 г. р., казак. В 1914–1917 гг. в чине полковника был на фронте. В Белой армии не служил.
>
> 63. Гурвич Вольф Яковлевич, 1901 г. р., уроженец и житель Ялты, гимназист, мобилизован и служил в музкоманде Белой армии».

И еще бывшие мировые судьи, гражданские чиновники, адвокаты…

Или вот такой злодей:

> «82. Иваницкий Алексей Михайлович, 1855 г. р., уроженец Харькова, дворянин, в 1920 г. работал фотографом в Симферополе»…

На расстрел в Ялте вели на дачу присяжного поверенного Фролова-Бафеева, причем начали с самого хозяина.

10 декабря казнили 101 человека. 22-го расстреляли 22 человека. А 23-го к ним добавились 203 покойника. 4 января приговорили к смерти сначала 20 человек, и потом еще 58…

Сколько всего было убито в Ялте — неизвестно и по сей день. От документов дошли жалкие ошметки…

Одно несомненно: Беляев уцелел чудом — достаточно было кому-то упомянуть, где надо, любую написанную им статью…

А недавняя знакомая Маргарита Магнушевская со всем семейством покидает Ялту — причину она через много лет назовет самую удивительную: «В связи с революционными передрягами приходилось где-то искать работу»[184]. Но ведь Маргарита служила не в банке, а в городской библиотеке. А большевики как раз к библиотекам относились бережно, поскольку стремились приобщить к книге трудящуюся массу.

Наверное, все-таки причина спешного отъезда из Ялты была иной — террор. И собирались, видимо, Магнушевские не сменить Ялту на другой крымский городок, а вообще сбежать с полуострова. Но выезд из Крыма был наглухо закрыт. Через несколько месяцев семейство Маргариты вернулось в Ялту, но здесь не зажилось — спешно выехало в Севастополь, а оттуда в Симферополь. И где-то Маргарита встретила старого друга и вышла за него замуж. И практически сразу — овдовела. Отчего супруг скончался (болезнь, голод), Маргарита ничего не пишет, но поскольку речь идет о молодом человеке в Крыму, то в графу «Причина смерти» можно смело вписать: «Расстрел».

Повествуя о скитаниях и возвращениях, Маргарита не указывает дат, а упомянутые временные ориентиры (из биографии Беляева) заставляют предположить, что хронология рассказа подверглась сознательным манипуляциям (события 1921 года вдвинуты в 1922 год — период резкого спада террора). Поэтому обратимся к иному источнику — собственноручным показаниям Беляева. В письме Вере Былинской от 22 ноября 1922 года он пишет:

> «Дорогая Веруня! Ваше письмо к счастью дошло до меня, быть может, только потому, что я, совершив большой круг, вернулся на старую квартиру (Барятинская ул., д. 3, кв. 3. — *З. Б.-С.)*. Неужели только шесть лет прошло с тех пор, как мы не видались с Вами, а не шесть столетий? Наверно, мы оба переменились, но не изменились наши дружеские отношения. Я нередко вспоминал Вас и хотел узнать адрес. Наконец, нашел. Так много пережито за эти годы, что не знаешь с чего начать. Вы вероятно уже знаете, что я заболел костным туберкулезом спинных позвонков и три года пролежал, свалившись с параличем *(так.)* ног. Паралич прошел чрез несколько месяцев, но три года пришлось выдерживать скучный курс лечения абсолютным покоем! Увы, только не моральным покоем! Если бы Вы знали, в

каких кошмарных условиях мне приходилось лежать, особенно прошлую зиму! В городской больнице, среди неимоверной грязи, холода, голода, между агонизирующими жертвами голода… Несколько „составов“ больных общей палаты умерло на моих глазах. А весной [1922 г.] умерла от голода и мать. Летом мне удалось попасть в Гаспру, в дом отдыха для ученых и писателей. Там мне сделали хороший целлулоидный корсет, я встал и уже служу. Вначале я взял место заведывающего *(так!)* школой-колонией в Жемис-Су (7 в[ерст] от Ялты), но сквернейшие условия, клопы, плохое питание и пр. заставили меня пешком сбежать в Ялту чрез неделю.

В Ялте трудно найти место, — как везде, — сокращения. И вот, представьте, мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший милиционер. Я же — фотограф, снимающий преступников, я же лектор, читающий курсы по уголовному и административному] праву и „приватный“ юрисконсульт».

Об этих событиях Маргарита Магнушевская рассказывает так:

«<…> Александр Романович настолько оправился, что смог работать. Он устроился воспитателем в детский дом под Ялтой.

Как-то Лёва (брат Маргариты, по паспорту — Леопольд. — *З. Б.-С.)* навестил Александра Романовича, а когда пришел домой, заявил, что ему надо помочь устроиться на другую работу в Ялте.

— Он будет жить у нас, а на работу я устрою его к себе в милицию, — сказал брат.

Несмотря на молодость — моему брату в то время было 20 или 21 год — он работал начальником милиции. А я вела дактилоскопическую картотеку.

Весь вопрос был в том, как доставить Александра Романовича в Ялту. На извозчика у нас не было денег. А пройти предстояло несколько километров.

И вот в один из выходных дней, под вечер, я пришла к Александру Романовичу. Так как он был единственный мужчина-воспитатель, то жил один в огромной комнате. Устроившись на одной из пустующих кроватей, я осталась ночевать. А утром, как только взошло солнце, мы тихо вышли из калитки и отправились в путь. Вещи несла я, так как багаж Александра Романовича был

невелик.

По дороге мы несколько раз останавливались. Мой спутник ложился на траву и отдыхал, потом мы двигались дальше. Путь был долгим и трудным, но Александр Романович не жаловался.

Дома нас уже поджидали родные. Александра Романовича мы приняли в свою семью, отдав ему одну из комнат. Уже через несколько дней Лёва устроил его на должность инспектора уголовного розыска.

В уголовном розыске не было фототеки для учета преступников. Под руководством Александра Романовича организовали фотолабораторию, а сам он, по совместительству, стал еще и фотографом. Я помогала ему проявлять и печатать снимки».

Продолжает Беляев:

«Несмотря на все это, приходится голодать. Помещение не отапливается. Все вместе создает такую обстановку, что у меня нет особой уверенности в том, что я [не] свалюсь опять. А это было бы… но, впрочем, зачем заглядывать в будущее. Я хотел перебраться на родину или в Москву. Звали и родные на хутор в Смоленской] Губ[ернии], но врач посоветовал еще жить в Крыму.

Пишите подробно о себе. Как живут Маргарита] Сер[геевна] и Никол[ай] Гаврилович] (родители В. В. Былинской. — *З.* Б.-С.)? Когда Вы вышли замуж?

Очень рад, что Вы вспомнили обо мне. Теперь особенно ценишь друзей, а ведь мы с Вами были хорошими друзьями — не правда ли? Ну, будьте здоровы.

Ваш Шура-Ром».

Итак, как мы видим, Беляев всем недоволен и никакой благодарности ни к кому не испытывает. Такое отношение легко объяснить неадекватным восприятием, проще говоря — капризами человека, долгие годы страдающего страшным недугом.

Но внимания заслуживает еще одна особенность письма — та, о ком в нем нет ни слова. И это Маргарита Константиновна Магнушевская. А ведь она не только волокла на себе вещи Беляева и терпела его в своем доме.

Вот еще один абзац из ее воспоминаний:

«В 1922 году, перед Рождественским постом, мы с Александром Романовичем венчались. Венчание было очень скромным. В церкви не было никого постороннего.

Присутствовали моя мама, Лёва и, в качестве шафера, его друг»…

Рождественский пост длится с 28 ноября по 6 января, а по старому стилю — с 15 ноября по 24 декабря.

Письмо Беляева Вере Былинской датировано 22 ноября. Если вести счет по старому стилю, то это седьмой день поста, а если по новому — до поста остается еще 5 дней. В любом случае, 22 ноября Беляев или уже был женат, или твердо знал, что не позже чем через четыре дня станет мужем. Но в письме старой подруге он о своем вступлении в брак не упоминает совершенно!

Случайность? Нет, *таких* случайностей не бывает! Просто Беляев не считает свой брак с Маргаритой Магнушевской чем-то серьезным и долговечным и ему до смерти не хочется жечь мосты в отношениях с Верой Былинской, в замужестве Прытковой. А если предположить, что и Вера не смотрит на свое нынешнее замужество как на нечто окончательное и обязывающее?!

А через два года — 1 сентября 1924-го — Беляев шлет Вере Прытковой-Былинской открытку:

«Здравствуйте, Вера Васильевна!

Если Ваш адрес не изменился, я разыщу Вас. Мой адрес — вверху (Москва. Покровка. Лялин пер., д. 14, кв. 1. — *З. Б.-С.)*.

Напишите, получили ли это письмо, и я постараюсь увидаться с Вами. Сколько лет мы не виделись?

Я живу в Москве.

Шур Романыч. Б.»[185].

И снова о желании свидеться, и снова опущена всего одна деталь: в Москве Беляев проживает не в одиночестве, а с молодой женой, которая пять месяцев назад родила ему дочь…

Но на дворе пока все еще 1922 год, дело происходит в Ялте и личная жизнь не избавляет от общественной.

Маргарита Беляева вспоминает:

«В уголовном розыске Александр Романович проработал очень недолго. Он вынужден был оттуда уйти из-за трудной психологической обстановки. Один из сотрудников, Дэламур, бывший матрос, был ярым противником интеллигенции. Александра Романовича он

тоже невзлюбил и иногда, не стесняясь его присутствием, рассказывал с восторгом о том времени, когда он таких, как Александр Романович, ставил „к стеночке“. Сам же он был похож на разбойника с большой дороги. На боку у него висела большая деревянная кобура с наганом, и ожидать от него можно было чего угодно. По счастью, Александру Романовичу удалось устроиться в городскую библиотеку».

Ах, женщины, женщины… Наганы в деревянную кобуру не вкладывают. Деревянная кобура прилагалась только к маузеру — самому мощному в ту пору легкому стрелковому оружию. Прицепленная к маузеру сзади, кобура превращалась в приклад. Особой любовью пользовался маузер у комиссаров и чекистов — внушительный, самозарядный — и наповал.

«Александра Романовича, — продолжает Маргарита, — работа в библиотеке чем-то не устраивала и он решил попытать счастья в Харькове».

Не будем лукавить: Беляева повергала в отчаяние не библиотека, а Ялта, где он был как на ладони. А так хотелось затеряться… Поэтому если речь заходит о возвращении на родину, то не в родной город Смоленск, а в какой-нибудь хутор поглуше. Или потеряться в большом городе, скажем, в Харькове, тогдашней столице Украины…

И вот, вспоминает Маргарита:

«Он пошел на пристань, чтобы узнать расписание пароходов, и случайно встретил старую смоленскую знакомую, которую знал еще девочкой.

Нина Яковлевна Филиппова первой узнала Александра Романовича и остановила его. Она жила со своей семьей в Москве. Муж рассказал ей о себе и о своих планах. Нина Яковлевна предложила ему вместо Харькова поехать к ним в Москву, пообещав отдать нам одну из своих комнат и помочь устроиться на работу. Александр Романович принял ее предложение и уже через несколько дней уехал из Ялты. Я же пока осталась с мамой и [братом] Лёвой».

* * *

Итак, телесное расставание с Ялтой далось Беляеву легко…

Но оставила ли она след в его душе? Несомненно — страха, который он там испытал, хватило на всю жизнь. Кроме того, затянувшиеся крымские каникулы отразились и в творчестве…

В год десятого юбилея Октябрьской революции, 1927-й, Беляев опубликовал два рассказа.

Первый входит в серию историй о профессоре Иване Степановиче Вагнере. Гуляя в окрестностях Симеиза, поселка в 15 верстах к западу от Ялты, рассказчик набредает на таинственную дачу. Таинственность выражается в том, что стоит она на крутом склоне горы, обнесена глухим и высоким забором и к ней не ведет никакая дорога[186]. И калитка всегда заперта… Значит, на базар никто не ходит. Как же обитатели дачи обходятся без провизии? Или в доме никто не живет? Да нет — прошмыгнула по двору пожилая женщина в черном. Рассказчик решает устроить за дачей постоянную слежку. И вот однажды калитка отворилась и из нее вышел сам хозяин, профессор Вагнер. Попытался каменные глыбы ворочать. Даже сдвинуть не смог… Как вдруг подошел к обломку скалы, с человека ростом, и поднял глыбу одной рукой. А потом взял и запустил ею в небо, метров на двадцать. Падал же камень медленно и плавно, прямо профессору на ладонь. А Вагнер не только глыбу удержал, у него даже рука не дрогнула. Натешившись с камнями, принялся прыгать сам, но вдруг стремительно упал и расшиб колено. Рассказчик подбежал к Вагнеру и помог ему добраться до дома. Придя в себе, Вагнер пообещал продемонстрировать необычайный эксперимент — заставить земной шар вращаться быстрее обычного. И действительно заставил! Началось с мелких бытовых неудобств — кастрюли и сковородки повадились летать. А конец был ужасен:

> «Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.
>
> — Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была „прикреплена“ к земле силою земного тяготения, — объяснил мне спокойно профессор. <…>
>
> — Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания. — Неужели только для научного опыта?
>
> — Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил

он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие…

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

„Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обрекать на смерть миллионы людей“, — думал я».

Воздух становится все более разреженным, и Вагнер с рассказчиком и пожилой экономкой переселяются в подземное убежище, откуда сквозь толстое стекло иллюминатора наблюдают за гибелью планеты. Попутно разрешается еще одна загадка — обитатели дачи не ходили на базар, поскольку Вагнер собрал в убежище большой запас консервов. Вот только одна беда — масло забыли забрать из дому. Отважная экономка отправляется в поход за необходимым продуктом и на обратном пути гибнет, сорвавшись в небесную бездну.

«…Перед моими глазами творилось что-то необычайное… От земли отрывались камни и падали вверх… Скоро начали отрываться целые глыбы скал… День и ночь сменялись все быстрее… Солнце проносилось по бездне-небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь… Вот, в свете солнца, я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю… Я вижу, что скоро конец…

Но люди еще есть на земле… Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции…

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет… Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа… Радиоволны летят в мертвую пустоту… Молчит земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу… Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне, — вместе с последними остатками атмосферы земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури… <…>

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили

человечество, вы уничтожили жизнь на земле… Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение земли, иначе я… <…>

— Я не могу ничего поделать… очевидно, я допустил ошибку в расчетах…

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я и, совершенно обезумев, бросился на Вагнера и начал его душить… <…> …лопаются стекла, и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну…»

После чего рассказчик открывает глаза, с радостью убеждается, что жив, а столь же живой и улыбающийся профессор Вагнер сообщает, что катастрофа рассказчику привиделась. Профессор решил наказать его за назойливое любопытство и подверг гипнотическому внушению. По-гречески «гипноз» *(ὑπνος)* — это «сон». И значит, разгадка всех тайн — стара как мир: ужасное приключение оказалось сновидением.

Но так ли все просто и понятно с этим рассказом?

Начнем с момента биографического, и это не только близость к Ялте, но и имя погибшей экономки профессора Вагнера — Фима. А так звали няню Беляева, тоже окончившую свои дни в Ялте. Не указывает ли этим Беляев, что события рассказа как-то связаны с его собственной судьбой?

Или, например, название рассказа — «Над бездной». Но оно появилось лишь год спустя. А первоначально он назывался «Над черной бездной».

Честно сказать, в самом повествовании цвет небесной бездны никак не обозначен. Но ведь была же у Беляева какая-то причина снабдить название цветовой характеристикой?!

Например, он мог вспомнить стихи:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.
……
……
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

Стихи написаны Осипом Мандельштамом в 1916 году, опубликованы в 1922-м (сборник «Tristia») и действие в них происходит в Крыму («Тавриды пламенное лето/Творит такие чудеса»)[187].

А «бездна» обязана своим появлением Пушкину:

> О мощный властелин судьбы!
> Не так ли ты над самой бездной,
> На высоте, уздой железной
> Россию поднял на дыбы.

У Пушкина и Мандельштама казнимая Россия («на дыбы» слишком близко стоит к «дыбе») повисла над бездной, готовая сорваться в пропасть…

Отличие Беляева от двух названных поэтов в том, что он падение России в бездну видел собственными глазами. И четко понимал, что было причиной массовой гибели русских людей (многие русские считали, что бегство хуже смерти) — безумный, безжалостный и никому не принесший счастья (а значит, провалившийся) большевистский эксперимент.

Второй «крымский» рассказ «Среди одичавших коней» снабжен подзаголовком («Необычайные приключения подпольщика») и редакционной врезкой:

> «Во время гражданской войны Крым неоднократно переходил из рук в руки. Впервые Советская власть была установлена в Крыму 14 января 1918 года. Через три месяца, под напором немецких оккупационных войск, Советская власть принуждена была отступить на Кубань. Власть перешла в руки ставленника немецкого командования — царского генерала Сулькелича. В конце 1918 года его сменило правительство кадета Соломона Крыма. Весной 1918 года, под напором красных войск, „правительство“ Соломона Крыма погрузилось на пароход и эмигрировало за границу. В Крыму власть вновь перешла к Советам. Однако, в июне 1919 года, благодаря десанту Слащева и открытию Махно Донецкого участка красного фронта, Советское правительство принуждено было оставить Крым. Окончательно Крым был закреплен за Советской властью в конце 1920 года: 12 ноября этого года, после героического штурма Перекопских позиций, передовые отряды Буденновской кавалерии вступили в Крым, вынудив остатки разгромленной белогвардейской армии бежать на пароходах за границу… Действие рассказа А. Беляева относится к лету 1919 года, — после захвата Крыма белыми в июне».

Содержание же рассказа таково: некий Бойко, посланный из Симферополя в один из крымских городов агитатором, по приезде на место немедленно сваливается с приступом малярии. Болящего приютил бедный владелец виноградника с необычайным татарским именем Вилли Улла. Провалявшись несколько дней без сознания и медленно выздоравливая. Бойко не заметил, что власть на полуострове сменилась. Потом кто-то донес властям, что Вилли Улла прячет на винограднике большевика, и Бойко ушел подальше в горы, в зону альпийских лугов — Яйлу. Спасаясь от бури, он забредает в пещеру и обнаруживает, что в ней уже проживает один обитатель. Кто он, отчего прячется в пещере — этого Бойко так никогда и не узнал. Вечером хозяин пещеры, назвавшийся явно выдуманным именем Петр, взяв винтовку, ушел. А ночью произошло нечто столь удивительное, что Бойко потерялся в сомнениях — был то малярийный бред или случилось взаправду. Послышались конский топот, ржание, треск сучьев, как будто по лесу скачет кавалерийский эскадрон. А потом из чащи леса выскочил на поляну конь…

> «Он хромал на правую переднюю ногу и, тем не менее, мчался, как будто за ним гналась стая волков. Без узды, со сбившимся на бок седлом, задрав голову и оскалив зубы, ослепительно сверкнувшие на лунном свете, он перепрыгнул через ручей, добежал до середины поляны, протяжно заржал, круто повернул налево, спустился по отлогой поляне и скрылся в лесу. Вслед за ним на поляну выбежало еще несколько коней. Большинство из них не имело никакой упряжи, несколько коней было оседлано, у иных осталась одна подпруга. Они заржали в ответ удалявшемуся вожаку, сделали такой же крутой поворот и скрылись внизу. Все это длилось не больше нескольких секунд».

Проснувшись утром, Бойко вышел из пещеры и понял, что увиденное ночью не было ни сном, ни бредом…

> «Посреди поляны стоял небольшой табун коней. Животные мирно щипали траву, помахивая хвостами. <…> Бойко узнал хромого вожака — красивого жеребца рыжей масти, с крутым выгибом шеи и сильно развитыми мускулами ляжек. Его грациозные, несмотря на поврежденную ногу, движения и нервные, трепещущие ноздри говорили о хорошей крови. Недалеко от рыжего красавца стояла черная кобылица с

белыми ногами.

„Донская“, — решил Бойко. <…> Несколько низкорослых коней могли принадлежать к местной крымской породе. <…> Было ясно лишь одно, — все эти кони принадлежали кавалерийским частям. Об этом свидетельствовали сохранившиеся на некоторых из них седла. Кони терлись о деревья и пытались сорвать зубами седла — этот символ их порабощения человеком. <…>

Вдруг рыжий жеребец начал поводить ушами, как будто к чему-то прислушиваясь, и потянул воздух расширенными ноздрями. Широкая грудь его напружилась. <…> Откинув голову еще больше назад, он сильно, протяжно, призывно заржал. И, как по военному сигналу, бросился вперед — в атаку. Весь табун стремительно последовал за ним.

В первое мгновение Бойко подумал, что коней испугал кто-то, находившийся позади них. Но рыжий жеребец бежал прямо на Бойко, с пеной у рта и налившимися кровью глазами. Бойко, охваченный ужасом, бросился назад. <…> Прыгая через камни и стволы поваленных бурей деревьев, Бойко бежал к пещере. <…>…на четвереньках вполз в пещеру, едва успев подобрать ноги от лошадиных копыт. Рыжий жеребец с такой стремительностью преследовал его, что с разгону ударился грудью о выступ скалы, пошатнулся и захрипел. Оправившись, он сделал попытку войти в пещеру. <…>…но плечи не входили в расщелину.

Бойко видел перед собой скошенный, большой, круглый, налитый кровью глаз и покрытую пеной морду с оскаленными зубами. Этот большой, умный, пылающий гневом глаз был страшен! Конь хрипел и, опершись на больную ногу, пытался правою проникнуть в пещеру как можно дальше и ударить человека. Но Бойко, бледный и задыхающийся, стоял в трех шагах от входа. Конь бил копытом каменистую почву, выбивая искры, и злобно взвизгивал. Бойко никогда не слыхал такого странного лошадиного визга. За рыжим жеребцом, в нетерпеливом ожидании, толпились другие кони. И Бойко чувствовал всем своим существом, что их наполняет звериная злоба. Да, это уже не были привычные домашние животные! Это были дикие звери, враждебные человеку. Они как будто мстили ему за тысячелетия рабства, за безропотный труд, молчаливые страдания и незаслуженные обиды».

Возвращается «Петр» и объясняет, откуда взялись здесь дикие кони:

> «— При каждой эвакуации часть лошадей оставалась брошенной на произвол судьбы. Они уходили в леса и здесь быстро дичали».

Что же касается причин лошадиной ярости, то:

> «— В этом уж сами люди виноваты. <…>…создался в Крыму новый промысел… — охота на одичавших лошадей».

Выяснилась и причина особого интереса табуна к обитателям пещеры:

> «— Однажды я подстрелил жеребенка. Кобылица, а вслед за нею и весь табун бросились на меня. Мне пришлось спасаться на дереве. Табун продержал меня в осаде двое суток. И ведь умные животные! Они ходили на водопой по очереди, а меня чуть не уморили голодной смертью. Да и уморили бы, если б на мое счастье случайно не пришли в лес охотники-татары. Испугавшись целого отряда людей, лошади убежали».

Но от возмездия «Петр» так и не ушел. Утром он отправился на охоту, пообещав подстрелить самого вожака табуна — рыжего жеребца. Но винтовка дала осечку, и табун растерзал несчастного охотника. Прямо на глазах Бойко…

После чего, как пишет Беляев:

> «Бойко вновь неудержимо потянуло к привычным опасностям революционной жизни. <…> Бойко вышел из пещеры, оглянулся еще раз на кровавое пятно [то, что осталось от „Петра“. — *З. Б.-С.*] и начал бодро карабкаться по склонам горы…
>
> Туда, на север, к своим — во что бы то ни стало!»

Что в этом рассказе противоречит исторической правде? Только одно — слова «Петра» о происхождении вида дикой крымской лошади:

> «— При каждой эвакуации часть лошадей оставалась брошенной на произвол судьбы. Они уходили в леса и здесь быстро дичали».

То есть со второй фразой все в порядке: лошади действительно уходили и дичали. Непорядок в первой фразе, точнее в одном слове:

«…при *каждой* эвакуации»!

Дело в том, что до 1920 года все армии, оставлявшие Крым (большевики в 1918 и 1919 годах, немцы в 1918-м, белые в 1919-м), уходили с полуострова по суше. Понятно, что бросать лошадей и передвигаться на своих двоих никому бы и в голову не пришло. А немцы вообще проводили плановую эвакуацию по железным дорогам, забрав с собой в эшелоны абсолютно все движимое имущество, включая лошадиный контингент.

И лишь однажды распорядок действий был нарушен:

«На пристани дым коромыслом. Давка увеличивается. Между людскими толпами уныло бродят всеми покинутые лошади, чувствуя близкую гибель от голода и жажды»[188].

Это Керчь. Ноябрь 1920-го… Грузятся на корабли все три казачьих полка 3-й Донской дивизии.

А вот отступает к Севастополю Дроздовская дивизия. На ее пути —

«Брошенные кони, бредущие табунами»…[189]

Еще один крымский порт, еще один очевидец:

> «…казаки… [с]о слезами на глазах… прощались со своими боевыми конями, целовали их и, перекрестившись, шли к пристани. Другие старались не смотреть в глаза своих любимцев, чувствуя себя виноватыми. Некоторые кони инстинктивно чувствовали предстоящую разлуку и пугливо поводили ушами, сиротливо озирались и жалобно всхрапывали. „Эх, Васька! Вывозил ты меня из беды. Пятьдесят красноармейцев на тебе я зарубил, а теперь оставляю тебя для этой сволочи, — сокрушался один казачий офицер, снимая седло и уздечку. — Смотри, брат, — не вози красного, сбей его с седла, как сбивал ты всякого, пока я не овладел тобой. Прощай, Васька!“»[190].

И, наконец, всё вместе: очевидец, Крым, кони и литература — стихи Николая Туроверова, написанные 20 лет спустя в Париже:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,

Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы.
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода…
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Только тогда, в ноябре 1920 года, садившиеся на суда кавалеристы бросили на берегу своих верных коней. И Беляев описал именно это событие. Ну а если в Крыму установилась советская власть, то большевику прятаться от нее в горных трущобах никакой нужды не было. И, значит, загнанный беглец Бойко мог быть только белогвардейцем!

Попутно решается еще одна загадка: кто такой «Петр»? Вот подробное описание его внешности и места обитания:

> «…у правой стены, в небольшой выемке, находилась кровать, сделанная из сучьев, покрытая мхом и сухими листьями. Серый, изорванный кусок материи — быть может, остатки шинели — служил одеялом. У изголовья кровати стояла винтовка. Старый шомпол был воткнут в расщелину скалы над костром. На шомполе висел солдатский котелок. Обитатель пещеры, несомненно, имел отношение к армии. Но какой армии: красной или белой? Был ли он, так же, как Бойко, случайно оторван от своих и отсиживался здесь в ожидании перемены, бежал ли с фронта, как дезертир, или, быть может, это был просто бандит, выходивший из своих лесов в смутные дни безвластья, чтобы пограбить, и, как зверь, скрывавшийся в свою нору, когда власть — для него все равно какая — восстанавливала порядок?..
>
> Бойко пытался разрешить этот вопрос, изучая внешность хозяина пещеры.
>
> У него было грубоватое, обросшее рыжей бородой лицо, сонные, небольшие глаза. <…> Если сбрить эту бороду, оставить усы, то такое лицо можно встретить

среди старых армейских капитанов».

Тайна личности «Петра» раскрывается просто: он не красный, не белый — он зеленый!

Прозвали их так оттого, что жили они в лесу. А в лес их привело сильнейшее нежелание становиться на любую из сторон — большевиков или белогвардейцев. Хотели же они только одного — мирной спокойной жизни. А поскольку мира и покоя им не дали, они воевали и с красными, и с белыми.

Покончить с зелеными большевикам удалось лишь через два года после захвата Крыма — в конце 1922-го…

Вот такой рассказ вышел из-под пера Беляева. Но написать — это одно, а напечатать совсем другое. Понятно, что признаться в сочувствии к белякам редакция «Всемирного следопыта» не собиралась. И заставила автора выдать белое за красное. Что тот с грехом пополам и сделал…

А теперь несколько слов о подзаголовке — «Необычайные приключения подпольщика».

«Подпольщиком» называется не тот, кто сидит в подполе, а тот, кто ведет подпольную борьбу. Бойко же потерял сознание еще при советской власти и, придя в себя, вначале прятался, а потом сбежал, чтобы спрятаться получше… Так что, скорее всего, глупейшим подзаголовком мы обязаны редактору — решил подстраховаться на случай, если у какого-то читателя еще не отшибло историческую память…

Глава двенадцатая
НОВАЯ МОСКВА

Итак, в начале 1923 года Беляев приехал в Москву. До того он бывал здесь неоднократно — каждая поездка из дома в Демидовский лицей и обратно приводила его на Северный (Ярославский) вокзал. О баррикадах в декабре 1905-го и напоминать не стоит. Но нынешний приезд не был похож ни на один прошлый — впервые Беляев вознамерился стать москвичом. Да и Москва была уже мало похожа на знакомый Беляеву город. Теперь это была столица России. Суетливая, нелепая, даже отвратительная, но новая Москва.

В новой Москве и хотел Беляев начать новую жизнь…

Он даже не понял, как сказочно ему повезло: без мытарств, беготни и унижений получил в полное свое распоряжение то, что в тогдашней Москве составляло высшую меру измерения жилых помещений — комнату!

И совсем скоро принимал в этой комнате приехавшую из Ялты жену. А когда она приехала, обладатель московской жилплощади оказался еще и трудоустроен: работал в Наркомпочтеле — Народном комиссариате почт и телеграфов. Дочь полагала, что он работал там плановиком[191]. Поверить в такое трудно. Плановик занят разработкой производственных планов, составлением смет, проверкой эффективности использования вложенных средств… То есть именно тем, в чем у Беляева специальных знаний и навыков не было напрочь. Поэтому гораздо более убедительным выглядит сообщение вдовы о том, что в Наркомпочтеле Беляев служил юрисконсультом[192].

Мы помним неоднократные заявления Беляева о том, что никакой тяги к занятиям юриспруденцией он не испытывает, и были свидетелями его удавшихся попыток переменить род занятий. Речь, понятное дело, идет не об угрозыске, а о журналистике.

Беляев и на этот раз остался верен себе. Наркомпочтель издавал ведомственный журнальчик — «Жизнь связи» (с 1924 года — «Жизнь и техника связи»), и Беляев немедленно с ним подружился. Едва успев приступить к работе в наркомате, он принес в редакцию первую статью — пока в рамках своих служебных занятий: о юридических аспектах международных почтовых связей СССР. Статья была подписана одной буквой: *Б*, [193] До конца 1923 года за такой же подписью журнал напечатал еще несколько статей, но утверждать, что их автором был Беляев,

мы не можем[194].

Но в 1924 году Беляев становится постоянным участником журнала и, прежде всего, автором публикуемой в каждом номере статьи с ответами на письма читателей «О чем нам пишут». Подписаны эти статьи то аббревиатурами *(А. Б.; А. Б-ев),* то полным именем — *А. Беляев.* Поскольку, кроме дежурной статьи о переписке с читателями, он заполнял журнал информационными заметками, полемическими статьями и рецензиями (пользуясь и псевдонимами: *Романыч, Романов, Ал. Ром.),* можно с полной уверенностью заключить, что какими бы ни были первоначальные служебные обязанности Беляева, год спустя основным полем его деятельности в Наркомпочтеле стала журналистика.

А раз в год Беляеву позволяли печатать и что-нибудь художественное: в 1924–1926 годах по рассказу[195], а в 1927-м — целый роман[196]. Естественно, не абы о чем, а по профилю журнала — почтовики и связисты в прошлом, настоящем и будущем.

Прикоснулся Беляев в Наркомпочтеле и к театральному искусству. Появилась в 1923 году такая вещь «Синяя блуза» — агитационная эстрадно-театральная группа, пропагандирующая революцию и революционное искусство. Началось всё в Московском институте журналистики на базе «живой газеты» представления новостей в лицах и телодвижениях — и распространилось, как дурная болезнь. Столько их стало, что понадобился им даже свой особый гимн:

Мы синеблузники, мы профсоюзники —
Нам всё известно обо всём,
И вдоль по миру свою сатиру,
Как факел огненный, несем.

Мы синеблузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи —
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи…

Поветрие не обошло стороной и Наркомпочтель, где живгазета «Синяя блуза» инсценировала беляевский рассказ «Три портрета» и получившееся либретто напечатала в той же долготерпеливой «Жизни и технике связи» (1927. № 11. С. 185–195). Надо думать, что в постановке — советом и делом — принял участие и автор…

Приходилось, впрочем, заниматься и менее веселыми делами.

За время, проведенное в Наркомпочтеле, Беляев выпустил две книги служебной тематики. Первая — «Современная почта за границей» — вышла в 1926 году, и в предисловии автор скромно назвал ее брошюрой. Но «брошюра» эта насчитывала 184 страницы, так что скромность здесь явно не к месту. Как и было обещано, в книге подробно описывалась организация почтово-телеграфного дела за рубежом. Единственный развлекательный элемент в сухое изложение вносили многочисленные фотографии, как этнографического свойства — лодка-сани шведских почтальонов, воловья, верблюжья и речная (на плоту из высушенных тыкв) почта в Индии, письмоносцы в снегах Тибета, — так и демонстрирующие новейшие способы доставки писем: почтовые аэропланы и дирижабли, подземные почтовые электромагистрали, киоски-автоматы для наклеивания марок, сами ставящие штемпель на конверт…

Вторая книга вышла с опозданием — в 1928 году (на обложке указан 1927-й). Книга необычная, поскольку авторского текста, за исключением предисловия, вообще не содержит. Называлась она «Спутник письмоносца: Элементарное практическое руководство по справочной службе почтовика».

Из предисловия же выясняется, что на самом деле имелся в виду не каждый почтовый работник, а исключительно сельский представитель почтового ведомства. Поскольку «с первых же дней появления письмоносца на селе крестьяне начали обращаться к нему за различными справками». Вопросы задавались самые разные — политические и хозяйственные, бытовые и юридические.

Что касается политики, то «в этой области крестьянин интересуется как внутренним, так и международным положением, вопросом о войне, о нашей подготовке к ней, что хочет оппозиция и в чем ее разногласия с партией».

Казалось бы, дать нужный ответ на такие вопросы куда как непросто.

Но это только кажется — чтобы не попасть впросак, «стоит только внимательно и регулярно читать газеты, в особенности „Правду“ — здесь можно найти ответ на любой запрос».

«К вопросам бытового характера, — продолжает Беляев, — относятся вечные споры о земле».

Например: «Кто имеет право на пользование землей?»

Имеет ли право на землю грузин? Инвалид? Старик 60 лет? Цыган?

«Иногда задают очень сложные и трудные вопросы. Даже хорошо изучив все законы, на них бывает трудно

ответить. По иному запутанному делу даже сами судьи затрудняются дать ответ и ошибаются. <…>

Например, вас спрашивают, как поступить: крестьянин женился и вошел в двор родителей жены. Жена скоро умерла, с родителями же он не ладит („тесть выгоняет“).

Не отвечайте „вернись во двор родителей“, или — „требуй раздела двора“».

И Беляев предостерегает: «Судебные и земельные дела столь сложны, что превращать письмоносца в „аблаката“ было бы скорее вредно, чем полезно».

Поэтому основное содержание книги — подборка законов, касающихся всех сфер сельской жизни (от брачного права до призыва в армию), — выглядит после такого предупреждения не совсем серьезно. Истолковать закон и определить область его применения может адвокат, а не почтовик, у которого юридических познаний не больше, чем у крестьянина.

Так что стремление позволить почтовым служащим (вослед знаменитому телеграфисту Ятю) образованность свою показать принесло, наверное, больше вреда, чем пользы…

Но кроме служебной существовала и жизнь личная. А здесь идиллия — жилищная — скоро закончилась. Беляевы, как и рассчитывали, поселились у Нины Яковлевны Филипповой. Но мужа ее перевели в Ленинград, и в квартиру вселились новые обитатели — сотрудники НКВД. Первый был женат и до соседей ему дела не было. Зато второй — холостой — принялся Маргариту терроризировать. И добро бы приставал. Такое хоть можно если не извинить, то понять… Нет! Он запретил ей пользоваться кухней и вообще отравлял жизнь, как умел. В конце концов, видя, что намеков интеллигенты не понимают, он прямо заявил, что пора им из квартиры убираться. А если будут артачиться, доложит куда надо, что квартира эта конспиративная и того гляди из-за Беляевых все явки будут провалены…

Потрясенная Маргарита лишь с недоумением смотрела на мужа, который вел себя так, как будто все происходящее его не касается. Потом Маргарита догадалась, что Беляев был просто парализован страхом. Тем не менее через одного нового знакомого, которого Беляев натаскивал по политграмоте (Маргарита называла его «политработником»), удалось снять другую комнату и избавиться от опасного соседства. Комната, по словам Маргариты, была ужасной, но именно здесь, в доме 14 по Лялину переулку, 15 марта 1924 года у Беляева родилась первая дочь — Людмила.

Что не помешало Беляеву полгода спустя добиваться встречи с Верой Былинской. Вот только вышедшая замуж Вера на предложение не ответила… Семья была сохранена.

Глава тринадцатая
ТРИ ГОЛОВЫ ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Совсем недавно — до выхода этой книги — фантастику Беляева отсчитывали с рассказа «Голова профессора Доуэля». А вот относительно того, где впервые рассказ появился, единодушия почему-то не было…

Сам А. Беляев утверждал, что «„Голова профессора Доуэля“ была… напечатана в 1926 году в журнале „Всемирный Следопыт“»[197].

Но 45 лет спустя дочь писателя уверенно заявляла:

«В газете „Гудок“ стал печататься с продолжением его первый рассказ „Голова профессора Доуэля“»[198].

Еще через полтора десятка лет, в статье «Старт дает „Гудок“», сухая эта информация расцветилась художественными подробностями: пришел, мол, в редакцию «Гудка» не старый еще, близорукий человек, и приняли его на работу рядовым сотрудником. С робостью смотрел он на веселую, талантливую и зубастую молодежь — Илью Ильфа, Юрия Олешу, Евгения Петрова… А потом, глядя на них, взял и написал свой первый рассказ — «Голова профессора Доуэля»… И газета его напечатала! Тогда-то все и увидели, что кроется за скромным обликом рядового сотрудника…[199]

Итак, рассказ Беляев написал сам. Отчего ж тогда главную заслугу в этом деле заголовок статьи возлагает на газету «Гудок»?

А это один из самых стойких литературных предрассудков: советская литература дело не одиночек, а коллектива. Данную же конкретную легенду изобрел Виктор Шкловский еще в 1933 году. Предметом его разбора стала так называемая «южнорусская школа», то есть писатели, родившиеся в Одессе и перебравшиеся в Москву. Вот Шкловский и придумал, что своим творческим взлетом все эти ильфы-петровы-олеши обязаны совместной работе в редакции газеты «Гудок». Там они правили малограмотные заметки рабкоров, а, значит, сами учились писать. И, в конце концов, научились[200].

В 1950-е годы легенду эту подхватил Константин Паустовский, а потом она стала общим местом. В конце 1960-х с ней чуть было не покончил Аркадий Белинков, опубликовав в журнале «Байкал» несколько глав из книги о Юрии Олеше[201]. Там Белинков наглядно показал, что если в «Гудке» писателю что и светило, так это только писать разучиться. Но эти номера журнала из библиотек сразу изъяли, главного редактора уволили,

а Белинков оказался в эмиграции. И легенда устояла…

Однако самое смешное это, пожалуй, то, что Беляев в «Гудке» никогда не работал. Ни одного дня! Более того, и рассказа своего в «Гудке» не печатал!

На самом деле первым «Голову профессора Доуэля» опубликовал «Всемирный следопыт» — в марте и апреле 1925 года[202]. А затем рассказ стал печататься в «Рабочей газете». Странное издание: по формату и качеству — заводская многотиражка, а подзаголовок оглушительный: «Орган Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)»! Публикация растянулась почти на месяц[203]. И тогда стало ясно: в журнале рассказ был напечатан в сокращенном виде.

После чего Беляев еще раз и полностью издал «Голову профессора Доуэля» в одноименном сборнике[204].

А в 1937 году рассказ был переделан в роман и снова трижды опубликован — на этот раз в Ленинграде: в 1937-м — в комсомольской газете «Смена» (февраль — март) и в журнале «Вокруг света» (№ 6–12), а в 1938-м — отдельной книгой в издательстве «Советский писатель».

Однако и с романом дела обстоят совсем не просто… Потому что написан он был не в 1937 году, а гораздо раньше. Сам Беляев в этом признавался!

> «Советская научная фантастика неизбежно должна была пройти стадию ученичества у западно-европейских мастеров. Естественно, мы должны были овладеть и стандартными формами. „Голова“ и отражает этот период. И *наиболее печальным в анахронизме я нахожу не то, что книга в виде романа издана теперь, а то, что она только теперь издана.* В свое время она сыграла бы, конечно, большую роль: ее недостатки и достоинства сослужили бы большую службу»[205].

Мало того — оказалось, что эта третья, написанная в 1928 году и никому не известная «Голова профессора Доуэля» не сгорела, не пропала, а существует!

Отчего же до сих пор она пребывала в безвестности? Ответов на этот вопрос как минимум два: во-первых, никто ее не искал, а во-вторых, никто не опознал — в 1928 году название у романа было совсем другим: «Воскресшие из мертвых».

Название это заслуживает самого пристального внимания, но не будем торопиться… Что знали о романе до того, как мы совершили наше открытие? Совсем немного, но это немногое сказано самим Александром Беляевым:

> «Могу сообщить, что „Голова профессора Доуэля“ — произведение в значительной степени… автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни „головы без тела“, которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать „голова без тела“. Когда я поправился, уже в Москве мне попалась научная статья с описанием работы Броун-Секара (1817–1894 гг.), который делал опыты, еще очень несовершенные, оживления головы собаки. Эта статья и послужила толчком, так как она к личным переживаниям „головы“ прибавила научный материал, на котором мне представилось возможным создать научно-фантастический роман»[206].

Конечно, драматизм биографических обстоятельств — три с половиной года в гипсовой кровати с параличом нижней половины тела — несколько преувеличен (как явствует из письма Вере Былинской, паралич затронул не всю нижнюю половину тела, а только ноги, да и тот через несколько месяцев прошел). Не вполне точен и рассказ о том, что мысль о самостоятельной жизни отдельно взятых частей тела осенила писателя лишь в Москве по прочтении статьи об опытах Броун-Секара… Еще 10 января 1913 года в «Смоленском вестнике» появилась анонимная заметка, в которой рассказывалось о лауреате Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1912 год и его опытах по поддержанию жизнедеятельности отдельных органов, извлеченных из организма[207]. Вполне достаточно, чтобы направить пытливую мысль писателя в нужное русло… Но примечательно и другое: смелый экспериментатор Алексис Каррель *(Alexis Carrel)* назван в заметке американцем.

И действительно, в предисловии к публикации во «Всемирном следопыте» (оно озаглавлено «От редакции», но принадлежит, несомненно, Беляеву) сказано: «Целый ряд ученых работал над разрешением этой задачи: Гаскель и Эсвальд, Ашов и Тавара, в *Америке — Керель* и др.»[208].

На самом деле, Каррель, хоть и прожил много лет в США, все эти годы (1905–1941) был и оставался французом. А теперь обратим внимание на странную эволюцию беляевского повествования: в рассказе действие происходит в Америке, а в романе — во Франции! Видимо, приступив к написанию романа,

Беляев узнал, что в заметку вкралась ошибка, и поспешил ее исправить.

Но внимание Беляева к Каррелю могло объясняться не только воспоминаниями о газетной заметке 1913 года. Ведь прославился Алексис Каррель не только Нобелевской премией… Слава его была и достаточно скандальной — например, он открыто провозглашал превосходство белой расы и биологическую необходимость уничтожения рас низших, а своим медицинским авторитетом поддержал веру в то, что в Лурде (деревне у подножия Пиренеев) действительно происходят чудодейственные исцеления, о чем объявил в специальной брошюре… Реакция французского медицинского сообщества была соответствующей, оттого-то и пришлось Каррелю оставить Францию и перебраться в США.

Подобное соединение в одном лице ученого-революционера и ярого реакционера позволило превратить одного человека в двух персонажей — ученого-новатора и ученого-преступника. Даже именами своими герои рассказа могли быть обязаны фамилии нобелевского лауреата (как ее запомнил Беляев): Доуэлю досталась вторая половина (Кер-*ель*), а Керну — первая (*Кер-*)[209] …

«Голова профессора Доуэля», напечатанная в одноименном сборнике, удостоилась и внимания критиков. Первую и весьма пренебрежительную рецензию написал бывший беляевский земляк Константин Локс (1889–1956), ученый секретарь Главнауки при Наркомпросе[210]:

> «Работа над фантастическим рассказом, в основу которого положена научная гипотеза, чрезвычайно соблазнительна своей кажущейся легкостью и безграничными возможностями. Самое поверхностное знание химии или биологии ныне как будто открывает головокружительные перспективы полетов на соседние планеты, освобождения внутриатомной энергии, воскрешения мертвецов и т. п.
>
> Художественная трактовка подобных событий должна иметь, однако, некоторый смысл, заключающийся или в целесообразно поставленной теме или в самом качестве фантазии автора.
>
> Возможно, кто-нибудь изобрел способ оживлять отдельные части человеческого организма — что же следует из этого? По мнению Беляева — ничего. Так написан его первый рассказ „Голова профессора Доуэля“. Все сводится к тому, что изобретатель стал жертвой

своего коллеги, который оживил его собственную голову и заставил ее производить новые научные открытия.

Попав в руки уголовного розыска, предприимчивый профессор, эксплоатировавший *(так.)* таким необычайным способом мозг своего учителя, стреляется.

По этому поводу несколько сентиментальных мотивчиков. <…>

Что же касается „научных гипотез“ Беляева, то о них можно сказать только одно: научная фантастика не освобождает от законов своеобразного правдоподобия, не менее убедительного, чем обычное, реалистическое. Достигнуть этого можно умелым развитием той или иной возможности науки, которую нужно знать. Этих знаний и этого умения у автора нет, и поэтому его собственные „опыты“ более или менее удачны в тех частях, где изложение построено только на фабуле»[211].

Вторая — чуть более снисходительная — принадлежит перу Сергея Динамова, главного в ту пору эксперта по авантюрному жанру:

«„Голова профессора Доуэля“ — первая книга А. Беляева. Составившие ее рассказы относятся к научно-фантастическому жанру.

Свои темы А. Беляев берет преимущественно из области биологии. В повести „Голова профессора Доуэля“ развивается проблема оживления трупа. <…> Все это, конечно, вещи невероятные, но в научно-фантастическом жанре невероятное кажется таковым лишь тогда, когда оно плохо доказано. Как доказывает А. Беляев свои фантастические предположения? Весьма недурно. Его смелые гипотезы — убедительны, невозможное кажется возможным.

<…> Литературный шаблон тяготеет над А. Беляевым, у него нет крепкой словесной чеканки, стиль его часто напоминает „стиль“ пинкертоновской литературы: „Он ушел взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу“[212] и т. п.»[213].

Ничего более внятного не было сказано и в последующие 80 лет. Разве что с годами смелость беляевской фантазии заслужила всеобщее одобрение, а литературная сторона вообще не подвергалась обсуждению.

А сказать было что… Ну, например, что «Голова профессора

Доуэля» — не просто научная фантастика, а один из редчайших в советское время образцов «литературы ужасов»[214]. И это только то, что бросается в глаза…

А вот то, что в глаза не бросилось — начало главы «Жертвы большого города». Из рассказа 1925 года оно с некоторыми добавлениями перешло в роман 1928 года, где выглядит так[215]:

> «Спускались сумерки. В лаборатории было тихо. Только воздух с тихим шипеньем вылетал из горла головы. Лоран сидела, опустив свою голову на руки. Вдруг она услыхала голос головы профессора Доуэля.
>
> — Меня преследует одно желание… безумное желание… ***Я хочу,*** чтобы вы поцеловали меня…
>
> Лоран вздрогнула и с ужасом посмотрела на голову[216].
>
> На лице головы появилась страдальческая улыбка.
>
> — Вы поражены?.. Вы не ожидали ***встретить*** такого поклонника? Успокойтесь… Это не то… не то, что вы думаете… Я знаю, что я могу возбудить только отвращение. Ожившая голова мертвеца!.. Мое тело давно [в могиле] ***превращено в пепел***… Но поймите меня: нельзя жить одною только мыслью, одним сознаньем… Поймите, что такое вы для меня! Вы молоды, прекрасны. Вас полюбят, и вы будете дарить любимому свои поцелуи. Но никому в мире вы не можете дать своим поцелуем того, что дадите мне! Для меня вы — не только женщина. Для меня вы — жизнь, вся жизнь во всей ее [широте] ***полноте***. Целуя вас, я прикоснусь к жизни, ко всему тому, что доступно вам, ко всему, о чем я могу только безнадежно тосковать. Если вы отшатнетесь от меня, я буду несчастен… Ведь это же не поцелуй страсти! Какая страсть может быть у головы, лишенной тела? Смотрите: мое сердце спокойно бьется в стеклянном сосуде. Оно не может любить. Это — поцелуй-символ. Поцелуй жизни, сияющей, торжествующей, которая пожалела и эту маленькую, гаснущую искорку, что еще теплится во мне… Не дайте мне до конца почувствовать, что я только труп… Сжальтесь надо мной… Поцелуйте меня!..
>
> Во время этой речи Мари, бледная, сидела молча, глядя на голову широко открытыми глазами. Только хруст пальцев выдавал ее волненье. Скорбная складка легла меж[ду] ее бровей. Чувство глубокой жалости боролось в ней с невольным физическим отвращением.

После долгой паузы она медленно встала, подошла к голове… поцеловала… и вдруг коротко вскрикнула и отскочила.

Голова укусила ее [за] губу.

Лоран была так поражена, испугана и возмущена, что почти без сил опустилась на стул.

А глаза головы смотрели на нее печально и серьезно.

— Благодарю вас… благодарю… Не думайте, что я сошел с ума… Это не порыв безумия. Увы! Я долго думал об этом, прежде чем [сдела[ть][л]*ть*} ***решиться на это***. Видите ли… я ничего, ничего не могу сделать в этом мире живых людей и реальных вещей. И я хотел оставить в этом мире маленький след… след моей воли… и сделать это я мог только так, как сделал… Я буду думать, как с этим знаком вы уйдете домой, будете идти по шумным улицам, среди людей. Может быть, кто-нибудь заметит этот след в том далеком для меня мире, — след, сделанный мной… он подумает о том, что кто-то…

Голова вдруг умолкла и потом прошептала:

— Простите… Это эгоистично, но это было сильнее меня… Может быть, и в самом деле рассудок начинает изменять мне…

Пауза, тяжелая и гнетущая, как после удара в сердце, прекратившего крик жертвы. {[С р] ***Р***асширенными глазами,}[г]***Г***олова смотрела немигающим [взглядом], жадным взглядом на распу[г]***х***шую губу.

Вся бледная, с холодны[ит]***ми*** (*sic!)* руками сидела [она] ***Лоран*** перед головой, не смея поднять глаз. Смутные, тяжелые чувства овладели ею. Возмущение, страх, жалость и отвращение [кричали] ***боролись*** во мраке помутившегося сознания. Но голос отвращения звучал громче других. И полусознательно она старалась не выдать этого чувства своим лицом. Зачем обесценивать жертву и отягчать жизнь головы расплатой раскаяния?..[217]

По странной логике чувств, неприятное впечатление от поцелуя головы вызвало у Лоран бурю негодования против профессора Керна».

В 1937 году весь этот фрагмент — от первого до последнего слова — был из романа выброшен[218], и теперь глава начинается прямо со следующей фразы:

«С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна…»

Можно ли думать, что в 1937 году Беляев уже не помышлял об эротике, тем более столь извращенной (любовь ожившего мертвеца, голова, превращенная в половой орган…)?

Нет, помышлял — удалив из романа один фрагмент, он вставил новый (в главу «Голова заговорила»):

«„Уж не влюблена ли она в Керна и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..“ — думала старушка (мать Мари Лоран. — *З. Б.-С.)*. Но тут же опровергала себя: ее дочь не скрыла бы от нее своего увлечения. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всем свете. Нет, тут что-то другое… И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать ее думала, что она уже спит. Мари сидела *на кровати* с широко раскрытыми глазами. *Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на ее месте: тихонько касалась языком своих губ. неба, зубов и думала:*

„Это все, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, еще можно немного шевелить кожею на лбу. И больше ничего…“

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на нее! Старушка решила бы, что ее дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускаю пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала свое. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на нее внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры… Тугие двери… Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха…

Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащенные удары болезненно отзываются во всем теле. Холодная дрожь пробегает по спине… Она открывает все новые и новые двери… О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой? Да проснись же. Мари! Ты стонешь…

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит ее волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя мое…

Старушка уходит вздыхая, а Мари еще несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными, — тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном».

Начинается с мечтаний матери о любовном увлечении дочери, а продолжается постельной сценой… Ведь поглаживания плеч, колен и груди — не просто способ убедиться в наличии собственного тела, это объятия и ласки. Мари ласкает себя как при любовном соитии. Со стоном в финале.

А тогда совершенно иначе звучит признание Беляева в том, что паралич нижней половины тела он воспринимал как утрату тела вообще. Утрата тела — это невозможность плотской любви!

Можно ли счесть эротику главной подспудной темой романа?

Подспудной — несомненно, но не главной. Куда важнее то, что стало названием романа 1928 года — «Воскрешение из мертвых».

«Воскрешением мертвых» называет писатель возвращение к жизни людей, погруженных в анабиоз, и в рассказе 1926 года «Ни жизнь, ни смерть»…

Но гораздо важнее, что именно так Беляев определяет идею «Головы профессора Доуэля» в предисловии к первой публикации рассказа:

«Вернуть к жизни голову умершего человека, вернуть после смерти сознание, — ведь это было бы уже подлинное *„воскрешение из мертвых“,* что в век религиозного суеверия считалось прерогативой (исключительным правом) „божества“».

И можно думать даже, что слова о веке религиозных суеверий и «божестве» — это не просто дежурная дань воинствующему

атеизму.

Суть здесь иная — «Философия общего дела» Николая Федорова, самого оригинального русского мыслителя на рубеже XIX–XX веков. Природа, которую принято называть «Божьим миром», встретила в нем непримиримого врага. «Природа, — писал он, — представляет извращение образа Божия». Каково же назначение человека в этом мире? Разорвать цепь круговорота веществ в природе! Не дать человеку превратиться в прах! Цель человека — воскрешение мертвых! Победа над смертью и бессмертие!

Достичь этого Федоров полагал посредством науки, считая, что никакой иной задачи перед наукой и стоять не должно.

Такое естественно-научное богословие пленяло многих — от Циолковского до Маяковского и Платонова. И в 1920-е годы идеи эти буквально носились в русском воздухе. Но Беляеву открылась редкая возможность ознакомиться с ними почти что из первых рук.

Поступив в 1923 году на службу в Наркомат почт и телеграфов, Беляев стал вскоре активнейшим сотрудником ведомственного журнала «Жизнь связи». А в 1924 году в журнале начал печататься только что поступивший на работу в Наркомпочтель 35-летний Николай Сетницкий. По образованию он, как и Беляев, был юристом, но интересы его простирались намного шире: политэкономия, психология, теория стихосложения и статистика как метод исследования литературного процесса… Командированный Временным правительством в Одессу, он посещал заседания ХЛАМа — объединения «Художники, литераторы, артисты и музыканты», где познакомился со всей местной литературной элитой — Эдуардом Багрицким, Валентином Катаевым, Ильей Ильфом и Юрием Олешей… Но главным оказалось знакомство с Александром Горским, поэтом и ярым приверженцем учения Н. Ф. Федорова. Эта встреча оказалась для Сетницкого судьбоносной — теперь на все он будет смотреть по-федоровски. Даже на экономику. Здесь он разглядит два противоположных принципа мироустройства: эксплуатация и регуляция.

Эксплуатация — это когда «один член взаимодействующего целого признается самоцелью, а другой — только средством и всегда средством». Оттого неприемлем любой капитализм. Но от марксизма здесь ничего нет: эксплуатация лежит в самой основе нынешнего несовершенного, «падшего» порядка вещей, на всех уровнях — от социального до растительного и животного, когда одни служат пищей другим.

Совсем иное дело — регуляция. Здесь уже не взаимная рознь,

вытеснение и борьба, а согласное, питаемое любовью единство частей целого. Это что, социализм? Нет! — соборность и слиянно-нераздельное единство ипостасей Пресвятой Троицы.

И тогда половинчатое, атеистическое строительство рая в одной отдельно взятой стране для одного только класса становится лишь первым шагом на пути христианского дела — всеохватного (храм, общество, частная жизнь) и космического (регуляция природы, одушевление косной материи и упразднение смерти)…

Смотря на вещи под таким углом, можно объявлять большевиков невольными орудиями Божьего Промысла. А значит, нет никаких моральных препятствий для искреннего участия в социалистическом строительстве. И пусть большевики закрывают церкви (ведь православие по сути своей — это культ смерти), пусть изничтожают родимые пятна капитализма вместе с их носителями (частная собственность — это Зло)… Главное, что и при большевиках можно жить, не изменяя ни себе, ни Богу.

Конец у этих прекрасных мечтаний был, естественно, один — в 1937 году Сетницкого арестовали и расстреляли. А Горского в 1937-м как раз из тюрьмы выпустили, чтобы снова посадить в 1943 году. В тюрьме он через несколько месяцев и скончался.

Но пока на дворе 1925 год — можно погружаться в иллюзии и увлеченно пророчествовать. И то, что именно с этих пор тема воскрешения мертвых властно овладевает Беляевым, разумнее всего объяснить его беседами с Сетницким. Тем более что на роль партнера в богословских спорах Беляев, выпускник духовной семинарии, подходил как нельзя лучше. А начаться разговоры могли с обсуждения темы, на которую писали оба, — НОТ, «научная организация труда»[219].

Принцип НОТ заключается в разделении трудового процесса, дроблении производственных операций и специализации. Но Сетницкий никак не мог назвать такой принцип прогрессивным, поскольку он целиком вытекает из нынешней несовершенной цивилизации и является уделом «нашей современной жизни, всецело построенной на субординации, взаимном ограничении и вытеснении»[220]. Этому ущербному НОТу следует противопоставить сознательную организацию труда: «Идеальным было бы выполнение всего трудового акта — от замысла до полного воплощения, от первой творческой мысли до последнего жеста при отделке результата — одним существом, единичным или коллективным, сознающим себя совершенно единым (преобразованное человечество)»[221].

Не знаю, что думал по поводу этих мечтаний Беляев, но мне такое преобразованное по Федорову человечество больше всего

напоминает сверхмарионетку Крэга…

В Наркомпочтеле Сетницкий проводил статистическое обследование работников связи — их положение, деятельность и социальный состав… На один из таких трудов Беляев откликнулся рецензией[222]. Вот еще один повод для бесед.

Не исключено, что Беляев встречался и с Александром Горским, в 1925–1928 годах возглавлявшим в Москве литературно-философский кружок.

Украшением кружка был давний знакомый Горского Эдуард Багрицкий.

Имена прочих участников впечатляют гораздо меньше: братья Шманкевичи — Борис и Всеволод, донесшие идеи Федорова до Маяковского, А. Миних… Но забредала и молодежь — два Владимира (начинающие поэты Луговской и Державин), а также те, кто живо интересовался поэзией или искал немарксистских ответов на главный вопрос философии…[223]

Горский тогда упорно размышлял над «половой трагедией homo sapiens», которая заключается в «противоречии между властью высших мозговых центров и могуществом половых органов». В своем труде «Огромный очерк» (в той его части. что была закончена в 1924 году) Горский рассматривает и практиковавшиеся способы преодоления этой дилеммы:

> «Употребляемое в культе Аттиса оскопление есть попытка достигнуть метаморфозы пола, *не рискуя головой,* то есть оставаясь при *старом (немного лишь видоизмененном)* самосознании…»[224]

Вот еще один возможный источник появления эротической темы в романе.

Воспоминание о труде Горского могло подсказать Беляеву и позднейший эпизод с одинокими манипуляциями мадемуазель Лоран — это позаимствованное из книги Хэвлока Эллиса *(Havelock Ellis)*[225] описание «типичного» случая, когда молодая 28-летняя женщина «чувствует себя особенно счастливой, когда она бывает одна, обнаженная в своей спальне. Она знает наизусть каждый уголок своего тела и гордится тем, что оно сложено согласно всем законам правильного построения человеческого тела»…[226]

Впрочем, круг московских знакомых и обсуждавшихся тем мог быть и шире.

До сих пор мы как-то обходили главную особенность беляевского произведения, а ведь рассказано в нем не просто об отдельной от тела жизни какого-то органа, но о части тела самой главной — голове! И о мозге, живущем и творящем после смерти

остального тела.

И тут такое странное совпадение — в том же 1925 году, в той же Москве было написано произведение, посвященное жизни мозга, отделенного от своего носителя и помещенного в другое тело.

Речь, понятное дело, идет о повести Михаила Булгакова «Собачье сердце».

Читал ли ее Беляев? Откроем рассказ 1926 года «Человек, который не спит». Начинается он с «собачьего дела». Дело это слушается в суде, и вот что говорит обвиняемый — профессор Иван Степанович Вагнер:

> «— Граждане судьи! Я не отрицаю факта похищения собак, но виновным себя не признал, и вот почему. Всякая кража предполагает корыстную цель. У меня такой цели не было. Вы сами огласили документы, из которых суд мог убедиться, что я преследовал исключительно научные цели. Я веду опыты, имеющие громадное значение для всего человечества. Та польза, которую должны принести эти опыты, несоизмерима с ничтожным вредом, который я причинил. <…>
>
> — Но не объясните ли вы, почему вы сочли нужным прибегать к таким странным и незаконным способам добывания собак для ваших опытов? Если опыты представляют ценность, правительство обеспечило бы вас всем необходимым для работы!
>
> Профессор Вагнер замялся.
>
> — Эти опыты слишком смелы. Они могли показаться даже фантастичными. В успех я верил, но на пути лежали неизбежные неудачи. Они могли погубить и дело и мою репутацию прежде, чем я достиг бы положительных результатов. И я решил производить их в тиши своего кабинета, на свой страх и риск. Но у меня было слишком мало личных средств на приобретение собак для опытов. <…> И я был принужден…
>
> — Красть собак? — с улыбкой добавил судья.
>
> Профессор Вагнер выпрямился и ответил тоном глубокого убеждения в своей правоте:
>
> — Собачий век — каких-нибудь двадцать лет. Стоимость собаки — рубли, много — десятки рублей. Уничтожив же несколько собак, я удлиню жизнь человечества втрое, а вместе с тем утрою и ценность человеческой производительности. Если за это я заслуживаю наказания, судите меня! Мне больше нечего

прибавить».

Итак, у обоих профессоров — Преображенского и Вагнера — одинаковые наклонности: приманить на улице собаку, уволочь ее к себе домой, а уж там, в тиши кабинета, подвергнуть бедное животное убийственным опытам…

Так что ответ однозначный: читал. Конечно читал!

Но когда?

Рассказ «Голова профессора Доуэля» был напечатан в марте-апреле 1925 года. А на рукописи «Собачьего сердца» стоит дата: «Январь — март 1925 г.». Правда, 15 февраля Булгаков уже выступал с этой повестью на литературных чтениях…[227] Но, чтобы успеть вдохновиться булгаковским сочинением и написать собственный 70-страничный рассказ, — и этот срок совершенно недостаточный! Так что придется признать: Беляев прочел (или прослушал) «Собачье сердце» *после* завершения «Головы профессора Доуэля». А в 1930 году дал свою версию жизнеописания животного, которому пересадили человеческий мозг — «Хойти-Тойти».

Так что же, сходство беляевского рассказа с булгаковской повестью — чистая случайность?

Ни в коем случае! И доказательство тому: дата начала работы Булгакова над «Собачьим сердцем» — январь 1925 года, первая годовщина смерти В. И. Ульянова (Ленина).

Впервые на это обратила внимание Майя Каганская в послесловии к переводу «Собачьего сердца» на иврит. А еще она установила, что болезнь и смерть вождя мирового пролетариата интриговали Булгакова в крайней степени, даже тогда, когда о Ленине и речь как будто не заходила… Например, в «Роковых яйцах» ужасный «красный луч» изобрел профессор Персиков. При чем здесь Ильич? — спросите вы. А притом что Ленина лечил профессор *Абрикосов*[228].

И когда Ленин все-таки умер, изобретатель Лев Термен поспешил предложить свои услуги: похоронить ленинское тело в вечной мерзлоте, чтобы спокойно дожидаться того момента, когда наука позволит Ленина воскресить.

(Именно этой теме — замораживание и воскрешение — посвящен рассказ Беляева «Ни жизнь, ни смерть», напечатанный в 1926 году[229].)

Однако посланный Терменом курьер опоздал: от тела Ленина осталась одна пустая оболочка, а все внутренние органы уже были разложены по стеклянным банкам.

Но орган органу рознь: печень и желудок с селезенкой, конечно, важны, но не им обязан человек неповторимостью своей

личности. И поэтому один ленинский орган удостоился не просто особого внимания, но целого института — Института мозга. Все были убеждены, что у такого гениального человека, как Ленин, и мозг должен быть не простой. Он, и вправду, — удивительный. Левое полушарие ссохлось до размеров грецкого ореха, правое, напротив, заполнено жидкостью — это пустоты, где раньше было мозговое вещество. Оставалась последняя надежда — выявить что-то необычайное в мозговых клетках… Ну, скажем, по величине, по распределению, по отросткам каким-нибудь… Или их отсутствию.

Забегая вперед скажем: кроме заявлений о неповторимости ленинского мозга, ничего внятного и убедительного мозговеды не сообщили. А могли бы, хвати у них мужества и научной честности, повторить слова профессора Преображенского: «Разруха не в клозетах, а в головах». В нашем случае, в одной — главной — голове.

И как только создали Институт мозга, по Москве поползли слухи, что наняли большевики немцев и дали им задание: воскресить ленинский мозг. Немцы действительно приехали — профессор Фохт со свитой ассистентов. Предложили отвезти мозг Ленина в Берлин, но ЦК не согласился — воскрешайте на месте! Но все-таки деньги на обустройство берлинской лаборатории Фохт из большевиков выбил. И, пока лаборатория строилась, был в Москве частым гостем. Потом наезжал все реже… Наконец умер. А мозг Ленина — то, что от него осталось: нарезка в две тысячи ломтей, — ждет своей очереди на воскрешение.

Глава четырнадцатая
НА ДНЕ

Едва в апреле 1925 года «Всемирный следопыт» успел завершить публикацию рассказа «Голова профессора Доуэля», как в майском номере появились первые главы новой беляевской повести — «Последний человек из Атлантиды».

Повесть эту привычно числят по разряду фантастических произведений, но фантастических моментов в ней всего два: Атлантида и открытие Атлантиды. Все прочее — не фантастика, а фантазия. Обычная писательская фантазия, та, что позволяет писателю придумать своих героев, снабдить их чертами лица, характера и биографией. То есть — исторический роман, основанный на документах. Правда, с документами Атлантиде не повезло: всего два свидетельства, и оба принадлежат одному автору — Платону.

Интерес к Атлантиде вспыхивал неоднократно, а с 1888 года — после появления книги Игнациуса Донелли «Атлантида: Допотопный мир» — уже не затухал. Поэтому необходимо ответить на два вопроса: что побудило Беляева обратиться к этому сюжету и какими источниками он пользовался.

Начнем со второго вопроса. Ответ на него дал сам Беляев:

> «Личный секретарь мистера Солли (нью-йоркского миллиардера. — *З. Б.-С.)* случайно оставил на письменном столе пеструю книжку с серыми и голубыми полосками обложки. Это был томик на французском языке: „Роже Девинь. Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света“.
>
> Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.
>
> „Необходимо создать, — писал автор, — экспедицию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки“.
>
> „Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды… Это идея!“».

Книга Роже Дэвиня *(Roger Dévigne)* «L’Atlantide: Un continent disparu» вышла в Париже в 1924 году [230], и уже в 1926-м — по-русски в Ленинграде[231]. Воспользоваться русским переводом, выпущенным через год после публикации «Последнего человека

из Атлантиды», Беляев, естественно, не мог и, значит, прочел книгу Дэвиня в оригинале. Как он ее заполучил — бог весть! Наверное, служба в Наркомате почт и телеграфов позволяла время от времени приоткрывать окно в Европу…

А то, что книгу эту он читал, а не только слышал о ней, подтверждает текст повести.

Со времен Донелли «атлантологам» хочется верить, что Атлантида не исчезла бесследно — горы древнего континента не утонули, их вершины и поныне открыты солнечным лучам. Мы называем их Канарские острова. В XIV веке острова эти открыли испанцы и застали там очень странных людей. Они не знали металлов, панически боялись морской воды, жили в пещерах и пасли коз. Но при этом были сказочно хороши собой — рослые, рыжие, белокожие — и говорили на языке, не похожем ни на какой другой. Короче — последние атланты, точнее — последние из самых последних: потомки атлантских пастухов. Отсюда приверженность к козоводству и причина, по которой они уцелели: когда Атлантиду захлестывал потоп, пастухи со своими стадами сидели на горных пастбищах, и вода до них не добралась. А назывался этот народ «гуанчи», то есть «люди».

Современная наука, правда, предлагает другое объяснение этого слова: и произносилось оно не так (по-староиспански *guanchinet* следует читать как «уанчинет») и означало не «человек», а «сын *(wan)* Чинета» («Чинет» — местное название острова Тенерифе, буквально «вулкан» — *chinet)*. Но Роже Дэвинь этого еще не знал, а Беляев ему доверился. И потому, подбирая героям повести имена, вовсю пользовался «гуанчским» словариком Дэвиня: главный герой, художник и скульптор Адиширна-Гуанч — *guanch* — «белый человек».

Сын жреца и тот самый «последний человек из Атлантиды» — *Акса-Гуам-Итца — аха* — «коза», *guam* — «человек».

Некий *Гуамф,* о котором сказано лишь одно: *«старик»,* — *guamf* — «старый человек».

Царь Атлантиды *Гуан-Атагуераган*: первая часть имени — все тот же *guam* или *guan* — «человек», а вторая половина — *Achahuerahan* — «Верховный бог», то есть «Человек-бог»… Для царя вполне подходящее имя.

Его дочь, принцесса Сель — *cel* — «Луна».

«Атлантологи» давно заподозрили, что атланты наследили и в других местах — прежде всего в Центральной Америке. Одного такого атланта ацтеки даже приняли за бога. Звали его Кецалькоатль — «Пернатый змей». Беляев полагал, наверное, что утверждать новую веру пришлось огнем и мечом, а потому вручил имя Кецаль-Коотль главнокомандующему вооруженными силами

атлантов. Можно догадаться, что до мексиканской земли этот военачальник добрался не в одиночку, а во главе отряда морской пехоты.

У Акса-Гуам-Итцы был отец — жрец Шишен-Итца… Это название одного из городов древних майя — Чичен-Ица, то есть *Chichen-Itza.* Но прочитанное по-французски: Шишен.

Тем же майя обязан своим именем и брат царя Атлантиды Келетцу-Ашинацак. В книге Дэвиня сказано, что на языке майя *кеяетцу* — это «ласточка». Ласточек он вспомнил, задумавшись над тем, откуда взялось слово «халдеи» — название народа, на краткое время захватившего власть в Вавилоне. Греки этим словом *χαλδαίοι (khaldájoj)* стали обозначать всех вавилонян. Как будто, и правда, похоже на греческое *χελεδον (kheledon*) — «ласточка»… Но в языке майя Дэвинь нашел еще более подходящее слово — *keletzu.* Из чего неизбежно следовал вывод: халдейские мудрецы оттого были названы халдейскими, что мудрость свою получили прямо из рук атлантов.

На самом деле, ни о каких ласточках греки не помышляли, они лишь воспользовались вавилонским названием этого племени — *kaldu.* Но и *kaldu* — это не более чем приспособление чужого слова к тугому вавилонскому уху. В Библии народ сей называется *kaśdim; — im* — окончание множественного числа, следовательно, корень слова: *kaśd-*. Сходства с вавилонским *kaldu* как будто еще меньше, чем с ласточкой. Но дело в том, что — s- в этом корне необычное, поскольку записано не привычной буквой для звука *s* — «самех», а буквой *ś* — «син», обозначавшей особый звук — латеральный «с», то есть «с» и «л» произнесенные одновременно: *kaL'd-im.*

Но вдаваться в такие подробности атлантологам скучно…

А вот мир, окружающий Атлантиду, списан прямо с Библии: царство Агад — это Аккад в Месопотамии, Ашур — Ашшур (Ассирия), Ур — Ур, Атцор — Гацор, Эрех — Иерихон…

Атлантида влекла русских писателей и до Дэвиня. Самый известный пример — «Аэлита» Алексея Толстого (1923). Из менее известных: поэма Велимира Хлебникова «Гибель Атлантиды» и драма Ларисы Рейснер «Атлантида» — обе 1913 года. А в 1910 году появилась книга Константина Бальмонта «Змеиные цветы», в которой содержались переводы древних хроник майя, повествующих о гибели священной страны Астлан. Переводил Бальмонт, конечно, не с языка майя — за него эту работу проделал французский миссионер Шарль Этьен Брассёр-де-Бурбур. С 1854 года он окормлял индейцев гватемальской деревни Рабиналь, составлял грамматику их языка, искал старинные испанские рукописи, пока в 1864 году не понял, что

древние мексиканцы похожи на платоновских атлантов. И тогда Брассёр написал ученому сообществу четыре письма с изложением своих мыслей по этому поводу. Ученых он не убедил, из науки выбыл, а в довершение ко всему произвел сильнейшее впечатление на другого француза — Огюста Лё-Плонжона. На этого уже никакие резоны не действовали. Например, он заметил, что древние майя часто обводили барельефы на стелах незатейливым узором — своего рода рамкой: три прямоугольника, три кружочка, три прямоугольника, три кружочка и т. д. Тут Плонжона и осенило: три тире — три точки — три тире… «Спасите наши души!»… SOS!!! А раз атланты выучили азбуку Морзе, то понятно, что был у них и электрический телеграф!

Воодушевленный первым успехом, отважный исследователь взялся за рукописи майя. Расшифровать записанный иероглифами текст особого труда не составило — во-первых, языка майя Плонжон не знал, и, значит, фонетика с грамматикой ему не мешали, а во-вторых, в рукописях было полно рисунков. Рисунки он понял так: жили-были в Атлантиде брат с сестрой — принц и принцесса. Сестру звали Моо, а брата Мооль. А потом случилось несчастье: брат объявил себя богом и влюбился в сестру. Сестра домогательства брата в ужасе отвергла и сбежала, разъяренный же брат — уже не Мооль, а Чак-Мооль («Бог-Мооль») — пустился за ней в погоню. Сестра спряталась от него в Египте, построила там пирамиды, но это ей не помогло, и она побежала в Мексику. Там тоже успела построить пару пирамид, но тут брат ее настиг и над ней надругался. Такого преступления Высшие Силы стерпеть не смогли и Атлантиду утопили.

Вдохновиться такой бездарной выдумкой сумел только Александр Казанцев, соорудив в 1974 году роман «Фаэты». Плонжона он, конечно, не читал, а все сведения беззастенчиво почерпнул из восхитительной научно-популярной книжки Роберта Уокопа *(Robert Wauchope)* «Lost Tribes and Sunken Continents: Myth and Method in the Study of American Indians» — в 1966 году, на казанцевское несчастье, она вышла в переводе на русский[232]. У Уокопа королева Моо вызывала, понятное дело, только неудержимый смех.

Впрочем, на брассёр-плонжонскую наживку клевали и более достойные, например Иван Ефремов, украсивший последнюю страницу «Туманности Андромеды» цитатой из «Змеиных цветов»:

> «Бесконечно давно майя — краснокожие индейцы Центральной Америки — оставили гордую и печальную надпись. Я передал ее Эргу Ноору, и тот украсит ею

библиотеку-лабораторию „Лебедя“. < … >

— „Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы — земля!“»

А потом пришла Елена Блаватская и рассказала об Атлантиде такое, чего не знали ни Платон, ни Брассёр-де-Бур-бур.

Одолеть толстенные тома «Изиды без покрывала» и «Тайной доктрины» дано немногим. Поэтому в 1896 году Уильям Скотт-Эллиот *(William Scott-Elliot*) собрал относящиеся к теме прозрения Блаватской в небольшую книжку «The Story of Atlantis». В еще более краткой и удобочитаемой форме ту же историю изложил А. Н. Толстой в «Аэлите» («Второй рассказ Аэлиты»)[233].

Какие же сочинения из этой библиотеки прочел Беляев? Весьма вероятно, что поэму Хлебникова «Гибель Атлантиды»… В поэме жрец отрубает рабыне голову, призрак мертвой головы реет между туч и приговаривает Атлантиду к гибели. У Беляева: сын жреца влюблен в рабыню; рабыня гибнет (от руки раба); другой раб отрубает голову отцу героя — жрецу; Атлантида гибнет.

А вот мистического соблазна Беляев избежал — нет в повести ни сверхчеловеков, ни стрельбы зарядами энергии «вриль», ни смены рас — от туманообразной до сверхчеловеческой, даже столица Атлантиды называется по-платоновски — Посейдонис, а не по-блаватски — Город Золотых Ворот…

И все-таки одно сочинение, прочитанное Беляевым, мы упустили. Правда, внимания на него до сих пор никто не обращал. Но в том, что оно на Беляева повлияло, сомнений не может быть никаких. Потому что название его: *«Последний человек из Атлантиды»*. Напечатано оно было в 39-м номере журнала «Вокруг света» за 1916 год. Подзаголовок: «Очерк». А написал его Николай Толстой.

В отличие от своего зеркального тезки, Николай Алексеевич Толстой (1867–1938) для любителей русской фантастики — фигура неизвестная, поэтому скажем и о нем несколько слов: сын гофмаршала и выпускник Пажеского корпуса избрал духовную стезю: в 1890 году рукоположен в иереи, в 1893-м окончил Московскую духовную академию, а через год, в Риме, папа Лев XIII перекрестил его в католика восточного обряда. Вернувшись в Москву, открыл тайную часовню. Измена вскрылась, Николая Толстого лишили сана, учредили за ним полицейский надзор, что не помешало ему 19 февраля 1896 года обратить в католицизм самого Владимира Соловьева[234],

создателя русской религиозной философии.

А в 1910 году Толстой опубликовал свой первый фантастический роман — «Цари мира», а затем — и до самой революции — печатал в журнале «Вокруг света» фантастические очерки и рассказы: «В четвертом измерении (Quasi una fantasia)» (1910), «Обитаема ли Луна?» (1914, ответ положительный), в 1916-м — «Человек завтрашнего дня» и «Последний человек из Атлантиды», в 1917-м — «Ледяные города на полюсах» (вспомним «Продавца воздуха»)… С 1918 по 1920 год проживал в городишке Бобров Воронежской губернии, откуда переехал в Киев, из Киева — в Одессу. В 1925 году вернулся в Киев, служил в греко-католической церкви Пресвятого Сердца Иисуса. Но тут жизнь пошла под откос. Сначала вызвали обратно в Одессу и заставили выступить свидетелем на процессе католического священника Павла Ашенберга (припомнили тому письмо 1922 года, отправленное в Рим, с жалобой на то, что католики в советской России мрут с голоду)… Затем выяснилось, что собственный сын стал осведомителем ГПУ… Тогда католическое руководство решило с отцом Николаем расстаться и лишило его сана — за вступление во второй брак при живой первой жене (немного запоздалый вердикт — во второй брак о. Николай вступил в 1897 году). Безвыходным положением Николая Толстого воспользовались власти: предложили поставить подпись под неким письмом и 17 февраля 1929 года на всю страну (через газету «Известия») объявили:

> «В киевской газете „Пролетарская Правда“ появилось открытое письмо местного католического священника униатского обряда протопресвитера Николая Алексеевича Толстого, в котором он отказывается от сана священника и звания протопресвитера. В своем заявлении Толстой указывает, что ему неоднократно приходилось выступать публично против вмешательства католических ксендзов в политику и что он, не желая иметь в дальнейшем ничего общего с католическим духовенством, целиком проникнутым польским шовинизмом, а равно не желая оставаться впредь паразитом и эксплоатировать *(так!)* темноту масс, к чему вынуждал его католический костел, снимает с себя сан католического священника и посвящает себя честному труду».

Честный труд выразился в должности переводчика треста «Цветметзолото», но не в столичной конторе, а в местах, приближенных к приискам — на Урале и Кавказе. А в 1935 году

выпускника Пажеского корпуса и полиглота направили на работу в систему высшей школы — вахтером студенческого общежития. В Киеве, чтоб был под рукой — в роли свидетеля по делу «Фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережной Украине». А 14 декабря 1937 года арестовали и его самого. Теперь отец Николай выступал как «один из руководителей униатского движения на Украине, направленного к ополячиванию украинского населения и подготовке к оказанию активной помощи украинцами-униатами польской армии при вторжении ее на Украину». 25 января 1938 года Особое совещание коллегии НКВД приговорило Николая Алексеевича Толстого к высшей мере наказания, и 4 февраля 1938 года он был расстрелян. Еще раньше — 25 сентября 1937-го — расстреляли его сына Михаила, а чуть позже — 16 февраля 1938-го — другого, Валентина.

Но вернемся в Атлантиду и благословенный 1916 год…

Ни одно из произведений Николая Толстого (включая перевод «Гамлета») никогда не переиздавалось. Нет особых надежд на то, что и в будущем их ждет иная судьба. Поэтому приведем «очерк» Толстого полностью. Надо ведь и читателю дать представление о дореволюционной русской фантастике… Хотя бы для того, чтобы понять, отчего она теперь совершенно забыта, а Беляева помнят и читают.

Итак, Николай Толстой:

«Последний человек из Атлантиды»

В Британском музее мне случайно попалась рукопись на греческом языке, сильно меня заинтересовавшая. Она была неполная с большими пропусками и представляла собой клочки папируса с едва заметными буквами. Слово «Атлантис» сразу приковало к себе мое внимание, и я обратился к библиотекарю с просьбой разрешить мне с нею заняться.

— Рукопись эта, — сказал мне заведующий музеем, — уже прочтена, скопирована и издана, и вы можете познакомиться с ее содержанием с б***о***льшим удобством из этой книги. Но должен вам сказать, что, несмотря на ее древность, это только копия еще более древнего манускрипта, находящегося в Египетском музее в Булаке, в Каире. Тот папирус гораздо полнее и, если не ошибаюсь, целиком еще не был никем прочитан, так как написан на никому не известном языке вместе с весьма неполным греческим переводом, копию которого вы видите в нашем музее. Манускрипт этот составляет

собственность египетского правительства, которое ни за какие деньги не соглашается уступить его нам. Если бы нашелся человек, который сумел бы прочитать те отрывки, на которых нет греческого текста, то, я уверен, он узнал бы много нового и обогатил бы науку богатыми сведениями.

Взяв рекомендацию, любезно мне предложенную, к директору музея в Булаке, я из туманного Альбиона перенесся в знойный Египет и после долгих мытарств, прекращенных всесильным бакшишем, получил на целых три дня драгоценную рукопись в свои руки.

Ознакомившись основательно с греческим текстом еще из брошюры, изданной Британским музеем, я заранее подготовился к дешифрированию неизвестного алфавита путем сличения его с греческим. Действительность превзошла мои ожидания: буквы оказались греческой скорописью, ничего общего не имеющею ни с одним алфавитом мира и потому оставшейся не разобранной, так как ученые искали в них какой-то неведомый язык, а он оказывался греческим. Греческий же текст был не переводом, а попыткой, неизвестно почему незаконченной, передать стенограмму печатными письменами. Это, должно быть, образчик самой древней в мире стенографии, к которой писавший прибегнул по необходимости, так как записывал весь этот рассказ со слов умиравшего человека, как это я прочел в самом начале рукописи, которую в переводе и привожу целиком.

«Завещание Гермеса, сына Геракла, последнего из потомков богов, населявших райскую страну на крайнем западе среди безбрежного океана, поглотившего ее пятьдесят лет тому назад, продиктованное греческому писцу Пасикрату для передачи государственным мужам, летописцам и учителям для назидания потомства. Я, Пасикрат, точно и верно передаю то, что слышу, исполняя, по данной мною клятве, последнюю волю умирающего.

Я не желаю уносить в могилу тайну, которой владею один на свете. Среди далекого океана под вечно голубым небом лежал остров, в несколько раз превосходивший Элладу, покрытый роскошной растительностью и обладавший неизменно теплым климатом. На этом острове не было ни диких зверей, ни вредных насекомых. По деревьям порхали разноцветные бабочки и райские

птички с блестящим оперением, а по злачным лугам паслись стада густорунных овец. Деревья приносили круглый год обильные плоды, а ручейки и ключи доставляли нам холодную и горячую воду.

С незапамятных времен наш остров, который по размерам следовало бы звать материком, был отделен водным пространством от всего остального мира. Но раньше он сообщался, как утверждали наши ученые, и с вашим материком, именно с Африкой посредством узкого перешейка, и с другими, еще более отдаленными на запад странами, откуда пришли и наши предки, дети Солнца, и о которых вы, дети земли, не можете иметь никакого понятия. Между тем наши великие учителя утверждают, что и в эту страну заходящего солнца наши предки пришли издалека, из полночной страны, где полгода продолжается день и столько же времени ночь. Там, на вершине мира, где небо сходится с землей, а земля стремится к небу, — наше первоначальное отечество.

Мне говорили старики, что наше происхождение божественно; что мы дети неба и солнца, только временно носящие земную оболочку, и что цель нашей земной жизни — служить примером добродетелей и научить мудрости земных людей и сделать их похожими на себя. Ты спрашиваешь, чем мы отличались тогда от детей земли? Ты не видишь разницы между собой и мной. Но в то время разница была еще более очевидная. Мы, дети неба, рождались, но не умирали, не знали ни болезни, ни смерти, ни голода, ни страданий. Тело наше сияло красотой и было бело, как снег. Ум наш обладал способностью понимать всякое явление природы и памятью, которая никогда нам не изменяла. Отличительной особенностью нашего тела и духа было то, что мы никогда не знали усталости, но, должно быть, все-таки нуждались в отдыхе, так как сон смыкал наши глаза, когда дневное светило заходило за горизонт, и душа наша блуждала в царстве снов в продолжение всей полугодовой ночи. Они — дети земли, с которыми мы встретились, покинув наше отечество, были темнокожие, обросшие шерстью, люди с животными инстинктами, с физическими и душевными недостатками, страдавшие и от голода, и от перемены температуры и не знавшие употребления огня.

Мы научили их шить одежды, но не давали им в

руки огня, боясь, что от неосторожного обращения с ним они сгорят сами и сожгут выжженную солнцем траву на равнинах. Но один из них похитил у нас эту тайну, научился высекать огонь и сжег всю страну с ее обитателями. Спаслись немногие. За нашу неосмотрительность Зевс прогневался на нас и принудил нас к той же участи, как и детей земли. Некоторые из нас вступили в брак с детьми земли и положили начало новому племени, которое перекочевало из страны заходящего солнца в Атлантиду, а оттуда в Африку и Азию. Зевс разгневался на нас еще больше и, чтобы не допустить нашего дальнейшего соприкосновения с детьми земли, заключил нас в Атлантиде и уничтожил сухопутную дорогу, связывавшую нас с остальным миром, затопив перешейки и окружив нас беспредельным морем.

То, что я говорил до сих пор, относится к легендам, передаваемым нам стариками. С водворения нашего в Атлантиде начинается историческая эпоха нашего существования, записанная нашими летописцами. Разобщение наше с миром было полное. Тем не менее мы знали, что не мы одни существуем на этом свете и что есть на нем мыслящие и разумные существа, имеющие с нами общих предков.

Три с половиною тысячи лет мирно жили мы на нашем острове. Племя наше начало хиреть, и мы, несмотря на благословенный климат, стали всё более и более ощущать в себе человеческие немощи. Смерть и болезни косили то одного, то другого.

Несмотря на это, племя наше размножилось до того, что готовых плодов не стало хватать на пропитание жителей, и мы стали разводить овощи на огородах и засевать злаками поля.

Но скоро нам и этого не стало хватать, и у нас начались междоусобия. Партия недовольных свергла нашего патриарха, т. е. старейшину нашего племени, и учредила олигархию, состоявшую из двадцати человек. Каждый из них руководил какой-нибудь отраслью общественного дела.

Один заведывал *(так!)* продовольствием населения, другой — общественным здоровьем, третий — науками, четвертый — воспитанием юношества, пятый — строениями, шестой — общественными работами, седьмой — астрологией и т. д.

Вся страна точно преобразилась. Работа закипела. В науке были сделаны замечательные открытия. У нас появились не только все необходимые для жизни вещи, но даже и предметы роскоши вроде зеркал, люстр, статуй и других произведений искусства. Наши дома походили на ваши храмы, окруженные колоннами и украшенные кариатидами. Дворцы наших олигархов состояли из нескольких ярусов мраморных балюстрад, над которыми свешивались гирлянды цветов, ежедневно заменяемых свежими. На крышах разводились сады, среди которых мы находили прохладу даже в полуденное время.

Денег у нас не было, не было и рабства, а между тем работы производились охотно и никто не терпел недостатка. Это достигалось тем, что каждый гражданин нашего государства, получив в детстве специальное образование с изучением известного ремесла, когда кончал свои личные дела и желал работать, заявлял об этом заведующему работами, и тот указывал ему, где требовались его услуги.

По окончании работы он получал свидетельство о том, сколько часов он потратил на работу и как ее исполнил. Когда ему в свою очередь надобились услуги другого специалиста, он заявлял об этом тому же заведующему и представлял свое свидетельство, как право на работу другого, за услуги которого платил таким же свидетельством.

Затем были общественные обязательные работы, за которые все граждане получали свою долю хлеба, сладкой пиши и нектара, если не выделывали их сами, и в таком случае делились с другими.

Береговые жители стали заниматься рыболовством, а внутри страны стали разводить скот, который доставлял нам мед для изготовления нашего любимого напитка. Винограда у нас не было, и вина мы не знали. В наших горах мы находили различные минералы и металлы, из которых научились выделывать всевозможные инструменты и машины.

Между городами и селениями были проложены снабженные каменными плитами дороги, по которым катились повозки, приводимые в движение воротом и колесами. Из одного помещения в другое были проложены слуховые трубы, по которым мы могли разговаривать на расстоянии, не видя друг друга. Из

горячих и студеных колодцев была по гончарным трубам проведена вода в города и поселки, и каждый гражданин мог беспрепятственно ими пользоваться и даже проводить по трубам воду из общественного фонтана в свое помещение.

Когда заходило солнце, над нашими городами вспыхивали искусственные солнца, которых никто не возжигал и никто не гасил и в которых горел не обыкновенный огонь, а небесный. У нас были корабли, которые не боялись бурь, так как могли погружаться в воду, а затем всплывать снова; у нас были лодки, снабженные крыльями, на которых мы могли носиться по воздуху, по земле и по воде. Но у нас было нечто большее. У нас были зеркала вогнутые и выпуклые, посредством которых мы узнавали, что делается не только вдали от нас на земле, но и на небе.

Прошло еще несколько тысячелетий, прежде чем мы достигли всего этого и находились уже на той степени развития, до которого вам, эллины, еще далеко, несмотря на то, что вы много от нас унаследовали. Наши мореплаватели переплывали океан и, окружив себя таинственностью, завязывали сношения с выдающимися людьми вашего континента и открывали им тайну за тайной. Быть может, если бы не случилось катастрофы, уничтожившей Атлантиду, мы бы успели приобщить вас ко всем знаниям, которыми владели сами. Но Зевс, очевидно, не допустил этого. Он помрачил наш разум, и мы, вместо того чтобы сделаться светочами человечества, совершенно исчезли из его истории. Как это вышло? Эту-то тайну и желаю я поведать перед смертью потомству.

Среди наших правителей был один, которому звание олигарха казалось малым. Он хотел стать монархом, а достигнув этого, возмечтал стать владыкою мира. В первый раз потомки Солнца собрались совершить кровопролитие и гнаться за славой и за чужими землями. Впрочем, не все согласились идти на это дело, которое до тех пор было уделом детей земли. Часть нашего населения, наиболее благоразумная, воспротивилась и отказалась принять участие в предполагаемом походе. Другая, соблазненная своим предводителем, настаивала выступить как можно скорее, дабы завоевать и поделить между собой вселенную. Так как властелин не мог рассчитывать на нашу личную

военную силу, которой нам никогда не приходилось испытывать, то он изготовил молниеносные снаряды, извергающие огонь и удушливое пламя. Состав этот в большом количестве хранился в пещере одной горы, примыкающей к залежам материалов, заготовленных и добываемых поблизости.

Накануне дня, когда атланты, так стали звать нас в Европе, намеревались выступить в свой поход, один из миролюбцев решил воспрепятствовать этому ценою собственной жизни. Он, очевидно, не рассчитал силу взрыва, задумал уничтожить смертоносный состав и поджечь его. Я был в то время на корабле. Раздался оглушительный раскат грома, и яркое пламя метнулось к небу. Гора распалась. Море хлынуло на город и затопило побережье. После этого раздался новый взрыв сильнее первого. Земля потряслась, и океан поглотил Атлантиду со всеми ее городами и обитателями.

Мой корабль нырнул в воду, и после тридцатидневного скитания по водам и под водой океана я приплыл к берегам Эллады и скончал *(так!)* свою старость среди вашего племени, которому завещаю написанные мною книги, переданные вашим архонтам. А вам и всем потомкам вашим завещаю мир и всеобщее довольство и счастие, которое вы можете получить только в объятиях знания и свободного мирного труда»[235].

Повесть Беляева обязана Николаю Толстому не только названием, она и есть рассказ последнего человека из Атлантиды, только записанный не эллинским жрецом Пасикратом, а американским профессором Ларисоном в виде повести. На Толстого в беляевской повести указывает и единственный «русский» след:

> «На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были вытравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту».

XX век внес в список великих дешифровщиков не одно русское имя: Николай Невский (тангутские иероглифы), Юрий Кнорозов (иероглифы майя), Виталий Шеворошкин (карийский алфавит)… Но в начале века русские ученые разгадывали древние

письмена только в фантастике — в романе С. Р. Минцлова «Царь царей» (1906) и у Николая Толстого… Правда, в последнем случае неведомая письменность оказалась лишь забытой системой греческой стенографии.

А вот одна деталь в «очерке» прилежного читателя журнала «Вокруг света» наверняка покоробила — про людей, «не знавших употребления огня». Этнографической науке такие не известны. Даже самые жалкие из людей, не знавшие одежды, умели разводить костры, причем такие, что проплывавший ночью мимо их острова Магеллан назвал его *Tierra del Fuego* — Огненная Земля.

Но Николай Толстой и не думал придерживаться этнографии: в его повествовании тот из «детей земли», что похитил огонь, — это, естественно, Прометей, а история атлантов — классический греческий миф: битва титанов с Зевсом. Толстой просто восстановил пропущенное Платоном звено, связывающее предание об Атлантиде с прочей греческой мифологией. А в остальном никакой мистики — чистая научная фантастика жюль-верновского типа…

У Беляева, как уже было сказано, никакой фантастики нет. Технические возможности его атлантов не выше древневосточных. И потому пришло время ответить на главный вопрос: что хотел сказать Беляев своей повестью?

Скульптор Адиширна-Гуанч любит принцессу Сель, принцесса Сель любит скульптора Адиширну-Гуанча. Древней истории известно и такое — это любовь египетской царицы Хатшепсут (правила с 1473 по 1458 год до н. э.) и придворного архитектора Сененмута. Но романов о Древнем Египте уже было написано немало, в том числе писателями вполне приличными (Болеслав Прус «Фараон») и компетентными (египтолог Георг Эберс)… Неужели Беляев захотел с ними соревноваться?

Еще раз припомним содержание «Последнего человека…»: скульптор Адиширна-Гуанч любит принцессу Сель, принцесса Сель любит скульптора Адиширну-Гуанча. Он раб, и, значит, союз их невозможен. Сын жреца, Акса-Гуам-Итца, любит рабыню Ату. Союз их невозможен. И тогда Акса-Гуам-Итца присоединяется к восставшим рабам. Любовь, свобода… Но за свободу надо платить. Платить кровью, кровью самой родной. На сходку повстанцев восставший раб приносит мешок, и из мешка выкатывает голову отца Акса-Гуама. Мать от горя сходит с ума… И Акса-Гуам не кричит, не негодует, а решает идти с повстанцами до конца. Потом, правда, Адиширна-Гуанч смущенно роняет, что отдал приказ лишь задержать жреца, а не убивать. Только вот исполнитель оказался не шибко умен — слишком

исполнителен… Так что печалиться не о чем.

А вот главари восставших. У всех людей имена, а у этих клички — Злой и Кривой. Но ведь и вожди русской революции отказались от своих имен — Ленин и Троцкий. Белогвардейские публицисты так и говорили: «революция псевдонимов». И видели в этом знак принадлежности к преступному миру. И торжеством уголовной стихии объясняли захлестнувшую Россию вакханалию убийств — «красный террор».

А примкнувшие к революции выходцы из привилегированных классов непрестанно убеждали себя, что убийства — это явление временное, и убийц можно понять… Это расплата за былое угнетение.

Но винить надо было себя — за глупые иллюзии, за умственное затмение, за неразборчивость в связях (разве случайно дано «последнему атланту» козлиное имя: *Акса?)*…

Не натяжка ли все это? Нет — и доказательство тому дает нам сам «Последний человек из Атлантиды». Но не тот, о котором писал Беляев, а тот, которого Беляев читал, — Николая Толстого!

> «…Так как властелин не мог рассчитывать на нашу личную военную силу, которой нам никогда не приходилось испытывать, то он изготовил молниеносные снаряды, извергающие огонь и удушливое пламя. Состав этот в большом количестве хранился в пещере одной горы, примыкающей к залежам материалов, заготовленных и добываемых поблизости.
>
> Накануне дня, когда атланты, так стали звать нас в Европе, намеревались выступить в свой поход, один из миролюбцев решил воспрепятствовать этому ценою собственной жизни. Он, очевидно, не рассчитал силу взрыва, задумал уничтожить смертоносный состав и поджечь его. <…> Раздался оглушительный раскат грома, и яркое пламя метнулось к небу. Гора распалась. Море хлынуло на город и затопило побережье. После этого раздался новый взрыв сильнее первого. Земля потряслась, и океан поглотил Атлантиду со всеми ее городами и обитателями».

Рассказ Н. А. Толстого был напечатан в 1916 году — на третьем году войны, которую мы называем Первой мировой, а современники звали Великой, Европейской или германской… Но были и такие, кто отказывал ей даже в праве на звание войны и именовал ее «империалистической бойней», затеянной алчными капиталистами для нового передела мировых рынков. Те, кто требовал немедленного мира и призывал воткнуть штык в

землю…

Только так и могли читать фантазию Николая Толстого современники… И Александр Беляев.

Но фантазия Беляева шла дальше: он знал, когда война закончится. А еще ему дано было увидеть продолжение: «миролюбцев», захвативших власть и взорвавших страну.

Так что «Последний человек из Атлантиды» — роман исторический. Только история эта не древняя, а самая недавняя — 1920 года, когда белая армия погрузилась на корабли и покинула обреченный полуостров. Затем пришли красные и затопили Крым кровью.

И теперь на далеком чужом берегу Акса-Гуам-Итца рассказывает европейским туземцам о канувшем в бездну золотом веке…

Позвольте — какой «золотой век»? Ведь Атлантида — это рабство, социальное неравенство…

Вдова Осипа Мандельштама вспомнила однажды, что в самом начале 1930-х муж сказал ей: «Если когда-нибудь был золотой век, это — девятнадцатый. Только мы не знали»[236].

Но, может быть, Беляев не ограничился иносказательным пересказом всем известных событий и оценкой их с точки зрения проигравших? Может быть, он хотел сказать что-то еще?

Рабы восстали, разгромлены, жрецы торжествуют… И в этот миг Атлантида раскалывается и тонет. И теперь победителей и побежденных ждет единая судьба — захлебнуться на дне.

Спустя 44 года Солженицын пошлет Союзу писателей РСФСР письмо:

«Да растопись завтра только льды одной Антарктики, и все мы превратимся в тонущее человечество, — и кому вы тогда будете тыкать в нос „классовую борьбу“?»

Глава пятнадцатая
ТРИУМФ ВОЛИ

В мае 1941 года, бросив взгляд на множество написанных романов, повестей, рассказов, пьес и сценариев, Александр Беляев признался: «Мне самому как-то больше всего нравится „Властелин мира“…»[237]

Больше всего, как правило, любят то, что тяжело досталось… А на долю «Властелина мира» выпала нелегкая судьба. Прежде всего — трудности с публикацией. В 1925–1926 годах Беляев сотрудничал всего с двумя журналами: «Жизнь и техника связи» (по месту службы) и «Всемирный следопыт». Других журналов, готовых печатать приключенцев и фантастов, ни в Москве, ни в Ленинграде не было. И всё, написанное Беляевым в эти годы — восемь повестей и рассказов, а также 15 статей, прошло через них. Лишь один рассказ — «Человек, который не спит» из вагнеровского цикла — впервые увидел свет не в журнале, а в авторском сборнике «Голова профессора Доуэля» (1926). Но в девятом номере «Всемирного следопыта» за 1926 год был напечатан отрывок из этого рассказа (под названием «Мир в стеклянном шаре»)… Да, только отрывок, да небольшой — всего на две страницы, но мимо журнала и этот рассказ не прошел!

А тут не рассказ — роман!

Конечно, жаловаться на невнимание со стороны редакции Беляев не мог — в 1925–1926 годах его произведения появились в половине всех номеров «Всемирного следопыта»!.. Хорошо, редактор считает, что Беляева в журнале слишком много. Ну, дай объявление, мол, с будущего — 1927 года журнал начинает печатать новый роман любимого писателя!

Но нет — ни романа, ни объявления!

И тогда Беляев отправился по знакомому пути — в газету. Причем в центральную! Не в «Правду», конечно, и не в «Известия» — они романов не печатали, а в самую популярную — «Гудок». И хотя ничего железнодорожного и паровозного в романе не было, газета роман взяла[238] — на своих условиях: публикация открылась сразу с середины. То, что этому предшествовало, пересказали скороговоркой. Внесли и кое-что свое — но об этом позже…

Печатных откликов на «гудковскую» публикацию не было, но роман был замечен. По крайней мере одним читателем…

В «Гудке» роман начинался со второй половины четвертой главы второй части — с репортерской заметки «Массовый

психоз»:

«Вчера вечером в городе наблюдалось странное явление. В одиннадцать часов ночи в продолжении пяти минут у многих людей появилась навязчивая идея, вернее, навязчивый мотив известной немецкой песенки „Ах, мейн либер Августин“. У отдельных лиц, страдающих нервным расстройством, навязчивые идеи или мотивы бывали и раньше. Необъяснимой особенностью настоящего случая является его массовый характер.

Один из сотрудников нашей газеты сам оказался жертвой этого психоза. Вот как он описывает событие:

— Я сидел со своим приятелем, известным музыкальным критиком, в кафе. Критик, строгий ревнитель классической музыки, жаловался на падение музыкальных вкусов, на засорение музыкальных эстрад пошлыми джаз-бандами и фокстротами. С грустью говорил он о том, что все реже исполняют великих стариков: Бетховена, Моцарта, Баха… Я внимательно слушал его, кивая головой, — я сам поклонник классической музыки, — и вдруг с некоторым ужасом я заметил, что мысленно напеваю мотив пошленькой песенки — „Ах, мейн либер Августин“… — Что, если бы об этом узнал мой собеседник, — думал я, — с каким бы презрением он отвернулся от меня? Он продолжал говорить, но будто какая-то навязчивая мысль преследовала и его… От времени до времени он даже встряхивал головой, точно отгонял надоедливую муху. Недоумение было написано на его лице… Наконец критик замолчал и стал ложечкой отбивать по стакану такт, и я был поражен, что удары ложечки в точности соответствовали такту песенки, проносившейся в моей голове… У меня вдруг мелькнула неожиданная догадка, но я еще не решался высказать ее, продолжая с удивлением следить за стуком ложечки.

Дальнейшее событие ошеломило всех.

— Зуппе. „Поэт и крестьянин“! — анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл „Ах, мейн либер Августин“…

Заиграл в том же темпе и том же тоне!.. Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись, как один человек, и минуту стояли, будто пораженные столбняком. Потом

вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех… Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось. По наведенным нами справкам, та же навязчивая мелодия охватила почти всех живущих вокруг Биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта „О, ночь любви“ запели вдруг под аккомпанемент оркестра „Ах, мейн либер Августин“… Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в психиатрическую лечебницу.

О причинах возникновения этой странной эпидемии ходят самые различные слухи. Наиболее авторитетные представители научного мира высказывают предположения, что мы имеем дело с массовым психозом, хотя способы распространения этого психоза остаются пока необъяснимыми. Несмотря на невинную форму этого „заболевания“, общество чрезвычайно взволновано им по весьма понятной причине: все необъяснимое, неизвестное пугает, поражает воображение людей. Притом высказываются опасения, что „болезнь“ может проявиться и в более опасных формах. Как бороться с нею? Как предостеречь себя? Этого никто не знает, как и причин *ее* появления. В спешном порядке создана комиссия из представителей ученого мира и даже прокуратуры, которая постарается раскрыть тайну веселой песенки, нагнавшей такой ужас на обывателей».

Для массового газетного читателя Беляев дает перевод: «Ах, мейн либер Августин» — «Ах, мой милый Августин!»

Мы привели столь обширную цитату по нескольким причинам. Во-первых, чтобы указать на ошибки: песенка об Августине названа «пошленькой» и, наряду с «пошлыми джаз-бандами и фокстротами», должна служить образцом современного «падения музыкальных вкусов». Беляев почему-то забыл, что в своей сказке «Свинопас» Андерсен назвал «Милого Августина» *старинной* песенкой, а сказано это было в 1841 году — за пять лет до появления увертюры Франца фон Зуппе «Поэт и крестьянин» («Dichter und Bauer»)… Да и сама песенка не

немецкая, а австрийская…

Короче, Беляев ошибся абсолютно во всем… — и при этом попал в точку!

Слова «болезнь», «заболевание», поставленные в спасительные кавычки, — это не пугливая ирония газетного репортера, а самая суть: песенку «Ах, мой милый Августин!» сочинили в 1679 году в Вене, пораженной эпидемией чумы. И рассказано в песне про то, как пьяница Августин свалился в яму, а проснулся в окружении трупов. Его и самого приняли за бездыханный труп:

Rock ist weg, Stock ist weg,
Augustin liegt im Dreck,
O, mein lieber Augustin,
Alles ist hin.

Нет одежды, трости нет,
Августин лежит в дерьме…
Ах, мой милый Августин,
Вот и всё, тебе кранты!

Вот и в нынешнем 1926 году на Берлин катится новая чума… С одной только разницей — куда страшнее. Психическая! Когда люди перестают быть собой.

А теперь вторая причина обширного цитирования — сравните два отрывка, приведенный выше и такой:

«Городской зрелищный филиал помещался в облупленном от времени особняке в глубине двора и знаменит был своими порфировыми колоннами в вестибюле. Но не колонны поражали в этот день посетителей филиала, а то, что происходило под ними.

Несколько посетителей стояли в оцепенении и глядели на плачущую барышню, сидевшую за столиком, на котором лежала специальная зрелищная литература, продаваемая барышней. В данный момент барышня никому ничего не предлагала из этой литературы и на участливые вопросы только отмахивалась… <…>

Поплакав, барышня вдруг вздрогнула, истерически крикнула:

— Вот опять! — и неожиданно запела дрожащим сопрано:

Славное море священный Байкал…

Курьер, показавшийся на лестнице, погрозил кому-то

кулаком и запел вместе с барышней незвучным, тусклым баритоном:

Славен корабль, омулевая бочка!..

К голосу курьера присоединились дальние голоса, хор начал разрастаться, и, наконец, песня загремела во всех углах филиала. <…>

Слезы текли по лицу девицы, она пыталась стиснуть зубы, но рот ее раскрывался сам собою, и она пела на октаву выше курьера:

Молодцу быть недалечко!

Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глазе невидимого дирижера»…[239]

Как наверняка помнит читатель, такой неудержимой любовью к вокалу сотрудников зрелищного филиала заразил клетчатый сукин сын Коровьев…

Но финал в обоих случаях был одинаков:

«Через четверть часа к решетке в Ваганьковском подъехали три грузовика, и на них погрузился весь состав филиала во главе с заведующим.

<…> Прохожие, бегущие по своим делам, бросали на грузовики лишь беглый взгляд, ничуть не удивляясь и полагая, что это экскурсия едет за город. Ехали, действительно, за город, но только не на экскурсию, а в клинику профессора Стравинского».

Откуда взялось принудительное пение в «Мастере и Маргарите»? Откуда-откуда?.. — из «Властелина мира»![240]

Тут и доказательств никаких не требуется — в 1926 году Булгаков все еще состоял в «Гудке» постоянным фельетонистом. Ну и, понятно, не мог удержаться, чтобы не прочесть забавный романчик. Глазу тоже полагается отдых от железнодорожной тоски…

Не уверен, что Булгаков прочел все напечатанные в газете романные главы… Скорее, читал он их от случая к случаю, в дни, когда сдавал очередной фельетон… Но номер от 13 ноября Булгаков точно держал в руках. И главу двенадцатую — «Московские гости» (в книге вторая глава части третьей под названием «Охотники на львов») проглядел очень даже внимательно:

«— Скажите, господин Штерн, если я не ошибаюсь,

вы не русский?

— Да, я не русский, — ответил Штерн.

— А вы… давно живете в России?

— Около трех лет.

Вежливость не позволяла продолжать этот разговор, похожий на допрос. И все же Эльза неожиданно для себя спросила:

— А раньше где вы жили?

Штирнер рассмеялся самым добродушным образом. <…>

— Где я жил раньше и вообще, что было со мной раньше, это — загадка для меня самого. Не верите? Спросите моих товарищей. Я абсолютно не помню ничего, что было со мной до приезда в Москву, и это „забвение“ в первое время крайне угнетало меня. Я обращался за советами к профессорам, и они находили у меня какое-то сложное психическое заболевание с мудреным названием что-то вроде „шизофрении“. При этом заболевании человек может как бы утратить свою личность, память о прошлом…»

А теперь раскроем первую главу булгаковского романа:

«— Извините меня, что в пылу нашего спора забыл представить себя вам. Вот моя карточка, паспорт и приглашение приехать в Москву для консультации. <…>

— Вы немец? — осведомился Бездомный.

— Я-то? — переспросил профессор и вдруг задумался. — Да, пожалуй, немец… <…>

— Простите, — после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, — при чем здесь подсолнечное масло… и какая Аннушка?

— Подсолнечное масло здесь вот при чем, — вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, — вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?

— Иван!.. — тихо воскликнул Михаил Александрович.

Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся.

— Бывал, бывал и не раз! — вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, — где я только не бывал! Жаль только, что я не удосужился спросить у

> профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!»

Вот, кстати, и доказательство того, что Булгаков читал роман Беляева в газетном, а не книжном виде — в книге о шизофрении и слова нет…

Пришло время от читателей (пусть и именитых) века прошлого перейти к читателям нынешним.

Итак: «В романе практически все главные персонажи имеют реальных прототипов. Прообразом изобретателя Людвига Штирнера, открывшего научный способ подчинять себе волю других людей, послужил известный в 1920-х годах аферист Ширер, который якобы открыл „лучи смерти“ и с их помощью мог взрывать мины, поджигать вещи и даже управлять механизмами»[241].

Тут прямо не знаешь, что и делать… То ли ломать голову над тем, какое отношение «лучи смерти» имеют к передаче мысли на расстоянии? То ли поражаться отваге Е. Харитонова, вызывающего на себя огонь критиков? Ведь никакого Ширера в природе отродясь не существовало! Зато был некто с именем вовсе непохожим — Гарри Гриндел Мэтьюс *(Harry Grindell Matthews*), английский физик, много занимавшийся беспроводной телефонией и разработавший технику звукозаписи с помощью светового луча. А в 1924 году все газеты принялись наперебой рассказывать об изобретенных Мэтьюсом «лучах смерти» — электрически заряженных лучах света, способных остановить двигатель летящего самолета, взорвать на расстоянии пороховой заряд и зажарить живое существо (мышь). Что там было на самом деле, никто толком не знал, но поговаривали, что британское правительство убийственный прожектор у Мэтьюса купило. Обо всем этом Беляев мог, например, прочесть в первом номере журнала «Радио» за 1924 год. Но и журналисты никакой связи между «лучами смерти» и телепатией не углядели. Куда больше смахивает на «гиперболоид» или лазер…

А вот два других изобретения Мэтьюса известны каждому — это автопилот и уличные фонари, автоматически включающиеся с наступлением сумерек.

Откуда ж тогда взялся беляевский Штирнер?

Ответ дал сам Александр Беляев. В неподписанном предисловии к газетной публикации он так прямо и написал:

> «Штирнер бросает вызов целым государствам. Как его однофамилец — философ Штирнер, — он хочет быть „единственным“, он хочет сделать мир своею собственностью… Он хочет стать властелином мира».

То есть — Макс Штирнер (настоящее имя Иоганн Каспар Шмидт) — немецкий философ, автор книги «Единственный и его собственность». Написанная в 1844 году, она вышла в русском переводе лишь в 1907-м и сразу же стала бестселлером. Конечно, вычитывали из нее совсем не то, что вложил в книгу автор, — случилось так, что до Штирнера русская публика уже любила Ницше. И если первая часть книги называлась «Человек», то название второй — «Я» — понималось исключительно как «Сверхчеловек». Понятно, что в книге, написанной в год рождения Ницше, ни о чем подобном и речи быть не могло, но автор, 50 лет как покойный, оправдаться уже не мог.

Таким эпигоном Ницше, только еще более отвратительным, Штирнер в памяти и остался.

Вряд ли случаен и выбор названия романа — это «Le maître du monde», один из последних (1904) романов Жюля Верна. Здесь вызов миру еще раз бросает инженер Робур, герой романа «Робур-завоеватель» (1886). В русских переводах конкурировали несколько названий: «Властелин мира», «Владыка мира», «Властелин над миром»… Но победил «Властелин мира» из сойкинского «Полного собрания сочинений» в 88 томах…

Прототипы имеются еще у двух персонажей романа. В образе русского изобретателя Каминского выступает Бернард Бернардович Кажинский, по официальной специальности инженер-ветроэнергетик. Но в 1923 году Ассоциация натуралистов (она же: Союз самоучек) выпустила его брошюру «Передача мыслей: Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу»[242].

В брошюре Кажинский изложил свою гипотезу, согласно которой мозг — это радиоприемник и радиопередатчик одновременно. А раз так, человек может передавать свои мысли и чувства окружающим, не тревожа воздушную среду звуковыми колебаниями. Прямо — из мозга в мозг, посредством радиоволн. Кажинский верил, что трудности в доказательстве его гипотезы чисто технические — нужно только добыть деньги на строительство усилителя мозговых волн. Так он при своем убеждении и остался, через четыре десятка лет выпустив книжку «Биологическая радиосвязь». Аргументы же в пользу своей гипотезы он находил повсюду:

> «В книге индийского автора Рамачарака „Основы миросозерцания индийских йогов“ (СПб., 1907) об этом говорится так: „…что касается телепатического физического органа, посредством которого мозг

получает колебания или волны мысли, исходящие из умов других людей, то этим органом служит находящееся вблизи центра черепа, почти прямо над верхушкой позвоночного столба, в мозгу, небольшое тело или железа красновато-серого цвета, конусообразной формы, прикрепленное к основанию третьего мозгового желудочка, впереди мозжечка. Железа состоит из нервного вещества, заключающего в себе тельца, похожие на нервные клетки и содержащие небольшие скопления известковых частиц, иногда называемых „мозговым телом“. Эта железа известна западной науке под названием „шишковидной“ железы, что соответствует ее форме, похожей на еловую шишку. Западные ученые считали все время, что функции этого органа не исследованы. Некоторые из анатомов, однако, отмечают тот факт, что этот орган бывает большей величины у детей, нежели у взрослых, и более развитым у взрослых женщин, чем у мужчин, что, в сущности, очень знаменательно. Йоги знали уже много столетий тому назад, что эта шишковидная железа… является органом телепатического общения“»[243].

Кажинский, наверное, так никогда и не узнал, что йог Рамачарака — не йог, не Рамачарака и не индус, а Уильям Уокер Аткинсон *(William Walker Atkinson)* — американский адвокат (1862–1932). Занятия юриспруденцией повергли его в черную меланхолию, и тогда он обратился к оккультизму. Решив, что выздоровел, стал энергично и под многими псевдонимами обращать в индийскую веру других. Но сам до Индии так и не доехал[244].

Эксперименты по передаче мыслей Кажинский проводил совместно с дрессировщиком Владимиром Леонидовичем Дуровым (1863–1934), назвавшим свою школу цирковых животных Лабораторией зоопсихологии. Научного признания труды лаборатории не получили, но в роман Беляев его ввел — под именем Дулова. Затем переименовал в Дугова. Причины переименования понятны: настоящая фамилия произведена от корня «дур», того же, что в слове «дурак». Но и фамилия Дулов тоже может вызвать нежелательную ассоциацию — со словом «дуля»!..

А теперь поговорим о романе. Напомним его содержание, воспользовавшись аннотацией, написанной самим Беляевым для газеты «Гудок»:

«Банкир Карл Готлиб погиб под колесами вагона,

сбитый с ног собакой своего секретаря — Штирнера. Огромное наследство Готлиба должно перейти к его брату и племяннику — Оскару и Рудольфу Готлибам. Однако при вскрытии завещания оказалось, что Карл Готлиб завещал свое имущество своей стенографистке Эльзе Глюк. Законные наследники, Готлибы, предъявляют иск о недействительности завещания. Но неожиданно на суде старший наследник Оскар Готлиб отказывается от иска. Эльза Глюк становится миллиардершей. Она любит юрисконсульта покойного Готлиба — Зауера — и пользуется его взаимностью. Но по необъяснимой причине Зауер женится на машинистке Готлиба, подруге Эльзы — Эмме Фит. А сама Эльза Глюк вдруг чувствует любовь к секретарю покойного банкира — Штирнеру. Людвиг Штирнер делается фактическим владельцем банка. Он с неслыханным успехом ведет биржевую игру, побеждая всех конкурентов и, в конце концов, сосредоточивает в своих руках весь частный капитал страны, а затем и всю промышленность. На фабриках и заводах он вводит каторжный режим. Рабочие начинают забастовку; однако их настроение неожиданно изменяется: они делаются покорными рабами Штирнера. Его влияние растет.

После того, как Штирнер проделал несколько опытов массового внушения, с ним начало борьбу сначала германское правительство, а затем — Америка. Но попытки вооруженной борьбы окончились неудачей: когда агент угрозыска Кранц и Готлиб пошли убить Штирнера, последний посредством внушения заставил их брить его и чистить ему платье; воинские части, шедшие в атаку на дом Штирнера, вдруг в панике повернули назад; в другой раз артиллеристы, которые должны были обстрелять дом Штирнера, повернули пушки в обратную сторону. Тогда Зауер и Готлиб отправляются в Москву к русскому ученому Каминскому, который, как и Штирнер, работал над усовершенствованием способов передачи мысли на расстоянии. Каминский сообщает Зауеру и Готлибу результаты своих работ; начинается борьба Каминского со Штирнером.

Каминский, Готлиб и Зауер, приблизившись к Берлину, атакуют Штирнера. Но Каминский, забыв оградить себя сеткой, попадает в сферу мыслеизлучений Штирнера, приходит к нему в дом и становится его

пленником. Однако, встретясь с Каминским, Штирнер сознается, что он, поставив себя в центре мира и оторвавшись от человеческого общества, попал в тупик. Тогда Штирнер внушает себе забвение собственной личности, становится Штерном и навсегда уходит из дома»[245].

В аннотации пересказано содержание двух первых частей романа, но есть еще и третья. В ней Эльза Глюк поселилась на берегу океана в забытой богом африканской глуши, не поддерживая никакой связи с внешним миром. Но однажды в бухту заходит яхта и на берег сходят трое мужчин европейской наружности. Это Каминский, Дулов (Дугов) и Штирнер-Штерн. В Африку их привело желание пополнить московский зоопарк новыми экземплярами. При этом выясняется, что Штерн-Штирнер теперь проживает в Москве, начисто утратил память о своем прошлом и совершенно искренне считает Штирнера чудовищем. По просьбе Эльзы Каминский на четверть часа возвращает Штерну память, и тот заявляет о полной своей непричастности к гибели банкира Готлиба. Эльза облегченно вздыхает, а Штирнер вновь становится Штерном. После чего хозяйка дома по просьбе гостей играет на рояле «Лебедя» Сен-Санса. До этого момента можно было не задумываться, отчего, сменив имя, Эльза Глюк избрала невзрачную фамилию Беккер. Теперь объяснилось и это — *беккер*овский рояль.

Очарованные музыкой герои расходятся по спальням, намереваясь утром отправиться на ловлю диких зверей.

До этого места содержание книжной и газетной версий романа практически совпадает. А дальше пути газеты и книги расходятся.

Заключительная глава газетного романа называется «Властелин мира». Поскольку речь пойдет всего об одной главе, и с 1926 года она не перепечатывалась, приведем ее полностью:

«Еще до восхода солнца путники вышли из дома.

— Все в сборе? Где проводники? — спросил Дулов.

— Они сейчас придут, — ответила Эльза и ударила в небольшой гонг, висящий у веранды. Два чернокожих выбежали из флигеля и присоединились к охотникам.

— Ну, вот, теперь все, — сказал Дулов. — Идем же! Что вы, Качинский?

Но Качинский не двигался. Он стоял сосредоточенный, как будто прислушивался к чему-то.

Дулов шевельнул бровями и тихо сказал, обращаясь к Эльзе:

— Очевидно, с ним говорят из Москвы… Так рано? Что-то срочное.

А Качинский вынул из кармана коробочку, которую уже видела Эльза, приложил к виску и сосредоточился еще больше; губы его плотно сжались, и он даже прикрыл глаза. Потом вздохнул, спрятал коробочку и сказал:

— К сожалению, наша охота отменяется…

— Почему? — спросила недовольно Эльза.

— Приказ из Москвы, — ответил Качинский… Мы должны, не теряя ни минуты времени, отправиться в обратный путь…

— Что-нибудь серьезное? — спросил озабоченно Дулов.

— Да, нам придется охотиться на более крупную дичь.

— Более крупную, чем львы? — с удивлением спросила Эльза.

— По крайней мере, на более опасную…

— Война? — спросил Дулов.

— Уже! — отозвался Штирнер.

— Да, уже, — ответил Качинский. — Для нас это не было неожиданностью. Вопрос был во времени…

— Но с кем? — опять спросила Эльза.

— Со всем миром! — ответил Качинский.

Дулов уже дал мыслеприказ, и на яхте лихорадочно готовились к отплытию.

Пока шли все эти сборы, Качинский объяснял Эльзе положение вещей.

— С тех пор, как в руках нашего правительства оказалось новое могучее орудие, все буржуазные государства стали готовиться к борьбе с нами. Мы оставались верны нашей миролюбивой политике и не выступали зачинщиком…

— Тут были и другие причины, — усмехнулся Дулов.

— Ну, конечно, — ответил Качинский, — как бы то ни было, не мы первые бросаем вызов. Ну-с, простите за беспокойство. Позвольте поблагодарить вас за приют…

— Я провожу вас, — сказала Эльза дрогнувшим голосом.

Путники спустились к берегу.

— Прощайте, — сказала Эльза, протягивая руку Штирнеру.

— Лучше скажите: до свидания. По крайней мере, я

надеюсь вернуться живым с войны, значит, мы еще встретимся. Думаю, что ни одной капли крови не прольется в этой войне, хотя она будет войной не на жизнь, а на смерть — войной между старым и новым миром…

— Паруса подняты! — торопил Качинский.

Путники наскоро попрощались, уселись в шлюпку и скоро взошли на борт яхты. Стоя на борту, они махали оттуда шляпами и платками. Эльза с берега следила за яхтой. Огненный шар солнца поднялся из-за горизонта и залил красным светом яхту. И развевающиеся в руках платки были красны, как поднятый брейта-вымпел. Попутный ветер надул паруса и яхта легко понеслась вперед…

Штирнер, Качинский и Дулов сидели молча. Они слушали вести из Москвы. Штирнер оказался не совсем прав. Без крови не обошлось и в этой войне.

Хотя война и не была неожиданностью, но момент начала войны никто не мог предугадать. И прежде, чем были пущены в ход мыслепередатчики, враг успел сбросить несколько бомб с аэропланов на пограничные города, истребив несколько сот мирных жителей. Однако на этом и кончились успехи врагов. Мощные мыслепередатчики излучили внушение вражеским летчикам, которые снизили свои аэропланы на русской территории и были взяты в плен. В то же время была пущена вдоль всей границы „заградительная паническая волна“! Ни один вражеский солдат не мог переступить этой зоны. Люди и лошади в панике бежали.

В таком положении были события через несколько минут после начала войны. Невидимая, но непреодолимая стена мыслеволн ограждала территорию союза от всех натисков врага. Не только армия и воздушный флот, но и подводные суда были бессильны перед этой невидимой преградой. Мыслеволны проникали сквозь воду и стенки подводных лодок, хотя и с некоторой потерей мощности. Границы государства были в полной безопасности.

Но все же присутствие Качинского, ведавшего всем делом мыслепередачи, было необходимо. Его вызывали на заседание военно-революционного совета для обсуждения плана дальнейших действий.

Дело было спешное. И путешественники, прибыв в порт, решили не плыть на пароходе, а лететь на

аэроплане.

То обстоятельство, что аэроплан и его команда принадлежали французам, нисколько не смущало путников.

Они смело подошли к аэродрому.

Хмурый, озабоченный офицер подошел к ним и довольно грубо сказал:

— Кто вы? Что вам угодно?

Качинский не ответил. Он только внимательно посмотрел в глаза офицера.

— Выводите аэроплан из ангара! — вдруг крикнул офицер, обращаясь к стоявшему механику.

Все зашевелились.

Качинский, Штирнер и Дулов, находясь в стане врагов, чувствовали себя как дома. Они спокойно вошли в кабинку аэроплана. Моторы загудели, стальная птица сорвалась с земли и, разрывая воздух крыльями, полетела на север — к Москве.

Заседание совета уже началось в тот момент, когда аэроплан пересекал Средиземное море. Еще тысячи километров отделяли Качинского от Москвы, но это не помешало ему принимать участие в совещании. Совещание длилось недолго. На этом совещании решено было к мерам физического истребления армии противника не прибегать.

— Мы в силах, — сказал председатель Революционного военного совета, — внушить солдатам враждебной армии какую угодно мысль. Если бы мы захотели, мы могли бы заставить их перегрызть друг другу горло. Но зачем истреблять без цели столько рабочих рук? Они пригодятся для лучшего. Мы никогда не стремились к жестокости ради жестокости. Физическое истребление просто перестало быть средством для достижения целей, которые теперь мы можем достигнуть иначе. А поэтому для начала отдайте, Качинский, приказ нашим инженерам передать солдатам вражеской армии мысль о том, чтобы они бросали оружие и расходились по домам. Война окончена.

— Есть! — мысленно отвечал Качинский. — Для такой хорошей мысли, я думаю, не потребуется даже пускать усилитель на полную мощность.

Пауза…

Через некоторое время члены совета узнали о результатах.

— Действует, — сообщали с фронта, — солдаты уходят, распевая песни.

— Вот так-то лучше, — мыслил председатель.

— Ну-с, а с господами министрами, президентами и прочими высокими особами что мы будем делать?

— Они достойны смерти, — подумал один из членов совета.

— Конечно! — ответил председатель. — И они умрут. *Господа* умрут. Но среди них тоже есть дюжие ребята. А для дюжих рук всегда найдется работа.

Члены совета улыбнулись.

— Мы убьем господ, — продолжал председатель, — и убьем не физически, а только часть их сознания. Мы совершенно изменим их личность, и они будут нам совершенно не страшны. Неплохо, если они поработают на шахтах, — нам нужно много угля. Впрочем, если со мной не все согласны, этот вопрос пусть решает правительство. В сущности говоря, это уже не военный, а политический вопрос. Война окончена, и нам, военным, пожалуй, вообще больше делать нечего. Придется перейти на другое „производство“, — с улыбкой подумал председатель.

Заседание Рев. военного совета было окончено, и Качинский, летя уже над территорией Венгрии, принял участие в заседании правительства.

Это заседание было более продолжительным. Надо было решить вопросы об организации всемирного союза советских социалистических республик. Однако и этот вопрос в общих чертах был решен скорее, чем можно было предполагать. Конституция СССР давала уже готовые формы. Нужно было лишь разослать соответствующие мыслепередачи.

— Работы еще много, бесконечно много, — мысленно говорил Качинский Дулову, — организовать единое мировое хозяйство, единую трудовую коммуну. Но при помощи нашего орудия — мысли, не знающей преграды, мы справимся и с этим!

Еще несколько часов полета, и гиперавион опустился на московском аэродроме. Когда путники сошли на землю, Качинский передал Штирнеру мысль, положив ему руку на плечо:

— Когда-то был такой человек по фамилии Штирнер. Он хотел стать властелином мира, пользуясь орудием мыслепередачи. Он был раздавлен тяжестью

задачи, непосильной для одного человека. Однако владыка мира есть: он победил этот мир и будет отныне им править на основах справедливости и равенства.

— Кто этот владыка? — подумал Штирнер.

— Владыкой мира стал Труд! — вслух проговорил Качинский».

Такая вот утопия… Вражеских солдат без нужды не убивают. Казалось бы, понятно: солдаты — люди подневольные, а во всем остальном — братья по классу!.. Но Реввоенсовет свое милосердие объяснил иначе: «…зачем истреблять без цели столько рабочих рук?»

Такая же судьба ждет и классовых врагов: «…среди них тоже есть дюжие ребята. А для дюжих рук всегда найдется работа. <… > Неплохо, если они поработают на шахтах, — нам нужно много угля».

Несмотря на венчающую роман цитату из «Интернационала» («Владыкой мира станет труд!»), социалистической моралью здесь и не пахнет — так смотрит на людей рабовладелец.

А вот некоторые детали предыдущей главы — визит Качинского, Дулова и Штирнера-Штерна к Эльзе Глюк-Беккер. Вначале о встрече с ними рассказывает глуповатая Эмма Фит:

«— „Надеюсь, что мы вас ничем не побеспокоим“, — сказал Штирнер, то есть Штерн, — сохрани бог, если я ошибусь при них! — „но если среди ваших слуг есть туземец, знающий местность, мы будем очень просить вас *одолжить нам* его в проводники на день-два“. — *Так и сказал „одолжить“, как вещь*… — и Эмма рассмеялась».

Зная, что читатель может быть невнимателен, Беляев заставляет персонажей сцену повторить:

«„А вас мы побеспокоили потому, — продолжал он (Дулов. — *З. Б.-С.),* — что не хотим своим прибытием в городок возбуждать лишний шум. Толпа зевак всегда мешает. И мы решили завернуть в ваш залив. — Дулов протянул руку к берегу. — Жить мы будем в палатке. Вас же мы будем просить только об одном: если среди ваших служащих имеются туземцы, *одолжите нам парочку* в качестве проводников“.

Эмма многозначительно посмотрела на Эльзу. как бы говоря: „все так, как я говорила: одолжите парочку проводников“».

Итак, один рабовладелец обращается к другому с просьбой одолжить на время парочку говорящих орудий — рабов.

Через три года в книге вместо «одолжить нам» и «одолжите нам парочку» будет написано: «разрешите нам взять» и «разрешите использовать их», а от смешков и многозначительных взглядов Эммы не останется и следа.

Но пока еще не весь мир попал в рабство, приходится упражняться в демагогии:

> «— С тех пор, как в руках нашего правительства оказалось новое могучее орудие, все буржуазные государства стали готовиться к борьбе с нами. Мы оставались верны нашей миролюбивой политике и не выступали зачинщиком…»

Но война уже разразилась и притворяться нужды нет:

> «— Тут были и другие причины, — усмехнулся Дулов».

Причины понятны: войну за мировое господство можно начинать, когда сокрушительного нового оружия произведено достаточно.

Дулов — честный циник, а Качинский все еще болтает о юридических приличиях:

> «— Ну, конечно, — ответил Качинский, — как бы то ни было, не мы первые бросаем вызов».

А теперь о целях войны… Когда Штирнер попытался подчинить людей своей воле, против него поднялись все государства мира. А здесь одно государство угрожает всем людям кастрацией мозга («убьем не физически, а только часть их сознания»), чтобы всех превратить в покорный и безопасный рабочий скот.

Оттого-то и ходит Дулов в авторах проекта — так называемая «мягкая» дрессировка по Дурову предусматривала непременное предварительное «обезволивание».

Как уже было сказано, в издании 1929 года конец изменен. В чем причина — фантазии Беляева стали воплощаться в реальность и телепатия попала под надзор цензурного ведомства? Тогда проще, наверное, было бы вовсе роман не печатать… Или нравы смягчились и то, что спокойно читалось в 1926 году, три года спустя стало коробить редакторов?

В поисках ответа еще раз взглянем на повествование 1926

года: московская экспедиция по отлову диких животных прибывает в Африку, Штирнер встречается с Эльзой Глюк и очищает себя от подозрений в убийстве банкира, на следующее утро Эльза с москвичами должна отправиться в джунгли… А утром всё — джунгли, Эльза, Штирнер — летит к черту: война!

А что мы читаем в 1929 году? Африка, москвичи, Штирнер, Эльза, очищение от подозрений, на следующее утро экспедиция уходит в джунгли, где Эльзе демонстрируют телепатическую охоту, когда обезволенный зверь сам залезает в клетку… Затем прощание, яхта со зверями и экспедицией скрывается за горизонтом…

> «Эльза долго не могла уснуть в эту ночь. А когда под утро она задремала, то ей казалось, что она услышала голос Людвига, который звал ее.
>
> — Да, да, милый Людвиг! — прошептала она сквозь сон.
>
> Но Эльза ошиблась.
>
> Не Штирнер, а Штерн думал в это время о ней.
>
> Штерн сидел на палубе яхты, под южным звездным небом, на низком плетеном стуле, облокотившись на голову спящего льва. Луна уже зашла, от воды тянуло предутренним свежим ветерком, а он все еще не спал и думал о фрау Беккер, живущей в одиноком домике на берегу океана.
>
> Мерная волна укачивала. Штерн склонил голову на косматую гриву льва и незаметно уснул.
>
> Первый луч солнца осветил их — человека и льва.
>
> Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих».

Таким образом, тема, заданная в начале романа — безответная любовь Штирнера к Эльзе, получает свое завершение: то, в чем не преуспел высокомерный эгоист Штирнер, удается простому человеку Штерну. Иначе говоря, начало и конец романа связывает единая сюжетная линия.

В «Гудке» эта линия оборвана и к роману приклеен идеологический хвост. Кто в этом повинен — очевидно: редактор «Гудка».

Беляев редакционное задание выполнил и написал новый финал. Но своего отношения к коммунистической утопии утаить не сумел или не пожелал. А как только появилась возможность, прежний финал восстановил!

Неужели «Властелин мира» — всего лишь любовный роман, обыденность которого скрыта флером фантастики и незатейливой детективной тайны?

Едва ли… Например, в уже процитированном финале мы находим мирно спящих человека и льва. Что это? Ответ у пророка Исайи (11: 4–7):

> «Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого.
>
> И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина.
>
> Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.
>
> И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому»[246].

Это царство Божие. Только Исайя отдает мир в руки Господа, а Беляев верит в мощь человека. И все романы Беляева не просто занимательное повествование, но и способ решения главной проблемы — проблемы Бога, Человека и Богочеловека.

Оттого приход в мир Штирнера вызывает не только панику, но и богословское потрясение:

> «Появились секты, которые считали Штирнера: кто Христом, сошедшим на землю, чтобы учредить царство божие, кто антихристом. Секты враждовали, вступая в споры и даже драки. Вся общественная жизнь всколыхнулась».
>
> *(Ч. 2, гл. 9 <по газетной публикации>)*

Свое высшее предназначение пытается понять и сам Штирнер:

> «…Когда человек поднимается на такую высоту могущества, на которую поднялся я, он видит, что объем личного счастья человека слишком мал, чтобы вобрать в себя всю массу возможностей… Я сам казался себе богачом, который скопил у себя все золото мира и запер в сундук. И оно потеряло ценность потому, что исчезло из оборота, превратилось в мертвые залежи золотой руды… И, признаюсь, не из любви к людям, — вы

видите, я искренен и строг к себе, — а от самого подавляющего излишка власти, мощи, богатства, я решил: почему бы мне не подняться еще на одну ступень, не повести человечество к счастью, не перестроить социальный порядок, быть действительно Мессией, который пришел устроить рай на земле, — как представляли меня какие-то американские сектанты…

— Нельзя сказать, чтобы ваши „райские попытки“ были удачны! — насмешливо сказал Качинский.

— Вы хотите уколоть меня? Колите сильнее! Скажите, что я сеял вокруг себя ад! Да, это верно… Ад вокруг себя и ад в собственной душе… Почему так вышло? Я много думал над этим… Может быть, потому, что я не любил людей… Я и сейчас не люблю их, всех, всех, и трудящихся, и паразитов. Моя забота о человечестве была прихотью человека, который на проценты своего могущества хочет купить еще и титул Мессии…»

(Ч. 2, гл. 13 <по газетной публикации>)

Неожиданный свет на главную идею романа проливает монолог Штирнера в следующей главе:

«— В моих первых опытах передачи мысли, еще над животными, я сделал железную клетку и оттуда давал свои приказания. Увы, чтобы повелевать другими, я сам должен был заключить себя в железную клетку! Эта железная клетка — символ… Символ человека, который отгородил себя от общества, захотел поставить свою волю над волей миллионов людей, „дубьем загонял ослов в рай“, как говорит какой-то монах в Декамероне. И люди восстали на меня, а я оказался в одиночестве, в ужасной железной клетке общественной изоляции».

(Ч. 2, гл. 14 <по газетной публикации>)

Беляев ошибся — цитата, которую он (весьма неточно) привел, взята не из «Декамерона», а из драматической поэмы Алексея Константиновича Толстого «Дон Жуан» 1862 года. Это монолог Лепорелло на священном трибунале в Севилье:

Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:
«Святые братья глупы. Человек

Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной».

А в «Декамероне» мы находим нечто совсем иное — десятую новеллу, рассказанную на третий день. И в ней повествуется о простодушной девице Алибек из города Капса, страстно желавшей стать отшельницей. Удалившись в пустыню Фиваиды, она, на свою беду, встретила молодого отшельника Рустико. Человек он был славный, набожный и истинный подвижник. Решив испытать себя, он не отослал девицу прочь, а позволил ей переночевать в своей келье.

«Когда он это сделал, искушение не замедлило обрушиться на его крепость; познав, что сильно в ней обманулся, он без особых нападений показал тыл, сдался побежденным и, оставив в стороне святые помыслы, молитвы и бичевания, начал вызывать в памяти молодость и красоту девушки, а кроме того, размышлять, какого способа и средства ему с нею держаться для того, чтобы она не догадалась, что он, как человек распущенный, стремится к тому, чего от нее желает. Испытав ее наперед некоторыми вопросами, он убедился, что она никогда не знала мужчины и так проста, как казалось… <…> Сначала он в пространной речи показал ей, насколько дьявол враждебен Господу Богу, затем дал ей понять, что нет более приятного Богу служения, как загнать дьявола в ад, на который Господь Бог осудил его. <…> И он начал скидывать немногие одежды, какие на нем были, и остался совсем нагим; так сделала и девушка; он стал на колени, как будто хотел молиться, а ей велел стать насупротив себя. Когда он стоял таким образом и при виде ее красот его вожделение разгорелось пуще прежнего, совершилось восстание плоти, увидев которую, Алибек, изумленная, сказала: „Рустико, что это за вещь, которую я у тебя вижу, что выдается наружу, а у меня ее нет“. — „Дочь моя, — говорит Рустико, — это и есть дьявол, о котором я говорил тебе, видишь ли, теперь именно он причиняет мне такое мучение, что я едва могу вынести. <…> …но у тебя другая вещь, которой у меня нет, в замену этой. <…> У тебя ад; и скажу тебе, я думаю, что ты послана сюда для спасения моей души, ибо если этот дьявол будет досаждать мне, а ты захочешь настолько сжалиться

надо мной, что допустишь, чтобы я снова загнал его в ад, ты доставишь мне величайшее утешение, а небу великое удовольствие…“ <…> Так сказав и поведя девушку на одну из их постелей, он показал ей, как ей следует быть, чтобы можно было заточить этого проклятого. <…>… эта игра стала ей нравиться, и она начала говорить Рустико: „Вижу я хорошо, правду сказывали те почтенные люди в Капсе, что подвижничество такая сладостная вещь; и в самом деле, я не помню, чтобы я делала что-либо иное, что было бы мне таким удовольствием и утехой, как загонять дьявола в ад; потому я считаю скотом всякого, кто занимается чем-то иным“».

Беляев, как мы видим, заменил рай адом, а скотов — ослами… Значит ли это, что истинная коллизия романа лежит в эротической сфере?

Скорее всего нет, и доказательством тому служит признание Штирнера, ставшего Штерном:

> «Штирнер молчал, склонив голову. Потом он опять тихо начал:
>
> — Ваша музыка… вы сами… почему?.. — он недоговорил свою мысль, как бы ища подходящего выражения. — Почему вы так волнуете меня? простите, но я должен высказаться! Я не Дон-Жуан, легко увлекающийся каждой красивой женщиной… Но вы… поворот вашей головы, складка на вашем платье, легкий жест — все это необычайно волнует меня, вызывает какие-то смутные… даже не воспоминания, а… знакомые нервные токи, если так можно выразиться…»
>
> *(Ч. 3, гл. 4 <по газетной публикации>)*

Слово сказано: «Дон-Жуан»! Да, именно Дон-Жуан и, несмотря на досадную путаницу, — Алексея Константиновича Толстого. А в его драматической поэме суть конфликта такова: скучающий Сатана излагает сонму небесных духов свой коварный план —

> Есть юноша в Севилье, дон Жуан,
> А по фамильи — де Маранья.
> Ему пятнадцать лет. Счастливые года!
> Чуть пухом поросла младая борода,
> Почти еще дитя. Но в мыслях колебанье

И беспокойство видны иногда.
Как размышляет он глубоко
И как задумчив он порой!
К какой-то цели всё неясной и высокой
Стремится он неопытной душой…

Сатана не успел еще договорить, а духи уже все поняли:

О Сатана, кого назвал ты нам!
Сей дон Жуан любимец есть природы,
Он призван к подвигам и благостным делам.
Пред ним преклонятся народы,
Он будет славен до конца,
Он стражей огражден небесной неприступно,
К нему ты не прострешь руки своей преступной —
Познай: сей дон Жуан избранник есть творца!

Сатана

Мой также. Я давно его заметил.
Я знаю, сколь удел его в грядущем светел,
И, юношу всем сердцем возлюбя,
Я сделаю его похожим на себя.

И, наслаждаясь переполохом небожителей, Сатана раскрывает детали своего, воистину дьявольского, плана:

Любую женщину возьмем как данный пункт;
Коль кверху продолжим ее мы очертанье,
То наша линия, как я уже сказал,
Прямехонько в ее упрется идеал,
<…>
Я этот прототип, не зримый никому,
Из дружбы покажу любимцу моему.
Пусть в каждом личике, хоть несколько годящем,
Какое бы себе он ни избрал,
Он вместо копии всё зрит оригинал,
<…>
Когда ж захочет он, моим огнем палим,
В объятиях любви найти себе блаженство,
Исчезнет для него виденье совершенства
И женщина, как есть, появится пред ним.

Так с волей пламенной, с упорством на челе,
С отчаяньем в груди, со страстию во взоре
Небесное Жуан пусть ищет на земле
И в каждом торжестве себе готовит горе!

Духи, со своей стороны, полны решимости отстоять бессмертную душу юноши от соблазна:

О братья, окружим незримою толпой
Младое сердце дон Жуана,
С врагом в упорный вступим бой,
Да не свершит над ним обмана!

Затем, после многочисленных и однообразных приключений, дон Жуан встречает донну Анну и понимает, что встретил, наконец, свою истинную любовь. А донна Анна узнает в дон Жуане убийцу своего отца — Командора — и принимает яд.

О ее смерти дон Жуана извещает статуя Командора, призывая подумать о душе. Но дон Жуан, восклицая:

К чему душа, когда любовь погибла! —

бросается со шпагой на статую. Шпага ломается, дон Жуан в отчаянии кричит:

Любил я! Горе, горе!
В нее поверив, я поверил в бога —
Но поздно! Все погибло с нею — все…
<…>
Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И как в безверье я не покорялся,
Так, верящий, теперь не покорюсь!

Командор рукой касается дон Жуана, и тот падает мертвым. Статуя исчезает.

Сатана посрамлен — дон Жуан поверил в Бога. Но и Богу он не достался…

В свой последний час Штирнер освобождает Эльзу от внушенной влюбленности и кончает с собой — убивает в себе Штирнера и превращается в Штерна. Затем Качинский, по

просьбе Эльзы, вызывает из небытия дух Штирнера, и Эльза убеждается, что в смерти банкира Готлиба тот не повинен. А значит, труп Командора между двумя сердцами не стоит. И как только Штерн встретит Эльзу, любовь снова вспыхнет в его сердце, и все понявшая Эльза полюбит Штерна, уже отдавшего однажды жизнь за ее любовь. Вот оно — воскресение и райское блаженство! Царство Божие для людей, отказавшихся от всего страшного и опасного в себе. И уже не отличимых от покорных скотов.

Глава шестнадцатая
СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДИО

«В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

Этот афоризм из «Записных книжек» Ильи Ильфа[247] широко известен. А известное вопросов не вызывает… Их никто и не задавал…

И правильно делали, что не спрашивали, потому что не была таких фантастических романов — во множественном числе. А был один-единственный. Назывался он «Борьба в эфире», и написал его Александр Беляев. Только здесь обитатели романа обязаны своей счастливой жизнью радиоволнам. Вначале герою показалось даже, что он попал в сумасшедший дом — ходят по аллеям одинокие люди и разговаривают сами с собой. А они всего лишь беседуют по радиотелефону. И в гости ходить не надо — захотел повидаться с приятелем, включи экран и общайся. И театров больше нет, то есть нет зрительных залов, одна сцена — сиди дома в кресле и смотри. И школьных зданий не нужно строить — один учитель вещает на сотни тысяч учеников. А свет и тепло тоже доставляют по радио… Да что там свет и тепло — теперь годами можно лицезреть любимого супруга на экране, не рискуя испортить семейных отношений физическим контактом! Короче, всеобщее счастье! Оттого и столица этой чудесной страны называется Радиополис. Таким вначале было и название романа.

Понятно, что перед нами утопия. Определение жанра можно даже сузить: ведомственная утопия — первоначально роман был напечатан в журнале «Жизнь и техника связи». И не просто напечатан — в «Предисловии» от редакции сказано:

> «По просьбе редакции, литератор А. Р. Беляев, разделяющий литературный труд с работой в нашем ведомстве, написал специально для журнала „Жизнь и техника связи“ научно-фантастическую повесть „Радиополис“».

Иными словами, роман написан по заказу Наркомата почт и телеграфов, ведающего и радиосвязью. Захотелось ведомству раскрасить громадье своих планов кистью художника.

Пользовался ли Беляев еще чьей-нибудь подсказкой? Несомненно — Владимира Маяковского. Тот в 1925 году (и тоже по заказу) напечатал поэму «Летающий пролетарий», в которой было все, что надо: и будущее — на сто лет вперед, 2125 год; и

война между буржуйской Америкой и Советской Евразией; и воздушные битвы; и описание банных радостей при коммунизме:

Прислуг — никаких!
Кнопкой званная,
сама
под ним
расплескалась ванная.
Намылила
вначале —
и пошла:
скребет и мочалит…

И самое главное — радио: у Маяковского оно стало самым могучим оружием пролетариата: отряд советских смельчаков захватил нью-йоркскую радиостанцию и —

Качаясь мерно,
громкоговорители
раздували голоса
лучших
ораторов Коминтерна.
Ничего!
Ни связать,
ни забрать его —
радио.

Стоило только подключить американских рабочих к советской радиоточке, как капитализм тут же зашатался и рухнул:

Видим,
у них —
сумятица.
Вышли рабочие,
полиция пятится.
<…>
Для нас
приготовленные мины
миллиардерам
кладут под домины.
Знаменами
себя

осеня,
атаковывают
арсенал.
Совсем как в Москве
столетья назад
Октябрьская
разрасталась гроза.

В 1928 году роман — уже под именем «Борьба в эфире» — был включен в одноименный авторский сборник. Книжная версия не во всем совпадаете журнальной. Относительно причин этих различий было высказано два мнения: в журнале роман подвергся сокращению, или, напротив, для книги роман был доработан и дополнен.

Действительно, книжный текст подвергся стилистической правке — многие неловкие выражения выправлены, некоторые слова заменены (например, вместо «стал» почти всюду поставлено слово «начал»)…

Что-то дополнено — например батальные сцены. С другой стороны, ряд батальных сцен, имевшихся в журнале, в книгу не вошел… А некоторые куски были переставлены — из одних глав в другие.

Какие-то перемены поддаются объяснению. Например, в журнале действиями вооруженных сил трудящихся руководил Военно-революционный совет. Но год спустя — в 1928-м — ни о чем таком в романе уже и речи нет. В чем дело? А в том, что орган с таким же почти названием — Революционный военный совет республики — существовал и в Советской России, и бессменным (до января 1925 года) председателем Реввоенсовета был Л. Д. Троцкий. Окончание романа появилось в сентябрьском номере журнала. Но не прошло и двух месяцев, как Троцкого исключили из партии и уже 17 января 1928-го отправили в ссылку в Алма-Ату. С тех пор все, что могло напомнить о Троцком, безжалостно вымарывалось из истории и, как мы видим, из революционных войн будущего…

А вот перестановку фрагментов — из одной главы в другую — политикой уже не объяснишь. Например, когда герою романа излагают принципы новой эстетики — про то, насколько лысая женщина без зубов и вторичных половых признаков соблазнительней своего старинного (из XX века) аналога… Если бы автор (или редактор) подобную ахинею просто вычеркнул, все было бы понятно… Но сменилось лишь расписание лекций: в журнале героя поучает инженер Ли в шестой главе, а в книге —

историк Эль в главе пятой. Для чего понадобилось производить такую операцию?

Вчитаемся в журнальную версию:

> «— Садитесь, — сказал *Ли.* И, осмотрев меня, продолжал: — Вам лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Представление о красоте изменилось в связи с тем, что физическая природа наша кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы все более теряем волосы. Вы уже знаете, что мы не едим твердой пиши. Нам не нужны зубы. Естественно, что без работы они должны атрофироваться.
>
> — Но у вас есть зубы. Они искусственные? — спросил я. — Значит, ваша новая эстетика делает исключение для „звериных“ зубов?
>
> — Не совсем так. Зубы отвратительны. Но они еще не исчезли у нас совершенно, хотя и очень слабо держатся. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми, нижняя челюсть превратится в маленький придаток. <…>
>
> — Какое безобразие! — невольно воскликнул я.
>
> — Если бы горилла-самец мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медицейской он, вероятно, также воскликнул бы: „какое безобразие!“ — и перевел бы влюбленный и полный восхищения взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни, — ответил *Эль».*

Вот так: разговор начинает инженер Ли, а в последней фразе вдруг выясняется, что на самом деле это разглагольствует историк Эль, который при разговоре вообще не присутствует! Что это — простая описка? Вряд ли…

В журнале роман печатался по главам — не более двух в каждом номере.

И на каждый очередной кусок романа отводилось по пять страниц. А вот в номере четвертом по какой-то причине одну страницу у Беляева отобрали. И, значит, пришлось пятую главу подсократить. Но изъятый кусок был автору дорог, и Беляев решил его сохранить, перенеся в следующую главу. А поскольку собеседник у героя стал другим, ему и были приписаны все изъятые из пятой главы слова. Но один след прошлого в главе все-таки остался — «Эль»!

А это значит, что работа над книжным изданием не сводилась к избавлению от стилистических неловкостей и дописыванию. В

книге мы обнаруживаем и то, что содержалось в первоначальной рукописи, но в журнальную публикацию не вошло.

Вот, например, три абзаца из первой главы, которых в журнале не было:

> «Только вчера, а может быть, и всего несколько часов тому назад была зима, канун Нового года. Я возвращался со службы домой, из Китай-города в Москве к себе на квартиру. Обычная трамвайная давка. Сердитые пассажиры. Всё такое привычное. Пришел домой и уселся у письменного стола в ожидании обеда. На столе стоял передвижной календарь и показывал 31 декабря.
>
> „С Новым годом! Не забудьте купить календарь на 19… год“ — было напечатано на этом листке.
>
> „А ведь я действительно забыл купить“, — подумал я, глядя на календарь. Все это я помню хорошо. Но дальше… <…> Но дальше в моей памяти был какой-то провал. Она отказывалась служить мне. Не мог же я проспать до лета?! Что всё это значит? Загадка!»

На самом деле перед нами не загадка, а разгадка — последнее, что помнит наш герой, это канун Нового года — по новому стилю, то есть канун православного Рождества. И, значит, всё последующее — это святочный рассказ о рождественских чудесах.

Именно в этом жанре Беляев написал свой самый первый фантастический рассказ — в 1915 году, о путешествии в будущее во сне. И недоумевал герой тогда точно так же:

> «Как я попал сюда, не знаю. И почему сейчас 1925, а не 1915 год, тоже не знаю».

Но там хоть было что-то знакомое — Берлин. А здесь…

Герой очнулся на парковой скамейке и видит перед собой совершенно необычных людей, одетых в туники, непонятно — мужчин или женщин… Где ж он очутился?

Неужели не ясно?! Ну, конечно, в раю — вот сад, ангелы бесполые гуляют… А потом прибывает еще один, как и положено, с крыльями:

> «Крылья сложились за его спиной, как у бабочки. Прилетевший был в такой же тунике, но синего цвета и из более плотной материи. На голове у человека совершенно не было волос, лицо же его ничем не отличалось от других, только несколько морщинок у его

темных, умных глаз говорили о том, что он уже не молод.

— Ви русский? — спросил он меня.

„Переводчик“, — подумал я.

— Да, я русский. — Я назвал свою фамилию и протянул ему руку. <…>

Переводчик удивленно посмотрел на мою протянутую руку, о чем-то подумал, улыбнулся, кивнул головой и с некоторым внутренним усилием, как будто боясь замарать свою руку, протянул ее. <…> Переводчик не пожал руку, как это обычно делается, а лишь поднес свою руку и приложил к моей ладони. <…>

— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву. — Я — историк. Меня зовут Эль».

Тут бы нашему герою впору со скамейки упасть. Потому, что на языке Библии (для рая самом естественном) «Эль» — это Бог.

Редактор этого не сообразил, и Эль в романе остался. Другим религиозным предрассудкам повезло меньше…

Обозревая то, что когда-то было Москвой, герой замечает неподалеку от Кремля «рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный белый греческий храм, освещенный взошедшей луной».

В 1928 году на месте греческого храма редактор воздвиг *«мраморный фонтан»*.

Бывает и иначе — религиозный символ опознается с легкостью, а вот к чему он здесь употреблен — сказать непросто.

Например, Крукс — фамилия гениального изобретателя из лагеря капиталистических злодеев. Расшифровка элементарна: латинское *crux* — «крест». Думаю, что имя ему Беляев дал по ассоциации: Крукс изобрел гигантский воздушный корабль; в прошедшую войну самым большим воздушным судном был немецкий цеппелин, и сам Беляев в очерке 1916 года «Враг в небе» описал налет такого цеппелина на русский прифронтовой город. И каждое боевое летательное средство немцев несло на себе опознавательный знак: четыре черных треугольника, соединенных вершинами, — тевтонский крест. Вот и получается: нерусский крест — это враг.

А изобретению Крукса суждено было продолжение. Его «огромный летающий корабль, целый город», чья «движущая сила основана на принципе ракет», который мог «подняться выше атмосферы» и «неопределенно долгое время летать далеко от

Земли», еще взлетит в 1933 году, в романе «Прыжок в ничто»…

После 1928 года и до конца советской власти «Борьба в эфире» не перепечатывалась. А когда перепечатали, задумались и о причине постигшей роман несчастной судьбы. Предположили, что нарисованная Беляевым картина коммунистического будущего показалась идеологическому начальству слишком неприглядной… В 20-е годы XX века читатели, конечно, были благосклоннее. Вон Беляев описал ванну при коммунизме — не ванна, а целый бассейн, причем в собственной отдельной квартире. А в бане — что в жизни, что у Зощенко — за простой шайкой очередь стоит!

Кто-то заявил, впрочем, что в те же 1920-е годы роман подвергался уничтожающей критике. Но это не так — тогда критики роман не заметили. Появилась всего одна рецензия, да и то не на роман, а на одноименный сборник из нескольких произведений Беляева. О романе же было сказано лишь, что «сюжет строится попросту: …герой видит все во сне», и что «„Борьба в эфире“ — вариация на тему „Когда спящий проснется“… — социальная революция будущего, трактуемая по-уэллсовски. Сверхаэропланы, сверхкапиталисты, смертоносные альфа, омега и т. д. лучи, сверхкровопролитные битвы… Все это — старая, скучная история»[248].

«Спящим» влияние великого англичанина не исчерпывалось: тринадцатая глава (в журнале часть третья) названа «Освобожденный мир», так же, как роман Уэллса, написанный в 1914 году. А сцена, в которой наш современник (отнюдь не Геракл) голыми кулаками истребляет целую толпу хилых американских вырожденцев, вдохновлена мистером Бэдфордом, крошащим рыхлых селенитов в «Первых людях на Луне»…

Был еще один отклик — и вовсе курьезный. В книге «Лучистая энергия» Н. А. Рынина написано так:

> «А. Беляев в своем научно-фантастическом романе „Борьба в эфире“ (1928 г.) описывает, как один русский ученый в Крыму открыл способ изменять силу тяжести. Он мог уменьшать ее в любом месте земного шара за счет увеличения ее в другом. Если в эту последнюю зону попадут какие-либо предметы, то они упадут и будут раздавлены. Далее он решил уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара за исключением полюсов, и благодаря этому Земля начала вращаться быстрей. В результате развилась такая центробежная сила, что воздух, люди, предметы улетели от Земли в мировое пространство.

В результате оказывается, что все это был лишь сон»[249].

Ничего подобного в романе нет! Но тут, слава богу, все ясно: профессор Рынин просто перепутал — роман «Борьба в эфире» с беляевским рассказом «Над бездной». Ошибка вполне простительная: и рассказ, и роман были напечатаны в одной книге…

Но был у романа еще один читатель…

Вспомним начало:

> «Я сидел на садовом, окрашенном в зеленый цвет плетеном кресле, у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев».

А теперь сравним:

> «Однажды весною, в час небывало жаркого *заката,* в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина…
>
> Попав в тень чуть зеленеющих лип…
>
> …пуста была *аллея».*

Читаем дальше:

> «Это не могло быть сном. Слишком все было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо».

Сравним:

> «Да, следует отметить первую *странность* этого страшного майского вечера»…

Героя Беляева мы застаем уже сидящим в садовом кресле, а Берлиозу с Иваном Бездомным это только предстоит… Но вот и они «уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной».

После этого Беляев описывает «[с]овершенно пустячный случай: мне захотелось курить. Я вынул коробку папирос „Люкс“ и закурил».

А у Булгакова так:

> «— Вы хотите курить, как я вижу? — неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, — вы какие предпочитаете?

— А у вас разные, что ли, есть? — мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

— Какие предпочитаете? — повторил неизвестный.

— Ну, „Нашу марку“, — злобно ответил Бездомный.

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному:

— „Наша марка“».

У Беляева:

«Это невинное занятие произвело совершенно неожиданный для меня эффект.

Несмотря на то, что все эти юноши (или девушки) были, по-видимому, очень сдержанными, они вдруг целой толпой окружили меня, глядя на выходящий из моего рта дым с таким изумлением и даже ужасом, как если бы я начал вдруг дышать пламенем».

Потрясены и Бездомный с Берлиозом:

«И редактора и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно „Наша марка“, сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник».

Пришло время знакомиться…
Беляев:

«Они о чем-то начали горячо говорить между собою на своем языке. Я невольно смутился, но постарался сохранить непринужденный вид и даже заложил ногу на ногу. Наконец один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил:

— Kiuvi (Киуви)?

„Ви“ — очень похоже на „вы“. О чем они могут спрашивать? Конечно же, о том, кто я. <…>

— Я русский, из Москвы».

Смотрим у Булгакова:

«Тут литераторы подумали разно. Берлиоз: „Нет, иностранец!“, а Бездомный: „Вот черт его возьми! А?“»

Но, поизумлявшись, Бездомный быстро соображает что к чему:

«— Я извиняюсь, — сказал он, и лицо его потемнело, — вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать. <…> Вот что, Миша, — зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, — он никакой не интурист, а шпион. Это *русский* эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет…»

А что происходит у Беляева? Вот это:

«— А дело вот в чем. Мы получили сведения, что к нам послан *шпион.* В этот самый момент появились вы…

— И вы решили?..

Эль пожал плечами.

— Вполне понятная предосторожность».

Дальше больше —
Беляев:

«— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву».

Булгаков:

«— Извините меня, пожалуйста, — заговорил подошедший с *иностранным акцентом, но не коверкая слов*, — что я, не будучи знаком, позволяю себе…»

У Беляева:

«— Я историк. Меня зовут Эль»[250].

Смотрим у Булгакова:

«— А-а! Вы *историк*? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

— *Я — историк*, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!»

Но перед этим Воланд еще успевает спросить:

«— Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»

И получает ответ:

> «— Сам человек и управляет, — поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос».

Читатель «Борьбы в эфире» добирался до таких вопросов и ответов к середине романа — в главе шестой («Белый домик»):

> «— Эль говорил мне, — начал я, — что у вас нет правительства, нет служащих, нет чиновников. <…> Но должен же быть какой-нибудь контроль?»

И в главе девятой («Последний бой»):

> «— Но позвольте, *кто же управляет* всеми этими машинами?
>
> — Эти машины не имеют людей. Небольшое же число *людей,* составляющих всю нашу „армию“, управляет движением машин на расстоянии, по радио…»

Отмахнуться от всех этих сходств ссылкой на случайные совпадения, конечно, можно. Но ведь даже встреча с неизвестным и Неизвестным на садовой скамейке — не самый распространенный литературный ход. Я, по крайней мере, ничего подобного у других авторов не припомню…

Да и хронология этому не противоречит: первые известные нам наброски главы «Никогда не разговаривайте с неизвестными» датируются 1929 годом — год спустя после выхода книжки с романом «Борьба в эфире».

И теперь последнее — как уже было сказано, после 1928 года и до конца советской власти «Борьба в эфире» не переиздавалась… Но в этом она разделила судьбу остальных раннесоветских утопий — «Страны счастливых» Яна Ларри (1931), «Через тысячу лет» Вадима Никольского (1927), «Следующий мир» Эммануила Зеликовича (1930)…

А как относился к коммунистической утопии сам Беляев? Если судить по распределению симпатий (к жителям коммунистического рая) и антипатий (к главарям капиталистического ада), то весьма одобрительно.

Но тут такая деталь: в рождественской фантазии 1915 года жуткие события оказались обычным ночным кошмаром, а вот в романе картины счастливого коммунистического будущего герою не приснились — они результат тяжелейшей болезни. И стоило только герою пойти на поправку — бредовые видения исчезли.

Глава семнадцатая
ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Ученые подсчитали: сколько бы книг человек за свою жизнь ни прочитал, 80 процентов от общего их числа он одолевает к пятнадцати годам. А кто в отрочестве положенного не осилил, тому уж не наверстать!..

Поверить в такое трудно. И прежде всего потому, что детских тех книг никто не помнит. Ну, разве что — две-три в памяти осели. Отчего же из массы прочитанных в детстве книг, — вот этих, считаных, никак не удается забыть? Даже имена героев — не самые легкие для произнесения — запомнились… Например Ихтиандр.

С фильмом на ту же тему проблем нет — во-первых, красиво: море синее, красавица Настя Вертинская, красивый мерзавец Козаков… А уж мелодию «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно…» и сегодня — полвека спустя — каждый промурлычет без труда. Но ведь и на фильм публика ломилась (в кинотеатре «Россия» на Пушкинской двери снесли) оттого, что роман полюбился.

Что ж в романе такого замечательного? Написан без блеска, ни одна фраза в голову не запала… Фабула фантастическая, но закручена тоже без всякой лихости — тайны хватает едва на треть книги. А дальше читателю уже все известно — и кто такой Ихтиандр, и откуда он взялся… Следующие приключения предсказуемы: раз есть в романе отъявленные негодяи, то только им одно и остается — изо всех сил пакостить главному герою. Антураж — экзотический, но тоже привычный: Южная Америка, ловцы жемчуга, океан… Причем описанные человеком ни того, ни другого, ни третьего не видавшим. Про все это писатель сам вычитал из чужих приключенческих романов (Эмара, Майн Рида, Жаколио)…

А «Человека-амфибию» издают до сих пор, каждый год, десятками тысяч по всей России!

В чем же его очарование?

Критики отнеслись к роману сурово. Некто Рагозин сразу обозвал его «слабым подражанием Майн Риду и Куперу»[251], а потом отказал ему и в этой слабости: «Не может не вызывать недоумения и повествовательная манера Беляева. Даже самые острые эпизоды излагает он безжизненно, словно боясь вызвать у читателя малейшую эмоцию. Вот как рассказана зверская расправа Зуриты с Ихтиандром, едва не закончившаяся смертью

последнего».

Затем цитирует соответствующий отрывок и вопрошает:

> «Что это? Художественное произведение или протокольная запись? Любой юный читатель Беляева подтвердит, что ни Купер, ни Майн Рид, ни Жюль Верн, ни тем более Уэллс таким деревянным языком не писали. Каким бы ни был роман фантастическим или научно-фантастическим, он должен оставаться художественным произведением»[252].

И критик выносит приговор:

> «…Таких книг, написанных еще занимательнее и с гораздо большим литературным мастерством, существуют тысячи. И все они забыты, потому что ни одна из них ничем не затронула ни ума, ни сердца читателя. С выходом „Человека-амфибии“ стало одной такой книгой больше»[253].

А вот другую рецензию хочется процитировать чуть ли не полностью. Во-первых, она довольно короткая, во-вторых, ни разу не перепечатывалась, в-третьих, и автор ее не чета былым и нынешним щелкоперам — сам Виктор Шкловский…

> «Один актер играл и проигрывал на биллиарде.
>
> Тогда он сказал: „А теперь я буду показывать, как надо играть“.
>
> Он начал как бы режиссировать игру и выиграл партию.
>
> В 15–16 номере „Детской литературы“ талантливый писатель А. Беляев показывает, как надо играть (в статье „Создадим советскую научную фантастику“).
>
> Показ хороший.
>
> В статье этой есть такое место:
>
> „Следующая трудность, стоящая перед писателем в изложении научных проблем, это невозможность проведения точных границ между научным и ненаучным, практически выполнимым, хотя бы в отдаленном будущем, и абсолютно никогда не выполнимым. И ученый иногда, подавляя своим научным авторитетом, дает уничтожающую критику фантазии писателя, а на поверку (увы, иногда слишком поздно для автора) оказывается, что писатель был ближе к истине, чем ученый, что не наука, а научная косность продиктовала

столь суровый приговор“.

Сейчас Детиздат издал книгу А. Беляева „Человек-амфибия“.

Содержание этого романа несколько гибридно. Ученый, напоминающий уэльсовского *(так!)* доктора Мора, переделывает животных.

„Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами… За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба“.

„Один уродец особенно поразил Кристо. Большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьяна — ее грудь, руки, голова“.

Животные доктора Мора на его знаменитом острове были интереснее и содержательнее. Они были — пародии на людей.

Среди редкостей доктора Сальватора есть и человек-рыба — Ихтиандр.

Этот человек имеет и легкие и жабры. Впоследствии он был обследован. На суде поняли мало.

Роль доктора Паганеля в романе играет эксперт, который рассказывает следующее:

„На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат…“»[254].

Тут Шкловский, надо сказать, увлекся — переписал из книги всю лекцию о феномене Ихтиандра. Поэтому перепрыгнем в самый конец речи эксперта:

«…„Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор“.

Тот же эксперт признает, что он в этом деле ничего не понимает. Положение читателя затруднительное.

Непонятное существо плавает на воде и под водой, ездит на дельфине, трубит в раковину. Оказывается, что в научном романе больше влияния скульптуры, изображающей тритона с дельфином, чем науки»[255].

Тут Шкловский проявил зоркость — именно скульптура и повлияла. За триста лет (по почину Бернини) такие фигуры — трубящий в раковину мальчик верхом на дельфине — украсили

половину европейских фонтанов. Оттого-то замученный жарой и обезвоженный Ихтиандр бросается в первый попавшийся городской фонтан…

«Сюжетная линия романа — спасение Ихтиандром девушки — тоже напоминает один роман Уэльса *(так!)* с сиреной, которая выплыла из воды и влюбилась в обыкновенного земного мужчину, принеся ему приданое в матросском сундуке.

Правда, уэльсовская рыба-женщина не имела жабер и была снабжена хвостом»[256].

А вот это — ложный ход критика: роман Уэллса «Морская дева» никакая не фантастика, а сатирическая сказка, и любовь русалки к сухопутному мужчине — самый распространенный сказочный мотив. Да и литературно обработал его уже Андерсен. Уэллса же интересует не столько морская любовь, сколько неудобное положение, в каком оказался добрый молодец — до встречи с русалкой весьма успешный политик.

Вернемся, однако, к Шкловскому:

> «Роман Беляева неожиданно кончается отрицанием, как иногда бывает в длинных немецких фразах.
>
> К роману приложено послесловие профессора Немилова. Профессор пишет:
>
> „Автор, рассказывая о превращении юноши в человека-амфибию, решает вопрос чрезвычайно просто. Стоит только ребенку пересадить жабры молодой акулы и ‘изменить всю работу человеческого организма’ и Ихтиандр готов.
>
> На самом деле здесь имеются непреодолимые трудности. Даже самое смелое воображение не в состоянии хотя бы приблизительно наметить пути для их разрешения. И неспроста автор предпочитает обходить молчанием эти трудности.
>
> Поэтому фантастическое представление о пересадке жабер от молодой акулы человеку не имеет ровно никакой основы в современных достижениях биологии“.
>
> Таким образом, только что рожденный двоякодышащий соперник капитана Немо уничтожается послесловием. Если бы талантливый писатель Беляев сам редактировал свою книгу, то он начал бы с того, что познакомил бы профессора Немилова с писателем Беляевым до написания книги, или бы не напечатал книгу, опровергнутую в конце.
>
> Это можно было бы сделать потому, что книга А. Беляева „Человек-амфибия“ далеко не лучшая книга

этого автора.

У Беляева много интересных, неожиданно придуманных книг… Издавать недоработанную книгу лучшего работника в области советского фантастического романа не стоило…

Сейчас же получилась странная амфибия: чистофантастический роман, к которому пришиты жабры научного опровержения»[257].

Здесь Виктор Шкловский слукавил — уцепился за отдельно взятое послесловие к одному роману. Как будто не знал про неукоснительное требование — чтоб обязательно с разоблачением! А то пойди разбери: где там фантазия, а где черный маг — враг народа?

И с «доктором Мором» не все получилось ладно. Во-первых, ошибка в имени: «Мор» — во всех русских переводах (с 1904 года) имя это звучит, как ему и положено: *Moreau* — доктор Моро. Во-вторых, критик заметил у англичанина пародию на человека. А брать надо куда выше…

Да и на фигуре другого медика — профессора Немилова — тоже можно было бы подзадержаться. Потому что в авторы послесловия выбрали его не случайно. Неслучайный и интереснейший человек был Немилов Антон Витальевич — выдвинул собственную теорию происхождения жизни, крайне интересовался происхождением смерти… А в 1925 году выпустил книгу «Биологическая трагедия женщины». Открыл профессор, что деторождение и интеллект несовместимы. Причина в прямохождении — вынашивать ребенка и тем самым продлевать человеческий род оказались способны лишь женские особи с измененным углом тазовых костей. А это привело к резкому возрастанию биологического в ущерб человеческому, проще говоря к тотальной и необратимой умственной отсталости женщин.

Уже тогда это вызвало скандал, а сейчас звучит совсем неполиткорректно… Вот только возражений Немилову — с точки зрения биологии — никто не нашел. Но управу на него нашли — уже 85 лет делают вид, что книги такой не существует[258].

Один раз только сочувственно упомянул ее Иван Ефремов в «Лезвии бритвы»… Да с него какой спрос — фантаст! А все прочие (и не только в тоталитарном Советском Союзе, но и в нынешней свободной России, и на просвещенном Западе) как молчали, так и молчат.

Но Виктору Шкловскому все это было неинтересно, а литературных достоинств он в романе не отыскал.

Вот так два критика — гениальный и бездарный — согласно приговорили роман к забвению.

А он не умер.

И в этом его тайна.

Нельзя сказать, конечно, что присутствия какой-то тайны читатели вовсе не замечали. Замечали, даже пытались раскрыть…

> «Мало кому известно, что первый вариант романа Александра Беляева „Человек-амфибия“ назывался „Человек с железными жабрами“, героя звали не Ихтиандром, а Прохором, и рассказывалось в этом романе про базу подготовки подводных диверсантов-разведчиков в Ялте. На следующий день после сдачи рукописи в издательство Беляева вызвали куда следует и настоятельно порекомендовали заменить железные жабры жабрами молодой акулы, исключить всякие упоминания СССР и вообще перенести действие куда-нибудь подальше. Что автор и сделал, к счастью».

Интересно? Занятно. Появись такая информация в какой-нибудь среднеуважаемой газете, отнеслись бы мы к ней со всем пониманием.

Но — это шутка двух нынешних фантастов, Михаила Успенского и Андрея Лазарчука. Как и весь их роман «Гиперборейская чума»[259]. Там и машину времени изобретают в довоенном СССР, и Сталин напутствует космонавтов…

И тут самое время сказать еще одно недоброе слово о критиках.

Вот А. Рагозин великодушно указывает Беляеву путь исправления:

> «Если бы за Ихтиандром охотился не мелкий жулик Зурита, а агенты государств, ведущих агрессивную политику, если бы профессора Сальватора… капиталистические концерны осыпали лаврами, и в то же время пытались путем угроз, шантажа и подкупа овладеть его секретом… Тогда „Человек-амфибия“ сделался бы актуальной и правдивой повестью»[260].

И как было бы здорово: трудящиеся массы ихтиандров «становятся объектом капиталистической эксплуатации. Промышленные концерны широко пользуются их трудом для выполнения всевозможных подводных работ, правительства используют их для военных целей и т. д.».

Увлекательно донельзя, не «Человек-амфибия», а «Железные

жабры»! Правда, с железными жабрами Ихтиандру пришлось бы влиться в ряды прогрессивного человечества…

Так Ихтиандр уже вливался, только критики этого не заметили. А не заметили потому, что решили, будто Беляев написал «Человека-амфибию» в 1938 году. Но в 1938 году вышло переработанное издание романа. А до того роман был уже трижды опубликован — в 1928-м и 1929-м отдельной книгой, а перед тем в журнале «Вокруг света» за 1928 год.

И в той самой первой журнальной публикации было несколько глав, никогда с тех пор не перепечатывавшихся. Среди них «Подводный враг». В ней мы и находим т. Ихтиандра — пролетарского диверсанта-подводника.

Только главу эту Беляев почему-то выбросил — в том же самом 1928 году, из самого первого книжного издания. С чего бы это? То ли был он врагом правдивости, то ли недолюбливал пролетариат?..

Сам Беляев неоднократно утверждал, что замыслом своим он обязан заметке в «Известиях» — там рассказывалось о судебном процессе над аргентинским профессором, который хирургическим путем всячески совершенствовал человеческий организм. Только судили его не за бесчеловечные эксперименты, а за гордыню — вздумал, дескать, состязаться с самим Творцом.

«Известия» — газета распространенная, поклонников Беляева в СССР были тысячи, но никому той удивительной заметки отыскать не удалось… А почему не удалось, стало ясно лишь в 1979 году, когда лучший знаток советской фантастики И. Г. Халымбаджа установил, *что* именно читал Беляев.

И был это фантастический роман о человеке, волею хирурга превращенном в рыбу. А чтобы не возникало никаких сомнений в связях с Ихтиандром, Халымбаджа предъявил название романа: «Иктанэр и Моизет» (Моизет — имя возлюбленной героя)[261].

Относительно автора ясности не было, поскольку на разных его книжках имя писалось по-разному: Де Ла Гир, де да Ир, а то и вовсе — де Лагир. После трудных раздумий Халымбаджа решил, что фамилия его была Делэр. А еще Халымбаджа писал, что вышел этот роман в 1911 году в Петербурге и якобы откликнулся на него сам Валерий Брюсов в статье «Пределы фантазии». Вот только статья Брюсова никогда не публиковалась (осталась в рукописи, да к тому же и не закончена)… И книги «Иктанэр и Моизет» тоже ни в одной библиотеке не сыскать!

Что ж такое получается? Еще один ложный след?!

Не прошло и четверти века, как Михаил Золотоносов отыскал концы: роман точно был, а вот книги не было. По-русски не было. Что ж было? А была публикация в газете «Земщина» — вообще без

имени автора и под названием «Человек-рыба». Перевод с французского. А французский оригинал назывался «L'Homme que peul vivre dans l'eau» — «Человек, который мог жить под водой». Печатался роман в парижской газете «Матэн» — в 1909 году, с июля по сентябрь. И уже в сентябре появился в «Земщине». Правда, в сильно урезанном виде: «Матэн» уделила роману 62 «подвала», а «Земщина» — всего 13.

Автора же звали Жан де Ла Ир (впрочем, и это псевдоним — родители наградили его именем куда более звонким: *Adolphe d'Espie de La Hire).* Далее дадим слово Золотоносову:

> «Во французском романе действует некий Фульбер, целью которого является достижение власти над миром ордена иезуитов. <…> Фульбер находит Оксуса, изобретателя и по совместительству хирурга, который пересаживает мальчику (его назвали Гиктанер) жабры молодой акулы, заменяющие одно легкое. Мальчик может находиться и в воде, и на воздухе. Действие, естественно, происходит на заброшенном острове… в Персидском заливе, где оборудовано комфортабельное логово Фульбера и спрятаны его сокровища.
>
> После того как Гиктанер вырастает, злой Фульбер внушает ему ненависть к людям и обучает топить корабли и целые эскадры с помощью жутких торпед. Фульбер уничтожает военную силу человечества и захватывает ценности, которые находились на кораблях. Весь мир охватывает паника, Фульбер предъявляет человечеству ультиматумы, в Марселе собирается международный конгресс для поиска выходов. Благодаря связи с разветвленной организацией международных анархистов (их российскую ветвь возглавляет Ройтман) дестабилизация мирового порядка идет особенно интенсивно. Естественно, в дело замешивается девушка-красавица, которую зовут Моизетта. Гиктанер и Моизетта влюбляются друг в друга, благодаря Моизетте Гиктанер узнает о существовании Бога и осознает, что поступает дурно, уничтожая человечество, и вскоре перестает подчиняться Фульберу. Происходит множество событий, в результате которых Гиктанер даже стреляется, думая, что потерял Моизетту, но международные силы порядка доставляют его в Париж, где светила медицины удаляют у него акульи жабры и возрождают к жизни, и в итоге Гиктанер с Моизеттой женятся и поселяются на Таити. Happy end[262].

> Русская переделка романа появилась… в „Земщине“ — антисемитской газете, осенью 1909 года больше всего озабоченной тем, чтобы на выборах в Государственную Думу не прошли кадеты во главе с Милюковым. Отсюда явный политический смысл, который был придан фантастическому сочинению: Фульбер стал евреем, а власть над миром, которой он добивается, это власть международного еврейства, желающего „поработить человеческую расу“. 60 еврейских эмиссаров в разных странах подчинены Фульберу и работают на него. За этим исключением все сюжетные линии в русской переделке сохранены. Оксус пересаживает Гиктанеру жабры акулы, Гиктанер вырастает и начинает топить суда… Действуют и анархисты, только Северак стал Севераном, Vampa — Вампирини, а Gavrilo — Гавриловым. Попутно даются картины преступной деятельности русских анархистов и тайные заседания „Союза всемирного владычества евреев“… В финале Гиктанера доставляют в Петербург, где светила медицины удаляют у него акульи жабры и возрождают к жизни, и в итоге Гиктанер с Моизеттой женятся и поселяются на Таити. Фульбер исчезает. Happy end»[263].

Золотоносов не может с точностью сказать, какой из двух вариантов — французский или русский — попался на глаза автору «Человека-амфибии»[264], но убежден, что под рукой Беляева роман утратил главное:

> «Беляев не смог найти неоспоримой мотивировки для произведенной Сальватором вивисекции. Ибо никакими благими целями, ничем, кроме алчности, превращение человека в морскую рыбу не оправдаешь».

С какой же тогда целью принялся Беляев за свой римейк? У Золотоносова готов ответ:

> «Беляев как бы подмигнул своим читателям, подчеркнув, что зачинает советскую массовую культуру не на пустом месте, а прямо украв основные сюжетные ходы и образы у предшественников, текстами которых зачитывались в 1900-е годы. Не сворuешь — не продашь!»

Неужели все так просто? Даже обидно…
Но все непросто!

Педро Зурита — алчный негодяй, и все потустороннее ему чуждо. А посему с похвальной быстротой раскрывает связь между подводным гротом, где спрятался «морской дьявол», и поместьем над этим самым фотом расположенным. После чего засылает в поместье своего шпиона — верного и послушного индейца. Миновав железные врата, индеец обнаруживает, что за высокой каменной стеной раскинулся роскошный сад. «Посыпанные красноватыми измельченными раковинами расходились в разные стороны» дорожки, «голубо-зеленые сочные агавы», «целые рощи персиковых и оливковых деревьев», «яркие цветы» и сверкающие, «как зеркала, водоемы» в темной зелени травы, «высокие фонтаны освежали воздух»… Благодать! Но бродит по саду и неведомое зверье: «звери со шкурою ягуара лаяли по-собачьи», «сверкая медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица», с дерева свисает «змея с двумя головами»… А вот то, что наполнило омерзением Виктора Шкловского: поросенок из-за проволочной сетки уставился «единственным, большим глазом, сидевшим посреди лба»… прочие «необычайные гады, звери и птицы, чудовищное соединение в одном теле разных видом животных. Собаки с кошачьими головами, гуси с петушиной головой, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы…».

Прямо Босх какой-то… И тогда индеец понимает, что «попал в ад»!

Но сад адским не бывает! И Змею, свисающему с садового дерева, тоже в аду не место! Змей давно прописан в саду райском! Куда же попал несчастный индеец? Он очутился в нескончаемых Днях Творения, в том времени, которое течет только в Раю.

А что мы знаем о хозяине сада?

Зовут его доктор Сальватор. Зурита слышит о нем впервые:

> «— Кто он, этот Сальватор?
>
> — Бог, — ответил Бальтазар.
>
> Зурита в изумлении высоко поднял свои черные, пушистые брови.
>
> — Ты шутишь, Бальтазар?
>
> Индеец едва заметно улыбнулся:
>
> — Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.
>
> — От чего же он спасает их?
>
> — От смерти. Они говорят, что Сальватор держит в своих руках жизнь и смерть»[265].

Может быть, непросвещенные туземцы приняли талантливого хирурга за свое местное индейское божество, распорядителя

жизни и смерти?

Вряд ли, поскольку имя его — Сальватор. Гражданин испаноязычной Аргентины, будь он даже гением хирургии, мог носить фамилию Сальвадор, но никак не Сальватор. Потому что Сальватор — это не испанский, а латынь: salvator. И значение этого слова: «спаситель». Именно так и величают доктора индейцы. А поскольку слово это — фамилия, следует писать его с прописной буквы: Спаситель. Иными словами, Христос. И ведет себя доктор в полном соответствии с именем:

> «Он может делать чудеса. Хромым он дает новые ноги, — хорошие, быстрые ноги, слепым — глаза, зоркие, как у коршуна. Он даже воскрешает мертвых, и они открывают глаза и начинают есть, пить и радоваться солнцу».

Но Христос творил только чудеса (исцелял бесноватых и увечных, воскресил Лазаря), оставляя Творение своему Отцу Небесному.

Да и во внешности Сальватора — «довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жесткое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно и с каким-то жадным любопытством» — нет ничего от кроткого и прекрасного ликом Иисуса.

Вот и «индейцу стало не по себе под этим взглядом, который, казалось, пронизывал человека насквозь, прощупывал каждый мускул, каждый орган, врезался, как скальпель, анатомировал».

Но не похож доктор и на бородатого, в грозе и буре Саваофа: «…высокий, широкоплечий, смуглый. За исключением черных бровей и ресниц, на голове… не было ни одного волоска. Он брил не только усы и бороду, но и волосы на голове…»

Зато прекрасен Ихтиандр. Не просто стройный молодой человек «необычайной красоты», но — «образец классической красоты»! Правда, не только человек, а еще и рыба. «Человек-рыба», как представляет его доктор Сальватор. Существо двойной природы, подобно Христу Богочеловеку.

Но что общего между Богом и рыбой?

А то, что у ранних христиан изображение рыбы служило обозначением Христа, своего рода символом веры. И если кто-то, подобно нам, задавал вопрос: «Что между ними общего?» — следовал ответ: «рыба» по-гречески ΙΧΘΥΣ («ихтюс»), и если применить прием «нотарикон», то есть понимать каждую букву как обозначение целого слова, получится: «η Ιησούς Χρίστος Θεο η Υχος Σωτηρ» — Иисус Христос Сын Божий Спаситель.

А на вопрос: «Отчего же все-таки рыба?» — исчерпывающий ответ дал Блаженный Августин: «Иисус был способен жить в безднах смертного существования, точно в глубинах вод, без греха»[266].

И тогда мучения Ихтиандра в бочке с ржавой водой — это страсти Христовы, суд — это суд Пилата… А Сальватор — уже не Спаситель, но Бог Отец!

Впрочем, у Ихтиандра есть и земной отец — индеец Бальтазар. Но Бальтазар — это имя одного из волхвов, узревших Вифлеемскую звезду, пророчествующую о рождении Спасителя. А когда Бальтазар обманом проникает в заповедный сад Сальватора, то свое подлинное имя он, конечно, скрывает, но раскрывает подлинную суть — называет себя Кристо, то есть Христос!

И тут нас поджидает удар — слово берет сам доктор Сальватор, дабы защитить себя от обвинений суда и наших измышлений:

> «— Я не нахожу в этом зале потерпевшего…
>
> — О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.
>
> — Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор. <…>
>
> — Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.
>
> — Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: „Это плохо сделано. Это требует переделки“. И начинает перекраивать божье творение по-своему… <… > Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого».

Вот так коротко и ясно доктор Сальватор дал по рукам зарвавшимся аргентинским мракобесам и некоторым нечистым на голову исследователям.

Речь идет о науке и обреченных на провал потугах остановить

железную поступь прогресса!

То, что мы сейчас прочли, было напечатано в 1938 году. И десятью годами раньше Сальватор говорил то же самое. Иными были слова председателя суда:

> «— О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами *людей,* то суд не счел нужным *вызывать их сюда, так как эксперты и судьи выезжали на место и уже видели потерпевших».*

Что это за изуродованные люди, которых и показать невозможно?

Ихтиандр? Но Ихтиандра никто не скрывал, и в 1928 году председатель о нем не упомянул даже? Что ж за напраслину такую возводят на смелого экспериментатора?

Про людей в романе написано так:

> «Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило его ожидания.
>
> На большом, освещенном солнцем лугу резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоравливающие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.
>
> Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.
>
> Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с детьми, бранились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.
>
> Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди».

Ну вот! Лечил, а не калечил! Какие такие ужасы?!

Но это издание 1938 года, а посмотрим на эксперименты года 1928-го:

> «Кристо уже привык к неожиданностям. Но то, что он увидел в нижнем саду, еще раз поразило его своей

необычайностью.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились обезьяны и голые дети. Все дети, как заметил Кристо, принадлежали к различным индейским племенам. Среди них были и совсем маленькие, не более трех лет, и двенадцати-тринадцатилетние подростки. *Каждый из них обладал какой-нибудь странной особенностью. У одних имелись длинные обезьяньи хвосты. Хвостатые дети прекрасно владели этим придатком: они отгоняли хвостом мух, пускали его в ход, как плеть, во время драки, закручивали хвост кольцом, убегая друг от друга.*

У нескольких детей ноги и руки были как будто выворочены в суставах. Эти дети могли сгибать руки в локте в любом направлении. <…> Иные могли заворачивать голову и ноги в обратную сторону и бежать с одинаковой скоростью как вперед, так и назад, не поворачивая туловища. <…>

Не менее странными существами были и обезьяны. Если некоторые дети обладали хвостами, то многие обезьяны, наоборот, были лишены этого украшения. У большинства обезьян на теле совершенно не было шерсти. Их гладкие тела отличались только различной окраской кожи. И Кристо не мог определить, — *были ли это действительно обезьяны, или люди.*

Удивительнее же всего было то, что все эти обезьяны, — одни лучше, другие хуже, — умели говорить. Они-то и вступали с детьми в споры, бранясь визжащими тонкими голосами».

Это не опыты (пусть и жестокие) над животными. Это людей превращают в уродов, а людей-уродов — в животных! И Сальватор — не врач, не ученый, даже не компрачикос…

Бросил вызов Богу?!

Не каждое богоборчество — атеизм. У Бога есть и другие противники. И главный из них — Его соперник.

Тот, кто ревнует к Творцу, извращает Божьих тварей, посягает на сам венец Творения — человека… Но даже Дьявол не покусился создать своего Христа. А Сальватор создал.

И Беляев его не осудил и не проклял. Как не проклял своего Воланда Булгаков.

Причина ясна: очнувшись в мире торжествующего Зла, объявившего себя наукой, в мире, отринувшем все прошлое и человеческое ради Нового мира, Нового человека, безжалостного, как молодая акула, оба писателя признали право Дьявола на

равноправие — равноправие с Богом.

Это не было их изобретением, такой диалектике с начала века обучались в тайных ложах и оккультных орденах. И рассказывали об этом в фантастических романах.

Дыхание этой бесчеловечной тайны ощутил каждый читатель «Человека-амфибии». И именно это чувство, превысившее любое понимание, обеспечило роману необыкновенное долголетие.

* * *

А 8 августа 1928 года появился первый (и на ближайшие десять лет — единственный) отклик на «Человека-амфибию»:

> «Когда есть установка на внедрение науки в широкие массы нашего Союза, следует задуматься над значением и ролью научно-фантастического романа в литературе. Привлечение внимания масс к науке через занимательность такого романа — задача не из легких, и она еще мало кем основательно продумана.
>
> Очаровательного фабулиста, влюбленного в научную дисциплину и способного дать страницы высоко художественной трактовки научной темы, у нас нет.
>
> С этой точки зрения роман Беляева не порадует ни общественника, озабоченного развитием общественных слоев, ни знатока науки, и только с грехом пополам он заинтересует массового читателя, которого, собственно говоря, и надо основательно привлечь к науке, будь то биология, либо техника, или астрономия и т. д.
>
> Первая часть и половина второй романа написана довольно удачно — заинтересовывает тайна и хирургия д-ра Сальватора, вносящего поправки в человеческий организм, создавшего человека-амфибию. Но автор — не энтузиаст затронутой темы, а лишь ее случайный гость — беспомощно развертывает сюжет, притягивает за волосы к нему аграрную революцию Аргентины и, не зная, как разрешить выбранную им проблему в том социальном плане, к которому он вдруг повернул, внезапно наделяет человека-амфибию мало обоснованными симпатиями к революции. Они, впрочем, затушевываются также *(так.)* мало удачно, как и появились.
>
> В неуклюжем предисловии говорится, что автор использовал „действительные события, но случившиеся

разновременно“ (процесс врача, обвиненного в святотатстве, и аграрная революция). Чтобы спаять их воедино, надо иметь больше такта, чем тот, которым обладает Беляев. К тому же, если уже касаться процесса врача, то надо дать более острую зарисовку косной общественности Аргентины, либо обойти его молчанием. А. Беляев едва подымается над уровнем журнала „Вокруг Света“ и дает помесь научности, переходящей в скудную фантастику, с поверхностной социальной тенденцией»[267].

Рецензия подписана *«Н. Кар.-П.»*. Ничего похожего ни в одном словаре псевдонимов отыскать не удалось. Единственное имя, подходящее под сокращение «Н. Кар.-П.», — это Николай Каронин-Петропавловский. Вот только Николай Елпидифорович указанную рецензию написать никак не мог, поскольку скончался в Саратове в 1892 году.

Можно, впрочем, взглянуть на эту подпись как на некую шараду. «Кар.-П.» следует читать как «Карп.».

Псевдоним «Н. Карп.» в советской прессе действительно встречается — в ленинградской «Красной газете» за 1924 год. И расшифровывается он: Н. Карпов. Иных сведений об этом ленинградском Карпове не имеется, но разумно предположить, что автор рецензии на фантастический роман, позволяющий себе судить о научной фантастике вообще, и сам имел к ней какое-то отношение. А тогда в поле нашего зрения оказывается Николай Алексеевич Карпов (1884–1945) — автор романа «Лучи смерти» (1925). Роман этот принадлежит к числу революционно-фантастических (большевики одерживают верх над капиталистами, стремящимися присвоить секрет прибора, испускающего «лучи смерти»), но Карпов и до революции — с не б***о***льшим успехом — неоднократно грешил фантастикой[268]. Так что вполне мог считать себя вправе наставлять молодежь…

Примечательно, однако, что книгу-то рецензент не читал поскольку об аргентинской аграрной революции в ней и слова нет! И, значит, рецензию свою он посвятил не книге, а журнальной публикации — где, как мы помним, Ихтиандр подвизался в роли диверсанта-подводника. Отсюда и фраза: «А. Беляев едва подымается над уровнем *журнала „Вокруг Света*“», хотя до того в рецензии ни о каком *журнале* ни разу не упоминалось. Дело, видимо, обстояло так: лежала в редакции рецензия на напечатанный в журнале роман. А тут вдруг роман этот вышел отдельной книгой. Редактор убрал из рецензии указание на предыдущую публикацию (в журнале), вставил на это

место выходные данные книги («„ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ“. Научно-фантастический роман А. Беляева. Изд. ЗИФ. стр. 201. Ц. 1 р. 50 к.») и отправил в набор. Но саму рецензию до конца не дочитал… Оттого и осталась в ней непонятная жалоба на журнал «Вокруг света» с его прискорбно низким уровнем.

Глава восемнадцатая
ВОЗДУШНАЯ ЯМА

О романе «Продавец воздуха» не принято много говорить — до того он прост и понятен.

Метеоролога Клименко послали выяснить, отчего ветры над Сибирью стали дуть в другую сторону. Клименко и его проводник — якут Никола — отправляются в путь. По дороге Никола сообщает собственную версию происходящего — это дышит великий бог Ай-Тойон. Сейчас наступило время вдоха, а потом бог выдохнет. Оттого место, куда направляются разведчики, называется Ноздря Ай-Тойона, и живым оттуда никто не вернулся. Ученый, естественно, проводнику не верит, но затем оба добираются до таинственного кратера, куда их и затягивает воздушный поток. Выясняется, что герои стали пленниками подземного города, которым заправляет англичанин Бэйли. Его цель всосать в подземные резервуары весь воздух планеты и поставить человечество на колени. Клименко ухитряется известить советское правительство о злодейских планах Бэйли, и могучая Красная армия, понеся незначительные потери, кладет конец преступной авантюре. Перед лицом неминуемого краха Бэйли глотает пилюлю концентрированного воздуха и кончает с собой.

Как и положено роману, параллельно развивается любовная линия: единственная женщина подземного города и дочь шведского ученого Энгельбректа, Элеонора, влюбляется в Клименко. Метеоролог раскрывает Элеоноре глаза на то, как Бэйли использует гений ее отца, и та, узнав, что отец пошел на это из опасения за жизнь дочери, кончает с собой.

Роман ненавязчиво оснащен просветительским багажом: приводятся сведения о строении атмосферы, холодильном оборудовании и этнографии.

Предлагается и культурная программа: звучит «Менуэт» Боккерини, цитируются — и к месту — некоторые литературные произведения: «Скупой рыцарь» Пушкина, «Фауст» Гёте… Да и начинается роман с литературной цитаты:

«„Окаянный край!“ — так писатель В. Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии».

Впрочем, у Короленко такой цитаты отыскать пока не удалось…[269] Этнографические же подробности, скорее всего, взяты из книги польского ссыльного и писателя Вацлава

Серошевского «Якуты»[270]. Из нее Беляев мог узнать, что демонов якуты называют «еры», а верховное божество Ай-Тойон (у Серошевского «Аи-Тоён»; на самом деле: *Юрюнг Айыы Тойон* — «Белый творец господин» — от глагола *айыы* «творить»).

Крещеные якуты отождествляли Ай-Тойона с Николаем-угодником, вследствие чего имя «Николай» стало у них одним из самых популярных. Так в романе появился якут Никола.

Стоит присмотреться и к космическим воззрениям якутов. Мир они делят на три части: верхний, средний (тот, где живем мы) и нижний — подземный. Средний и нижний миры одноярусные, зато верхний состоит из девяти небес. На самом верхнем обитают Ай-Тойон и иные светлые созидающие боги. Прочие небожители обитают на небесах пониже.

А теперь посмотрим на подземный город Бэйли: на самом верхнем этаже располагаются мистер Бэйли и руководство города, на нижних — все прочие (от охраны до рабочих). И чем ниже проживает горожанин, тем ниже его социальный статус. Всего же этажей восемь. А под ними располагаются пещеры с озерами сжиженных газов — кислорода и водорода.

Итого, ровно девять этажей — по числу якутских небес. И значит, подземный город Бэйли — это целый космос! Иной космос — антимир! А Бэйли — верховное божество зла.

Рассказывая об истинном творце могущественных машин подземного города, Беляев совершает краткий экскурс в жизнеописание его предка — Энгельбректа, вождя крупнейшего в шведской истории народного восстания 1434 года. Будучи поначалу искренним приверженцем Кальмарской унии — договора 1397 года об объединении Дании, Норвегии, Исландии и Швеции под датской короной, он, наконец, возмутился произволом датчан и восстал. Конец его был трагичен — отстраненный шведскими аристократами от руководства, он поднял новое восстание и 4 мая 1436 года пал жертвой подлого убийцы. Призвав на помощь память о славном предке, Клименко побуждает Элеонору, а затем и ее отца к сопротивлению всевластью мистера Бэйли. Элеонора погибает, Энгельбрект радостно встречает красноармейцев-освободителей.

Почему Беляев воспользовался этим малоизвестным сюжетом? А потому, что в его время имя и деяния вождя шведских повстанцев были достаточно популярны. И этой популярностью шведский герой был обязан одному из самых известных в начале XX века скандинавских писателей — Августу Стриндбергу, в 1901 году написавшему историческую драму «Энгельбрект», спустя несколько лет переведенную на русский.

По ходу пьесы Энгельбрект узнает, что какой-то немец

(ставленник датчан) установил заставу на принадлежащей Энгельбректу дороге, схватил шестерых кузнецов — подданных Энгельбректа — и, когда те отказались платить, приказал привязать их к столбам…

Энгельбрект, все еще верящий в справедливость власти, заявляет:

«— Я сегодня же поеду к фохту с жалобой».

На что его друг, Эрик Пукэ, с иронией отвечает:

«— *А они пообещают тебе воздух, которым ты дышишь*»[271].

Вот то зерно, из которого вырос «Продавец воздуха»!

В пьесе дочь Энгельбректа звали Ингеборг, у Беляева — Элеонора, или (более интимно) Нора.

Здесь тоже легко усмотреть скандинавский литературный след: пьесу Ибсена «Нора».

Но через 10 лет — в 1939-м — имя «Элеонора» встретится еще в одном произведении Беляева: повести «Замок ведьм». Девушка и здесь остается дочерью гениального изобретателя, но на этот раз немца и злодея, а место действия — оккупированная Чехословакия.

В 1929 году — одновременно с «Продавцом воздуха» — выходит повесть «Золотая гора». Сюжет повести — зеркальное отражение романа: правое и левое поменялись местами. В алтайской глуши укрылся от людского взора гениальный ученый и раскалывает тайны атомного ядра. Появляется пришелец, и ученый допускает его до работы в лаборатории. У ученого есть ассистентка. Пришелец в нее влюбляется и становится перед моральным выбором: сохранить верность прежним убеждениям или, порвав с прошлым, остаться с любимой? Выбор сделан в пользу любви. И еще одно отличие: гениального ученого зовут Василий Николаевич Микулин, он русский и за большевиков. А пришельца зовут Клэйтон, и он американский шпион. Ассистентка — предмет любви — тоже русская. Вот только зовут ее Елена Лор.

А в 1928 году — за год до публикации «Продавца воздуха» — Беляев завершает роман «Воскресшие из мертвых» и переименовывает героиню — американка мисс Адамс из рассказа «Голова профессора Доуэля» (1925 года) превращается во француженку мадемуазель Лоран.

Такой способ записи называется *анаграммой.* Человек никак не хочет назвать какое-то слово или имя, но оно неотвязно

присутствует в его сознании, вертится на языке… И человек, против своей воли, все время проговаривается…

Элеонора — Елена Лор — Лоран — Нора…

Когда Беляев писал свои романы, его женой была Маргарита… Но это имя мы встретим лишь в одном его произведении — «Властелин мира», когда «в опере… Фауст и Маргарита вместо дуэта „О, ночь любви“ запели вдруг под аккомпанемент оркестра „Ах, мейн либер Августин“…». И больше ни разу — даже когда персонажи поминают доктора Фауста…

Какое же время вставало перед взором Беляева при звуках имени Элеонора и ему подобных?

Вот Клименко и Элеонора Энгельбрект с балкона любуются ночным полярным небом:

> «— Смотрите!
>
> Я посмотрел на север. От горизонта поднимался бледный световой столб. Все выше, выше, до зенита. Из молочного столб превратился в бледно-голубой, потом в светло-зеленый. Верхушка столба начала розоветь, и вдруг от нее, как ветви от ствола дерева, потянулись во все стороны широкие отростки. А от горизонта поднималась завеса, переливающаяся необыкновенно нежными и прозрачными оттенками всех цветов радуги. Полярная ночь чаровала. На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков.
>
> — Как прекрасен мир! — с некоторой грустью в голосе сказала Нора.
>
> Я взял ее руку в меховой перчатке. <…> А небесный гимн северного сияния все разрастался, ширился, как могучий световой орган, холодный, беззвучный, прекрасный, чуждый всему, что волновало нас…»

«Симфония красок», «переливались, как звуки оркестра», «в мощном аккорде», «пианиссимо»… — здесь чувствуется рука музыкального рецензента. Но слова «световой орган» указывают не просто на музыку, а на совершенно конкретное музыкальное произведение — «Прометей (Поэму огня)» А. Н. Скрябина. Первое исполнение состоялось 15 марта 1911 года в Москве. Но уже в ноябре «Прометей» и Скрябин обретают страстного пропагандиста — выдающегося пианиста и дирижера Александра Зилоти. И в мае 1913 года, в рецензии на концерт Зилоти в

Смоленске, Беляев обнаруживает прекрасную осведомленность о «светомузыке», а саму музыку Скрябина именует «музыкой будущего»[272].

И если сцена свидания с Элеонорой пробуждает у автора такие воспоминания, можно видеть здесь указание на время тех реальных событий, что отразились в романе: не раньше весны 1911 года — не позже осени 1913-го.

А вот последние минуты жизни Элеоноры:

> «Я быстро оглянулся и вздрогнул от ужаса.
>
> — Что вы делаете?! — закричал я. Но было уже поздно.
>
> Нора раскрыла свой изоляционный костюм, обнажив грудь и голову. Холод в двести семьдесят три градуса ниже нуля должен был убить ее моментально. Я подбежал к девушке и трясущимися руками пытался натянуть ей на голову скафандр и закрыть одежду на груди. Тело Норы в одно мгновение покрылось пушистым инеем и затвердело, как сталь… Даже ее глаза, остававшиеся открытыми, покрылись пленкой инея, а с губ, открытых улыбкой, упал ледяной комочек — последнее дыхание Норы».

Редко когда перо Беляева достигало такой пронзительности письма… И, как всегда в минуты сильного волнения, наружу рвется то, о чем следовало бы промолчать: «обнажив грудь…», «закрыть одежду на груди»… Это не просто смерть красивой и хорошей девушки — это смерть возлюбленной, неисцелимая рана.

Летом 1912 года, в Смоленске, Вера Былинская много общалась с Александром Беляевым:

> «Не было прежней жизнерадостности, жадности ко всем проявлениям жизни… Работа не только не удовлетворяла его, но даже тяготила временами. Его влекло в искусство, в литературу, и он не верил в себя… В наших разговорах и спорах я всегда старалась заставить его поверить в свои возможности, но в ответ он горько говорил: „нет, мне суждено остаться дилетантом, это ужасно…“.
>
> Тяжело подействовала на него смерть человека, которого он, по-видимому, полюбил»[273].

И теперь мы знаем имя этой женщины — *Элеонора! Лора!*

А в самый канун лета (по европейскому календарю — 5 мая)

1912 года умер Стриндберг… Вот и сошлись все три мотива.

Остается еще одна тайна, которую Беляев оставил нераскрытой.

Впервые Клименко встречает Бэйли не в подземном городе, а в болоте. Тот залез туда, доставая какой-то таинственный Цилиндрический сосуд, отсвечивающий ртутным блеском и весьма тяжелый.

Впоследствии Бэйли разъяснил, что сосуд этот прибыл с Марса, с которым «продавец воздуха» ведет весьма прибыльную торговлю, получая за земной воздух «радиоактивный элемент иль, обладающий огромной энергией». Энергия *иля* приводит в движение машины подземного города, доставляет снаряды с земным воздухом на Марс, а может быть использована и в космических кораблях…

Марсиане, по словам Бэйли, значительно обогнали землян в научно-техническом отношении —

> «…но у марсиан очень слабый организм. Уже шестьсот лет назад они делали опыты межпланетных путешествий. Но они неизменно гибли, не будучи в состоянии перенести условий путешествия. <…> И смелые путешественники неизменно умирали — одни в пути, другие вскоре после возвращения на Марс. Они назвали эту болезнь „левитацион“ — так можно перевести на наш язык их слово[274]».

На естественный вопрос Клименко, откуда мистеру Бэйли стало об этом известно и каким образом он вступил в сношения с марсианами, тот почему-то отвечать отказался:

> «— Довольно того, что я сказал вам. Если вы не верите, я покажу вам иль».

От такого предложения отказывается уже Клименко. Больше разговоров на марсианскую тему не возникало. Лишь в самом конце, когда Бэйли уже не стало, Клименко вспомнил, что на один вопрос он ответа так и не получил:

«Я до сих пор сомневаюсь, действительно ли он занимался „внешторгом“ с Марсом». Но вдаваться в подробности Клименко не пожелал, поскольку выяснил главное:

> «Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепостить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, дышать в буквальном смысле слова!»

Так все-таки врал Бэйли или говорил правду? Один факт сомнению не подлежит: Бэйли полез в болото ради спасения какого-то блестящего бидона.

С какой целью — произвести впечатление на Клименко? Но о том, что Клименко бродит где-то поблизости, Бэйли ничего не знал и на встречу с ним рассчитывать не мог. И, тем не менее, с риском для жизни бросился вылавливать свой бидон и, даже утопая, не выпустил его из рук.

Если это не марсианский подарок, то что это? Никакого иного объяснения Беляев не дает.

Еще вопрос: производство Бэйли чрезвычайно энергоемкое. Сам Бэйли утверждает, что источником энергии служит марсианский радиоактивный элемент *иль*, который он получает в уплату за поставляемый Марсу жидкий воздух. *Иль* необходим и для того, чтобы переправить этот воздух на Марс.

То есть: товар — *иль* — товар!

Но чтобы товар произвести — нужен *иль*. И доставить товар потребителю без *иля* никак невозможно. А *иль* можно получить лишь в уплату за готовый товар! Это почище задачи про курицу и яйцо — что раньше?!

И самое главное: в сюжете романа рассказ Бэйли о сношениях с Марсом абсолютно никакой роли не играет! К чему же тогда загромождать роман ненужными подробностями?

К концу романа Клименко узнает, что время от времени подземный город посещают чьи-то самолеты, доставляя дефицитные продукты. И тут его осеняет: Бэйли не одинок — за его спиной стоят иные, более могущественные силы. И тут же соображает — это капиталисты всех стран объединились, чтобы удушить СССР и пролетарские массы во всем мире!

Он задает Бэйли прямой вопрос:

> «— Но не думаете же вы лишить земной шар всей его атмосферы? <…> Земной шар без атмосферы — это была бы катастрофа! <…>
>
> — О да, — иронически ответил Бэйли. — Люди станут задыхаться, растения погибнут вместе с людьми, ледяной холод спустится на Землю со звездных высот… Жизнь прекратится, и земной шар станет таким же мертвым телом, как оледенелая Луна… И это будет, будет, черт возьми! — закричал Бэйли.
>
> В эту минуту мне казалось, что я имею дело с помешанным.
>
> — Вы хотите погубить человечество? — спросил я.
>
> — Мне просто нет никакого дела до человечества.

Оно само идет к гибели. В конце концов наша планета не вечна. Она обречена на гибель не мною. А произойдет это раньше или позже — не все ли равно.

— Далеко не все равно. Человечество еще может жить миллионы лет. Наш земной шар еще очень молод. Он гораздо моложе Марса.

— Вы можете поручиться, что человечество проживет еще миллионы лет? Довольно налететь какой-нибудь шальной комете, и ваш земной шар скоропостижно скончается.

— Вероятность этого ничтожна.

— С вашей близорукой точки зрения земного червя. <…>

— <…> И с какой целью вы хотите погубить человечество?

— Я уже сказал вам, что мне нет дела до человечества. Я не хочу губить, но не желаю и отказываться от своих целей ради спасения человечества.

— Каких целей?

Мистер Бэйли не ответил».

Допустим на секунду, что Клименко прав и Бэйли готов на все ради наживы и власти… Велика радость сидеть на груде золота посреди ледяной пустыни и повелевать мертвой планетой!

Честно сказать, Бэйли смотрит на вещи и человечество не совсем по-человечески… Это взгляд сверху, взгляд чужого…

Клименко пропускает мимо ушей и такое признание Бэйли:

«— А для межпланетного путешествия у меня есть кое-какие возможности получше пороховой ракеты».

И поэтому, услышав последние слова Бэйли: «Долой! На Марс! На Луну… Конец мира!», — видит в них лишь доказательство того, что воздушный торговец окончательно спятил.

Все эти несуразности находят свое объяснение, если допустить, что сюжет романа первоначально был совсем иным…

Марс задыхается. Единственный резервуар воздуха — Земля. Но марсиане — по хрупкости сложения — к космическим полетам не способны. Что же им остается: глазеть в телескопы на далекую голубую планету, скрежетать зубами и умирать? Или искать иной путь к воздушным богатствам Земли? Например, войти в контакт с оборотистым землянином, осыпать его несметными богатствами, снабдить недостижимой для землян технологией и запустить транспланетный газопровод. Конечно, Земля умрет, но

Марс будет жить. А полезному землянину можно дать гарантии личного спасения — на космическом ковчеге. И предатель Бэйли приступает к убийству Земли. Но земляне собираются с силами и побеждают в войне миров.

Но и в этом случае остается без объяснения еще один момент: очнувшись в подземном городе, Клименко видит склонившуюся над ним медсестру.

> «Сестра обратилась ко мне с вопросом *на неизвестном мне языке.* Я жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривал девушку».

Медсестра, оказавшаяся Элеонорой Энгельбрект, приводит своего пациента в кабинет Бэйли:

> «У конторки, освещаемой лампой под зеленым абажуром, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.
>
> — Алло! — и он отдал краткое приказание *на неизвестном мне языке».*

Еще одна прогулка в том же сопровождении: Клименко убеждается, что Бэйли и Элеонора не единственные обитатели подземного города — наступило время обеда, прозвенел звонок, и коридор заполнили молодые мужчины:

> «Я был новичок и чужой среди них. Но, как хорошо воспитанные люди, они не задерживали на мне любопытных взоров. Любезно поздоровавшись с моей спутницей, они мельком взглядывали на меня и шли дальше, весело разговаривая, увы, *на неизвестном мне языке».*

Клименко пристально всматривается в молодых мужчин, замечает даже их военную выправку, которую не может скрыть штатское одеяние… Но, кроме выправки, молодости, веселья и хорошего воспитания, ничего необычного в них не находит. Антропологически необычного… К чему ж тогда назойливое напоминание о «неизвестном мне языке». Бэйли попал в Якутию на английском экспедиционном судне… Знать английский, конечно, не всякому дано. Но опознать!.. Трудно поверить, что Клименко (как-никак метеоролог) до такой степени невежествен!

Поэтому сюжет мог быть и таким — Бэйли вовсе не оборотистый землянин. Просто, убедившись в своей

неспособности перенестись на другие планеты физически, марсиане отыскали способ перемешать свое сознание в головы землян (типичнейший для фантастики 1920-х прием), после этого, естественно, заговоривших по-марсиански и обучивших инопланетному языку Элеонору…

Понятно, что столь политически беззубый сюжет никакого советского редактора устроить не мог. И пришлось Беляеву роман переписать, а проще говоря, — искалечить до неузнаваемости.

За мертвый воздух тоже надо платить!

Глава девятнадцатая
ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

Светлана Беляева вспоминает, что у отца было еще одно произведение — утраченное:

> «В Пушкине он написал пьесу в стихах „Алхимики, или Камень Мудрецов“. Желая узнать мнение о пьесе, отец дал почитать ее переводчице Анне Васильевне Ганзен. Ганзен одобрила пьесу. Тогда отец предложил ее ТЮЗу, но ее не приняли, сказав, что их артисты не умеют читать стихи»[275].

«В Пушкине» — это значит: не ранее осени 1932 года. А Анна Васильевна Ганзен — известнейшая переводчица со скандинавских языков. Языкам этим Аню Васильеву, молоденькую уроженку города Касимова, обучил будущий муж, Питер Хансен — датчанин, переехавший в Россию. В 1917 году Питер снова переехал, на этот раз на родину, в Копенгаген. Но за предшествующие 29 лет супруги, не покладая пера, перевели на русский целую скандинавскую библиотеку — от Андерсена и Ибсена до Сельмы Лагерлеф и десятков совершенно забытых ныне датских, норвежских и шведских писателей. Оставшись в революционном Петрограде с ребенком, Анна, вначале в одиночку, а затем вместе с подросшей дочерью, продолжала начатое дело, завоевав себе прочнейшую репутацию в литературных кругах. Суждениям переводчицы Ибсена о драматургии Беляев вполне мог доверять…

О самой пьесе ничего, кроме названия, нам не известно. Понятно только, что речь идет о «философском камне».

Кроме этого, алхимики встречаются лишь в одном произведении Беляева — уже упомянутой повести 1929 года «Золотая гора». Там гениальный русский ученый Микулин беседует с американским журналистом-авантюристом Клэйтоном о превращении любого вещества в золото:

> «Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все приготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И, быть может, не пройдет и несколько дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Мурзы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела

меняющейся природы, состоят из меркурия, то есть ртути, и серы, и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять у них то, что находится в избытке. Мы, современные „алхимики“, действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото сто девяносто семь и две десятых, ртуть — двести целых и шесть десятых…»

Алхимика, на которого ссылается Микулин, звали Абу Мусса Джафар аль-Софи Джабир из Севильи. Само понятие «философский камень» впервые появилось именно в его трудах. О времени его жизни существуют два мнения: родился в 702 году — умер в 763-м, или позже — 780–840-е годы. Ясно одно — оба мнения ошибочны: уже в XIX веке было доказано, что труды свои аль-Софи написал никак не раньше XIII века, то есть на 400 лет позже, чем в приписанной ему биографии.

Случай Джабира не единственный: в той же арабской Испании, в том же XIII веке было обнародовано одно из самых знаменитых мистических сочинений — книга «Зогар» («Сияние»), основополагающий каббалистический труд. Автором был объявлен еврейский мудрец Шимон бар-Йохай, окончивший свои дни во II веке н. э. Открыл это сочинение Моше де Леон из Гвадалахары. В 1305 году де Леон тоже скончался, и в дом его валом повалили каббалисты, дабы своими руками прикоснуться к святыне — древней рукописи. Тогда вдова первооткрывателя и призналась, что никакой книги «Зогар» Моше де Леон не находил — он сам ее и написал. В XX веке вдовье признание стало научным фактом.

Почему аль-Софи Джабира не объявили современником бар-Йохая, легко объяснить — исламский алхимик не мог жить раньше, чем появился сам ислам. Во всем остальном два эти мифа — близнецы: все открытия уже сделаны древними, а мы — жители XIII века — жалкие пасынки, робко пытающиеся постичь мысли великих.

Мифы оказались удивительно живучи, а потому и сегодня мало кто отважится признать, что до Моше де Леона никто не слыхал о каббале, а до аль-Софи Джабира — об алхимии. Сказки куда интереснее скучной правды…

Алхимическое же учение Джабира было таким: все вещества делятся на две группы — простые и сложные; все сложные вещества — это соединение двух простых: сульфура (серы) и

меркуриуса (ртути). Сера — носитель всех свойств, изменяющихся под действием огня, это мужское начало — «отец». Ртуть — носитель всех металлических свойств (блеск, тягучесть, плавкость), это начало женское, «мать».

«Отец» и «мать» производят потомство, но потомки эти могут быть благородными и неблагородными. Неблагородство поддается исправлению — путем лечения. Для лечения существуют медикаменты трех видов:

«Медикаменты первого рода» способны менять лишь некоторые свойства: например, добавив цинк к меди, мы получим металл золотисто-желтого цвета (латунь), а добавив мышьяк — серебристо-белого. Но стоит лишь это вещество нагреть и благородная внешность исчезнет…

«Медикаменты второго рода» сообщают неблагородным металлам некоторые (но не все) свойства благородных. И огнем этих свойств не уничтожить!

«Медикаментов третьего рода» насчитывается всего один — это «философский камень» (в твердом виде) или «великий эликсир» (в виде жидком). Крупинки или капли достаточно, чтобы любое неблагородное вещество превратить в «высший металл» — золото или серебро.

И всё — цель алхимии и алхимика достигнута.

Так что теорию эту Микулин излагает вполне удовлетворительно. Но вот что никуда не годится — это именование древнего ученого: Микулину неизвестна ни фамилия его — Джабир, ни имя — вместо благородного Абу Мусса какая-то татарщина — *Абу-Мурзы!*

Очевидно, что необходимые сведения Беляев черпал из источника не слишком солидного. И скорее всего переводного. Догадаться об этом позволяет продолжение разговора Микулина с пройдохой-американцем.

Говорят всё о том же — превращении неблагородных веществ в золото, но теперь Микулин ссылается на некое древнеиндийское сочинение:

> «— Мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда — золото называется жизненным эликсиром».

Американец попытался спорить:

> «— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?»

Микулин его, понятное дело, тут же отбрил:

> «— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей».

Сказанного вполне достаточно, чтобы понять: речь идет о книге «*Атхарваведа*», что в переводе значит «Наука (веда) древних мудрецов». Но наука эта — не химия, а сама книга — сборник заклинаний.

Так вот, чтобы превратить название «Атхарваведа» в «Атава-Веда», нужны были всего две вещи: книга, написанная по-французски, и не слишком искушенный переводчик. Дело в том, что букву «h» французы не произносят (пишут *Hugo*, а читают «Юго»). Зная за своей орфографией эту слабость, французы для передачи звука *h* в иноязычных словах и названиях используют букву «г» (ничего более подходящего, чем этот картавый звук, во французском языке не найти). Поэтому, встретив слово *Atharva-Veda* и зная очень мало о языке и мудрости индусов, переводчик прочел его, как *atahva.* Но звук *h* несвойствен и русскому языку. И тогда переводчик решил не мучиться — написал: «Атава».

А поскольку в иных произведениях Беляева никаких следов алхимии не отыскать, более чем вероятно, что пьеса «Алхимики, или Камень мудрецов» была инсценировкой повести «Золотая гора».

Но писал-то он не просто пьесу, а пьесу в стихах («дьявольская разница», как в 1823 году высказался по сходному поводу А. С. Пушкин).

О поэтическом творчестве Беляева рассказала его дочь: в начале 1920-х, лежа в ялтинской больнице Красного Креста, Беляев «писал много стихов, некоторые из них посвящал няням».

Из стихотворений той поры одно сохранилось. Впоследствии киевский приятель Беляева, композитор Федор Наденeнко, положил слова на музыку и превратил в романс, изданный в 1931 году.

А вот слова:

Звезда мерцает за окном.
Тоскливо, холодно, темно.
И дремлет тишина кругом…
Не жить иль жить — мне все равно…

Устал от муки ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,

Устал я быть самим собой.

Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть,
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не быть…

Две последние строфы, приписав их французскому поэту-неудачнику Мерэ, Беляев вставил в свой рассказ «Ни жизнь, ни смерть»[276] (1926 года).

Что можно сказать по поводу этих стихов? Не Блок… И еще — Федор Надененко мог, конечно, положить их на музыку. Но среди публикаций киевского композитора такого произведения не числится. Да и представить, что в СССР 1930-х годов редактор какого-нибудь издательства, журнала или газеты отважился напечатать романс на такие упадочнические слова… Нет, это совершенно немыслимо!

Поэтому более правдоподобным представляется рассказ вдовы писателя — Маргариты Константиновны: стихотворение Беляев действительно написал лежа в ялтинской больнице — в «минуты душевной слабости». А несколько лет спустя сам и положил его на музыку[277].

Светлана Александровна пишет, что еще одно стихотворение Беляеву удалось напечатать «в каком-то рассказе — не могу ни вспомнить, ни найти. Да и от самого стихотворения остались в памяти одни отрывки. Что-то такое:

Я песни пел, когда родился,
Я стоя, сидя, лежа пел,
Я песни пел, когда женился…

А последняя строка: „Когда умру, еще я громче запою!“»[278]. Память не слишком подвела дочь писателя — стихи эти распевал итальянец Доменико Маручелли в рассказе 1929 года «Мертвая зона», а выглядит итальянская эта песня так:

Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился.
Бывали дни — я голодал,
Но песни громко распевал.

Я пел на суше и на море,
Я пел от радости и с горя,

Я сидя, стоя, лежа пел.
Года прошли, я поседел,

Но я пою не умолкая.
Не замолчу и умирая.
Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою!

Впрочем, еще одно стихотворение, которое Беляев включил в свое произведение, Светлана Александровна все-таки запамятовала:

Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны…
Как луна целует землю.
Поцелуй меня и ты!

Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!

Будь что будет!
Не печалься!
Ярко светит нам луна…
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!

В «Последнем человеке из Атлантиды» эту песню исполняют двое: вначале женщина, затем мужчина, а в конце — дуэтом. Довольно мило…

Еще Беляев сочинил частушку и вставил ее в рассказ «Три портрета»[279]:

Ходит почта колесом,
Звенит колокольчиком,
Сяду рядом с ямщиком,
С Васей-комсомольчиком.

Сяду рядом, гляну глядом
И помчусь на станцию,
Сдал папашенька налог
Васе на квитанцию.

Стихи Беляева звучали и со сцены — мурманского клуба Госторговли:

Мы, путинные солдаты,
Мы, бойцы-портовики.
Всех из треста бюрократов —
Гарпунами, как в штыки!

Куплеты эти он сочинил для самодеятельного ансамбля «Живая газета» в 1932 году. Особенно по душе публике пришелся припев:

Хочешь — плачешь,
Хочешь — скачешь,
Дело, собственно, твое.

Как ни вейся,
Как ни бейся —
Полезай в утильсырье![280]

Но от клубных куплетов до пьесы в стихах — скакать и скакать…

И дело не только в разнице жанров — для такой пьесы, кроме драматургического, нужно иметь и поэтический талант. Проще говоря, быть поэтом. А известная нам поэтическая продукция Беляева не подымается выше скромного любительства. Поэтому нельзя исключать, что причиной отказа режиссеров ленинградского ТЮЗа было вовсе не неумение читать стихи (для актеров более чем неожиданное!), а как раз отсутствие в пьесе того, что достойно называться стихами.

Отчего же Беляев решился на такую авантюру?

Место действия повести — Алтай, а «по-китайски, — как говорит эрудит Микулин, — Алтай называется Киншан — золотая гора[281]. <…> Но… гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора».

И американец Клэйтон, слушая его, уже готов отказаться от ремесла шпиона и желания разбогатеть: «Останусь здесь, женюсь на Елене Лор»…

Короче:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна…

Вот только первый советский звуковой фильм «Златые горы», сделавший эту песню беспрецедентно популярной, был на два года младше повести.

Но, возможно, причина была и более уважительной — все тот же Алексей Константинович Толстой. Точнее, его неоконченная поэма. Называлась она «Алхимик», и в основу ее была положена старинная легенда про то, как в городе Пальме сенешаль Балеарских островов увидел некую даму, входящую в собор. Красота ее так поразила сенешаля, что тот, забыв всякое приличие, не сходя с лошади, последовал за дамой. Чтобы избавиться от докучного ухажера, дама пообещала одарить его своей любовью, но при одном условии — если тот добудет ей жизненный эликсир. Влюбленный сенешаль с радостью принял условие, заделался алхимиком и обрек себя на целый ряд невероятных приключений…

Жизненный эликсир — это философский камень в жидком виде; имя влюбленного сенешаля — Раймунд Луллий (1235–1315), он был поэтом и стал великим алхимиком… А красавицу звали — *Элеонора*!

* * *

Честно сказать, алхимиков Беляев упомянул еще в одной своей книге — повести «Чудесный глаз» (известной под неверным названием «Чудесное око» — подробности в следующей главе). Речь снова идет о том же — превращении (трансмутации) элементов. Азорес, корреспондент коммунистической газеты «Барселонский пролетарий», задает вопросы Кару, бывшему сотруднику великого изобретателя Бласко Хургеса:

«Азорес догадывался, что здесь кроется великая тайна.

— А что это за изобретение, над которым вы трудились?

— Это изобретение… — Глаза Кара вспыхнули огнем вдохновения, однако он погасил этот огонь, быстро подошел к двери, приоткрыл ее, выглянул в пустой коридор и, оставив дверь полуоткрытой, — так слышнее

приближение шагов, — возвратился на место, сел возле Азореса и прошептал: — Камень мудрости. — Кар затаил дыхание и беззвучно рассмеялся.

„Не сошел ли с ума этот чудак?“ — подумал Азорес. Но тот продолжал:

— Да, философский камень. Мечта алхимиков о превращении элементов. А по-современному — снаряд для расщепления атомного ядра. Переворот? Новая эпоха в химии, в истории человечества!

В увлечении он всплеснул сухими ручками и усмехнулся. Азорес отшатнулся к спинке стула и несколько секунд молча смотрел на Кара.

— Да, да, да, — пламенно зашептал Кар, выдерживая взгляд Азореса. — Не мечта, не проблема, не гипотеза, а факт. Вот здесь, вот на этом самом столе, мы завершили последние опыты. Вот здесь, на этом месте, стоял аппарат — новейшая „пушка“ для бомбардировки атомного ядра. И что она творила! Какие чудеса превращения вещей делала она на наших глазах!»

Время действия повести определяется просто: лаборатория в Буэнос-Айресе, где проводились опыты, — это филиал нью-йоркской компании. Но теперь работы прекращены — кризис. Следовательно, кризис не местный, а мировой, то есть кризис 1929 года. Возможно, перед нами еще один вариант повести «Золотая гора», вышедшей в 1930 году…

Или — воспоминание об этой повести. А может быть, и не только о ней…

Вглядимся в последовательность эпитетов: «камень мудрости», «философский камень», «мечта алхимиков»…

Ведь все это не более чем вариации названия пьесы:

«*Алхимики,* или *Камень мудрецов*».

И аргентинский изобретатель тоже оказывается к месту: с Раймундом Луллием он говорит на одном языке — испанском!..

Но данная аргентинская история — лишь блеклое воспоминание о пьесе, танго на одну персону. И нет в ней самого главного — *Элеоноры!*

Глава двадцатая
ПОЛЯРНАЯ МЕЧТА

В 1932 году Беляев совершил самый удивительный, наверное, поступок в своей жизни. Страдающий костным туберкулезом писатель, для которого и ленинградский климат был непереносим, вдруг, бросив все, уезжает за полярный круг!

Тут надо ответить сразу на два вопроса — что заставило писателя оставить благоустроенный Ленинград и отчего пунктом назначения стал Мурманск?

Итак, год 1932-й… Чем он отличался от предыдущего? В области фантастики отличия громадные — за весь год во всем СССР было опубликовано — в периодике и отдельными книгами — 8 (восемь!) произведений научно-фантастического жанра. Это меньше, чем вышло в 1931 году произведений одного Беляева!

Многим пишущим пришлось в том году плохо — появился Оргкомитет по созданию Союза советских писателей. Союз создали лишь два года спустя, но все прочие литературные организации были упразднены немедленно. Остались только горкомы писателей при ЦК Союза бумажников и печатников. Означенный союз и созвал их на Всесоюзное совещание. А 21 июля 1932 года выяснилось, что «многие писатели из-за необеспеченности идут в бухгалтеры, переводчики и т. д., писателей также посылают на посевную, нет даже средств на их отправку на курорт, нет путевок»[282].

Итак, то была общая писательская беда. Но что вызвало такие гонения именно на фантастику и фантастов? Ведь, чтобы фантастику перестали печатать столь единодушно и одновременно, должно было появиться какое-то распоряжение, обязательное к исполнению. Но никто такого распоряжения еще не отыскал… Непроницаемая загадка!

И еще непонятно, почему от нужды пришлось спасаться именно на Крайнем Севере. Ведь кто-то устроился переводчиком. Образованных людей в России осталось мало, так что вакансии наверняка были. А Беляев не только знал иностранные языки, но и переводить ему случалось[283]. Почему же он такую возможность отверг?

Или не только призрак голодной смерти был причиной отъезда, а что-нибудь посерьезнее?

Вот, например, в том же 1932 году на Кольский полуостров спешно отъехал из Москвы Лев Ошанин, будущий поэт-песенник. Пошли слухи, что кому-то никак не дает покоя его социальное

происхождение — из дворян. Тут-то друзья и присоветовали сменить место жительства. Три года провел он в добровольной ссылке — вначале работал на апатитовой фабрике в Хибиногорске, затем директором клуба горняков и, наконец, разъездным корреспондентом газеты «Кировский рабочий»… Здесь его и настиг донос — из комсомола исключили, из газеты уволили[284]. Ожидаемого продолжения, впрочем, не последовало — Ошанин вернулся в Москву и был принят в Литературный институт.

Так что о причинах отъезда Беляева позволительно строить самые разнообразные догадки…

Но почему же все-таки местом пребывания был избран именно Мурманск? И что такое Мурманск?

29 июня 1916 года министр путей сообщения Трепов (сын того самого, что в октябре 1905-го в Петербурге приказал: «Патронов не жалеть!», так что обошлось вообще без выстрелов) имел счастье всеподданнейше доложить Его Императорскому Величеству соображения свои о преобразовании возникшего у станции «Мурман» железнодорожного поселка в городское поселение. И Его Императорскому Величеству благоугодно было изложенное предложение Высочайше одобрить.

Об официальном существовании города торжественно объявили 21 сентября (4 октября) 1916 года и отслужили молебен.

Город получил имя Романов-на-Мурмане, а инженер Б. В. Сабанин представил его генеральный план. Размещался город на двух уровнях: первый — порт и железная дорога, второй — 17 проспектов и улиц. Три — параллельно железной дороге, две — перпендикулярно ей, еще две улицы обозначили дальнюю окраину, а десять веером разошлись от центральной площади. Главные улицы носили имена лиц царствующего дома: в честь великих княжон — Мариинская и Ольгинская, наследника — Алексеевская, августейшего брата — Михайловская, а нынешний проспект Ленина (бывший Сталина) — Николаевская…

Что было замечательного в том плане? А то, что в основу был положен план Петрограда. Случайно? Нет, с заранее обдуманным намерением.

Ведь что такое Петербург — Петрополь — Петроград? Столица империи и окно в Европу. И более двух веков окно это было открыто настежь. Пока в августе 1914-го Россия не вступила в Великую европейскую войну. И немцы это окно захлопнули. Даже форточки не оставили. И императорский Балтийский флот оказался заперт в портах, где невоюющим экипажам не оставалось ничего иного, как растить в себе революционную

ярость.

А тут грандиозная идея — прорубить новое окно, незамерзающее и такое широкое, что ни минами, ни субмаринами его не перегородить.

Показать немцу, что Россию в угол не поставишь и не загонишь.

И станет твердой пятой на Ледовитом океане новый российский город.

Да не просто город, а град, во всем подобный Петрограду. Сегодня еще в колыбели, а завтра молодая столица России-победительницы. И Николай Второй войдет в историю как Николай Великий!

Вы никогда ни о чем подобном не слыхали? Тогда читайте:

> «Россия, заменив нынешнюю северную столицу полярною, у незамерзающего Варангерфиорда, вместе со всем христианско-европейским человечеством откроет новую борьбу на два фронта: с экваториальным, тропическим жаром с одной стороны и с полярным холодом — с другой».

Это пророчествовал Николай Федоров[285]. Не знаю, читал ли его инженер Борис Сабанин. Но Александр Беляев, скорее всего, это прочел или услышал от федоровца Сетницкого.

И идея замечательная — великая русская полярная мечта!

Не эта ли мечта позвала Беляева в Мурманск?

Как уверял Олег Орлов (видимо, со слов вдовы), свой путь на север Беляев начал с конторы треста «Ленрыба». Пришел он по объявлению о найме на работу. Так что, скорее всего, не писатель просил отправить его куда подальше, а ему предложили вакансию в Мурманске.

Чем мог прельстить безработного Мурманск — понятно: повышенным окладом жалованья, 10-процентной «северной» надбавкой и еще тем, что из всех медвежьих углов то был единственный, куда из Ленинграда можно было доехать не на перекладных, а (спасибо Николаю Второму!) на поезде.

А вот зачем Мурманску понадобился Беляев? Больной писатель, практически — инвалид! Чтобы такого послать в Заполярье, очень веские причины нужны… И они были — партия и правительство объявили добычу рыбы в Баренцевом море первоочередным делом, а населения во всем Мурманском округе было в 1931 году меньше тридцати тысяч… Значит, трудоспособных еще меньше! По партмобилизации пригнали из Ленинграда инженеров и партработников, а дело стоит! И тогда объявили массовый набор рабочей силы по всей стране. Но

достаточного количества охотников не нашлось, и пришлось требования к кандидатам резко снизить. Тем более если речь шла о претенденте на канцелярскую работу. А там пусть вернется в Ленинград хоть в гробу, свою роль он уже сыграл — повысил процент завербованных!

Какова же была причина столь острой нужды в людях и именно в Мурманске? Ответ — селедка!

Славилась она дешевизной и любовью широких народных масс.

В продуктовых карточках ее даже не включали в категорию «рыба», и в таблице она занимала почетное четвертое место — сразу после хлеба, крупы и мяса.

А по нормам снабжения 1929/30 года каждому владельцу карточки полагалось (в зависимости от категории) от 250 до 800 граммов селедки в месяц[286].

До Первой мировой войны половина всей съеденной в России селедки была импортной. А остальную добывали на Каспии. До конца 1920-х, когда с появлением колхозов уловы резко снизились. А импортная селедка исчезла еще раньше — как только грянула Октябрьская революция.

Тут, как назло, окончательно завершилась еще одна революция — на этот раз «революция сверху». Так Сталин торжественно назвал коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. И наступил голод. Не стало хлеба, крупы, мяса и селедки. Нечем было отоваривать карточки.

И тогда произошло чудо: в 1931 году и в совершенно неурочное время — зимой! — в Баренцево море хлынули несметные косяки сельди. Море превратилось в кашу, такую густую, что воткнутая в воду палка торчала стоймя! Рыбу черпали корзинами, лопатами, руками… Потыкавшись в берег, рыба вознамерилась уйти в открытое море. Ее пытались удержать — перегородили заливы сетями. Куда там — живой напор был таким, что самые прочные сети разлетелись в клочья. Тут бы ее и брать рыболовецким судам… Но оказалось, что судов-то в Мурманске и нет! То есть суда есть, но без капитанов и мотористов.

Пришлось партии и правительству решать и селедочный вопрос.

Надо, впрочем, сказать несколько слов о природе чуда. Дело в том, что массовые заплывы сельди к мурманским берегам случались и раньше — в 70-х годах XVIII века, в 90-х XIX, а еще в 1902-м и 1903-м… Зато в прочие годы сельди в Баренцевом море не было вообще.

Сельдь водится и в Белом море. Но, отличаясь отменным

вкусом, она совершенно не выдерживает длительного хранения. Кроме того, и уловы ее составляют не десятки миллионов пудов, как на Каспии, а всего 120–150 тонн в год. Так что где ее ловят, там и съедают.

И вот в 20-е годы XX века сотрудники Государственного института океанографии установили, что мурманская сельдь совсем не похожа на беломорскую. И не только тем, что ее можно хранить. В Белом море водится сельдь тихоокеанского вида, а в Баренцевом море — атлантического. Мало того, мурманскую сельдь и сельдью можно назвать с большой натяжкой — это молодь норвежской сельди. То есть неполовозрелая. И к Мурману она приплывает, когда из-за случайного генетического сбоя вдруг происходит небывалый рост популяции, проще говоря, демографический взрыв. И прогнозу такие отклонения от нормы не поддаются.

Понятно, что авторов этого ненужного открытия назвали «предельщиками», обвинили во вредительстве и расстреляли. Зато вместо одного Севгосрыбтреста учредили два — Севтралтрест и Мургосрыбтрест, и стали гнать в Мурманск рабочую силу — ведь огромные косяки сельди приплыли в Баренцево море и на следующий — 1932 год.

Весной приехал сам нарком снабжения СССР А. И. Микоян и объяснил, в чем корень проблемы: хронический недолов, гибель судов, полный хаос на строительстве порта и холодильников произошли из-за нехватки специалистов. И на собрании работников Севтралтреста воскликнул: «Назовите мне человека, знающего это проклятое дело! Кто бы он ни был по своему социальному происхождению, по своему отношению к советской власти, я его поставлю во главе дела».

Все сидевшие в зале да и сам Микоян прекрасно знали, кто этот человек — член правления и фактический глава Севгосрыбтреста С. В. Щербаков, год назад с санкции Микояна[287] расстрелянный заодно с ихтиологами.

Приезжал и Киров — Мурманский район до 1938 года входил в Ленинградскую область… Указал, что неправильно выгружают рыбу с сейнеров — вручную или, в лучшем случае, гужевой тягой. Совершенно верное указание — на весь мурманский порт имелось три электролебедки. Но электричества не хватало даже на освещение.

Когда не мог приехать сам, Киров будоражил рыболовов телеграммами, в которых громил «враждебные „теории случайности“ сельдяного промысла на Мурмане».

Так большевики переделывали природу — телеграммой. Взяли и объявили рыбью молодь половозрелой селедкой. А когда

стало очень надо, то и двенадцатилетних детей — взрослыми. По крайней мере, в одном отношении — вполне зрелыми для судебного приговора.

Вернемся, однако, в город Мурманск. Что представляла собой несостоявшаяся полярная столица России в 1932 году?

Каменная котловина, на дне которой — Кольский залив, незамерзающий и черный, как чернила. Напротив города он суживается до полутора километров и вполне походит на Неву. И только четырехметровый прилив и запах соленой воды раскрывают правду — перед нами не река, а часть океана. Первое каменное здание построили к десятилетию Октября, в 1927 году. Все остальное — временное: электростанция, водопровод, самотеком подающий воду из озерца над городом, бревенчатые пристани и дощатые бараки. Доски добываются из ящиков, в которых перевозятся железнодорожные грузы. Имеются и образчики оригинальной мурманской архитектуры — из листового гофрированного железа. Выглядит как разрезанный вдоль цилиндр с дощатыми торцами, положенный на землю. Такое строение называлось «чемодан». Единственный вид городского транспорта — «декавилька»: построенная англичанами в 1918 году узкоколейка (полметра шириной) на бензомоторной тяге. Названием своим она обязана французскому инженеру Полю Декавилю, спроектировавшему такое средство передвижения еще в XIX веке. Единственная десятикилометровая линия вела от морского порта и вокзала через город к угольным причалам Зеленого Мыса. Вместо вагонов — открытые всем ветрам и непогодам вагонетки. Улицы обозначены, но тротуаров нет, равно как и мостовых. Домов тоже нет — только одноэтажные бараки. Но идет и упорная борьба за культуру быта. Главная мурманская газета призывает: «В конкурс на лучший барак вовлечь широкие слои трудящихся»[288]. Через месяц — новый клич: «Развернуть сеть образцовых бараков. Обеспечить бараки дровами. Наладить бесперебойное снабжение бани дровами»[289].

Не забыта и просто культура: первое каменное здание отдано под Художественный музей, а театр Мурманского совета профсоюзов (МСПС) представляет спектакль «Командные высоты» («Снимать верхнее платье обязательно. Вешалка 10 копеек»[290]).

Театр — в самом центре культурной борьбы. В газете напечатана анонимная, а по тону редакционная заметка:

«Не „Гроза“ и „Доходное место“ нужны рабочему зрителю Мурманска»[291].

«Уже около полугода, — напоминает газета, — работает в Мурманске театр ОСПС (окружного совета профсоюзов. — *З. Б.*-

С.)». И что получилось? Театр «взял курс на классику („Ревизор“, „Гроза“, „Горе от ума“) и дошел до самой низкопробной халтуры — „Шальная пуля“». Вывод: «За ширмой окрпрофсовета работает театр старого торгашеского типа»! А рабочему зрителю Мурманска нужны не… (см. выше).

Представления свои театр давал в клубе ОГПУ. Оно и понятно: клуб занимал самое лучшее (с гардеробом!) помещение в городе, а для хозяев клуба вход на спектакли был бесплатным. Чекисты вообще умели устраиваться… Вот только завидовать им не надо — в Мурманск чекисты попадали не по своей воле, а за всякого рода проступки.

Кроме куцего лета и непомерно долгой зимы, в Мурманске есть еще времена суток — полярный день (с 23 мая по 21 июля) и полярная ночь (с 2 декабря по 11 января).

Судя по датам беляевских публикаций в «Полярной правде» (март — сентябрь), полярную ночь он не застал и сопутствующую ей депрессию не испытал. Что касается исполнения им служебных обязанностей, тут мы информацией не располагаем, зато во всем остальном был он весьма деятелен и активен.

Некто С. Банк открыл новый вид энергии. К уже известным каменному (черному) углю и силе воды (белому) он прибавил доселе неведомый — красный: энтузиазм, то есть сердце, мускулы и волю людей новой, советской формации[292].

Оно и понятно: все работы в Мурманске производятся вручную, и получается, что это не просто хорошо, а замечательно!

Первая мурманская статья Беляева называется «Голубой уголь»[293].

> «Большой Мурман предъявит большой спрос на энергию. Об этом мы должны уже сейчас подумать. <… > Ископаемым топливом, углем, нефтью, природа не побаловала нас, быть может, оно и есть в районе Мурмана, но о нем мы еще не знаем. Водные источники энергии — „белый уголь“ лежат несколько южнее, притом их запасы ограничены.
>
> Зато у нас есть под рукой неистощимый, доступный источник энергии — ветер или „голубой уголь“. „Ветрострой“ обладает такой мощностью, что оставляет далеко позади себя все Днепрострои вместе взятые. Высчитано, что мировые запасы энергии ветра равны 8 миллиардам 200 млн лошадиных сил, — в 7 раз больше всех мировых двигателей. И если до сих пор энергия ветра использовалась незначительно, то только потому, что ветер капризен и непостоянен.

Но есть также „счастливые“ места на земном шаре, где ветер дует круглый год с силою, вполне достаточной для вращения ветряков и роторов, — для превращения его в электрическую энергию.

К таким счастливым местам относится город Мурманск, со всем Мурманским округом.

С легкой руки писателя Киршона, за Баку закрепилось название „город ветров“[294]. У нас нет под рукой в данный момент сравнительных данных, но мы с полной уверенностью можем сказать, что Мурман имеет не меньшее право называться „Городом ветров“».

На этом Беляев патетическое вступление заканчивает и переходит к конкретным предложениям:

«Метеорологическая станция Убеко-Севера[295] в Мурманске ведет многолетние наблюдения, регистрируя три раза в день „случаи“ ветра и его силу. Эти наблюдения говорят о том, что в Мурманске в продолжение года не бывает ни одного „случая“ на день, — из трех суточных проверок, полного отсутствия ветра. Среднегодовая сила ветра равна примерно 4,5 метра в секунду, — сила вполне достаточная, чтобы приводить в движение ветряки ЦАГИ, — Центрального Аэродинамического Государственного Института… <… >

Первая ласточка „Ветростроя“ уже прилетела к нам. В Полярном делается ветряк ЦАГИ. При его помощи наши полярные ученые энтузиасты будут отопляться ледяными полярными ветрами. Разве это не звучит как фантастика. А между тем при современной технике ничего не может быть проще, ветер будет приводить в действие электромашину, а электричество — обогревать. Сложный вопрос — о снабжении биологической станции дровами — разрешается. Мощный ветер будет превращен в тепло и свет.

Как во всяком деле, здесь встретим некоторые трудности. Так ветряк спроектирован для установки на мягком грунте, — (рассчитан на [забивание) стоек в землю), в Полярном же почва скалистая. Затем в силу особенностей именно с. Полярного, остается неизвестным, как скажется на работе ветряка возможное оледенение его крыльев. Но эти трудности, конечно, будут преодолены. <… >

Ветер, который был нашим бичом, который причинял нам столько неприятностей, аварий, потерь,

крепко взнузданный, будет служить нам.

Мы заставим помогать его нашему строительству, нашему производству: тянуть вагонетки подвесной дороги, пилить доски на лесопильном заводе, поднимать воду в наши дома, отоплять, освещать их, разгружать траулеры и вагоны, нагружать океанские пароходы — механизировать работы порта и Тралбазы.

Нет ничего фантастического и в мысли „ветрофицировать“ и наши траулеры, установив на них ветряки роторные инженера Б. Каминского, ветер сбережет топливо, расходуемое на освещение, даст энергию для механизации работ с тралом и т. д.».

В газете опечатка — следует читать: «инженера Б. Кажинского», того самого, что во «Властелине мира» назван Качинским. Передачей мыслей на расстояние он занимался для души, а основной его специальностью были ветросиловые установки. Понятно теперь, кому обязан своей осведомленностью Беляев…

Еще Беляев предлагал открыть в Мурманске зоопарк и заняться озеленением города. Призывал не сажать больше дубы и клены (напрасный труд!), заменив их полярными породами деревьев — сосной, карельской березой, северной ивой… Противоположный берег Кольского залива весь покрыт зеленью, а на мурманских площадях торчат редкие черные веники. И еще неплохо бы обратиться к академику Миколе Кащенко из Киева, который вывел «морозостойкую яблоню, скрестив местную привычную к лютым сибирским морозам дикую яблоню — кисло-горькие плоды которой не превышали величиной вишневую косточку — с европейскими сортами. И гибридные яблони начали давать плоды вкусные, сочные, только размером несколько уступающие своим европейским родителям». Правда, Кащенко потратил на это 20 лет, но пусть молодежь этим и займется. Вот, кстати, и адрес академика[296].

Со страниц газеты требовал Беляев снабдить Севтралтрест пристойной радиостанцией, не отмахиваться от изобретателей и рационализаторов… Словом — вел себя как настоящий общественник.

В 1970-е годы, прознав о пребывании Беляева в Мурманске, журналист Константин Полтев принялся искать людей, встречавшихся тогда с писателем. Никого не отыскал и рассказал о своей беде по местному телевидению. И тогда откликнулся Михаил Наумович Гринберг и сообщил, что Беляев («худощавый интеллигент в пенсне») сочинял куплеты для «живой газеты».

Куплеты Гринберг запомнил и даже спел (в главе «Златые горы» мы их уже цитировали). Интереснейшая, кстати, биография у Михаила Наумовича. Приехал он в Мурманск на должность грузчика, скрыв от вербовщика свою настоящую профессию — преподаватель музыки. С Беляевым его познакомил местный журналист по фамилии Зайцев. Журналист без обиняков заявил Гринбергу, что ему поручили подбить музыканта на участие в «живой газете». Представления устраивались в клубе госторговли, его иногда еще называли Дворцом труда. Гринберг согласился. Был он тогда крайне молод, и «участие в многочисленных и многолюдных представлениях, — признался он 43 года спустя, — доставляло мне неповторимое удовольствие». Из Мурманска он так никогда и не выбрался, но на волне успеха спустя какое-то время смог вернуться в родную стихию: возглавлял музыкальную часть областного театра, выступал с фортепианными концертами по местному радио, стал первым директором первой в городе музыкальной школы…[297]

Ясно, что не романтика дальних странствий вынудила юношу сбежать за полярный круг и в грузчики. Ведь при первой же возможности он снова занялся музыкой. Какая же нужда заставила его скрываться там, где никто ничего о нем не знал?

Беляев же, наверное, удостоился внимания «живогазетчиков», поскольку успел проявить себя непримиримым борцом с недостатками. Вот его заметки, опубликованные в многотиражке механических мастерских Севтралтреста «Заполярный металлист». Первый раз он предстает перед читателем в облике рабкора А. Б.:

> *«Беспризорный уголь* лежит напротив мехмастерской около ж. д. полотна, он принадлежит мастерской, но так как никто за углем не наблюдает, то его таскают топить печи жители соседних бараков. Надо принять соответствующие меры. *А. Б.*
>
> <…>
>
> 2 года как работает бондарный завод, но до сих пор не позаботились поставить хорошей уборной, у существующей почти нет крыши, в стенах и полу аршинные щели, осенью и зимой тут можно простудиться. Чего же смотрит охрана труда, пишет рабкор *А. Б.*
>
> <…>
>
> *Трест прими меры.* Около запасных ж. д. путей, на базе устроены склады бочек — тары под рыбу. Так как за бочками никто не наблюдает, то они, рассохшись,

разваливаются, иногда и сознательно ломаются, а затем растаскиваются на дрова. Пишет рабкор *А. Б.»*[298].

Лейтмотив всех трех заметок — борьба за тепло: уголь, дрова, теплоизоляция.

А вот его выступление за полной подписью — о том, что в магазине ЗРК № 2 прохудилась крыша и стоит пойти дождю, как магазин и находящиеся в нем дорогие продукты заливает. Как же совладать со стихией? — спросит встревоженный читатель. И автор наставляет:

«Надо немедленно отремонтировать крышу, дабы избежать могущих быть серьезных убытков»[299].

ЗРК — это закрытый рабочий кооператив, чьи блага доступны лишь сотрудникам данного предприятия или учреждения. Иными словами: кто у нас не работает, тот у нас и не ест. Иногда борьба за еду принимала формы самые идиотические, но от этого еще более жуткие.

«Не позволим классовому врагу опошлять общественное питание

В столовой № 2, 28 августа, некий Петров Павел Андреевич, который пришел в столовую в пьяном виде, поужинал, через некоторое время приходит вторично. Какими-то судьбами сумел обмануть заведывающего *(так!)* — получить ужин, но в третий раз Петрову не пришлось обмануть, то здесь он повел агитацию против Советского Союза, что плохо его кормят, что мол надо ехать в Англию и т. д. Агитатор распространялся на всю столовую.

Пом. зав. т. Третьяков, видя, что в общественном месте классовый враг открыто агитирует, опошляет генеральную линию партии, Петрова арестовал и передал постовому милиционеру.

Мы, рабочие и сотрудники столовой № 2, на выступление классового врага удесятеренно усилим работу по общественному питанию и докажем, что Советская страна является единственной страной рабочего класса, которая стремится улучшить материальные условия рабочих не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Мы заверяем коллектив партии и профсоюзные организации ни в коем случае не допускать опошлять генеральную линию партии и удесятеренно усиливаем работу по общественному питанию.

Требуем от следственных органов принятия самых

жестоких мер.

Бригада: *Рябов, Третьяков, Голубев, Голяков»*[300].

Дух захватывает, как только представишь плоды советской заботы о лучшей жизни заграничных пролетариев. Например, отучение от вредных привычек… А то, ишь, моду взяли, как Петров П. А., по три ужина в пасть запихивать!

Но долго смеяться над словесными ужимками бригады общепита невозможно — слишком быстро понимаешь, что водит бригадным пером не самодовольная глупость, а лютый нечеловеческий страх.

В этом вот мире Беляев и жил.

Оттого, при всех отчаянных попытках спрятаться за общественную работу, не мог он избыть душевной тоски. Ведь было у Беляева свое дело, главное и любимое — писательство.

И едва переехав в Мурманск, он публикует статью, в которой сообщает:

> «Собирая материал по истории траловой промышленности, нам пришлось зайти в архивное бюро»[301].

Нет никакого сомнения, что составление такой истории никак не входит в обязанности юрисконсульта. А архив — государственное учреждение с определенными часами работы. Следовательно, попасть туда можно только в рабочее время, то самое время, которое Беляев должен отсиживать в Севтралтресте. Значит… значит ему удалось увлечь начальство перспективой написания истории тралового флота на Мурмане.

Итак, Беляев приходит в архив:

> «Чистое, светлое, сухое помещение в две комнаты. На полках связки дел, аккуратно перевязанные. Отрадное впечатление. Мурманск может быть спокоен за свою историю.
>
> Какую историю? Заглянем на крайнюю полку.
>
> — „Дело по обвинению гражданина такого-то в самовольном занятии комнаты“ 1920 г.
>
> Такими делами пестрят полки.
>
> Что ж, допустим, это тоже история, будущий историк города сможет установить, что жилищный кризис существовал в Мурманске и в 1920 г.
>
> — А где у вас отчеты за старые годы Севтралтреста, архив гражданской войны?
>
> На этот вопрос мы получаем удручающий ответ.

Архив гражданской войны (отчеты тоже) был свален в сарае милиции беспорядочной грудой. Если кто интересовался этим архивом, приходил, рылся и уходил, оставляя после себя еще больший хаос.

Из милиции архив был переброшен „навалом“ в дырявый сарай — в Колонизационный поселок, за 1 ½ км от Мурманска, где он пребывает и сейчас.

Снег, пробивающийся сквозь щели, засыпал архив толстым слоем. Придет весна, архив погибнет.

Работники архивного бюро толкались во все двери, просили, били тревогу и пока добились только того, что получили обещание перевести архивное бюро, — вместе с остатками архива гражданской войны еще дальше, за 3 ½ км от города, в небольшой домишко на болоте, куда весной ни хода, ни проезда и где в случае пожара никакая помощь немыслима.

Архив гражданской войны гибнет»[302].

К концу статьи Беляев, как мы видим, о траловой промышленности словно напрочь забывает. И совершенно правильно делает. На Мурмане она появилась лишь в 1924 году, с образованием Севгосрыбтреста. Но написать его историю никак невозможно — в 1929–1930 годах все руководство треста было объявлено вредительским и арестовано. Кого-то расстреляли, кого-то отправили в концлагеря. Что тут писать? Историю вредительства? Такие истории сочиняют в другом ведомстве.

Зато Гражданская война к траловому флоту вообще никакого отношения не имеет. Перед Первой мировой войной по Баренцеву морю ходило всего четыре русских траулера. После революции Центросоюз и рыбопромышленник Беззубиков создали рыбопромышленную компанию. Приобрели у англичан 12 военных тральщиков и переоборудовали для рыбного промысла, но до прихода красных в 1920 году работу наладить так и не смогли.

Что заставило Беляева бить тревогу? Долг гражданина или интеллигентская истерика перед лицом гибнущих памятников истории?

Полагаю, ни то ни другое. То, что историю траловой промышленности написать нельзя, ему наверняка стало ясно практически сразу. Вот он и решил сменить тему: раз фантастика пришлась не ко двору, возьмемся за историческую беллетристику. Историю опишем самую недавнюю. А поскольку к тому, что кровавым катком прокатилось по этим местам, лично Беляев причастен не был, то мурманская историко-революционная ложь

не могла так испоганить душу, как повествование о ялтинских днях.

Написал он что-то об этом или нет — неизвестно. А осенью писатель покинул Мурманск навсегда — понял, что полярной зимы с полярной ночью ему не пережить. Получил причитающиеся за полгода «северные» (в целях борьбы с «летунами» надбавку эту выплачивали лишь по истечении шести месяцев непрерывной работы), вошел в бревенчатое здание вокзала и сел на ленинградский поезд.

* * *

В 1935 году вышла повесть Беляева «Чудесное око» — в Киеве и на украинском языке. Рукописный оригинал пропал, и потому, когда понадобилось вернуть книгу русскому читателю, пришлось совершить обратный перевод.

Только здесь отобразил Беляев свои мурманские впечатления.

> «Широкое окно выходит на Кольский залив. Там виднеются мачты и трубы траулеров рыбного треста[303]».

В комнате с широким окном собрался кружок радиолюбителей.

А вот испанский коммунист-журналист Азорес:

> «…вышел из гостиницы треста в полночь и направился по спуску к траловой базе. Испанец поеживался в своем осеннем пальто. Льдистый полуденный ветер бил в лицо. Падал мокрый снег».

Надо же — в полночь дует полуденный ветер! От этого Мурманска умом можно тронуться… Но не стоит тревожиться о психическом здоровье — перед нами всего лишь причуды перевода: по-украински «південь» означает не «полдень», а «юг». Соответственно, «південний» — это «южный». Что немедленно и подтверждается:

> «„Удивительный край! — размышлял Азорес. — Здесь все наоборот… <…> В этих краях люди выбирают квартиры окнами не на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над теплым течением Гольфстрима, нагревается, а *южный — охлаждается над*

ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжелый климат“».

Поразмышляв, Азорес обозревает окрестности:

> «Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебедочные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортеры: к складам — с рыбой, от складов — с солью».

Здесь видна рука фантаста — при Беляеве никакой механизации в рыболовецком порту не было. Затем снова кусочек правды: «…высокий, поросший низкими березками противоположный берег Кольского залива…» — и на этом все, что Беляев смог сказать о Мурманске.

Перейдем к персонажам. Вот Мотя Гинзбург — конструктор, изобретатель, руководитель радиокружка и сам радист на траулере «Серго Орджоникидзе». Он изобрел подводный телевизор для поиска косяков промысловой рыбы. Впрочем, замечает Беляев:

«В сущности говоря, Мотя не изобрел ничего или почти ничего. Ему случалось видеть фотографии американских и немецких телевизоров, приспособленных для наблюдений на морской глубине. Правда, это были фотографии. Но принцип работы телевизора известен. Оставалось самостоятельно продумать кое-какие конструктивные особенности…»

Плавал на траулере такой радист или нет — неизвестно. Единственная черта, которой снабдил его Беляев, — безудержный энтузиазм. А это значит, что такой человек действительно существовал. В «Полярной правде» за 1932 год отыскались две статьи: «Ищите каменный уголь»[304] и «Заполярный гигант на базе „белого угля“»[305]. Угля на Кольском полуострове не нашли до сих пор, гигантов на базе гидроэнергии не построили. Но энтузиазма в статьях хоть отбавляй, а подписаны они: *М. Гинзбург.*

С прочими именами дела обстоят по-разному — с одними проще, с другими интереснее.

Коммунист Азорес… тут все ясно: фамилию он получил от Азорских островов (хоть слово и португальское — *Açores).* Но интрига заверчена вокруг главного, хотя и почти бездействующего лица — Бласко Хургеса, гениального аргентинского ученого, сумевшего раскрыть тайну атомной энергии и погибшего при кораблекрушении. С именем проблем

нет — он его позаимствовал у знаменитого испанского писателя Бласко Ибаньеса. А вот фамилия поставила в тупик даже Азореса:

> «Странная фамилия, — думал он, — звучит для иностранцев, как испанская, однако не испанская. Хургес… Кем бы он мог быть?»

Разгадка оказалась самой банальной:

> «Отец Хургеса, Соломон Хургес, был польским евреем. В свое время он эмигрировал в Соединенные Штаты, но там ему не повезло, и он перебрался в Южную Америку».

Но и сам Бласко Хургес тоже загадал загадку — он не просто утонул, но унес с собой в пучину стальную скрижаль с описанием способа добычи энергии из атома. Этот свой секрет он намеревался вручить Советскому Союзу. И вот собирается всесоюзный ученый совет, чтобы решить — плыть в Атлантический океан на поиск затонувшего парохода в надежде извлечь из водной бездны заветную скрижаль, или все-таки не плыть. Тут вспоминают про подводный телевизор Моти Гинзбурга и понимают, что поиски не будут вестись вслепую. Тогда возникает другая проблема — не приведет ли высвобождение атомной энергии в промышленных масштабах к мировой катастрофе.

Выступает «высокий, полный, румяный академик», горячий энтузиаст атомных экспериментов, который ни в какую катастрофу не верит.

И собрание принимает сторону румяного ученого. Вот только фамилия у него не совсем обычная — Тоффель.

Русской литературе она знакома с 1917 года — из повести Куприна. В ней к скромнейшему чиновнику является некий ходатай и вводит в права владельца имения, оставшегося после покойного родственника, — чудака и алхимика.

Ходатай представляется: Мефодий Исаевич Тоффель. Чиновник отправляется в имение и находит там старинную книгу, которую пытался расшифровать покойный. Наследник — любитель разгадывать разнообразные шарады — находит ключ к шифру и обретает заветное слово. И все его желания — от повышения по службе и выигрыша на бегах до успеха у женщин — тотчас исполняются. Тут-то и понимает счастливец, что означает имя ходатая: Меф-Ис-Тоффель.

И ходатай поведал наследнику всю правду:

«Вы совершенно случайно овладели великой тайной, которой тьма лет, больше тридцати столетий. Ее когда-то извлек из недр невидимого мира духов сам царь Соломон. От него она перешла к финикиянам, к халдеям, потом к индийским мудрецам, потом попала опять в Египет, затем в Испанию, во Францию и, наконец, в Россию. Вместе с этой тайной вы получили ни с чем не сравнимую, поразительно громадную власть. Тысячи незримых существ служат вам как преданные рабы, и в том числе я, принявший этот потертый внешний облик и этот глупый боевой псевдоним»[306].

Называлась купринская повесть «Звезда Соломона»… Вспомним теперь, что отца Хургеса звали Соломон.

Румяный академик уверял, что овладение атомной энергией принесет советским людям великое счастье и власть над природой. Беляев в спор не вступал, а просто дал академику имя дьявола-искусителя. А значит, взгляды Беляева на научно-технический прогресс не всегда были безудержно оптимистичны.

* * *

Беляевская повесть названа «Чудесное око». Но и это перевод с украинского — «Чудесне око». А вот в 1937 году — в письме редактору Детиздата Г. И. Мишкевичу — Беляев именует повесть романом с отличным от привычного нам названием: *«Чудесный глаз»*[307].

Ну как тут не вспомнить Смоленск, позднюю осень 1910 года и номер газеты с анонимной заметкой *«Электрический глаз»*.

А вот и сама заметка:

«Открыт новый способ передачи при помощи электрического тока видов, изображений, рисунков, картин и т. д. на значительные расстояния. Изобретателем этого способа является преподаватель петербургского технологического института Б. Л. Резинг.

— Значение электрической энергии весьма велико, — сообщил он сотрудникам „Бирж[евых] Ведомостей]“, — весьма велико… <…> Такой глаз может сыграть большую роль в жизни фабрик и заводов. Владелец завода, находясь в своем кабинете, может, благодаря ему, видеть всё, что делается в той или иной мастерской. С его помощью можно будет разыскивать погибшие корабли»[308].

Заметка анонимная оттого, что целиком заимствована из столичных «Биржевых ведомостей». Такой работой занимались сотрудники редакции, а потому есть все основания утверждать, что Беляев к ее написанию был непричастен. Но точно так же нет никакого сомнения в том, что заметку эту он читал и запомнил: в ней упомянуты всего два возможных способа применения «электрического глаза»: искать погибшие корабли и из собственного кабинета наблюдать, что творится в заводских цехах — именно их Беляев сделал центральными в фабуле книги (о первом способе мы уже говорили, а второй облегчил страдания Мишки Борина — сломав ногу, он не смог отправиться в морскую экспедицию, но смог следить за ней по телевизору из собственной постели).

Что же касается самого изобретения, то газета сообщила чистую правду: первым в мире телевидение изобрел преподаватель петербургской Техноложки. Только звали его не Резинг, а Борис Львович Розинг.

140-ю годовщину его рождения отметил замечательный (слишком рано, не достигнув пятидесяти одного года, ушедший из жизни) историк Александр Меленберг.

> «В мае, 22-го числа 1911 года в лаборатории Петербургского технологического института Розинг впервые в мире продемонстрировал действующую модель электрической передачи изображения на расстояние.
>
> Телевидение в его классическом виде, как известно, появилось 80 лет назад в США и основным его разработчиком считается русский эмигрант Владимир Зворыкин („Как хорошо, что Зворыкин уехал / И телевидение там изобрел. / Если бы он из страны не уехал, / Он бы, как все, на Голгофу взошел. / И не сидели бы мы у экранов, / И не пытались бы время понять, / И откровения прежних обманов / Были бы нам недоступны опять“ — Булат Окуджава). <…>
>
> <…>…в ходе четырехлетних опытов (1907–1911) ассистентом профессора Розинга был студент Зворыкин. Профессор (при участии студента), использовав осциллограф в качестве приемной электронно-лучевой трубки, сумел получить на его экранчике светлые полосы на темном фоне от переданных предметов: решетки, креста, растопыренных пальцев руки.
>
> Владимир Зворыкин в поздних мемуарах, так и не изданных в России, писал: „К концу нашей совместной

работы профессор Розинг получил действующую систему, которая воспроизводила смутную картинку на экране“. <…>

В следующем, 1912 году Зворыкин, окончив институт, пустился в автономное плавание, а Розинг продолжал опыты. Но тут грянула война, за ней — революция. Спасаясь от ее последствий, Розинг уезжает на юг, в Екатеринодар. Затем по неизвестной причине не уходит с белыми в Крым. Затем возвращается в Питер. Лишь в 1924 году Розинг, восстановив прежнее оборудование, сумел выйти на дореволюционный уровень своих результатов. Но темп был уже безвозвратно потерян. Зарубежные инженеры ушли далеко вперед.

А в феврале 1931 года Борис Розинг был арестован ГПУ в ходе операции „Весна“, массовых арестов бывших царских офицеров. Розинг офицером не был, но имел несчастье преподавать электромеханику в Константиновском артиллерийском училище. В итоге — три года высылки на Север, сначала в Котлас, затем в Архангельск.

Одно из писем Б. Л. Розинга жене в Ленинград:

„18 декабря 1931.

Милая Ася!

Дело мое в том же положении, т. е. без движения. Не знаю, останусь ли здесь, или придется ехать назад, т. к. без определенных занятий и без прикрепительных листков здесь не проживешь. На вольном рынке цены в два раза больше, чем в Котласе. <…> Вчера выяснилось, что административно высланные профессора получают здесь лекции только при одном условии, от которого я чувствую моральную тошноту почти целый день и хочу вырваться отсюда как можно скорее. Неужели это всем предлагают?[309] <…> Может быть, если не удастся достать деньги, то пришлешь посылочку, но не из вещей, которые нужно варить, т. к. примус я не употребляю, между прочим, из-за недостатка керосина“.

Профессор Розинг все-таки получил место лаборанта кафедры физики в местном Лесотехническом институте. Но 20 апреля 1933 года умер от инсульта.

В августе того же 1933 года Владимир Зворыкин, общепризнанный „отец телевидения“, посетил Москву и Ленинград. <…> Следствием этого визита явился пуск

в 1938 году телецентра на Шаболовке, целиком оснащенного американским оборудованием.

Из неизданных в России мемуаров Зворыкина: „Конечно, я спросил о профессоре Розинге. Большая часть тех, кого я спрашивал, никогда о нем не слышали. Наконец мне сказали, что он был арестован во время революции, сослан в Архангельск и вскоре умер“»[310].

Итак, в 1932 году покинувшие Ленинград Беляев и Розинг снова оказались соседями. Ну, почти соседями. Впрочем, архангельские слухи доходили до Мурманска исправно. И Беляев вспомнил ту давнюю заметку в смоленской газете и начал придумывать повесть о телевидении с мурманской спецификой. Но год спустя в Ленинграде, узнав о смерти Розинга в северной ссылке, решил энтузиастов-рыболовов особенно не воспевать, а написать о знойной Аргентине и Атлантическом океане[311].

Глава двадцать первая
ПРЫЖОК В НИЧТО

Свое возвращение из Мурманска Беляев ознаменовал романом о полете в космос — «Прыжок в ничто».

Космический корабль Беляев построил уже за шесть лет до того — для романа «Борьба в эфире» (рассказывает генеральный конструктор Крукс):

> «Вы знаете, что я сконструировал огромный летающий корабль — целый город, который может вместить всех нас. <…> Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нем мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы продержаться на нем неопределенно долгое время далеко от Земли. Но… тут есть большое „но“. Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питанием всех нас более чем на два-три года. Если бы нам удалось возобновить запасы, ну, хотя бы клетчатки, мы бы добыли из нее всё, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к Земле, чтобы наши небольшие суда могли от времени до времени спускаться на Землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды.
>
> Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим…»

И тогда буржуйские главари решают, не дожидаясь голодной смерти, хлопнуть дверью громко и немедленно — уничтожить пролетарскую Землю атомной бомбардировкой.

Космическому кораблю удается взлететь, но два оказавшихся на борту героя тут же его взрывают… Земля спасена!

Поэтому в новом своем романе Беляев ставит вопросы снабжения на первое место:

> «— Но куда же вы нас высадите, черт возьми? Простите, миледи, за невольное восклицание, — сказал Стормер.
>
> Все ждали с напряженным вниманием, что скажет Цандер.
>
> — Никуда. Я полагаю, что нам выгоднее и безопаснее всего именно нигде не высаживаться.
>
> — П…рыжок в ничто? — спросил Маршаль с горькой

иронией, которую не поняли.

— И поэтому-то я и старался создать такой межпланетный корабль, на котором мог бы существовать круговорот веществ. Ракета будет иметь оранжерею в пятьсот метров длины, которая должна дать нам необходимые для питания растительные продукты и кислород для дыхания»[312].

Кстати, Светлана Беляева припомнила (наверняка по рассказам родителей — самой ей в ту пору и четырех лет не было) такой эпизод:

«Написав роман „Прыжок в ничто“, отец долго не мог придумать названия. Обычно он делал это после окончания работы. Но на этот раз он отнес рукопись без названия. Редактор предложил тому, кто придумает лучшее название, выдать премию. В конце концов придумал все ж таки сам автор, но премии не получил»[313].

Так что, по справедливости, премию надо было бы вручить барону Маршалю — это его испуганная реплика стала названием романа[314].

В рецензии на роман Абрам Палей обратил внимание еще на одного персонажа — инженера Лео Цандера:

«Кстати, непонятно, зачем последнему дана фамилия крупного советского специалиста по реактивному движению»[315].

Непонятливому рецензенту Беляев ответил по-писательски: через три года наградил фамилией Палей персонажа «Звезды КЭЦ» — пусть поломает голову и над этой загадкой…

Но вопрос был задан… Действительно, неужели трудно было подыскать конструктору межпланетного корабля «Ноев ковчег» иную фамилию?

Причина, надо полагать, таится в неутешительных размышлениях Беляева о судьбах русских изобретателей — не понятые на родине, они (Зворыкин) или их идеи (Розинг) находят признание на Западе. И только там их идеи воплощаются.

Но здесь нам возражает сам Лео Цандер:

«— Не забывайте, — говорил Цандер, — что родина звездолетов — Советы. Там родилась и была научно разработана теория реактивных двигателей. Вокруг

> Циолковского выросла целая плеяда советских специалистов — его учеников. Что, если Советы двинут на „Ноев ковчег“, который вздумал бы принять участие в боевых наступательных операциях, целую флотилию звездолетов? Пассажирам „ковчега“ не поздоровится!»

Вот вам: крупнейший специалист отдает должное успехам советской космонавтики! Но сразу после гимна Советам сказано следующее:

«Ни Пуччи, рассказавший об этом Гансу, ни сам Ганс не знали о том, что Цандер, давая такое заключение, был не совсем объективен. В нем говорил его традиционный пацифизм».

То есть ничего не изменилось! На дворе советская власть, а русский инженер Цандер — энтузиаст ракетоплавания! — все так же в одиночку или с кучкой нищих энтузиастов бьется над постройкой ракеты, в которой самый снисходительный глаз разглядит лишь действующую (чаще всего — плохо действующую) модель… А с Запада доносятся такие слухи, что впору локти кусать!.. А в 1933-м — год выхода романа — Цандер умер от чахотки, так и не увидев ни одной взлетевшей ракеты.

Еще об одной любопытной подробности поведал нам ассистент зарубежного Цандера, Винклер:

> «Цандер — талантливый теоретик, великолепный конструктор и на редкость скромный человек. „Я только ученик своего великого учителя Циолковского. Он зажег пламя, я лишь поддерживаю его, пока мечта человечества не осуществится“, — так говорит он о себе».

Нынешнее ухо и впрямь не распознает здесь ничего, кроме свидетельства беспримерной Цандеровой скромности[316]. Но советскому читателю 1930-х годов открывалось и другое:

> «Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником.
>
> Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении… рабочего класса. <…> Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной».

Это знаменитейшая фраза, сказанная товарищем Сталиным

немецкому писателю Эмилю Людвигу. Написав в 1906 году о Наполеоне, Людвиг четверть века спустя решил замахнуться и на биографию живого колосса, с каковой целью приехал в СССР и 13 декабря 1931 года был принят героем будущей книги. В ходе беседы Сталин и осчастливил биографа исторической фразой. После чего с ней были ознакомлены и прочие обитатели земного шара[317].

Вопрос: как ее понимать в устах Лео Цандера? Видимо, в контексте прочих его высказываний о Циолковском:

> «— Я уезжаю. Надолго покидаю родину, быть может навсегда.
>
> — „Могикане“? — коротко спросил Винклер.
>
> — Да, они… Вы полагаете, что мне угрожает заточение, Винклер? Хуже. Гораздо хуже. Они приходили не с мечом, а с дарами.
>
> — „Бойтесь данайцев, дары приносящих“, — кивнул головой Винклер. — И что же это за дары?
>
> — Они готовы милостиво забыть о моей нечистой крови, — с горечью сказал Цандер. — Вернуть мне кафедру, хорошо оплачивать мой труд.
>
> — Из средств… военного ведомства?
>
> — Вы угадали, Винклер. Они предлагали мне — вы понимаете, что значит, когда они предлагают? — работать в военном ведомстве… Стратосферные бомбардировочные ракеты, управляемые по радио. Вы слыхали о них? Во многих районах страны уже возведены сооружения для стрельбы такими ракетами. Из этих пунктов в несколько минут можно уничтожить Париж, Брюссель, Прагу, Варшаву градом взрывчатых и газовых ракет. Но им этого мало. Им нужны „снаряды без пушек“, летящие за тысячи километров. Не только Лондон, Рим, Неаполь, Мадрид, Москва, Ленинград, но даже и Нью-Йорк, Вашингтон — мишени для их новых орудий истребления. Столицы, промышленные города, порты, аэродромы соседних государств уничтожаются в несколько минут вместе со всеми людьми. Душить детей, рвать на части тела отцов и матерей — во имя чего? — вот что они предлагают мне, Винклер. Об этом ли думал мой учитель Циолковский, об этом ли мечтал я, посвятив свою жизнь реактивным двигателям, ракетам, звездоплаванию?..»

«Могикане» — это, несомненно, фашисты, а точнее, раз уж зашла речь о «нечистой крови», — нацисты (хотя русский Цандер

был остзейским немцем). Но главное — это убежденность Лео Цандера в том, что Циолковский и война несовместимы. А поскольку Цандер не уточняет, о какой войне идет речь — империалистической или революционной, складывается впечатление, что и учитель его в классовую борьбу не сильно верил.

А тогда получается, что, называя себя «только учеником великого Циолковского», Цандер (и, надо понимать, Беляев) ставит на место величайшего гения XX столетия не Ленина, а калужского затворника (заинтересованные в подробностях могут сразу обратиться к главе «КЭЦ»).

Но продолжим чтение романа.

Итак, группа богатейших капиталистов и их прихлебателей, напуганных призраком неотвратимой революции, готовится к бегству. Но на земном шаре ни одного безопасного угла уже не осталось, и тогда обезумевшие буржуи решают отправиться на другую планету. Космическому кораблю, который унесет их в немыслимую даль, присваивают имя «Ноев ковчег».

Уподобить бегство от революции спасению от Всемирного потопа первым догадался Маяковский, в 1918 году написавший пьесу «Мистерия-буфф». И вполне возможно, что Беляев этой идеей воспользовался. Но в 1925 году вышла и другая книга, далекая от художественности, но несомненно способная заинтересовать Беляева — мемуары о Белом Крыме, написанные человеком, хорошо знавшим механизмы врангелевского государства. В этой книге рассказано и об эвакуации 1920 года, в частности, есть там такие слова:

> «Наш Ноев ковчег, набитый только одними нечистыми (такими нас сделало бегство), начинает двигаться»[318].

Вспомним как будто совсем по другому поводу сказанные слова Цандера о «нечистой крови», и тайна нового Ноева ковчега раскрыта — этот корабль плывет в эмиграцию. И надежды на возвращение больше нет.

А что происходит с писателем, потерявшим надежду, но не утратившим желание жить? Он становится другим.

Первая часть романа — сатирическая, в том смысле, который придавали этому слову в СССР: безжалостное бичевание заграничных буржуазных нравов[319].

Вторая — более всего походит на самопародию: аристократы поселяются в пещере и дичают (ср. с беляевской повестью «Белый дикарь») — и откровенное глумление над фантастикой: шестирукие венерианские туземцы, которые носом пущают

усыпляющих газов…

Ничего равного написанному до 1932 года из-под пера Беляева более не вышло. Он и романы писать перестал — переделывал старые, а те, что задумал, никак не мог завершить (об «Ариэле» у нас еще будет случай поговорить)… Беляев совершил свой прыжок в ничто, в безвоздушную разрешенную литературу, и стал советским писателем.

Глава двадцать вторая
КЭЦ

Впервые Беляев обратил внимание на Циолковского еще в 1916 году, в бытность свою газетным «передовиком».

«„Чорт меня дернул родиться в России с талантом и душой“, — воскликнул Пушкин, когда ему слишком насолили родные пенаты.

Это восклицание в разных вариациях приходилось не раз повторять до и после Пушкина многим русским людям с талантом и душой.

Особенно не везло у нас изобретателям.

Творчество изобретателя, по своему существу, революционно. Чем крупнее изобретение, тем резче ломает оно установившийся уклад жизни. Появление ткацкого станка произвело целую революцию. Не только в экономической, но и в социальной среде. Немудрено, что изобретатель в стоячих водах русской консервативной жизни не пользовался симпатией ни правительства, ни даже населения.

— Беспокойный человек! Выдумщик.

Отсутствие образования лишало изобретателя возможности осуществить иногда правильный по замыслу проект.

Неудачи его опытов еще больше укрепляли консервативную массу в ее полупрезрительной, полунасмешливой позиции по отношению к изобретателю.

И уж так повелось: о наших изобретателях мы вспоминаем только тогда, когда их идея получит осуществление за границей.

Недавно газеты сообщили о том, что наши союзники на западном фронте применяют аппарат, который обнаруживает приближение на расстоянии нескольких верст врага на суше или море.

Получив известие об этом изобретении, мы, как всегда, задали вопрос: не было ли уже у нас подобного изобретения, — и не ошиблись.

Этот аппарат, „тономикрофон“, был изобретен еще в 1887 году Львом Шкляром и представлен в одно из министерств, которое так и не удосужилось рассмотреть

и использовать изобретение Шкляра.

Лев Шкляр, — сын бедного ремесленника, личность незаурядная.

За свою тридцатилетнюю жизнь, — умер в 1896 году, — он изобрел много самых разнообразных вешей: аудиофон (аппарат для глухонемых), выпуклые чернила для слепых, пылевоздухоочистители для шахт, контрольный аппарат, предупреждающий взрывы котлов, термостат, тономикрофон, безопасные лампы и др.

Кто знает, сколько полезных и даже, быть может, гениальных изобретений подарил бы еще он родине, если бы не его преждевременная смерть от чахотки.

И, — кто знает, — если бы мы обладали его „тономикрофоном“, за 20 верст предупреждающим о приближении неприятельских сил, может быть, не имел бы места сольдауский разгром[320], удавшийся врагу благодаря неожиданности его появления.

В настоящем году исполняется двадцать лет со дня смерти Л. Шкляра. К сожалению, эта юбилейная дата будет почтена только его близкими. Мы, — общество, — не знаем своих выдающихся людей.

Не знаем при жизни, где же их помнить по смерти?

Вот еще один изобретатель: К. Циолковский, приславший в редакцию свою брошюру о построении металлической оболочки дирижабля без дорогой верфи.

Задолго до опытов гр. Цеппелина, К. Э. Циолковский нашел принцип управляемого аэростата с сжимаемой жесткой (металлической) оболочкой.

Более двадцати лет посвятил разработке этой идеи, — принципиальная правильность которой „подтверждена“ цеппелинами, — и до настоящего времени не может приступить к ее практическому осуществлению ввиду недостатка средств и общественного внимания.

Мы, конечно, не знаем, насколько целесообразен и удачен проект К. Э. Циолковского (хотя, по его словам, модель аппарата в 2 метра „чисто функционирует“), но, как бы то ни было, на этот проект, в особенности теперь, необходимо обратить внимание, чтобы использовать его, если он пригоден, или указать автору недостатки этого изобретения.

„Тяжело работать в одиночку, многие годы, при неблагоприятных условиях и не видеть ниоткуда ни просвета, ни содействия“. Эти слова служат эпиграфом к

книге К. Э. Циолковского об управляемом аэростате.

Эпиграф, пригодный и для многих других русских изобретателей…»[321]

Вся статья написана под знаком Пушкина: от первой цитаты (неточной — у Пушкина: «Догадал меня черт родиться в России с душой и талантом») до лейтмотива — «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны…» («Путешествие в Арзрум», о Грибоедове).

Оттого, наверное, своих замечательных ученых и изобретателей писатель Беляев предпочитал селить за границей… [322]

А спустя 18 лет — 10 декабря 1934 года — последовало и знакомство. Заочное. Едва лишь ленинградский журнал «Вокруг света» начал публиковать роман Беляева «Воздушный корабль», как Циолковский направил в редакцию письмо:

> «Рассказ… остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволяю себе изъявить удовольствие тов. Беляеву и почтенной редакции журнала. Прошу т. Беляева прислать мне наложенным платежом его другой фантастический рассказ, посвященный межпланетным скитаниям, который я нигде не мог достать. Надеюсь и в нем найти хорошее. Прошу переслать письмо тов. Беляеву.
>
> *С приветом, Циолковский»*[323].

27 декабря 1934 года Беляев Циолковскому ответил:

> «Глубокоуважаемый Константин Эдуардович!
>
> Редакция журнала „Вокруг света“ передала мне копию Вашего письма по поводу моей повести „Воздушный корабль“ в № 10 журнала.
>
> Я очень признателен Вам за Ваш отзыв и внимание»[324].

«Воздушный корабль» — это повесть о первом (до космической ракеты) любимом детище калужского мечтателя: цельнометаллическом дирижабле.

О том, что идею эту Циолковский пропагандировал еще до революции, Беляев даже не упоминает… Теперь его интересы выходят за пределы земной атмосферы — в космос.

> «Экземпляр романа о межпланетных путешествиях „Прыжок в ничто“ высылаю заказной бандеролью. — В

этом романе я сделал попытку, не вдаваясь в самостоятельное фантазирование, изложить современные научные взгляды на возможность межпланетных сообщений, основываясь главным образом на Ваших работах. У меня была даже мысль — посвятить этот роман Вам, но я опасался того, что он „не будет стоить этого“. И я не ошибся: хотя у читателей роман встретил теплый прием, Як. Ис. Перельман дал о нем довольно отрицательный отзыв в № 10 газеты „Литературный Ленингад *(так!)“* (от 28 февр.). Вот конец этой рецензии:

„В итоге никак нельзя признать новый роман Беляева сколько-нибудь ценным обогащением советской научно-фантастической литературы. Родина Циолковского вправе ожидать появления более высококачественных произведений научной фантастики, трактующих проблему межпланетных сообщений“.

Лично я считаю, что статья Перельмана написана далеко не во всем объективно. Но как бы то ни было, после такого отзыва я не решился даже послать вам экземпляра этого. Но теперь, поскольку Вы сами об этом просите, охотно исполняю Вашу просьбу и посылаю роман на Ваш суд. — В настоящее время роман переиздается вторым изданием, и я очень просил бы Вас сообщить Ваши замечания и поправки [, чтобы их можно было внести в текст, т. е. исправить]. И я, и издатель были бы Вам очень благодарны, если бы Вы написали и предисловие ко второму изданию романа (если, конечно. Вы найдете, что роман заслуживает Вашего предисловия)»[325].

Итак, ситуация предельно ясная: Циолковский письменно поблагодарил редакцию журнала за публикацию повести, пропагандирующей идею цельнометаллического дирижабля, а Беляев воспользовался поводом, чтобы найти у Циолковского защиту от яростного Перельмана и обеспечить выпуск второго издания романа.

И совершенно очевидно, что до этого письма никакой переписки между двумя энтузиастами ракетных полетов не было…

Но тут совсем недавно и в самом неожиданном месте выплыл на белый свет такой документ:

«Многоуважаемый Александр Романович!

Я очень благодарен Вам за посылку и письмо, в

котором обнаружил истинное понимание проблем. Мои труды, это скромный вклад в мировую науку, но и он является неотемлимой *(так.)* частью стремления человечества к прогрессу.

С уважением

К. Ціолковский

Калуга 7 мая 1934 г.».

Конечно, возникает масса вопросов… Но попытаемся изложить все в должном порядке.

Совсем недавно — это 3 мая 2008 года, а неожиданное место — Беверли-Хиллз, штат Калифорния. В названный день и в названном месте письмо было выставлено на аукцион в отеле «Редженси-Супериор»[326]. И не одно только письмо. В списке лотов мы найдем еще два листа из рукописей Циолковского и том его «Избранных трудов» (Кн. 1. Цельнометаллический дирижабль. М.; Л., 1934) с дарственной надписью:

«Уважаемому Н. Д. Моисееву.
В дирижаблях наше будущее.

К. Ціолковский».

Николай Дмитриевич Моисеев (1902–1955) — астроном, создатель московской школы небесной механики, дирижаблями так и не увлекся…

Как же все эти сокровища перебрались за океан?

На след могут навести другие выставленные на продажу раритеты: книги Б. В. Ляпунова «Станция вне земли» (1963) и Р. Г. Перельмана «Цели и пути покорения космоса» (1967). Своей ценностью (500 $) эти популярные брошюры обязаны автографам на титульном листе — подписям двух первых космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова.

Так вот, подобный набор (рукописи Циолковского и автографы космонавтов) может происходить лишь из одного-единственного места — музея.

И точно: меньше чем через год — 13 апреля 2009-го — появилась в «Известиях» заметка, из которой выяснилось, что «в последние годы из павильона „Космос“ на ВВЦ пропали сотни раритетов», в том числе: «…оригинальные спутники, образцы космических пород и личные вещи космонавтов».

И корреспондент рассказал, как это произошло: в начале 1990-х павильон «Космос» на ВДНХ был закрыт, а экспонаты

просто выбросили на улицу. После чего «некоторые скафандры и части „Салютов“ и „Союзов“ в 1990-х всплыли на крупных международных аукционах. Гайками со спутников долгое время торговали в самом павильоне „Космос“ наряду с радиотехникой и саженцами…»[327].

Другие же предметы, «в том числе и знаменитый скафандр Гагарина, неожиданно всплыли в Вашингтонском музее астронавтики. Там же находится и удостоверение первого космонавта Земли».

И еще об аукционах:

> «В конце прошлого (то есть 2008-го. — *З. Б.-С.)* года в Нью-Йорке на аукционе „Сотбис“ пустили с молотка текст предполетной речи первого космонавта, написанный его же рукой… Оценили рукопись в 300 тысяч долларов»[328].

Зато:

> «…на самом популярном интернет-аукционе — ebay.com. <…> то и дело всплывают автографы Гагарина, Леонова и других космонавтов, рукописи и труды Циолковского, а также записи Сергея Королева. Причем купить реликвии можно за копейки — цены от 900 до 3000 долларов»[329].

Итак, письмо, скорее всего, краденое… Пришло время разобраться с его содержанием.

Кроме Беляева, иных корреспондентов с именем «Александр Романович» у Циолковского не было. Значит, вероятнее всего, письмо было адресовано именно Беляеву. Но тут такая незадача — ни одного письма Циолковского Беляеву до нас не дошло: судить об их содержании мы можем лишь по черновикам, хранящимся в архиве Циолковского, а все отосланные беловики погибли в 1942 году вместе с прочими бумагами Беляева.

Откуда ж тогда могло явиться данное письмо Циолковского?

Единственное разумное объяснение: письмо это уцелело потому, что не было отослано! И Беляев его не получал и не читал!

Объяснение разумное, но — не единственное. Потому что имеется еще одно адресованное Беляеву письмо Циолковского (опубликована лишь оборотная сторона листа):

> «…их часть повреждена, а некоторые украдены. Но и оставшиеся могут [зачеркнуто неразобранное слово]

ярче осветить *(так!)* детали описания. Вы можете ознакомиться с ними. Обратите свое внимание на особенности передвижения пилотов и предметов *(так!)* в корабле, *без силы тяжести*.

Я всегда готов внести свой вклад в пропаганду великой цели.

Желаю творческих успехов.

К. Ціолковский

7 июня 1931 г.».

А слева сбоку — приписка:

«Ваш предшественник Жюль Верн (*так!)* увлекался пристальностью описания. Я думаю, что даже большинство (*так!)* 20-го века опирается на науку и ее достижения.

К. Ціолковский»[330].

Составители каталога уверяют, что письмо адресовано Беляеву… Да разве только письма выставлены на продажу — тут и книжки с дарственными надписями! Вот эта украшает брошюру Циолковского «Стратоплан реактивный» (Калуга, 1932):

«А. Р.
Рекомендую обратить внимание на отзывы.

К. Ціолковский».

А вторая (в высшей степени лестная!) — начертана на обложке брошюры «Космические ракетные поезда» (Калуга, 1928):

«Талантливому последователю и пропагандисту великой космической идеи: А. Р. Беляеву

с уважением К. Ціолковский

3 мая 1931 г.».

Одну книжку выставляли на аукционе, а другую удалось приобрести в Берлине — с рук. Брошюры самые настоящие — изданы Циолковским на собственные деньги.

И снова вопросы: откуда они взялись? Ведь библиотека Беляева погибла вместе с его архивом в том же 1942 году…

И почему, с 1931 года одаривая Беляева книгами и состоя с ним в переписке, Циолковский, когда возникла нужда связаться с писателем, направляет письмо не ему, а в редакцию журнала «Вокруг света»?

В поисках ответов пришлось обратиться к Татьяне Николаевне Желниной, научной сотруднице калужского Государственного музея истории космонавтики. И сразу наступила ясность: все (а их сотни) гуляющие по аукционам новоявленные письма Циолковского, а также его рукописи, дарственные надписи, чертежи и рисунки — фальшивки. За одним, правда, исключением: письмо Я. И. Перельману от 29 ноября 1931 года — подлинное и украдено из Архива Российской академии наук в Санкт-Петербурге[331].

И самое наглядное доказательство подделки — это подпись: *«Ціолковский»*.

Потому что расписываться Константин Эдуардович умел — и по старой орфографии, и по новой. И если, по старой привычке, употреблял «и десятиричное» (і), то ставил его там, где надо: и в первом слоге — «Ці», и в последнем — «кій». А в подделках всегда и только: «*Ціолковский*». Ну и несчетное количество прочих глупостей… В письмах же — полная бессодержательность: сплошные приветы, призывы, скучные и плоские сентенции…

А Беляеву было не до общих слов: его заботили совершенно конкретный повод и совершенно конкретная проблема — Перельман.

Яков Исидорович остался в памяти многих… «Занимательная математика» и «Занимательная механика» стояли на полке каждого советского школьника, желавшего стать новым Эйнштейном или Колмогоровым.

Причина же успеха этой занимательной науки заключалась в том, что Перельману не приходилось опускаться до уровня своих читателей. Он и его читатели находились на одном уровне — школьного курса. С той лишь разницей, что Перельман эту школьную науку усвоил очень хорошо и, значит, мог подтянуть отстающего ученика. А по образованию этот всероссийский репетитор был лесоводом и лесотехником. Впрочем, по специальности он никогда не работал…

Понятно, что Перельман искренне симпатизировал другим самоучкам. Оттого-то — еще до революции! — стал страстным пропагандистом идей Циолковского. И пропагандистом весьма ревнивым.

В упомянутой рецензии на роман «Прыжок в ничто» Перельман негодовал:

> «Поставив себе целью художественное оформление работ Циолковского, А. Беляев проникся его идеями слишком поверхностно и проглядел главную заслугу „патриарха звездоплавания“. Циолковский установил математически, что ракета может получить скорость, значительно превышающую быстроту частиц отбрасываемого ею газового потока»[332]

В результате:

> «Автор „Прыжка“ не уяснил себе основы всего ракетного летания. Держа читателей в ложном убеждении, будто ракета неспособна приобрести скорость большую, нежели скорость выбрасываемых ею продуктов сгорания, Беляев вынужден обратиться к такому проблематичному для технического использования источнику, как внутриатомная энергия»[333].

Удивительно — о Циолковском и космических полетах написаны тысячи книг, но ни в одной из них об этой «главной заслуге „патриарха звездоплавания“» мы и слова не отыщем. Мало того, во всех изданиях (с 1923 года) собственной книжки «Межпланетные путешествия» об этом молчит и сам Перельман! Потому что перед нами не математика, не физика и не механика любой степени занимательности, а пирамида: вложил тысячу (1 киловатт) — получил миллион (1 мегаватт).

Тут впору побледнеть и «вечному двигателю»! Тому вечно двигаться мешает сила трения, то есть первый закон Ньютона. А вот ракете летать быстрее собственного двигателя не дает третий закон — действие равно противодействию.

И что самое любопытное: в перельмановских «Межпланетных путешествиях» глава о принципах ракетного движения так и называется: «Третий закон Ньютона»!

Как такое следует понимать? А так: из третьего закона вытекает, что, кроме силы и ее действия, существует количество движения или импульс — произведение величины тела на скорость движения. В современной физике понятие импульса трактуется намного сложнее — в связи с симметрией однородного пространства.

Этот аспект третьего закона физик-затейник, видимо, не вполне понял.

Но связываться с Перельманом никто не хотел, а с такой рецензией издательство на второе издание романа не соглашалось… Так что пришлось Беляеву обращаться к патриарху

звездоплавания лично.

Циолковский ответил 5 января 1935-го — через девять дней, то есть, если вычесть срок, затраченный беляевским письмом на путешествие из Ленинграда в Калугу, практически мгновенно:

> «Глубокоуважаемый Александр Романович!
>
> Ваш рассказ „Прыжок в ничто“ прочитал и по поводу его могу высказать следующее.
>
> Роман содержательнее, научнее и литературнее всех известных мне оригинальных и переводных произведений на тему „межпланетных путешествий“, поэтому я буду очень рад появлению 2-го издания. Он еще более распространит интерес к великой задаче 20-го века.
>
> Одни изобретают и вычисляют, другие более доступно излагают эти труды, а третьи посвящают им роман. Все необходимы, все драгоценны!
>
> *К. Циолковский»*[334].

Если не обращать внимания на странное титулование романа «рассказом», большего и желать нельзя — самая авторитетная (в данном вопросе) инстанция дала добро на второе издание.

Но в Архиве Российской академии наук (Ф. 555. Оп. 4. Д. 91а. Л. 10 об.) хранится еще один набросок[335] (на обороте страницы из черновой рукописи 1935 года «Рельсовый автопоезд»[336]).

> «[Отз<ыв>] Обстоят<ельный> добросовестный и вполне благоприятный отзыв о [книг<е>] романе А. Р. Беляева, „Прыжок в Ничто“, сделан глубокоув<ажаемым> проф<ессором> Н. А. Рыниным. Этот отзыв был помещен, как послесловие, к перв<ому> изданию книги ***А. Р. Беляева***. Пускай интересующиеся и обратятся к нему для оценки романа.
>
> Я же могу только подтвердить этот отзыв и прибавить, что из всех существующих разсказов *(так!)* на тему межпланетных путешествий роман А. Р. Б<еляева> наиболее содержателен и научен. Конечно, возможно лучшее, но однако пока его нет. Я, [на<пример>] Я. И. Пер<ельман> и другие желали бы и могли ***бы*** написат<ь> лучше, но у меня нет времени, — все оно поглощено серьезными научными и техническими трудами. [д[Другие {***же***} не пишут по [каким-нибудь] ***той или другой*** причин [ам]**е**.
>
> Прошу не выбрасывать [отз<ыв>] о Рынине»[337].

Эдуард Кудрявцев, впервые опубликовавший этот набросок, полагает, что перед нами еще один черновик ответа Циолковского на какое-то письмо Беляева[338]. Но о Беляеве здесь говорится в третьем лице… Ясно только одно — перед нами черновик. Зато беловик этого отрывка давно известен и даже опубликован (совпадения с черновиком отмечены *курсивом с подчеркиванием):*

> *«Обстоятельный, добросовестный и благоприятный отзыв о романе А. Р. Беляева „Прыжок в ничто“ сделан уважаемым проф. Н. А. Рыниным. Этот отзыв* в качестве *послесловия помещен* в настоящем, втором, издании.
>
> *Я же могу только подтвердить этот отзыв и прибавить, что из всех* известных мне *рассказов,* оригинальных и переводных, *на тему* о *межпланетных* сообщениях *роман А. Р. Беляева* мне кажется *наиболее содержательным и научным. Конечно. возможно лучшее, но однако пока его нет.*
>
> Поэтому я сердечно и искренне приветствую появление второго издания, которое, несомненно, будет способствовать распространению в массах интереса к заатмосферным полетам.
>
> Вероятно, их ожидает великое будущее.
>
> *Калуга.*
>
> *Март, 1935 г. К. Циолковский».*

Это предисловие Циолковского ко второму изданию романа «Прыжок в ничто».

Но архивный отрывок завершается фразой: «Прошу не выбрасывать о Рынине».

К кому мог обращаться Циолковский с подобной просьбой? Только к издательству «Молодая гвардия», а конкретно — к редактору романа Г. И. Мишкевичу. Следовательно, перед нами письмо в издательство, содержащее предисловие к роману «Прыжок в ничто», а также просьбу сохранить в тексте слова о профессоре Н. А. Рынине.

Но куда любопытнее фразы, которые Циолковский в печатный вариант предисловия не включил:

> «Я, [на<пример>] Я. И. Пер<ельман> и другие желали бы и могли ***бы*** написат<ь>] лучше, но у меня нет времени, — все оно поглощено серьезными научными и техническими трудами. [д[**Другие** [**же**] не

пишут по [каким-нибудь] ***той или другой*** причин[ам]е».

Примечательно здесь не только стремление поставить Перельмана рядом с собой, но и простодушная уверенность в том, что специалисту в области ракетного движения написать роман о космических полетах мешает только загруженность основной работой или иные внешние причины. А то бы он выдал такие образцы литературы, что куда там писателям!..

Уговорить Циолковского написать предисловие к роману Беляева было, видимо, непросто. Циолковский явно не собирался идти на поводу у тех, кто хотел стравить его с Перельманом.

Поэтому издательство отправило Циолковскому рукопись беляевского романа с иллюстрациями, а для сопровождения рукописи — редактора Григория Мишкевича. В Калуге Мишкевич провел неделю и нанес Циолковскому три или четыре визита. По его словам, Циолковский:

> «…внимательно прочел довольно объемистую рукопись и на полях карандашом сделал замечания. Так же внимательно просмотрел и рисунки… потом, уже на словах, посоветовал мне, как редактору книги, обратить особое внимание на описание тренажерских установок, предназначенных для того, чтобы приучить экипаж космического корабля к действию перегрузок и невесомости. Тут Циолковский, впрочем, добавил:
>
> — Правда, из письма Александра Романовича я узнал, что он советовался с профессором Рыниным. Этого для меня вполне достаточно. Так что будем считать мой совет придиркой».

А на прощание сказал Мишкевичу:

> «— Знайте, молодой человек, самый замечательный наш писатель-фантаст — это Беляев. Передайте ему мой привет»[339].

В известных нам письмах Беляева упоминаний о том, что при написании «Прыжка в ничто» он «советовался с профессором Рыниным», не имеется. Потому и сообщить об этом Мишкевичу Циолковский никак не мог. А вот о чем речь шла наверняка, так это о Перельмане… Иначе не объяснить достигнутый компромисс: Циолковский устраняет Перельмана из своего предисловия, а издательство снабжает титульный лист второго издания следующим подзаголовком:

«Предисловие заслуж. деятеля науки К. Э. Циолковского.
Послесловие проф. Н. А. Рынина.
Научная редакция Я. И. Перельмана».

Внесением фамилии Перельмана в список причастных к изданию «научная редакция», видимо, и ограничилась — во втором издании мы не найдем и намека на «главную заслугу» Циолковского, да и двигатель ракеты как был, так и остался атомным.

Но этому, несомненно, предшествовала жестокая подковерная борьба. И 14 февраля 1935 года Беляев обратился к Циолковскому с жалобой на издательский произвол:

> «Редактор почему-то хотел снять из предисловия Ваше упоминание о послесловии проф. Н. А. Рынина. Я указал, что в отдельной приписке Вы просили о Рынине непременно оставить и что поэтому без Вашего согласия я не могу допустить такого сокращения. — Мне, признаться, самому непонятно, почему во втором издании целиком снимается п[осле]редисловие Рынина. Объяснение редактора — „оно просто не нужно“ — не совсем удовлетворяет меня. Ведь читатель 2-го издания будет новый.
>
> Редакция дала рукопись 2-го издания на научную редакцию Я. И. Перельману. Это я тоже считал совершенно излишним после того, как роман просмотрен Вами и исправлен мною по Вашим указаниям. Кстати, об этих указаниях. Я хотел снять все об Эйнштейне, но редактор решил оставить — его теория-де не опровергнута и других взамен ее равноценных нет.
>
> Так всякий роман — и его судьба — являются равнодействующей нескольких сил…»[340]

Восстановить контуры драмы несложно: Перельман хочет выжить Рынина из книги и заменить его послесловие своим. Мало того, требует, чтобы и следа рынинского в книге не осталось, чтобы и из предисловия Циолковского всякое упоминание о Рынине изъяли! И издательство эти требования уже приняло!.. А Беляев упорствует, ссылается на «отдельную приписку» Циолковского (ту самую, к предисловию — «Прошу не выбрасывать о Рынине»!)…

И Рынина удалось отстоять! Конечно, не без урона — предисловие его заставили написать заново[341]. Наверное, чтобы

оправдать наличие «научного редактора»… Но это все равно победа, да к тому же — малой кровью.

* * *

Первые главы «Звезды Кэц» появились в ленинградском журнале «Вокруг света» в феврале 1936 года — через полгода после смерти Циолковского. И мир, описанный в романе, — это сплошной триумф его проектов. Не пропущено ни одного:

> «В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва — Ташкент.
>
> Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. <…>…пассажиры и пилоты помещаются влевом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник; <…>…самолет движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. <…>…мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и уселись на очень мягкие кресла.
>
> Самолет побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте, — быть может, за пределами тропосферы, — со скоростью тысяча километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.
>
> Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР»[342].

С самолета на поезд:

> «Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме и уже через минуту мчались на автомобиле к вокзалу сверхскорого реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент — Андижан по скорости не уступал стратоплану.
>
> Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колес. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они

придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

<…> За окнами ландшафт сливался в желтовато-серые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью».

И затем — «полчаса до отлета дирижабля», понятно — Циолковского:

«Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

<…> Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной кают-компании».

Из города Циолковского герои улетают на звезду Циолковского и там — смотрят кино:

«Равнина. Тракторы возделывают землю. Чернокожие трактористы сверкают белыми зубами в веселой улыбке. На горизонте многоэтажные дома, густая зелень садов. „Тропики прокормят миллионы людей… Идея Циолковского претворяется в жизнь…“

„Как, и здесь Циолковский? — удивляюсь я. — Сколько же идей успел он заготовить впрок будущему человечеству!“

И, словно в ответ на эту мысль, я увидел другие картины великой переделки Земли по идеям Циолковского.

Превращение в оазисы пустынь путем использования энергии Солнца; приспособление под жилье и оранжерейное „озеленение“ доселе неприступных гор; солнечные двигатели, машины, работающие силой приливов, отливов и морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент

солнечной энергии…»

Доискиваясь тайного смысла «Звезды Кэц», один из новейших критиков решил, что, поскольку роман «написан в форме записок главного героя», можно рассматривать его «в качестве ответа Е. И. Замятину», то есть как полемику с антисоветской замятинской антиутопией «Мы»[343]. Основания у этой гипотезы нет ни малейшего. «Звезда Кэц», конечно, полемична, но спорит Беляев не с Замятиным, а с привычным (в том числе и ему самому) шаблоном приключенческого романа. Прозрачное указание на это: заголовки глав, чья демонстративная авантюрность — «Встреча с чернобородым», «Я становлюсь сыщиком», «Неудавшаяся погоня»… — находится в резком контрасте с содержанием. Герой, скромный биолог, всецело увлечен замедлением созревания плодов, дабы обеспечить ритмичную работу консервных заводов, и готовится к командировке в Армению. А вот чего он органически не приемлет — это всякого рода приключений. И вдруг оказывается, что совсем рядом с его спокойным миром, буквально рукой подать, разместился мир иной — немыслимых скоростей и космических полетов. Но, в конце концов, выясняется, что ничего принципиально иного в том мире нет — та же научная работа, те же лаборатории, те же командировки — только и разницы, что не в Армению, а на Луну. Благополучно разрешаются и все прочие неурядицы — безответная любовь оказывается обоюдной, соперничество — мнимым, а злоба и неприязнь — психической болезнью, от которой лечат. Короче, обычный производственный роман, пришедший на смену прежней фантастике со всеми ее гениями, злодеями, тайнами и приключениями. До такой степени производственный, что даже совершенное героем великое открытие — жизнь на Луне (вспомним Николая Толстого и его очерк «Обитаема ли Луна?» — ответ положительный!) ни разу более в романе не упоминается… Не придумал, знать, герой, как превращать лунную флору в силос!

В чем разница между «Прыжком в ничто» и «Звездой Кэц»? В обоих произведениях взяты за основу идеи Циолковского (хотя бы в их техническом аспекте). Время действия — будущее. Но герои «Прыжка» живут в ожидании революции, а в «Звезде Кэц» даже слова такого — «революция» — никто не произносит. Отличия и в том, где происходят события до отбытия в космос: в «Прыжке» — это довольно неконкретный Запад, а герои «Звезды» ни разу не пересекают границы СССР (о том, что происходит в остальном земном мире, они узнают из киножурнала). В этом-то и суть: «Прыжок в ничто» относится к фантастике революционной

(мировая революция), а «Звезда Кэц» — к фантастике советской.

А теперь несколько слов о названии романа.

Первоначально Беляев намеревался (и 20 июля 1935 года известил об этом Циолковского) назвать роман «Вторая Луна». Но, видимо, вовремя спохватился: так назывался «астрономический роман» американского писателя Артура Трэна. Написанный в 1917 году роман этот (в оригинале: «The Moon maker») уже через пять лет был переведен на русский и опубликован в журнале «В мастерской природы», а в 1924 году вышел в Ленинграде отдельной книгой и с предисловием Перельмана.

Но и название «Звезда Кэц» (именно «Кэц», а не «КЭЦ», как принято в новейших изданиях) тоже могло быть подсказано, на что легко отыскать косвенное указание в самом романе: головокружительные космические приключения главного героя Артемьева начинаются со случайной встречи с чернобородым непоседой по фамилии Палей. Фамилия не из самых распространенных. Но именно ее носил неутомимый обозреватель научной фантастики, написавший, в частности, рецензию на «Прыжок в ничто» (довольно кислую), но в дальнейших статьях (их он написал не менее десятка) смирившийся с тем, что Беляев — один из главных советских фантастов. А кроме того, весьма молодой в ту пору (а век ему был отпущен неправдоподобно долгий — 103 года) Абрам Палей и сам сочинял фантастику, в частности, в 1930 году выпустил в Харькове повесть о космическом полете советских комсомольцев. Вместо Луны шальная ракета забрасывает экипаж на астероид Церера. Космические робинзоны отстраивают дом-коммуну, попутно переименовав Цереру в Ким — тогдашнее официальное название комсомола: Коммунистический интернационал молодежи. Повесть так и называлась: «Планета Ким».

Поэтому более чем вероятно, что идеей вынести в заглавие место небесного тела в астрономической номенклатуре (планета, звезда) и соединить его с именем-аббревиатурой Беляев обязан повести Палея: *«Планета Ким» — «Звезда Кэц»*.

Возможно, однако, что не все обстояло так просто.

Беляев был искренне увлечен личностью и идеями Циолковского, причем задолго до начала их переписки.

Еще в 1930 году Беляев публикует вдохновенный очерк «Гражданин Эфирного Острова», в котором называет Циолковского «космическим человеком», описывает многочисленные его изобретения и проекты переделки природы… А в 1935 году Циолковский прислал Беляеву свои брошюры, изданные им в Калуге на собственные средства и практически

никому не известные: «Цели звездоплавания», «Будущее Земли и человечества», «Растение будущего», «Монизм Вселенной»…

Сегодня привычное представление о Циолковском — материалисте, восторженно встретившем Октябрьскую революцию, сильно поколеблено. И первая встреча с пролетарской революцией чуть было не стоила ему жизни — в 1919 году Циолковского приняли за резидента деникинской разведки и арестовали. Через два дня, 19 ноября, доставили из Калуги в Москву, на Лубянку. Первый допрос состоялся лишь 29-го, а за это время сокамерники обучили старика, что говорить следователю. Поэтому Циолковский не стал рассказывать о своем истинном отношении к большевистской власти, а с порога заявил: «Сторонник Советской республики!» На все прочие вопросы отделался незнанием. И 1 декабря 1919 года следователь Ачкасов пришел к заключению:

> «…ввиду полной недоказанности виновности Циолковского, но твердо в душе скрывающего организацию СВР (Союз возрождения России. — *З. Б.-С.)* и подобные организации, предлагаю выслать гр-на Циолковского К. Э. в концентрационный лагерь сроком на 1 год без привлечения к принудительным работам ввиду его старости и слабого здоровья».

Слава богу, начальник Особого отдела Московской ЧК Е. Г. Евдокимов оказался умнее Ачкасова и поперек заключения наложил резолюцию красными чернилами:

> *«Освободить и дело прекратить. Е. Евдокимов. 1.12.19».*

И Циолковского освободили.

Но прав-то ведь оказался Ачкасов. Потому что не был Циолковский сторонником Советской республики! И забредшему к нему деникинскому разведчику признавался:

> «Теоретически я согласен с социалистическими идеалами, но на практике с большевиками расхожусь и в данное время не имею ничего против монархии — лишь бы миновали ужасы голодной и холодной жизни. Я ведь был членом Социалистической академии, но теперь вышел. Мне даже предлагали переехать в Москву, но я отказался. Проводимые аресты, конечно же, возмутительны…»

Когда же Циолковский стал потчевать гостя чаем, в дом ворвались чекисты, и выяснилось, что «деникинец» подослан ЧК… [344]

А в 1940 году доброго следователя Емельянова расстреляли. Но жалеть его не надо — отпустив Циолковского, он еще многих успел отправить на тот свет… Одно липовое Шахтинское дело чего стоит!

Материализм Циолковского тоже вызывает множество вопросов — толковал Евангелие от Иоанна, верил, что Вселенная управляется Высшим Разумом… С учетом этого и идея космических полетов предстает совсем в ином свете — выход в Космос означает превращение человека в Бога[345].

Для Беляева — выпускника духовной семинарии по первому разряду — разобраться в истинных устремлениях Циолковского труда бы не составило.

А тогда и Кэц — это не просто название небесного тела, составленное из первых букв имени прославленного ученого. Это и слово, причем слово библейское.

Дело в том, что по-древнееврейски (а Беляева этому учили) קץ (кэц) означает «конец», причем не просто «конец», но такой, за которым уже ничего не следует: קץ הימים (кэц ha-ямим) — буквально: «конец дней», а на самом деле, «конец времени», и קץ העולם(кэц ha-олам) — «конец света», короче — Апокалипсис. И значит «Звезда Кэц» — это не что иное, как Звезда-Полынь. Восход ее предвещает конец этого мира и приход мира нового, того, где человек сбросил с себя иго земного тяготения и стал Человеком космическим.

Сказанное может, конечно, показаться натяжкой. Но вот глава, повествующая о том, как главный герой Артемьев, он же рассказчик, проходит предполетную санобработку. Герой очистился от микробов и:

> «…по привычке протянул руку доктору, но он быстро спрятал руки за спину.
>
> — Не забывайте, что вы уже дезинфицированы. Не прикасайтесь больше *ни к чему земному.*
>
> Увы, *я отрешен от земли».*

Несколько шагов по трапу, и герой оказывается:

> «…в узкой камере, освещенной электрической лампой. Камера была похожа на кабину маленького лифта.
>
> Дверь крепко захлопнулась. „Как *крышка гроба*“, — подумал я».

Глава же носит название «Чистилище». В кавычках. То есть ирония. Равно как и просьба доктора к отлетающим:

«Передайте мой привет *небожителям*».

Шутки шутками, но слова выбраны самые точные: отрешение от всего земного, гроб, чистилище и встреча с небожителями, то есть смерть и прибытие в Царство Небесное. То самое царство, какое наступит на земле сразу после конца света и Страшного суда[346].

Заканчивается роман словами:

«…Мой сын поет „Марш Звезды Кэц“».

Именно так — солист хора мальчиков исполняет хорал, возносит благодарственную молитву.

* * *

…К теме жизни и творчества Циолковского за четверть века — с 1916-го по 1940-й — Беляев обращался неоднократно[347]. Но самое главное — книга света так и не увидела.

Все, что мы о ней знаем, — это краткое упоминание в беляевских письмах 1941 года Борису Никитичу Воробьеву. В 1940 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла написанная Воробьевым биография Циолковского, и 25 апреля 1941 года Беляев сообщает:

«Мною самим была написана биография К. Э. для издательства „Молодая гвардия“. По ряду причин биография не была напечатана (едва ли не главная заключалась в том, что некоторые эпизоды редактору показались неприемлемыми). Этот материал едва ли уже используют. Для Вас, быть может, он и представит некоторый интерес. Если хотите, я пришлю рукопись»[348].

Адресат, судя по всему, интереса не выказал, и рукопись пропала.

3 мая 1941 года разговор идет уже о книге Воробьева:

> «На меня книга произвела очень хорошее впечатление и углубила мое понимание К. Э., хотя я о нем знаю много, пожалуй, побольше других биографов. Я сам замышлял биографию К. Э. именно в этом плане, но у меня не хватало того материала, который великолепно знаете Вы. И потому мне иногда приходилось прибегать к догадкам и интуиции, а это не всегда надежный материал»[349].

Скучнейшее сочинение Воробьева едва ли заслуживало высокой оценки писателя. Не могла пройти мимо внимания Беляева и еще одна характерная черта книги — неискренность. Будучи председателем Комиссии по изучению научного наследия Циолковского, Воробьев был прекрасно осведомлен об истинных взглядах калужского затворника на природу, Бога и мироздание. А Воробьев превратил жизнь Циолковского в советский лубок: несгибаемый атеист, жертва царизма, без колебаний вставший на сторону советской власти, не устающий благодарить советское правительство и лично товарища Сталина за внимание и заботу…

Могли Беляев замышлять такую биографию Циолковского? Трудно поверить, и прежде всего потому, что подобное сочинительство мучительно и неинтересно…

Что же увлекло Беляева в личности Циолковского? Куда вела Беляева интуиция, какие догадки он строил? 17 июня 1941 года в письме все тому же Воробьеву он роняет несколько слов:

> «Константин Эдуардович Циолковский обжился в небе, как едва ли кто»[350].

И эта фраза позволяет догадаться, какой ключ к жизни и творчеству Циолковского отыскал Беляев. И тогда мы понимаем, что если не книга, то первый набросок ее до нас дошел — это очерк 1930 года.

> «Гражданин Эфирного Острова
>
> Константин Эдуардович Циолковский космический человек. Гражданин Эфирного Острова.
>
> Вы не знаете, что такое Эфирный Остров?
>
> — Наше солнце освещает более тысячи планет. В Млечном Пути не менее миллиарда таких солнечных систем. В Эфирном Острове находят около миллиона таких млечных путей. Дальше этого астрономия пока не идет! Вот что такое Эфирный Остров.
>
> Математик, физик, астроном, механик, биолог, социолог, изобретатель, „патриарх звездоплавания“, Циолковский мыслит астрономическими цифрами, считает миллионами, миллиардами, биллионами. Бесконечность не устрашает его. Он обращает свой взгляд к прошлому нашей солнечной системы и спокойно говорит, как о возрасте своих собственных детей: „На рождение всех планет понадобилось тридцать один биллион лет. Земля отделилась от Солнца два биллиона лет тому назад, а наша Луна рождена Землей менее миллиарда лет назад“. Совсем новорожденная

крошка! Что значит миллиард, если Циолковский иногда имеет дело с такими цифрами, для которых, по его собственным словам, „чтобы их написать, не хватило бы всей вселенной“!

Один перечень изданных трудов К. Э. Циолковского занимает двадцать четыре печатные страницы.

„Мне было лет восемь-девять, когда моя мать показала нам, детям, аэростат из коллодиума. Он был крохотный, надувался водородом и занимал меня тогда как игрушка“. Об этом детском воздушном шарике Циолковский вспоминает, потому что шарик дал первый толчок направлению мыслей будущего изобретателя дирижабля.

Четырнадцати лет, получив некоторые представления об аэростате из физики, он мастерит бумажный аэростат и надувает его водородом, а пятнадцати-шестнадцати лет делает подсчеты, каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься с людьми, „будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. С тех пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу“. На подсчеты ушли годы.

Будучи учителем, Циолковский вставал до зари, чтобы успеть заняться своими вычислениями. Под „фантазию“ был подведен прочный фундамент из тысячи формул.

И ровно тридцать лет назад молодой изобретатель делает доклад в Москве, в бывшем императорском Техническом обществе „О построении металлического аэростата“.

Ученый синклит дал кислый отзыв: оно, конечно, металлический аэростат построить можно, но только строить его ни к чему, так как всякий „аэростат обречен навеки, силою вещей, остаться игрушкою ветров“.

Современная техника опровергла эти старческие тревоги. Но современные дирижабли, как известно, все еще имеют мягкую оболочку и сложный, дорогостоящий каркас. К идее Циолковского о дирижабле из волнистой стали только теперь подходит воздухоплавание.

Работая над проектом дирижабля, Циолковский думал уже о полетах к звездам. На Земле ему становилось тесно. Скромный калужанин вырастал в гражданина Эфирного Острова.

Труды Циолковского в области „звездоплавания“

считаются теперь классическими. Он первый дал все расчеты для устройства ракетного снаряда, при помощи которого можно покинуть пределы атмосферы. Работа над „реактивными приборами“, действующими при помощи отдачи, создала Циолковскому мировое имя. Устройство реактивных приборов затрудняется тем, что „ракета“ должна иметь очень большой запас горючего — по крайней мере в четыре раза превосходящий вес самой ракеты, чтобы набрать скорость не менее 8 километров в секунду, необходимую для космического полета. Гениальный старик решил выйти из положения при помощи „ракетных поездов“.

Под ракетным поездом он подразумевает соединение нескольких одинаковых реактивных приборов, двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, затем в пустоте, вне атмосферы, наконец где-нибудь между планетами и Солнцем.

Дело представляется так. Несколько ракет — скажем, пять — соединяются, как вагоны поезда, — одна за другой. При отправлении первая головная ракета играет как бы роль паровоза; она, взрывая горючее, везет за собой поезд, набирая все большую и большую скорость. Когда у этого „паровоза“ запас горючего начинает истощаться, головная ракета на лету отцепляется от поезда и возвращается на Землю. Вторая ракета становится головною и везет поезд, пока и она не истощит свой запас горючего. Так происходит с каждой ракетой, кроме последней, предназначенной для межпланетного полета. Когда предпоследняя ракета отчалит и снизится на Землю, у последней уже будет необходимая скорость для полета в межпланетном пространстве. Причем она не истратит на преодоление земной тяжести и на приобретение необходимой скорости ни одного грамма из своего горючего. А свои запасы горючего последняя ракета может расходовать уже на „небе“ для необходимого маневрирования или спуска (торможения).

Представим себе, что полет совершился. Мы улетели „к звездам“. Что найдем мы там и зачем нам лететь туда? На эти вопросы Циолковский отвечает в своих брошюрах „Цели звездоплавания“ и „Исследование мировых пространств реактивными приборами“.

Здесь, не переставая быть строгим ученым, Циолковский становится „фантастом“, далеко оставляя

позади себя по смелости и широте своих космических „грез“ таких фантастов, как Жюль Верн и Уэллс.

„Но позвольте, — скажет читатель, — как же там жить, не возвращаясь на Землю? А воздух? А пища? А всепожирающие лучи Солнца? Ужаснейший холод мировых пространств?“

Все обдумано, предусмотрено. Ведь Циолковский первоклассный физик и математик, а не легкомысленный человек. Его фантазия выезжает в путь только на стальном коньке математических формул. Он уже приготовил для будущего человечества вполне удобную и вместительную жилплощадь среди лагун Эфирного Острова. Слушайте.

Небесный дом-коммуна будет представлять собой огромный цилиндр, сделанный из металла и стекла и разделенный перегородками на отдельные камеры. Если в одной из камер произошла утечка кислорода в пустоту, жильцы могут переселиться в соседнюю, пока в первой исправят повреждения. Треть цилиндра, обращенная к Солнцу, застеклена обыкновенным стеклом, задерживающим убийственные для организма ультрафиолетовые лучи Солнца. По мере необходимости, пуская через окна солнечный свет внутрь цилиндра, можно достигнуть любой температуры „дома“ — от 250 градусов холода до 200 тепла. Так в жилых ячейках мы сможем установить равномерную температуру. Наши небесные комнаты залиты светом. В них чистейший воздух, без всяких бактерий. Ведь мы можем выходить в соседнее помещение, а в своем поднимать температуру выше точки кипения и таким образом стерилизовать воздух. Он может, кроме того, очищаться и восполняться кислородом при помощи растений. Для этого в цилиндре будут культивироваться растения, которые без остатка поглотят углекислоту и выделят необходимый для дыхания человека кислород. Влага, выделяемая в воздух растениями и людьми, будет собираться в особые сосуды. Невесомость наших тел и всех вещей сделают ненужными мебель и вещи. Человек будет чувствовать необычайную легкость. Правда, отсутствие тяжести может создать и неудобства. Человек может беспомощно болтаться в пустоте посредине помещения, если ему не от чего оттолкнуться, вещи будут блуждать по комнате, земля плантаций может также рассеяться и загрязнить воздух. Но довольно будет

использовать центробежную силу, чтобы все тела вновь обрели некоторую тяжесть. А сделать это легко. Представьте себе два шара или цилиндра, связанные и приведенные во вращательное движение. Так могут вращаться в пустоте целые „жилкоопы“ или же отдельные части и предметы внутри зданий. И тогда все придет в норму. Любители твердой почвы почувствуют ее под ногами, явятся верх и низ, вещи приобретут некоторую тяжесть.

В особых костюмах, похожих на водолазные, со скафандром на голове и запасом кислорода люди смогут выходить наружу, в безвоздушное пространство. Но нужно иметь на всякий случай маленькие „карманные“ ракетные двигатели.

Отсутствие тяжести, отсутствие „верха“ и „низа“ дадут возможность небесным переселенцам развить необычайно грандиозное строительство и индустрию. Из самого легкого материала там можно построить „небоскреб“ длиною в несколько километров, можно перекинуть „мостики“ из тонкой проволоки через бездну, соединив ею отдельные дома, и по этой проволоке перевозить тяжести в сотни тысяч тонн земного веса.

Когда же „людям неба“ покажется тесно вокруг нашего старого Солнца или же когда они заметят, что Солнце начинает греть слабее, они отправятся на своих воздушных домах-кораблях в далекие странствия, к иным солнцам нашей галактической системы.

Постепенно люди и растения, живущие на небесах, приспособляясь к новым условиям, изменят свой внешний вид, свой организм. И, быть может, через тысячелетия люди превратятся совершенно в иные существа.

Однако не пора ли нам спуститься на Землю? Без привычки к этим высотам мысли может закружиться голова…

Итак, человечеству нечего бояться перенаселения Земли. Места хватит на небесах.

Но свободного места более чем достаточно и на Земле, надо только уметь использовать ее. Люди должны, как говорится теперь, „освоить“ до конца Землю.

„В настоящее время Земля есть пустыня, — говорит Циолковский. — На человека приходится 52 гектара суши и воды. Одной суши 13 гектаров. Из них не менее 4

приходится на райский климат без зимы с чудесною плодородною почвой. Тут не нужно ни обуви, ни одежды, ни дорогих жилищ, ни труда для пропитания… Засаженной бананами, корнеплодами, хлебными деревьями, кокосовыми и финиковыми пальмами или другими растениями какой-нибудь сотни квадратных метров (ар) хватит для сытой жизни одного человека. И вот почему я называю Землю пустынной: дают 400 аров плодородной тропической почвы на человека, а ему много и одного ара (основание квадратного двенадцатиметрового дома). Как же Земля не пустынна, если почвы на ней в 400 раз больше, чем нужно?“

Мертвые пустыни Циолковский превращает в плодороднейшие местности. В пустынях будут дома-оранжереи. Крыши этих жилищ будут покрыты слоем черного железа. Ночью, которая в пустыне бывает прозрачною, безоблачной, железо сильно охлаждается и покрывается каплями росы, извлекаемой из воздуха. Вода стекает по желобам в особые хранилища. Этой воды будет вполне достаточно для орошения не только „оранжерейной“ растительности, но и деревьев на открытом воздухе. Днем черный слой на крыше механически поворачивается нижней, блестящей стороной, отражающей лучи солнечного света, которые поэтому почти не нагревают воздух, и рассеиваются в небесном пространстве. „Так можно понизить среднюю температуру места и вызвать дождь“.

Океаны тоже должны быть укрощены и подчинены воле человека. По подсчетам Циолковского, „покорение“ океанов начнется только тогда, когда население Земли возрастет до 400 миллиардов человек.

Борьба с водной стихией сопряжена с большими трудностями. Наступление начнется с берега, в сторону океана. На известном расстоянии от берега строится нечто вроде плота во всю длину береговой линии. Границы этого плота, обращенные к волнам, имеют машины-двигатели, которые используют волнение океана для добывания энергии и укрощают волны. Фронт строится в виде очень прочного плота, а промежуток между этим плотом и берегом покрывается более легким плотом. Так постепенно покроется плотами вся поверхность… „Обилие влаги, ровная, желаемая температура, горизонтальная местность, дешевизна транспорта — все это большие преимущества

сравнительно с сушей“. Испаряемость уменьшится, уменьшится и облачность. Средняя температура Земли вследствие этого повысится (большее количество солнечных лучей будет достигать Земли). Не только умеренные, но и полярные страны будут иметь сносную температуру. Земледелие будет процветать на плотах. Население Земли увеличится до 5 биллионов.

Вот Циолковский предлагает проект оригинального бесфюзеляжного аэроплана, который должен явиться как бы переходом к космическому реактивному кораблю. Это даже не один, а десяток или два десятка аэропланов, соединенных особенным образом. Каждый из этих летательных снарядов напоминает собою веретено, сделанное из металла. Внутри — воздух или кислород. „Веретена“ смыкаются боками и образуют как бы волнистую квадратную пластинку площадью не менее 400 квадратных метров. Воздушные винты помещены спереди и сзади каждого „веретена“. При взлете аэроплан ставится на особые поплавки, которые затем сбрасываются, чтобы не висеть мертвым грузом. Спускаться можно непосредственно на воду. Такая система отличается прочностью, безопасностью, большой грузоподъемностью, дешевизной и многими другими летными и экономическими достоинствами.

Интересен и проект земного сверхскоростного поезда. Земным его можно назвать только относительно, так как этот поезд будет двигаться не по земле, а по воздуху: между полом поезда и землей будет находиться слой воздуха. Слой этот будет небольшой, поезд будет висеть „над землей“ всего на несколько миллиметров, но этого слоя достаточно, чтобы свести трение почти к нулю. Такому поезду не нужно будет колес и смазки. Он сможет идти с огромной скоростью. На нем можно будет в полчаса доехать из Москвы до Ленинграда, за десять часов — от полюса до экватора и менее двух суток, чтобы объехать по меридиану вокруг Земли. Каким черепашьим шагом, по сравнению с этим, двигался вокруг света жюльверновский герой! С разбега по инерции поезд будет преодолевать все наклоны, взбираться без всякого усилия на горы и даже… перескакивать через реки, пропасти и горы любых размеров. Долой тоннели!

Циолковский, по-видимому, глядя на солнечные лучи, думает: „Какая бесцельная трата энергии!“ Самая

малая былинка занимает и волнует Циолковского. Зерновые хлеба используют только одну шеститысячную долю солнечной энергии. Как возмутительно мало! Солнце должно давать при идеальном использовании его энергии 625 килограммов в год на 1 квадратный метр. А мы получаем с квадратного метра 0,1 килограмма. В 6250 раз менее того, что можно получить! Надо приняться за растения и за солнечный свет! Надо вырастить такие сорта растений, которые использовали бы солнечную энергию возможно больше. Ведь банан ее использует в 100 раз больше, чем зерновые хлеба. Почему же не вырастить такой „сверхбанан“, который явился бы еще лучшим „аккумулятором“ солнечной энергии? И Циолковский намечает план. Надо путем отбора и скрещивания выработать растения, которые способны будут максимально использовать солнечную энергию. Надо позаботиться о том, чтобы солнечная энергия не поглощалась облаками и полупрозрачной атмосферой. Надо устранить вредное перегревание плодов и излишнюю испаряемость, овладеть почвой, температурой, погодой, уничтожить вредителей, сорные травы, пыль. Наконец изменить самый химический состав лучей. На все это имеются у Циолковского подробные указания и расчеты. „Если бы утилизировать хоть 20 % солнечной энергии, то и тогда Земля могла бы прокормить население в 100 тысяч раз больше теперешнего“.

Поистине, у гиганта мысли Циолковского есть чему поучиться…»

Вот это человек — ему не то что страны, целой планеты мало! Ему Солнечная система тесна… Эфирное создание, безразличное к звериной борьбе классов за передел жалких земных благ — нет ни бедных, ни богатых, а есть единое безмерно богатое человечество! И над всем сияющим миром одно только имя — Циолковский! Словно нет и не было других гениев всех времен и народов… И о советской власти ни слова… А что о ней говорить — она такое же безотрадное настоящее, жить в котором недостойно человека[351].

Ну, ладно, о Сталине, Ленине, советской власти Беляев только промолчал. Но ведь были в книге еще и «некоторые эпизоды», которые редактор счел «неприемлемыми»… О их содержании можно теперь лишь строить догадки, опираясь на интуицию.

Итак, социального заказа издательства Беляев не выполнил. Зато Воробьевым и объяснять ничего не надо. Им только намекни, и сразу станет Циолковский истинно советским человеком, чья жизнь началась в 1917 году.

А до того вся была унижение и прозябание.

* * *

Чем больше внимания уделяется сегодня философско-религиозным воззрениям Циолковского, тем настойчивее становятся попытки умалить его, как ученого, даже в том, что совсем недавно считалось безусловным его достижением…

$$v_k = u \ln\left(1 + \frac{m}{M_p}\right),$$

где v_k — наибольшая (конечная) скорость ракеты; u — относительная скорость истечения продуктов сгорания из сопла ракетного двигателя; m — начальная масса топлива; M_P — масса ракеты без топлива.

Эту формулу определения скорости ракеты Циолковский вывел 10 мая 1897 года, а три десятка лет спустя ее стали называть формулой Циолковского.

Но вот мнение современного специалиста:

«Мистический туман вокруг „формулы Циолковского“, созданный журналистами и другими лицами, не слишком сведущими в математике, по сути, безоснователен. Формула, описывающая разгон ракеты в зависимости от количества израсходованного топлива и полученная Циолковским, настолько элементарна, что ее без труда способен вывести любой человек, знакомый с азами высшей математики. Этим, в частности, объясняется и то, что все пионеры космонавтики (Годдард, Оберт, Эсно-Пельтри, Цандер, Кондратюк) легко получали ее независимо друг от друга и от Циолковского. Более того… получение формулы Циолковского было рутинной задачей, предлагавшейся студентам Кембриджского университета — она входила в учебник [„Учебник динамики частицы с многочисленными примерами“, — *З. Б.-С.],* изданный впервые в 1856 году (последнее издание 1900

года). Поэтому можно смело утверждать, что сотни, тысячи студентов в течение более 40 лет выводили „формулу Циолковского“ задолго до него»[352].

Кем же он был, Циолковский? Ученым? Философом? Или самонадеянным изобретателем нелетающих железных дирижаблей и бесколесных поездов, мировоззрение которого — беспорядочная мешанина расхожих околонаучных и мистических банальностей?

Быть может, ни тем ни другим… Циолковский был пророк — пророк *научной религии*, сумевший сотни миллионов людей обратить в свою веру — веру в то, что выход человека в космос не только возможен, но неизбежен.

Глава двадцать третья
СТРАХ

Беляев не был избалован вниманием критиков: за 16 лет жизни в качестве писателя-фантаста, выпустив 18 книг, он удостоился лишь пятидесяти пяти упоминаний в печати — в два раза меньше, чем за 14 лет взрослой дореволюционной жизни в Смоленске.

И вдруг — в феврале 1938-го — статья в центральной газете. И не просто с упоминанием имени — мол, есть и такой писатель, а вся, от начала до конца, Беляеву посвященная! Не «Правда», конечно, но — главная по писателям: «Литературная газета». А через полтора месяца — вторая статья. И в обеих — жалобы. Не на Беляева, про него только хорошее. Нет, жалуются в двух этих статьях на равнодушие к Беляеву. А первая статья заканчивается так, что просто мороз по коже: «Мы обвиняем».

Вышла она 10 февраля и озаглавлена так: *«Писатель остался один».*

Принадлежала перу постоянного автора «Литературки» Г. Кремнева (псевдоним Георгия Моисеевича Трахтмана). А вот и сама статья:

> **«Писатель остался один**
>
> В нашей литературе научная фантастика является дефицитным жанром, а А. Р. Беляев — единственный писатель, все свое творчество посвятивший научно-фантастической тематике. Великий ученый Циолковский писал в одном из своих писем к писателю…»
>
> Далее цитируется соответствующее письмо (по поводу романа «Прыжок в ничто») и задается закономерный вопрос:
>
> «Почему же в книжных магазинах так давно нет новых произведений Беляева, почему его старые романы можно увидеть только у букинистов? Мы пытались навести об этом справку в ленинградском отделении союза советских писателей. Но там недоуменно спросили:
>
> — Беляев?
>
> В канцелярии союза имеется длинный-предлинный список членов ленинградской организации союза. Там, под номером 5, значится писатель Александр Романович Беляев. Время от времени упомянутому в списке

А. Р. Беляеву из канцелярии союза посылаются отпечатанные на папиросной бумаге извещения и повестки.

А писатель Беляев все не ходил.

Никто не знал, что А. Р. Беляев, которому союз настойчиво предлагал явиться на собрания, в течение трех лет прикован тяжелым недугом к постели. Три года, как писатель оторван от творческой среды. И как ни мучительна была болезнь Александра Романовича, но еще мучительнее было ему получать из союза писателей клочья папиросной бумаги, символизировавшие канцелярское равнодушие к его судьбе.

Честь и хвала врачам Литфонда! Они немало облегчили Беляеву физические страдания.

Лечебный отдел Литфонда оказался на высоте. А вот к литератору Беляеву не заглянул ни один литератор, в „литературном мире“ забыли о Беляеве, обрекли на трехлетнее творческое одиночество.

А. Р. Беляев даже в самые тяжелые периоды болезни не прекращал свой творческий труд. За время болезни им были написаны „Звезда Еетц *(так!)“,* „Небесный гость“, „Рогатый мамонт“ и др. В „Смене“ (ленинградская комсомольская газета. — *З. Б.-С.)* был напечатан его роман „Голова профессора Доуэля“. Беляев работает и сейчас много и плодотворно. Он задумал повесть о достижениях астрономии и роман о будущем советской медицины. Но ему трудно работать. И не только потому, что он не может приподняться с постели, но — главным образом — из-за отсутствия элементарной творческой помощи.

— Недавно, — рассказывал нам писатель, — я допустил географическую ошибку, — неправильно указал расстояние между двумя географическими точками. Читатели указали мне на это. Не мог же я рассказать им, что у меня не было дома необходимого справочника, а память в таких случаях легко может подвести.

А. Р. Беляев вынужден сейчас работать, только полагаясь на свою память. Он не может рассчитывать — без содействия союза — на научные труды, хранящиеся в специальных библиотеках и ученых учреждениях, на всевозможные справочники, на необходимые пособия. Даже библиотека Дома писателя не могла обеспечить Беляева подбором нужной для его работы литературы и

библиографией.

Конечно, если бы Беляев мог ходить, настаивать, разъяснять огромное значение научно-фантастического жанра в нашей литературе, может быть, ему удалось бы пробить стену косности и незаинтересованности издателей. То, что оказалось не под силу прикованному к постели Беляеву, обязана была сделать литературная организация, кровно заинтересованная в развитии всех жанров советской литературы.

Но нет ничего удивительного в том, что, забыв о судьбе писателя, союз оказался равнодушным и к судьбе его книг.

Когда группа детских авторов, узнавшая на днях о тяжелом материальном положении Беляева, рассказала об этом правлению союза, раздались возмущенные голоса:

— Разве Беляев не был обеспечен медицинской помощью, разве к нему не ездили доктора?

— Ездили! — тут же дал показания представитель Литфонда.

— Кто же обвинит нас в равнодушии?! — облегченно вздохнули члены правления.

И все же — мы обвиняем»[353].

Вторая статья — уже не статья, а открытое письмо. Содержание его практически исчерпывается заглавием и подзаголовком:

«Писатель, популяризирующий науку.
Почему не издаются книги А. Р. Беляева?»

А вот и смысл обращения:

«Настоящим мы хотели бы напомнить, что все произведения Беляева давно разошлись и стали библиографической редкостью на книжном рынке. Необходимо было бы удовлетворить запросы читателя и переиздать хотя бы некоторые из его романов. Очень желательно было бы также видеть главнейшие произведения Беляева на киноэкране, что еще шире популяризовало бы научные знания»[354].

И пять подписей: два профессора — Б. Вейнберг и С. Натансон, один астроном — М. Эйгенсон, два научных сотрудника — В. Стеблин и В. Чугров.

Грустная картина складывается: лежит в Ленинграде, в писательском доме прикованный к постели замечательный

писатель, которого так любят молодежь и научные сотрудники. Лежит всеми забытый, беспомощный, книг его не издают…

Переведем дыхание — неужели все так безотрадно?

Действительно, за весь предыдущий 1937 год у Беляева не вышло ни одной книги. Зато — вышли два романа. При этом один — «Голова профессора Доуэля» — дважды: в газете «Смена» (февраль — март), а с июня по декабрь в журнале «Вокруг света». Второй роман — «Небесный гость» — с декабря печатается в пионерской газете «Ленинские искры». И публикация продлится до июля 1938 года. А в 1938-м из печати выйдут и книги. Сразу три: «Голова профессора Доуэля» в издательстве «Советский писатель», переиздание «Прыжка в ничто» — в Хабаровске, а в ленинградском Детиздате «Человек-амфибия»… И сверх того — еще два романа в журналах: ленинградский «Вокруг света» напечатает «Лабораторию Дубльвэ», а московский «В бой за технику!» — «Под небом Арктики»…

А если в свет три книги вышли в 1938 году, то к печати их готовили уже в 1937-м. И договоры с автором издательства подписали тогда же. Значит, обращение беспокойных ученых — в середине апреля 1938-го! — было совершенно излишним?!

Как раз в это время писательская судьба Беляева складывалась не то чтобы благополучно, а просто на зависть удачно. Поэтому, прочитав у Г. Кремнева: «Когда группа детских авторов, узнавшая на днях о тяжелом материальном положении Беляева, рассказала об этом правлению союза, раздались возмущенные голоса…», хочется присоединить к этому хору и свой голос: «А куда он потратил гонорары за пять романов? В шашки проиграл?..»

А тогда — в чем претензия? Посылают приглашения по почте? Ну, хорошо, а если с курьером? Беляев — что, вскочит с постели и прибежит на собрание?

Никто из чиновников не знает, что Беляев болен? А отчеты литфондовской поликлиники, из коих явствует, что медицинское обслуживание Беляева влетает Литфонду в копеечку? Это ж не протокол посиделки, куда десять писателей пришли, а трое не доехали — по своим причинам (не партсобрание ведь — дело добровольное)… Отчеты Литфонда — финансовый документ, каждый год проходят ревизию… Значит, за те три года, что Беляев болеет (с марта 1935-го)[355], — три ревизии прошло…

Не обязали писателей посещать лежачего больного и беседовать с ним о творческих планах? А если ему с этими назначенцами разговаривать неохота? Может, он с другими писателями дружбу водит, и те ходят к нему не по разнарядке, а по собственной воле?

Или вот — о библиотеках… Самому Беляеву добраться до них, конечно, не под силу. Но ведь он член Союза советских писателей, а значит, имеет полное законное право нанять себе литературного секретаря — финансы позволяют! И этот секретарь куда надо съездит и нужную выписку из нужной книги (или справочника) привезет.

Да и секретаря никакого не нужно — жена на что?! Она, кроме как по дому, нигде не работает. А присмотреть пару часов за Беляевым и дочку забрать из школы — такое можно и теще поручить. Зря она, что ли, с ними в одной квартире живет…

Ерунда какая-то!..

Или мы уже чего-то не понимаем?.. Вчитаемся еще раз — что встает перед нами с газетной полосы?

> «В течение трех лет прикован тяжелым недугом к постели»… «не может приподняться с постели»… «физические страдания»…

Страдалец!

> «Как ни мучительна была болезнь Александра Романовича, но еще мучительнее было ему»…

Мученик!

> «Даже в самые тяжелые периоды болезни не прекращал свой творческий труд. За время болезни им были написаны»… «работает и сейчас много и плодотворно»…

Труженик!

А теперь сложим все это в один образ… Что он нам должен напомнить, живи мы в 1938 году?

Правильно, — Николай Островский! Только — Островский от фантастики и всеми брошенный!

«Забыли о Беляеве»… «обрекли на трехлетнее творческое одиночество»… «Три года, как писатель оторван от творческой среды»… «ему трудно работать… из-за отсутствия элементарной творческой помощи»…

Ужас! Ведь случись такое с Островским, — и вовек бы нам не узнать, как закалялась сталь!

А поскольку мы убедились, что все прочие претензии — на неиздание книг, на прискорбное материальное положение, на недоступность библиотек — доверия не заслуживают, остается в итоге лишь эта одна — главная жалоба. И исходит она из уст

самого Беляева (Г. Кремнев ссылается на свой разговор с писателем).

Но если Беляев не имел в виду «творческую помощь» типа той, что оказывали Островскому — то есть переписывали его сочинения, а, как говорят злые языки, то и сочиняли за него, — чего же он тогда добивался?

В архиве обнаружилось одно из писем Беляева:

> «Уважаемый Григорий Евгеньевич.
>
> За 13 лет работы в области научной фантастики у меня накопился большой материал, на добрых 12 томов. Некоторые из ранних моих произведений, как, например, „Человек Амфибия“ *(так!),* „Голова профессора Доуэля“ и др., давно исчезли с книжного рынка и „зачитаны“ в библиотеках. Юные читатели, как мне известно, усиленно разыскивают эти книги, звонят мне по телефону и пишут письма с вопросами, почему не переиздаются эти книги, где их достать и т. п. На рынках растрепанные экземпляры продаются случайно до 40 руб. („Властелин мира“). Вместе с тем, еще не вышли отдельными книгами некоторые мои романы и рассказы, печатавшиеся в журналах и получившие одобрение в письмах читателей. (Мой роман „Воздушный корабль“ — о безмоторном воздушном транспорте *[„который движется“. — З. Б-С.],* пользуясь постоянными воздушными течениями на высоте, — получил хороший отзыв, как оригинальный по идее и научно-обоснованный, — от покойного К. Э. Циолковского.)
>
> Не найдете ли Вы возможным, отвечая настоятельным требованиям юного читателя, издать и переиздать в 1937 году ряд моих произведений. (Мне говорил в свое время С. Я. Маршак, что в письмах детей на имя А. М. Горького о том, какие писатели и произведения им больше нравятся, мое имя и наиболее популярные мои произведения встречались в огромном количестве этих писем.)
>
> Если Вы принципиально согласны на мое предложение, я мог бы представить Вам или тов. Лебедеву конкретный план.
>
> *С тов. приветом А. Беляев»*[356].

И далее, на четырех листах, краткие аннотации предлагаемых к изданию произведений: пять романов («Звезда Кэц», «Чудесный глаз», «Воздушный корабль», «Подводные земледельцы»,

«Человек-амфибия») и сборник повестей и рассказов «Человек, который не спит». Все перечисленные произведения (за исключением «Человека-амфибии») ранее публиковались лишь в журналах или по-украински, и, как честно предупреждал Беляев, для нового издания (опять же за исключением «Человека-амфибии») потребуют некоторой доработки. Срок такой доработки (вместе с перепечаткой на машинке) — не более одного-двух месяцев на каждое произведение.

Даты на письме нет, но, поскольку Беляев просит издать предлагаемые книги в 1937 году, ясно, что отослано оно было не позднее начала того же года (к такому же выводу приводит и замечание Беляева, что в области научной фантастики он работает 13 лет, то есть к двенадцати полным годам — 1925–1936 — прибавляет еще один — текущий, 1937-й)…[357]

Находится письмо в архивном фонде издательства «Детская литература» (в 1930-е годы — Детиздат). Адресат — Григорий Евгеньевич. Кто таков? Можно предположить, что Беляев ошибся в отчестве — «Евгеньевич»… И тогда все становится на свои места — Григорий Иосифович Мишкевич, редактор Детиздата и старый знакомый Беляева. Тот, который, служа в издательстве «Молодая гвардия», редактировал «Прыжок в ничто», в 1935 году возил рукопись в Калугу на консультацию с Циолковским, а годом раньше — 1 августа 1934-го — вместе с директором «Молодой гвардии» М. Ю. Гальпериным присутствовал (в качестве стенографистки) на встрече с Гербертом Уэллсом в гостинице «Астория». Кроме «молодогвардейцев», ленинградскую сторону представляли Б. П. Вейнберг, Я. И. Перельман, Н. А. Рынин и один писатель — Александр Беляев[358].

Понятно поэтому, отчего Беляев ошибся в отчестве Мишкевича — в момент первой их встречи тому было не больше двадцати шести лет, и обращались к нему наверняка просто по имени — Гриша…

Из всего предложенного Беляевым Детиздат напечатал только две книги: в 1938 году «Человека-амфибию» (основательно, вопреки намерениям Беляева, переделанную) и в 1940-м «Звезду Кэц».

Ну, две — так две…

Но в 1937 году в ленинградском Детиздате произошло и много других событий.

Весной была лишена поста заместителя ответственного редактора издававшегося Детиздатом журнала «Костер» Тамара Григорьевна Габбе.

А затем был арестован один из редакторов издательства — Кирилл Борисович Шавров.

Арестовали и одного из постоянных авторов — Николая Ивановича Спиридонова, писавшего под псевдонимом Тэки Одулок.

Летом 1937-го взяли сотрудника редакции журнала «Чиж» (тоже детиздатского) поэта Николая Макаровича Олейникова и физика Матвея Петровича Бронштейна — автора научно-популярных книг, мужа Лидии Чуковской.

А в ночь с 4 на 5 сентября арестовали писателя Сергея Константиновича Безбородова, директора Дома детской литературы при Детиздате Абрама Борисовича Серебрянникова и редакторов: Константина Николаевича Боголюбова (писавшего под псевдонимом Н. Константинов), Александру Иосифовну Любарскую и, наконец, Тамару Григорьевну Габбе.

Пришедшим утром 5 сентября на работу редакторам З. Задунайской, А. Освенской и Р. Брауде дирекция предложила немедленно уволиться «по собственному желанию»…

Чуть позже взяли писателя Исая Исаевича Мильчика и бывшего редактора «Чижа» М. Майслера.

Разгром созданной С. Я. Маршаком редакции был завершен. Поначалу хотели арестовать и самого Маршака, но наверху решили его не трогать.

24 ноября 1937 года, в один и тот же день, были расстреляны С. К. Безбородов, Н. М. Олейников, К. Н. Боголюбов и А. Б. Серебрянников.

Наступил год 1938-й… 8 января был приговорен к десяти годам заключения К. Б. Шавров (умер в лагере), а Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) — к высшей мере и вскоре расстрелян. 18 февраля расстреляли М. П. Бронштейна…

Никакой террор невозможен без помощников и пособников.

И двое, на которых он обрушился, назвали пособников по именам.

> «13 сентября 1937 года состоялось собрание писательского и редакторского актива. Состоялось в Детгизе. Председательствовал новый директор, Криволапов, докладывал новый главный редактор, Мишкевич. <…> Вся многолетняя деятельность Ленинградского отделения Детгиза объявлена была диверсионной и вредительской. Криволапов и Мишкевич сообщили собранию, что в мае месяце они обнаружили в издательстве вредительскую организацию. О своем открытии незамедлительно „сигнализировали в НКВД“, и вот теперь, в сентябре, наши славные чекисты приняли соответствующие меры: Габбе и Любарская арестованы.

„А почему не арестованы Задунайская и Чуковская, если они тоже вредители?“ — спросил кто-то с места. „Не беспокойтесь, это будет исправлено в ближайшие дни“, — солидно отвечал Криволапов. Когда кто-то из присутствующих спросил, почему же группа, поставившая своей целью диверсию, издавала из года в год книги, высоко ценящиеся у нас и за границей, — Криволапов, не смущаясь, ответил: „Это была маскировка!“ <…> О Мите (М. П. Бронштейне) Мишкевич говорил со злобной издевкой: „Этот докторишка наук, которого с такой наглостью нам подсовывали как большого ученого, который корчил, видите ли, из себя правдолюбца, а сам оказался продажной шкурой“»[359].

Вот они — эти имена: Криволапов и наш знакомый Мишкевич. Судьба их будет незавидной — сядут оба. Мишкевич, правда, только в октябре 1950-го — его пристегнут к «ленинградскому» делу. Но он и там сумеет устроиться — редактором лагерной многотиражки. И на свободу выйдет раньше прочих — 13 ноября 1954 года. Криволапов же, Леонид Яковлевич, получит по полной, а потом будет каяться и просить прощения. И оправдываться: «Из нас воспитывали людей подлых, бесчестных, подчинявшихся одному только закону, — „чего изволите, что прикажете“»…[360]

А Мишкевич каяться не будет и издаст мемуары — о том, как страдал в застенках МГБ и лагерях честный человек[361]. А в 1937 году он вел себя так:

«4 октября в издательстве вышла стенгазета под названием „За детскую книгу“. <…> „Добить врага!“, „Повысим революционную бдительность!“ — взывали заголовки статей. „Как могло случиться, — вопрошала передовая, — что детская литература фактически была сдана на откуп группе антисоветских, морально разложившихся людей?“ Не обошлось и без обязательного признания своих ошибок: „Руководство издательством — директор тов. Криволапов и главный редактор тов. Мишкевич — вместе со всей партийной организацией несут полную ответственность за то, что враги народа, контрреволюционная сущность которых выяснилась уже в начале года, могли продержаться в издательстве до последнего времени, до изъятия их органами НКВД. Партийная организация, выносившая совершенно правильные решения о необходимости

удаления Габбе, Любарской и др. из издательства, действовала недостаточно решительно и не довела дело до конца“. Авторы статей не жалели красок. <…> Шпионы, диверсанты, террористы и просто подонки — вот, оказывается, кто „окопался“ в Лендетиздате. „Контрреволюционная вредительская шайка врагов народа“; „шпионы фашистов“; „троцкистско-бухаринские бандиты“; „проходимец Шавров“; „ставленник шпиона Файнберга — Олейников“; „пользующаяся особым покровительством“ того же шпиона Файнберга и известная связью с „проходимцем Безбородовым“ „морально разложившаяся Любарская“; Чуковская, „протаскивающая в книгах контрреволюционные высказывания“; Боголюбов, „диверсионной выходкой“ задержавший в печати книгу Миклухо-Маклая, — это они организовали травлю „честного советского человека, тов. Сасовой (Анна Григорьевна Сасова, стажерка. — *З. Б.-С.),* которая осмелилась приподнять завесу над темными делами Любарской и других“ (то есть писала на всех доносы). Л. Чуковская не была арестована, — может быть, потому, что с начала 1937 года она перешла на положение внештатного редактора. А может быть, потому, что шпионоразверстку применительно к Лендетиздату выполнили, не дойдя до буквы „Ч“. Не был арестован и М. Майслер. Но в стенгазете имена Л. Чуковской и М. Майслера постоянно упоминаются в одном ряду с уже арестованными и тем самым разоблаченными врагами народа и шпионами. Шпионы и диверсанты, как сообщает газета, „объединялись вокруг Габбе, и Любарской, Чуковской“. Имена „Чуковская — Майслер“ соединены через тире в одно общее понятие: враги народа. И действительно, М. Майслера вскоре арестовали, а Л. Чуковская по счастливой случайности спаслась»[362].

Можно, конечно, сказать, что Мишкевича тоже запутали, не так воспитали… Или предположить, что и сам он был поражен страхом — имелось в его биографии пятно: в 1923 году исключили из комсомола, обвинив в «мещанском перерождении» — галстук надел… А потом райком этот перегиб исправил и комсомольский билет Мишкевичу вернул. Но это он сам про себя рассказывает[363], а что там на самом деле случилось — неизвестно. За ношение галстука, конечно, могли и выгнать из комсомола… Вот только Мишкевичу тогда шестнадцати не

было… Куда ему галстук носить? А может, рано созрел — в 1922 году, четырнадцатилетним, он уже числился токарем… Кто его допустил к станку?! Но овладение пролетарской профессией — отличный и распространеннейший в то время способ латать изъяны социального происхождения. Так что в 1937-м вполне мог напугаться до потери чувства и совести.

Или не только страх им двигал. Вот Лидия Чуковская вспоминает, что когда появился сигнальный экземпляр книжки «Изобретатели радиотелеграфа», новый директор Детиздата Криволапов и новый главный редактор Мишкевич потребовали книгу переделать — в «том смысле, что, как известно, Маркони обокрал Попова», и если даже Маркони сам совершил свое открытие, товарищ Бронштейн, как советский патриот, просто обязан настаивать на первенстве Попова.

Тогда Бронштейн и сказал, что представления о патриотизме у Криволапова с Мишкевичем — чисто фашистские. А потом по телефону заявил Мишкевичу, что снова начнет писать детские книги только тогда, когда его, Мишкевича, из издательства выгонят.

И весь тираж «Изобретателей радиотелеграфа» был уничтожен[364]. А в ночь с 5 на 6 августа 1937 года Бронштейна арестовали.

Много лет спустя Лидии Чуковской расскажут, что арест этот проходил не по разряду детских писателей, а по научной линии: «По какой-то незримой разверстке он принадлежал к той категории физиков, из которых следовало выбить признание в контрреволюционной террористической деятельности»[365].

И Лидия Чуковская в это поверит. А что, если вся эта «незримая разверстка» на физиков — выдумка? И молодой блестящий ученый пал жертвой обиженного ничтожества, сводившего личные счеты самым доступным и подлым образом?..

Подумать нестерпимо!

А теперь вернемся к Беляеву. Какая главная мысль пронизывает статью «Литературки» от 10 февраля 1938 года?

«Писатель остался один»… «Три года, как писатель оторван от творческой среды»… «к литератору Беляеву не заглянул ни один литератор»… «в „литературном мире“ забыли о Беляеве»… «обрекли на трехлетнее творческое одиночество»…

Вот оно — *одиночество*! Никто к нему не приходит, от всех оторван, никому не близок! А значит, уже целых три года ни с кем ни в какой связи не состоит!

Для 1938 года идеальный диагноз. Путевка в жизнь!

А боялся Беляев не зря. Вот что сказано в статье, напечатанной в августе 1938 года:

«Идейные замыслы и цели наших авторов в большинстве своем здоровы. С вредительскими попытками убийцы и шпиона Бухарина ориентироваться на „красную пинкертоновщину“ давно покончено. Но отдельные срывы и ошибки все же еще встречаются, свидетельствуя о недостаточной продуманности замыслов и о недостаточном внимании к идейно-политическому вооружению. Особенно досадно, когда такие ошибки встречаются у серьезных и добросовестных писателей.

Например, Беляев в романе „Борьба в эфире“ (1928 г.) тщательно продумал технические идеи, но совершенно исказил общую картину будущего коммунистического общества. Получилось, что человек будущего, создав фантастическую технику, превратился в ее раба. Отпала надобность прибегать к каким бы то ни было физическим усилиям; не нужно было двигаться, защищаться от влияний внешней среды. Человек превратился в хилого, безволосого, беззубого урода, с непомерно большой головой. Его изнеженность перешла всякие пределы. Худшую карикатуру на коммунизм трудно себе представить и, понятно, не к ней стремился Беляев. Беда в том, что он фантастически продолжил эволюцию человека на протяжении тысячелетий (увеличение черепной коробки, уменьшение челюсти, известное физическое ослабление и т. д.), забыв о тех поправках, которые внес в эту эволюцию социализм, уничтожив эксплуатацию и гармонически развивая человека»[366].

Любопытнейшая статья — начинает не с призывов к бдительности, а с того, что есть, оказывается, честные писатели, и их большинство. И сразу выясняется, что честными их назвать — язык не поворачивается! Посмотришь, чего они понаписали, — от омерзения не знаешь куда податься… Вот романчик десятилетней давности — «худшую карикатуру на коммунизм трудно себе представить»! Но — автор вовсе «не к ней стремился»! Посмотришь в книгу — выродок, убийца и шпион! Но помыслы у него — честные и идейно здоровые!

Шизофрения какая-то!

Нет, не шизофрения — это август 1938-го! В тюрьмах еще достреливают приговоренных (20 сентября расстреляют писателя И. И. Мильчика), Ежов еще числится главой НКВД, но террор уже пошел на спад… И статья Л. Жукова — благая весточка об этом!

Потому совсем скоро из тюрьмы выйдут Тамара Габбе и Александра Любарская, а их место займут следователи.

Глава двадцать четвертая
ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ

> *Левитация — способность летать без каких бы то ни было технических приспособлений. Широко известна левитация птиц, летучих мышей и насекомых.*
>
> *А. Н. и Б. Н. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу*

О последнем романе Беляева «Ариэль» современники не сказали ни слова. Не успели — сигнальный экземпляр появился 14 июня 1941 года[367], а в продажу (как вспоминал Аркадий Стругацкий) книга поступила только в сентябре — когда замкнулось кольцо блокады. И, значит, за пределы Ленинграда роман не вышел. А затем пришла страшная блокадная зима, погубившая и читателей, и саму книгу — сгорела в «буржуйках»…

Так что массового читателя роман обрел лишь с 1956 года. Но то был действительно массовый читатель. Сегодняшнее слово «бестселлер» и близко не подходит к определению того успеха, что обрушился на Беляева! Думаю, что к концу 1950-х в СССР просто не было грамотного человека, не читавшего трех беляевских романов: «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и «Ариэль».

Неизбежны были и потери — читались романы в совершенно ином контексте, чем были написаны.

Для Беляева таким контекстом стал писатель, вернувшийся к читателям в том же 1956 году, — Александр Грин. И оттого самым естественным было увидеть в «Ариэле» романтическую сказку — типа «Алых парусов»… Тем более что и Грин написал роман на ту же самую тему — о летающем человеке, «Блистающий мир».

Идея «романтической сказки» так пленила критиков, что уже ни на что другое они внимания не обращали. Например на литературные особенности…

А они весьма своеобразны. По сути, роман выстроен из готовых деталей, уже существующих в сознании читателя. И чтобы вызвать их в памяти, достаточно… свистнуть!

Когда, пронзительнее свиста,

Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

Потом звучат два слова: «адвокатская контора», и сразу же перед глазами чередой проходят знакомые страницы:

У Чарльза Диккенса спросите.
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.
<…>
А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала.
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь…

Осип Мандельштам не прав в одном: чтобы написать «английский» роман, не надо быть Диккенсом. Такой Лондон — как и Петербург Достоевского — давным-давно существует отдельно от своего создателя.

И потому не нужно тратить лишних сил, когда приходит пора изобразить мерзкую пару злодеев-адвокатов…

А вот другая пара — безумные ученые. Первый, изглоданный малярией, желт и похож на скелет. Второй — разжиревший бородач с головой гидроцефала и губами, вымазанными кровью… И то, что на губах его не кровь, а сок бетеля, к жеванию которого он пристрастился в Индии, отвратительного впечатления не меняет — перед нами чудовище.

Первый носит имя простое: Оскар Фокс, *fox* — «лиса». Зато второго зовут Чарлз *Хайд* — и значит, перед нами не лиса и виноград, а *доктор Джекиль и мистер Хайд* (*Hyde),* ненавидящие друг друга две стороны одной личности.

Понятно, что в таком английском романе бедный сиротка может быть только попавшим в лапы злодеев отпрыском богатого и знатного семейства.

Впрочем, в 1956 году об Индии судили уже не по английским романам… Потому что за год до этого Индия и Россия

встретились лицом к лицу: в июне 1955-го Москву посетил индийский гость — премьер-министр Джавахарлал Неру, а в ноябре, с ответным визитом, отправились в Дели сразу два советских лидера — Хрущев и Булганин.

Что знали об Индии эти простые русские люди? То, что самое главное в Индии — это факиры. И им показали факиров — как они по костру босиком ходят, на остриях ножей спят, под грузовик ложатся — и хоть бы хны! Тут оба лидера как будто сорок лет с плеч сбросили — молодость вспомнили и то, как по ярмарочным балаганам ходили. А гостеприимные хозяева рассказали гостям, что все это называется йога!

Впечатление было огромным, в результате чего в Советском Союзе появился первый Самиздат — машинописные копии инструкций по превращению человека в йога.

В свете индийского тайного знания и увидел Ариэля советский читатель. А про йогов давно было известно, что они умеют летать. Очевидцы, правда, говорили, что йоги вовсе не летают, а всего лишь хорошо прыгают… Но кто им поверит, очевидцам этим? Знание-то тайное, значит, не каждому покажут… А тот, кому дозволили такие полеты увидать, будет о них помалкивать.

Потому без всякого внимания было оставлено и то, что рассказывал Беляев о религиозных мошенниках-теософах, заключивших Ариэля в свою школу-тюрьму Дандарат. Во-первых, советский автор обязан говорить о религии дурно, а во-вторых, никто уже толком не знал, кто такие теософы…

И потому проглядели главное — за рассказом об Ариэле стоит совершенно конкретный факт. Правда, был тот юноша не англичанин, а индус. И не из аристократического рода — отец его был скромным служащим. Поскольку мальчик стал восьмым ребенком в семье, ему, по индийской традиции, дали имя в честь бога Кришны — Кришнамурти («по образу Кришны»), В раннем детстве переболел малярией, припадки которой преследовали его долгие годы. То ли от болезни, то ли по характеру, ребенок был необщителен и производил на сверстников впечатление умственно отсталого. Когда Кришнамурти исполнилось 14 лет, семья переехала в городишко Адьяр, где отцу удалось наняться на работу в штаб-квартиру теософского общества. Детей же отправили в теософский колледж. Учебное заведение отличалось спартанскими нравами и, несмотря на европейское начальство, поистине индийской антисанитарией. Кришнамурти недоедал, а вдобавок завшивел. Но однажды мальчик попался на глаза Чарлзу Лидбиттеру. Этот высокопоставленный теософ твердо верил в собственные ясновидческие способности и разглядел в чудовищно

неопрятном ребенке потрясающую ауру — «без малейшей частички эгоизма». С этого момента жизнь Кришнамурти изменилась навсегда.

Началось с того, что теософы больше не заставляли его ходить в школу и стали заниматься с ним индивидуально. А через год его забрали и из семьи — глава теософского общества Анни Безант официально стала его опекуном. За это время Кришнамурти научился сносно изъясняться по-английски и совершил несколько астральных путешествий к Верховному учителю. Возвращаясь оттуда, Кришнамурти, по словам Лидбиттера, составлял краткие отчеты об увиденном духовными глазами. Отчеты эти были собраны и в 1910 году изданы отдельной книжкой. Впоследствии, впрочем, Кришнамурти заявлял, что никаких путешествий в астрал и астральных собеседников не помнит… Затем его перекрестили из Кришнамурти в Альциону — по названию ярчайшей звезды созвездия Плеяд — и в 1911 году отвезли в Англию, где теософы торжественно учредили орден его имени — орден Звезды Востока. Теперь ему оставалось немного: оправдать надежды духовных родителей и превратиться в Мирового учителя и Спасителя — Иисуса-Матрейю. Двойной титул был дан ему затем, чтобы спасти всех — верующих и в Иисуса, и в Будду (на санскрите *Майтрея* «любящий», — это новый Будда; легкомысленные европейцы-теософы не видели принципиальной разницы между Христом и Буддой и не отличали буддизм от индуизма; Кришнамурти, кстати, несмотря на свое вегетарианство, был индуистом). Вскоре отец предпринял попытки вырвать Кришнамурти из рук опекунов и вернуть его в лоно семьи. Безуспешно… Но через два десятка лет Кришнамурти сам избавился от назойливых надзирателей и ликвидировал не только орден Звезды Востока, но теософское общество вообще. К концу жизни он призвал человечество восстать против компьютеров и генной инженерии и скончался в 1986 году в штате Калифорния.

Нетрудно заметить, что многие моменты в жизни Ариэля находят соответствие в биографии Альционы-Кришнамурти: теософы, теософская школа, отторжение от семьи, опекуны, предназначенность к исполнению роли чудотворца… Нестыковки тоже наблюдаются: как только теософы разглядели в Кришнамурти особые способности, они его как раз из школы забрали… И никто его тайно не похищал… А главарями теософского общества Беляев зачем-то называет миссис Дрейден и мистера Броунлоу… Но во времена Кришнамурти у общества был только один председатель — Анни Безант!

Конечно, можно сразу покончить с этими претензиями, заявив, что существует, в конце концов, и такая вещь, как писательская фантазия. И возразить было бы нечего, кабы ответ на все заданные вопросы не дал, сам того не зная, Алексей Шитиков — подпоручик Липецкого отделения Национально-патриотического фронта «Память». На него-то и снизошло откровение, о котором он поведал в местной национально-фронтовой газете «Русские идут!»:

> «Господь милостив, Он даровал мне веру. Уже позднее, читая книгу Сергея Нилуса „Близ есть при дверех“, я наткнулся на подробное описание Мадрасской оккультной и магической школы в Индии, Дандарат. Что-то знакомое послышалось в этих названиях, а именно описание самой школы. Казалось, Александр Беляев позаимствовал его у Сергея Нилуса, заменив имена учителей Дандарата, не преминув, однако, напомнить имя Махатма — Кришнамурти — Матерейя. Видимо, сам Александр Романович был в некоторой степени связан с ложами, создавшими свой Дандарат — рассадник новых адептов „вольных каменщиков“. Все тайное всегда становится явным»[368].

Несомненно! Вот только с масонскими ложами Беляев был связан не в «некоторой», а ровно в той же степени, что и подпоручик Шитиков. Ведь познания свои оба они черпали из одного источника — одиннадцатой главы книги Сергея Нилуса *«Близ есть при дверех:* О том, чему не желают верить и что так близко». Чтобы убедиться в этом, достаточно положить эти два сочинения рядом…

> *С. А. Нилус:*
>
> «Школа эта на местном наречии называется „Дандарат“ и представляет собою длинное здание, с окнами, выходящими во внутренний двор. Все здание школы окружено высокой оградой и густым парком.
>
> Глубокая тишина, царящая здесь, нарушается лишь скрипом гравия под неторопливыми шагами учителей».

> *«Ариэль» (глава 1):*
>
> *«Окно выходило во внутренний двор,* унылый и тихий. Ни кустика, ни травинки — песок и гравий, — словно уголок пустыни, огороженный четырьмя тюремными стенами мрачного здания с крошечными окнами. Над плоскими крышами поднимались верхушки пальм

густого парка, окружавшего школу. Высокая ограда отделяла парк и здания от внешнего мира.

Глубокая тишина нарушалась только скрипом гравия под неторопливыми шагами учителей и воспитателей.

В таких же убогих, как и у Ариэля, комнатах помешались воспитанники, привезенные в мадрасскую *школу Дандарат* со всех концов мира».

С. А. Нилус:

«В маленьких комнатках помещаются воспитанники. Это дети обоего пола, начиная с восьмилетнего возраста, привозимые сюда, в Мадрас, со всех концов мира. Тут же взрослые девушки и юноши. Они составляют одну семью, но в их негромких и редких словах, в их глазах незаметно ни любви, ни привязанности, ни радости при встрече, ни горя при разлуке. Эти чувства с первых же дней пребывания в школе искореняются всеми мерами воспитателями и учителями. Эти последние отчасти брамины, отчасти оккультисты новых формаций и гипнотизеры».

«Ариэль» (глава 1):

«В таких же убогих, как и у Ариэля, *комнатах помешались воспитанники, привезенные в мадрасскую* школу Дандарат *со всех концов мира. Среди них были и восьмилетние и взрослые девушки и юноши. Они составляли одну семью, но в их негромких и скупых словах, в их глазах нельзя было заметить ни любви, ни дружбы, ни привязанности, ни радости при встрече, ни горя при разлуке.*

Эти чувства с первых же дней пребывания в школе искоренялись всеми мерами воспитателями и учителями: индусами-браминами. гипнотизерами и европейцами, преимущественно англичанами, — *оккультистами новых формаций».*

С. А. Нилус:

«Первым этапом обучения является привычка к воздержанию и равнодушие к холоду, голоду и неудобствам разного рода. В этом отношении достигаются изумительные результаты при помощи гипноза. Воспитатели внушают детям, что те очень сыты и что атмосфера накалена».

«*Ариэль*» *(глава 1):*

«Проснулся Ариэль, как всегда, на рассвете. Обмывание, молитва, завтрак в общей столовой. На толстом деревянном подносе подавали лучи — лепешки из муки, совершенно несъедобные жареные земляные орехи и воду в глиняных сосудах.

Воспитатель Сатья, как всегда, переводя тяжелый взгляд с одного воспитанника на другого, говорил им, что едят они бананы, вкусные рисовые лепешки с сахаром и пьют густое молоко. И школьники, поддаваясь внушению, с удовольствием съедали все поданные кушанья. Только один мальчик-новичок, еще не подготовленный к массовому гипнозу, спросил:

— Где же бананы? Где рисовые лепешки?

Сатья подошел к новичку, приподнял за подбородок его голову и повелительно сказал, строго посмотрев в глаза:

— Спи! — И повторил внушение, после чего и этот мальчик стал с аппетитом есть жесткие орехи, принимая их за бананы.

— А ты почему надела шарф? — спросил другой наставник, худой индус с черной бородой и бритой головой, обращаясь к девочке лет девяти.

— Холодно, — ответила она, зябко пожимая плечиками. Ее лихорадило.

— Тебе жарко. Сними сейчас же шарф!

— Уф, какая жара! — воскликнула девочка, снимая шарф, и провела по лбу рукой, как бы вытирая выступивший пот».

С. *А. Нилус:*

«Под гипнозом они держат детей до 14–15-летнего возраста, приучая их за этот период времени к бесстрашию и ясновидению.

Первое достигается тем, что воспитанников заставляют идти по темным подземельям, полным то могильной темноты, то стонов, диких завываний и ужасного грохота. В узких проходах они обрываются и падают куда-то в бездну, на них опускается и прижимает к земле тяжелый свод; они идут среди раскаленных стен, с прорывающимся сквозь щели пламенем».

«*Ариэль*» *(глава 1):*

«Шарад, дрожа от страха, спустился по

полуобвалившимся ступеням лестницы. Перед ним было *темное подземелье.* Пахло сыростью. Воздух тяжелый, застоявшийся. Каменный пол покрыт жидким холодным илом. Сверху капали крупные капли. Где-то журчала вода. Мальчик, не зная куда идти, протянул вперед руку, чтобы не удариться о невидимую преграду.

— Иди, иди, — подтолкнул его Ариэль.

Шарад двинулся вперед в глубокой *темноте.*

Где-то послышались заглушенные *стоны, дикие завывания,* безумный хохот. Потом наступила зловещая тишина. <…> Внезапно раздался *чудовищный грохот,* от которого дрогнула земля.

— Иди! Иди!

Мальчик прикоснулся рукой к осклизлой стене. Скоро и другая рука коснулась стены. *Подземелье суживалось.* Шарад уже с трудом пробирался вперед.

— Иди! Иди! — повелительно приказал Ариэль. И тут же шепнул: — Не бойся, сейчас…

Но он не договорил. Шарад вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног и он *падает в бездну.*

Упал он на что-то мягкое и влажное. На него *опускается тяжелый свод и прижимает к земле.* Он задыхается, стонет.

— Молчи! — слышит он шепот Ариэля.

Но вот свод поднимается. Кругом все та же темнота. <…> *Стены* подземелья начинают светиться тусклым красноватым светом. Становится тепло, потом *невыносимо жарко.* Стены все краснеют и сдвигаются. *Сквозь щели пробивается пламя».*

С. А. Нилус:

«Когда нервная система подростков расшатана и болезненно напряжена, им дают различные напитки и применяют втирание летучих мазей, от которых происходит возбуждение и сильная тревога.

Все чувства обостряются, нервы напрягаются до последней степени. Шопот *(так!)* кажется громом, мерцающая масляная лампа ослепляет, как солнце».

«*Ариэль*» *(глава 1):*

«Слуга вводит четырнадцатилетнего мальчика.

— *Пей!* — говорит наставник, протягивая кружку.

Мальчик покорно глотает остро пахнущую горьковатую жидкость, стараясь не морщиться. Слуга

быстро снимает с мальчика рубашку и *натирает* его тело *летучими мазями.* Мальчика охватывает *тревога,* смертельная тоска. Потом наступает *возбуждение.* Он часто и тяжело дышит, зрачки его расширены, руки и ноги дергаются, как у картонного паяца.

Учитель поднимает с пола *лампу с мериающим* огоньком и спрашивает:

— Что видишь?

— Я вижу *ослепительное солнце.* — отвечает мальчик, щуря глаза.

Все чувства обострены. Тихий шепот кажется ему громом…»

С. А. Нилус:

«Последними упражнениями в школе оккультистов считается приятие духа. Этот мрачный обряд состоит в том, что воспитанник последних ступеней обучения присутствует при кончине людей, держит их за руки в то время, когда они умирают, а когда наступит момент последнего издыхания, он целует их в губы и принимает в себя их последний вздох».

«Ариэль» (глава 2):

«Последним испытанием, которому он подвергся, было *„приятие духа“.* Ариэль с внутренним содроганием вспомнил *этот мрачный обряд,* выполняемый *воспитанниками последних ступеней обучения.* Их заставляли *присутствовать при кончине людей, держать умирающих за руки, а когда наступал момент смерти,* им приказывали *целовать умирающих в губы и принимать в себя последний вздох».*

С. А. Нилус:

«Обстановка и образ жизни в мадрасской школе вырабатывают истериков, каталептиков, припадочных разного вида и просто психически больных людей. Особо талантливые, т. е. особо нервные, из оканчивающих эту школу остаются в ней в качестве воспитателей, среди которых немало удивительных людей. Одни из них вырабатывают в себе сильные электрические заряды, зажигающие лампочку накаливания, дающие крупные искры и даже окружающие светящимся ореолом их тела. Другие распространяют аромат цветов и видят в темноте: третьи слышат ход самых маленьких насекомых

по стене дома. Такие явления кажутся маловероятными, но, если обратиться к физиологии и патологии, такие факты наукой не только зарегистрированы, но даже и воспроизводятся экспериментально. Есть оккультисты, безошибочно читающие мысли на лицах встречающихся людей и быстро анализирующие и синтезирующие их слова, движения и внешние признаки, безошибочно рассказывая им о ближайших событиях их жизни.

<…> Школа в Мадрасе содержится тайно, так как существуют предположения, что многие из воспитанников похищены европейскими и американскими оккультистами для увеличения числа адептов и жрецов „таинственной науки“».

«*Ариэль» (глава 2):*

«Воспитатели начали показывать своих *наиболее талантливых* воспитанников. Это было похоже на сеансы „профессоров магии и оккультных *наук“*.

Один за другим выходили на эстраду воспитанники. <…> Демонстрировались и юноши-феномены, которые якобы *вырабатывали в себе сильные электрические заряды, зажигающие лампочку накаливания, дающие крупные искры, окружающие ореолом их тела.* Другие *видели в темноте.*

Затем следовали специалисты иного рода: услышав несколько *слов* собеседника, наблюдая *его лицо. движения, внешние признаки, они безошибочно рассказывали о ближайших событиях его жизни. <…>*

Мадрасская школа существует неофициально. К этому побуждают не только своеобразный уклад и необычайные методы воспитания, но и некоторые причины более щепетильного свойства. Сюда помещают детей только те родители, родственники или опекуны, которые по той или иной причине на время или навсегда хотят избавиться от ребенка. *Некоторые же из* детей *просто похищаются у родителей* агентами Дандарата.

Здесь обучают истории религий и языкам тех стран, куда воспитанник предназначается для работы.

Особенно талантливые, то есть особенно нервные. из оканчивающих школу остаются в ней в качестве воспитателей.

Гипноз в системе воспитания занимает большое место. Крайнее обострение восприимчивости дает возможность некоторым воспитанникам выступать в

качестве *„чтецов мыслей“. воспринимая незаметные для других движения* губ, глаз, едва уловимые звуки наставника, и производить разные „чудеса“.

Для той же цели служат и всякого рода трюки, вроде *светящихся ореолов вокруг тела, ароматов, исходящих от тела* „святого“, чрезвычайно ловко задуманные и выполняемые. Среди *воспитателей* и „научных консультантов“ школы *немало и талантливых людей* с большими знаниями».

Вот так, абзац за абзацем, переносится в роман нилусовская глава. Впрочем, иногда Беляев спохватывается и разнообразит повествование собственными вариациями.

С. *А. Нилус:*

«„В конце 1911-го года, в г. Бенаресе, состоялся ежегодный конвент членов ‘Ордена Звезды Востока’ в присутствии Кришнамурти.

Во время этого конвента состоялось много вступлений в члены ордена Звезды Востока. Один из этих новых членов высказал мысль, что все были бы счастливы получить свои дипломы на звание члена ордена из рук самого главы ордена (т. е. Кришнамурти). Мысль эта была принята восторженно. Прежние члены ордена вернули свои дипломы для того, чтобы также получить их снова из рук своего главы. В конце концов решено было, что все соберутся 28-го декабря в помещении индусской секции…“[369]

Когда в назначенный день все собрались, решено было, чтобы глава ордена (Кришнамурти) „остался стоять перед нами вместе с г. Таланом (национальный представитель от Индии). Члены ордена должны были дефилировать перед ними, передавая свои дипломы г. Талану, а этот, прочтя имя, отдавал их Альциону (т. е. Кришнамурти), который и возвращал их собственникам. <…>

Сначала все совершалось в полном порядке — два или три первых члена уже получили свои дипломы, поклонились, улыбаясь, и вернулись на свои места, как вдруг помещение, где все это происходило, — утверждает г. Лидбиттер, — наполнилось какою-то необычайною силою. Сила эта передалась, очевидно, через Альциона, так как подходивший к нему член ордена упал к его ногам, пораженный его чудодейственным могуществом. Я никогда не видал и не

испытал ничего подобного, — пишет Лидбиттер. — Напряжение было чрезвычайное и каждый из присутствующих, видимо, находился под этим воздействием. <…>

С этого момента каждый из присутствовавших в свою очередь падал ниц, обливаясь даже слезами. Зрелище было поразительное… Получаемая ‘благодать’ была так очевидна, что все собрание горячо стремилось быть в ней участником. Те, у кого не было дипломов, снимали с себя свои знаки отличия, чтобы получить их из рук Кришнамурти.

Он же, все стоя, тихо улыбаясь, с присущим ему спокойствием и простотою простирал свои руки в знак благословения над каждым, распростертым перед ним“… <…>

В том же теософском обществе существует отделение его, именуемое „Белой Ложей“. Надо полагать, что ложа эта состоит из членов, удостоившихся чести особого посвящения в тайны теософии, ибо в ней посвященным показывается ныне якобы в эфирном теле некто, именуемый „учитель учителей“, Иисус-Матерейя. Его видит председательница теософского общества Анни Безант, видят, вероятно, и другие члены ложи. Непосвященным портрет этого „учителя“ выдается за идеальную голову мужественной красоты».

«*Ариэль*» *(глава 2):*

«Начальник школы приглашал гостей в другой зал, где их ожидало представление в ином роде.

Здесь должна была происходить раздача дипломов членам *теософической „Белой ложи*“ из рук самого „учителя учителей“ Иисуса-Матерейи. <…>

В первом ряду на двух золоченых креслах, обитых желтым шелком, уселись пожилой англичанин в очках, с волнистой седой бородой, и мэм-сагиб — полная женщина с круглым свежим лицом и стрижеными завитыми седыми волосами, в индийском костюме, — вожди теософического общества мистер Броунлоу и миссис Дрейден. Директор школы поднес ей букет цветов.

Когда все расселись, хор девочек и мальчиков в голубых костюмах, украшенных гирляндами из белых олеандров, запел гимн. При последних звуках гимна в беседке появился Матерейя.

Все встали. Многие из гостей упали на колени. „Учитель учителей“ был одет в небесно-голубого цвета длинную одежду. Его голова с волнистыми, падающими на плечи волосами и небольшой бородкой напоминала изображения Христа итальянских художников. На *красивом,* слишком *женственном* — „сладостном“ — *лице* застыла „божественная“ улыбка. Он *благословляюще поднял руки.*

Мэм-сагиб с восхищением смотрела на его красивое лицо. Она любовалась им без тени религиозного чувства.

Бородатый Броунлоу перехватил ее взгляд и нахмурился.

Началась церемония раздачи дипломов, сопровождаемая многочисленными *поклонами.*

Некоторые члены ложи *снимали с груди знаки отличия, чтобы получить* их еще раз *из рук* Матерейи, *простирались перед ним* на полу, а он поднимал над ними *руки* и раздавал цветы.

Потом „учитель учителей“ начал говорить и привел слушателей в такую экзальтацию, что послышались истерические выкрики, многие *упали* в обморок, другие бились в судорогах.

Еще раз благословив всех, Матерейя — новое воплощение Будды — ушел».

Этот эпизод позволяет понять, откуда взялся бородатый ревнивец Броунлоу. В начале главы Нилус пишет следующее:

«С 1-го января 1911-го года теософами в лице председательницы их общества, разведенной жены методистского пастора и „подруги жизни“ ныне умершего ирландского революционера Брэдлоу, миссис Анны Безант учрежден „Орден Звезды Востока“.

В члены этого ордена могут поступать все принимающие идею близкого второго пришествия мессии в физическом теле для тысячелетнего царствования на земле. Председателем этого ордена объявлен некий юноша-индус, Кришнамурти (псевдоним — „Альцион“). <…>…„христос“ от теософии, т. е. великий учитель, подобный Кришне или Будде, который поможет человечеству…»

На место миссис Дрейден иной кандидатуры, кроме Анни Безант, не найти. Значит, и бородатого Броунлоу придется считать ирландским революционером Чарлзом Брэдлоу. Сразу

следует сказать, что при всем своем вольномыслии (требовал свободы абортов и печати) революционером и ирландцем Брэдлоу все-таки не был, напротив — состоял депутатом английского парламента. И соратницу по теософскому делу ни к кому не ревновал, поскольку никаких романтических чувств к ней не испытывал. И к афере с Кришнамурти был непричастен, скончавшись за четыре года до его рождения. И потому, рассказывая о Кришнамурти, никто его имени не поминал — никто, кроме Нилуса…

И только Нилус вместо «Иисус-Матрейя» писал «Иисус-Матерейя». И с псевдонимом, данным Кришнамурти, тоже никто не путался: единственная возможность передать по-русски английское *Alcione* — это «Альциона». Один только Нилус вместо имени греческой нимфы писал «Альцион», чтобы и другие разглядели в нем ненавистное слово «Цион» — еврейское название Сиона. И никто, кроме Нилуса, не знал самого главного — того, что мадрасская теософская школа называется «Дандарат»!

Впервые книга Нилуса была напечатана в 1903 году, но от издания к изданию многое в ней менялось — от заглавия (вначале: «Великое в малом», затем: «Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность», потом: «Великое в малом: Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле» и, наконец: «Близ есть при дверех: О том, чему не желают верить и что так близко») до содержания: одиннадцатая глава «Подготовка царства антихриста и кандидатов в лже-мессии. Кришнамурти и Иисус-Матерейя», из которой и взяты все приведенные выше цитаты, появилась только в четвертом издании, напечатанном в Сергиевом Посаде в 1917 году.

И значит, раньше 1917 года Беляев ее прочесть не мог.

Что же заинтересовало выпускника духовной семинарии в сочинении богослова-самоучки и именно в 1917 году? То же, что и множество других читателей — приложение!

А в приложении были напечатаны «Протоколы собраний Сионских мудрецов».

Сегодня тот, кому не лень интересоваться, знает, что протоколы эти представляют собой не слишком грамотный перевод сатиры французского публициста Мориса Жоли «Разговор в аду между Макиавелли и Монтескье». Эта сатира была напечатана еще в 1864 году, и о евреях в ней и речи нет, равно как и слова такого — «еврей»… Но факт этот был установлен лишь в августе 1921 года корреспондентом газеты «Таймс» Филиппом Грейвсом. А до того — всего годом раньше — та же «Таймс» готова была признать «Протоколы» подлинным документом…

В «Протоколах» же излагался еврейский план завоевания мира посредством устройства революций. И вот то, чему, говоря словами Нилуса, «не желали верить», вдруг обернулось жуткой русской действительностью — революциями и Гражданской войной.

Честно говоря, поверить в то, что в несчастьях, свалившихся на Россию, повинна чужеплеменная злая воля, гораздо проще, чем в сказку про пролетарскую революцию в октябре 1917 года… — это в стране, где 97 процентов населения не имели к пролетариату никакого отношения!

Понятно желание Беляева ознакомиться с такой любопытной книгой. Пророчествам о гневе Господнем он и сам не был чужд… И вряд ли чтение ограничилось одной одиннадцатой главой. Заглянул он, надо полагать, и в «Протоколы»…

Роман называется «Ариэль». Первым приходит на ум Шекспир. В пьесе «Буря» Ариэлем зовут гения воздуха. А Шекспир, в свою очередь, взял это имя из библейской книги пророка Исайи (29:1): «Горе Ариэлю, городу, в котором жил Давид!..» Но место жительства царя Давида нам известно — это Иерусалим. Буквальное же значение слова «Ариэль» — «Лев мой — Бог». Непонятно для чего Исайе понадобилось таким образом шифровать название столицы Иудейского царства, но лев и по сей день украшает герб Иерусалима.

Давид, кстати, имеет прямое отношение к пророчествам Нилуса, поскольку ожидаемый им антихрист — это не кто иной, как еврейский Мессия. А Мессией у евреев мог стать только прямой потомок царя Давида. Евреи его так и называют: *Машиах бен-Давид* — «Мессия, сын Давида».

А едва началась Гражданская война, случилось такое, чего и Нилус предсказать не посмел.

Дадим слово современнику — зоркому и пронзительному Михаилу Булгакову, точнее, персонажу «Белой гвардии» — поэту-сифилитику Русакову. На приеме у старшего Турбина, врача-венеролога, поэт горячечно вещает:

> «Он (некто Шполянский. — *З. Б.-С.)* уехал в царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. <…>…и трубят уже трубы грешных полчищ и виден над полями лик сатаны, идущего за ним.
>
> — Троцкого?
>
> — Да, это имя его, которое он принял. А настоящее имя его по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель»[370].

Поэт ничего не придумал, он просто повторил написанное до него:

> «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну… лица же ее — как лица человеческие… а зубы у ней были, как у львов… а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бегут на войну… Царем над собой имела она ангела бездны, имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откр. 9:7–11)[371].

Это Откровение Иоанна Богослова — Апокалипсис, книга, из которой и сам Беляев (в рассказе 1916 года, например) умел извлекать нужные цитаты.

И достаточно было легчайшей подсказки Нилуса, чтобы различить в бедах настоящего подлинный ужас — львиный оскал еврейского Мессии. Да и как было не опознать врага, когда во главе Красной армии — антихристовых конных полчищ — встал Троцкий: Лев, сын Давида, еврей!

А еще припоминался апостол Павел (Послание к ефесянам, 2:1–5):

> «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили по обычаю мира сего, по [воле] князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления… <…> Бог, богатый милостью… оживотворил со Христом…»[372]

«Князь, *господствующий в воздухе*» — это князь мира сего, сиречь Сатана. Той же воздушной сфере принадлежит и «дух… противления» — слуга Сатаны, Антихрист.

Так кто же такой и что такое Ариэль?

Воспитавшие Ариэля теософы раззвонили по всему свету о явлении нового Буддо-Иисуса — Кришнамурти-Альционы. Но Нилус разглядел в нем не просто религиозного мошенника, а нечто несравнимо более жуткое — лжемессию, давно обещанного Антихриста.

Беляев тоже не поддался теософскому наваждению. А до того отверг и церковный женственный призрак Спасителя. Но в том-то и состояла неповторимая особенность русской интеллигенции, что, порывая с церковной проповедью, она не отрекалась от Христа.

До того, как стать Ариэлем, герой романа носил другое имя: Аврелий Гальтон. В нем тоже нет ничего случайного.

Фрэнсис *Гальтон* (1822–1911), известнейший ученый,

заложивший основы психологии характера, дактилоскопии, евгеники и изучения гениальности, прославлен был еще и публичными лекциями, в которых он с энтузиазмом доказывал, что Дарвинова теория эволюции никак не противоречит Сотворению мира Богом!

Имя римского императора *Аврелий* (*Aurelius*) происходит от латинского слова *aurum* — «золото», но разве нужно обладать особым устройством уха, чтобы расслышать в *Aurelius* дуновение *ауры*?

Сбежав из школы «Дандарат», Ариэль погружается в задумчивость: что делать дальше? И тут в его размышления врывается истерический женский крик — сын раджи упал в колодец, и спасти его некому, поскольку ни одного брамина поблизости нет. Допустить же, чтобы ребенка коснулись нечистые руки париев… — нет, лучше смерть!

> «И вдруг Ариэль услышал заглушенный детский жалобный плач, похожий на блеяние козленка».

Почему козленок? А потому, что у колодца разыгрывается древнейшая драма — Авраам готов принести в жертву своего сына Исаака. И когда нож уже занесен, Господь в самый последний момент заменяет ребенка агнцем.

Оттого и сказано, что мать ребенка — это «женщина из „правоверных“», то есть ревностная индуистка. Но тут подлетает Ариэль, планирует в колодец и выносит ребенка на солнечный свет.

Ребенок спасен от принесения в жертву. Именно отказ от человеческих жертвоприношений означал рождение новой эры — эры монотеизма и отказа от языческого многобожия. Не случаен и выбор места действия: в христианстве колодец — это символ Спасения и Очищения (та же ветхозаветная история: изгнанная в пустыню Агарь, мать Исмаила — другого сына Авраама, бросает ребенка, чтобы не видеть, как тот умирает от жажды. «И услышал Бог голос отрока; <…> и Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь, и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока»[373]).

И, значит, Ариэлю предназначена роль Спасителя. И теперь он пойдет к униженным и оскорбленным, к самым последним из последних людей на земле — париям. Но это не лже-Христос Альциона, не порождение слепой или своекорыстной веры… Религия не способна принести Спасения, очистить мир от скверны… Спасение миру несет наука. Пусть даже злонамеренная, не видящая разницы между венцом Творения и лягушкой — до Ариэля Хайд изготовил летающую жабу… Та

наука, которую церковь объявила порождением дьявола. Но наука — это знание, а знание не нуждается в морали. Мы не должны ждать Божьих милостей от природы! Переделать ее — вот наша задача! Переделать природу и человека! Не молитвами, не упованием, а своими руками превратить человека в сверхсущество…

При таком взгляде на вещи оправдан любой эксперимент над людьми. Достаточно лишь объявить эксперимент научным…

Роман «Ариэль» — фантастический. Но ни о каком будущем в романе не говорится. Время действия — наши дни. Но что это за дни? Роман вышел в 1941 году, а в 1930-е годы Индию сотрясли грандиозные беспорядки. Их возглавил Ганди — проповедник ненасильственного сопротивления. Поскольку такая тактика оказалась успешной, советская печать гневно обрушилась на Ганди, обвинив его в сговоре с колонизаторами. Зато Рабиндранат Тагор, восторженный поклонник Ганди, назвал его Махатмой. Это не имя, а придуманное Еленой Блаватской обозначение «Тайных наставников», повелителей Шамбалы, с которыми она якобы состояла в переписке (экспертиза доказала, что все до одного письма были фальшивыми)… Какой прекрасный повод для советского писателя возвысить свой голос против лжеборцов с колониализмом и их теософских наставников!.. Но нет — о самых волнующих советского читателя индийских событиях в романе — ни слова.

Но бог с ней, с Индией — роман вышел в свет летом 1941-го, когда в Европе уже два года бушевала Вторая мировая война. А герои романа безмятежно плавают на пароходах из Англии в Индию, из Индии в Англию, из Англии в Америку… Как будто единственное неудобство морского путешествия — это морская болезнь, а не немецкие подводные лодки! И лондонскую тишину ни одна воздушная тревога не нарушает!

И еще одна странность — дочь писателя, Светлана, которой «Ариэль» посвящен, ни словом не упоминает о том, как роман писался. А современники были убеждены, что Беляев занят совсем другой работой.

В феврале 1938-го он уверял, что «задумал повесть о достижениях астрономии и роман о будущем советской медицины»[374].

В марте 1939-го сообщил, что:

> «…работает над „Пещерой дракона“. В этом романе особое внимание будет уделено транспорту будущего, его герои — молодые ученые — опустятся в глубины океана, взойдут на высочайшие горы, полетят на

> астероиды. На очереди стоит также книга об интереснейших биологических проблемах, над разрешением которых работает институт мозга»[375].

Вероятно, «будущее советской медицины» ковалось в Институте мозга…

А в апреле 1941-го совершенно неожиданно стало известно, что:

> «…скоро выйдет из печати в издательстве „Советский писатель“ новый научно-фантастический роман А. Р. Беляева — „Ариэль“ (летающий человек)»![376]

Работу же над «медицинским» романом писатель, видимо, забросил, поскольку теперь:

> «…в плане работ — жизнь на Марсе. Александр Романович хочет заселить эту планету мыслящими, развитыми, культурными существами, живущими в условиях развернутого *(так!)* коммунистического общества»[377].

Больше ничего об этих сочинениях не известно, можно лишь предположить, что «марсианский» роман — это новый этап работы над «Пещерой дракона»…

Откуда же взялся «Ариэль»? Вдова Беляева, Маргарита Константиновна, обронила однажды, что роман был задуман как полемика с «Блистающим миром» Александра Грина. И, действительно, по примеру гриновского Друда, Ариэль становится цирковым артистом и совершает свои полеты над ареной… Не укрылось, наверное, от Беляева и то, что «Блистающий мир» откровенно ориентирован на роман Дмитрия Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1902) — вторую часть трилогии *«Христос и Антихрист»*[378].

Но «Блистающий мир» Грина вышел в свет в 1923 году.

Полемизировать в 1941 году с произведением столь почтенного возраста было явно не к месту и не ко времени…

Потому куда вернее полагать, что в 1940 году Беляев принес в издательство «Советский писатель» роман, написанный еще тогда, когда «Блистающий мир» был литературной новинкой, и впечатление от чтения Нилуса в 1917 году не изгладилось, и теплилась надежда на то, что из мрака и крови все-таки родится новый Спаситель…

И получается, что все три романа, создавшие Беляеву

неувядающую славу — «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и «Ариэль», были написаны практически одновременно. Вот только до читателя они добрались десятилетие спустя.

И оставались непонятыми до сих пор…

Глава двадцать пятая
ВОЙНА

22 июня — самый длинный день — в 1941 году пришелся на воскресенье. А уже к полудню вся прошлая прожитая жизнь граждан Советского Союза — всех вместе и каждого в отдельности — стала именоваться одинаково: до войны.

Никто не знал, что громадная Красная армия в эти часы терпит катастрофу и потерявшие свои штабы полки и дивизии растворяются в лесах и полях, непостижимость происходящего толкает сотни тысяч на бегство, а страх и отчаяние — на сдачу в плен… Конечно, нашлись люди, для которых воинский долг превыше всего, но они тогда оказались в меньшинстве…

Были и те, кто видел в приходе немцев освобождение от большевиков и избавление от кровавого террора, волна которого еще раз прокатилась по стране всего за три года до войны. И далеко не все готовы были считать немцев безжалостными завоевателями. Немало было таких, кто уже пережил немецкую оккупацию в 1918 году и помнил, что никакими ужасами она не сопровождалась, напротив, немцы навели порядок в раздираемой анархией стране, даже еврейские погромы прекратились…

И Беляеву, прежде всего, вспомнилась та — Первая мировая война. Оттого первую — и, как оказалось, последнюю — газетную свою заметку о новой войне он назвал: «Созидатели и разрушители».

Потому что 26 лет назад, в газете «Приазовский край» он написал:

> «Борьба с „немецким засильем“ в торгово-промышленной и других областях русской жизни сделалась лозунгом наших дней.
>
> К сожалению, эта борьба часто идет по ложному пути, не говоря уже о совершенно уродливых, недопустимых проявлениях этой борьбы.
>
> Увлекаясь стороной *„разрушительной“,* часто забывают о *„созидательной“*. Забывают, что всякое насилие — только негатив нашего собственного бессилья.
>
> За примерами недалеко ходить»[379].

А примеры были такие: война закрыла для русских европейские курорты. Чем же ответили на исчезновение заграничной конкуренции владельцы курортов русских? Стали —

перед лицом наплыва избалованных европейским сервисом клиентов — наводить чистоту в своих ветхих халабудах? Обустроили пляжи кабинками, зонтами и навесами? Разнообразили меню, завели скатерти и вывели тараканов в своих трактирах? Электричество провели? Как бы не так!

Зато сделали то, что подсказала им неуемная жадность, — взвинтили цены. На всё!

По этой причине летом 1915 года на курортах Крыма побывало рекордно малое число приезжих. Те, у кого деньги были, не желали тратить их на жалкие хибары и зловонные харчевни; те, у кого денег было в обрез, от Крыма вообще отказались… Так что приехали на русскую ривьеру только такие, у кого выхода не было, — чахоточные и слабогрудые скромного достатка, по предписанию врачей. В их числе — Александр Беляев.

Понятно, что в 1941 году ситуация была иной. И с немецким засильем боролись теперь не хулиганы-патриоты, громившие немецкие пивные и колбасные… Теперь власть сама взялась за дело и уже не колбасную лавку, а целую Республику немцев Поволжья прикрыла и всё население ее сослала в Сибирь и казахскую степь. Наверное, чтобы Гитлер к Волге не рвался… Посему всякая там отсебятина да советы на себя оборотиться категорически не поощрялись.

Свою крымскую статью 1915 года Беляев завершил так:

> «Где-то вдалеке пиликает гармония и слышится русская песня.
>
> Как странно звучит она на морском берегу!
>
> Точно белая березка замешалась в роскошную субтропическую растительность юга!
>
> Это поют солдаты, присланные на лечение. У них есть сад, есть и берег моря. Но скука и привычка тянут их „на завалинку“. Тесной толпой разместились они у душной и пыльной дороги. Поют, беседуют и провожают долгим задумчивым взглядом случайного прохожего. Какие серые измученные лица! Даже южное солнце не румянит их!
>
> — Война…
>
> Она накладывает отпечаток на все.
>
> Курортная жизнь течет как-то скромнее, тише. Эту тишину могут всколыхнуть только газеты, и тогда видишь, как обманчив этот сонный темп жизни, как много тревог, забот и пережитых страданий таит он в себе!

— Галиция очищена нами, враг наступает на холмское и люблинское направление, — приносят газеты печальную весть, и она точно разрывает курортный муравейник.

— Боже мой, у меня муж-доктор стоял в Сокале. Успел ли уйти?

— Ах, а у меня процентные бумаги в каменец-подольском банке. Ведь это же совсем близко!

— А у меня брат…

— А у меня сын…

Молчит только худая дама с искривленной губой и волочащейся левой ногой. Она уже отдала войне свое богатство: два сына ее убиты. Горе разбило ее хилое тело, и теперь она здесь „на поправке“».

Холм, Люблин, Сокаль — это в Польше… А сейчас, в 1941 году, врагу сдают русские города… Но ныне скорбь и уныние недопустимы. Что бы ни случилось, что бы ни происходило на фронте и в тылу, нужно проявлять неиссякаемую бодрость духа и неколебимую веру в скорое торжество. И вот результат: Беляев явно хочет сказать что-то свое, не похожее на других, ищет какие-то собственные слова, а получаются — сплошные лозунги.

«Созидатели и разрушители

Труд — создает, война — разрушает.

Наше отечество — государство трудящихся. Мы — созидатели. И наша политика была политикой мира.

Нам навязали войну-разрушительницу. Что же? Будем „разрушать разрушителей“! Наша доблестная Красная Армия докажет вероломному врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать „фабрики войны“.

Какие бы тяжелые испытания ни пришлось нам пережить, армия великого народа не сложит оружия, пока враг не будет отброшен и уничтожен»[380].

Никто еще не успел постичь масштабов катастрофы, и потому совершались поступки совершенно непостижимые. Фронт был далеко, а командование Ленинградского военного округа решило отличиться уже сейчас: 25 июня нанесло авиаудары по нейтральной Финляндии.

Выполнялся, видимо, какой-то довоенный еще приказ, предполагавший совсем другую войну — ту, в которой Красная армия воюет на чужой территории, а враг бежит, бежит, бежит…

Бомбы были сброшены на финские города и аэродромы. Потом оказалось, правда, что аэродромов тех и в природе нет, а которые на самом деле были, их советская разведка не засекла… Финская авиация не пострадала, а советская потеряла полтора десятка самолетов. Как и отчего они погибли, осталось тайной.

Скорее всего, налет тот был какой-то местной — не выше штаба округа — инициативой, поскольку Москва даже войны Финляндии не объявила. Что никак не помогло Советскому Союзу — согласно международному праву СССР стал агрессором. Причем без всякой выгоды для себя. А невыгоды проявились, как только немцы обложили Ленинград с юга. Теперь жертвам советской агрессии ничто не мешало (в порядке самообороны) замкнуть кольцо с запада и севера.

Но пока всё идет заведенным порядком, и, прежде всего, идут повальные аресты. И начинается эвакуация. Для начала — беженцев, успевших не попасть под немца и добраться до Ленинграда. Их отсылают подальше в тыл. Потом дошла очередь и до горожан…

Дочь писателя, Светлана Беляева, вспоминает:

> «Союз писателей предложил отцу эвакуироваться всей семьей, но мама не решилась: после операции (удаление камней в мочевом пузыре. — *З. Б.-С.)* отец, и без того больной человек, совсем ослаб. Ехать в неведомые края было страшно. <…>
>
> В кабинете отца висела большая карта Советского Союза. Каждый день после передачи новостей отец поднимался со своего жесткого топчана — лежать на мягком не мог из-за болезни позвоночника — и передвигал на карте флажки, обозначавшие линию фронта. С каждым днем фронт приближался к Ленинграду. Но отец был оптимистом, он уверял, что немцы до нас не дойдут»[381].

Вопрос об эвакуации жителей Ленинграда и окрестностей впервые встал на повестку дня 28 июня 1941 года. Вывозу в тыл подлежали промышленные ценности, квалифицированные рабочие, молодежь, годная к воинской службе, а также ответственные и партийные работники. Ни к одной из этих категорий Александр Беляев не принадлежал. А вот об эвакуации писателей вообще нигде и ничего не говорилось. По всей видимости, двенадцатилетняя Светлана не совсем поняла, что именно предлагали ее родителям. А предложений было как минимум два. Первое — переезд из Пушкина в Ленинград (ни на что большее у ленинградского отделения Союза писателей

полномочий не было). Второе… А вот второе могло родиться лишь в голове, окончательно спятившей от страха и непосильной ответственности.

29 июня исполком Ленсовета принял решение «О вывозе детей из Ленинграда». И в тот же день приступили к вывозу. В первую очередь решено было вывезти из города 390 тысяч детей — вместе со школами и детскими садами. Матерям сопровождать детей было запрещено.

До сегодняшнего дня никто так и не дал ответа на простой вопрос: «Для чего это было нужно?»

Желание избавить родителей — и в первую очередь матерей — от забот по уходу и надзору за детьми? Или снова возобладала довоенная инструкция — по организации летнего отдыха детей и массового вывоза их в пионерлагеря?

Скорее все-таки второе, поскольку в планы размещения детей входило и направление их *на запад* — навстречу наступавшим немецким войскам.

А потом начались бомбежки. 13 июля в Валдайском районе Ленинградской области немцы разбомбили станцию Едрово — место, увековеченное Радищевым. На станции находилось более двух тысяч детей. Но, несмотря на это, вывоз детей в Ленинградскую область продолжался еще неделю. Родители всполошились, бросились разыскивать своих детей и выяснили, что, в довершение ко всему, дети голодают, страдают желудочными заболеваниями, завшивели, и избавиться от вшей нет никакой возможности, поскольку с самого отъезда из Ленинграда их ни разу не мыли.

Услышав про такое, матери бросились спасать детей. 1 августа из Ярославской области в Ленсовет и профком Кировского завода поступило донесение: «За последние дни усилился приезд матерей из Ленинграда, в частности Кировского завода и Куйбышевского района, к эвакуированным детям в Нейский район. Они приезжают взять своих детей… Мы не возражаем, но, получив детей, матери не могут выехать обратно, так как железная дорога не дает билеты без пропуска НКВД. В результате на станции скопилось около 100 матерей в легком платье. Это дезорганизует работу с эвакуированными детьми». В заключение председатель Нейского райисполкома настоятельно просил пресечь неорганизованный приезд матерей.

Но и матери не желали больше молчать — А. А. Майорова проживавшая в доме 80 по 3-й линии Васильевского острова, смело бросила в лицо присланному агитатору: «Эвакуацию придумали евреи. Сами они испугались и давно бежали, а мы не боимся и никуда не поедем. Нас научила эвакуация на Валдай —

многие матери потеряли своих детей. Нас повезут на расстрел фашистам». А работница Кировского завода Рыжова и жена рабочего Галкина прямо заявили: «Сами повесимся и детей задушим, но никуда не поедем». И стоило агитатору ляпнуть (жильцам дома 24/25 по Косой линии), что отказавшихся будут эвакуировать в принудительном порядке, как собрание (300 человек) взорвалось: «Не поедет никто, пусть делают, что хотят», «Вы хуже немцев, хуже Гитлера», «Вы издеваетесь над нами — посылаете голодать»… А потом посыпались и угрозы: «Мы напишем своим мужьям и сыновьям на фронт, пусть бросают всё и идут нас спасать».

Власти переполошились, и к 10 августа 136 тысяч 460 детей были возвращены в Ленинград. Кроме того, неизвестное число детей было увезено матерями («несколько тысяч матерей»). Ни матери, ни дети, ни власти не знали, что в ближайшие месяцы Ленинград станет гигантской мертвецкой…

Понятно теперь, что заставило жену Беляева яростно противиться предложению об эвакуации — не было никакой надежды, что двенадцатилетней Светлане, из-за туберкулеза коленного сустава с трудом передвигавшейся на костылях, кто-то обеспечит надлежащий уход.

А потом начались ежедневные бомбежки. Дом, в котором проживали Беляевы, еще до войны был признан аварийным — между вторым и третьим этажом прошла глубокая трещина. О необходимости капитального ремонта Беляев разразился тогда заметкой в пушкинской газете[382]. Ясно было, что, даже если бомба упадет неподалеку, дом этого не переживет. Слава богу, знакомые, уехавшие в Ленинград, оставили Беляевым ключи от своей квартиры, и семейство писателя перебралось в соседний дом.

…Переезды переездами, но Беляев не оставляет и своего главного занятия. Выяснилось, однако, что творения его никому не нужны. 15 июля в письме молодому поэту Всеволоду Азарову он с горечью сообщает, что написанный им рассказ «Черная смерть» отвергнут редакторами «Красной звезды» и журнала «Ленинград». А речь в рассказе шла о новом злодейском изобретении фашистов — бактериологическом оружии небывалой силы. Трудно предположить, что за три недели, прошедшие с начала войны, Беляев успел не только написать новый рассказ, не только его перепечатать, но и отослать машинопись в Москву («Красная звезда»), затем в Ленинград и уже получить отказы из двух редакций. Скорее всего, рассказ тот давно лежал в ящике письменного стола, не будучи востребован, — подписание советско-германского пакта о ненападении закрыло выход в свет

многим антифашистским сочинениям… Но вот что совершенно ясно, так это причина, по которой редакции рассказ завернули: в час, когда немецкая орда стремительно движется на восток, пугать читателя фантазиями о каких-то еще неведомых немецких способах массового истребления советских людей… И кто знает — может, это и не фантазии вовсе?! В любом случае, распространять такие россказни явно не ко времени. Но Беляев не терял надежды, что, «возможно, немного позже научная фантастика и пойдет».

В том же письме Беляев сообщал, что оборонная комиссия Союза писателей предложила ему писать «зарисовки» с фронта и «портреты героев». Это требовало поездок… Можно было, конечно, направить свою фантазию в другую сторону — в прошлое… Тоже военное. Что-нибудь из эпохи Отечественной войны 1812 года… Но — как признался сам Беляев — «не хватает материала, да и с „историками“ мне и не тягаться».

«Историки» — это, судя по всему, могучий клан советских писателей, захвативших всю область исторического романа — от Батыя до Буденного…

Нехватку материалов можно было, конечно, восполнить в библиотеках и архивах… Для этого, как и для приобретения фронтовых впечатлений, нужна, всего-навсего, подвижность… Но ее-то как раз и нет — «Никогда не сетовал на свою инвалидность, а теперь досадно».

«Но, — заканчивает письмо Беляев, — надеюсь всё поправится. Только бы мне скорее найти свою линию».

Нет, не получилось бы у Беляева перестроиться на военный лад. Ведь фантастика — это рассказ о том, чего нет, но лишь могло бы быть. И чтобы писать фантастику, надо иметь четкое представление о том, что есть. А этого уже не представлял никто.

Вот слушает писатель утреннюю сводку Совинформбюро и на большой карте передвигает флажки, обозначающие продвижение немецких войск. И так они будут стоять до вечерней сводки.

Зато соседи рассказывают совсем другое:

— Вчера летчик один в столовой аэродрома обедал. Пообедал, к кассирше подошел и говорит: «А теперь полетим бомбить врага на его территории… в Сиверской». Значит, немцы уже Сиверскую взяли![383]

А жизнь и без того с каждым днем все тяжелее… Запасов на случай войны — мука, крупа, картошка, масло постное — никто не делал. И магазины как-то сразу опустели. Продукты можно еще купить на рынке. Но не купишь — денег нет: как только началась война, в сберкассах больше 200 рублей не выдают. Хорошо тому, кто каждый месяц зарплату получает, а писателю

что делать? А если писателя этого еще и не печатают?!

Скорой гибелью дышало и всё окружающее. Слухи один другого страшнее: из Ленинграда никого не выпускают, потому что принято решение превратить его в крепость и оплот народного духа и биться до последнего… Вот только солдат в городе почти нет и защищать город будут сами жители, пока их всех не поубивают…

17 августа в Пушкине объявили всеобщую эвакуацию женщин и детей.

22-го первую партию эвакуированных собрали на вокзальной площади. Но поезд за ними все не приходил. Пять суток провели эвакуированные на площади, под открытым небом, доедая взятое на дорогу. Временами шел дождь, но домой отлучаться не дозволяли и, чтобы не допустить бегства, площадь окружили милицией. Потом всех распустили. Безо всяких объяснений. Лишь доверенным лицам сообщили, что поездов больше не будет — немцы взяли станцию Мга и отрезали Ленинград от России. Тогда милиционеры поняли, что с населением лучше ладить, и устроили бесплатную раздачу соли — с государственных складов.

Но не солью единой жив человек, а больше на складах ничего не было. А потом и власти не стало — 5 сентября Лидия Осипова (о ней мы еще будем говорить в следующей главе) записала в дневнике, что не вышел очередной номер городской газеты «Большевистское слово».

Дело обстояло еще хуже — с начала года и до прихода немцев было выпущено 104 номера городской газеты[384]. Выходила она три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам… И, значит, последний, 104-й номер появился в продаже 30 августа![385] А 5 сентября отсутствие газеты заметила Осипова и внесла этот факт в дневник… Но последний номер газеты, хранящийся в библиотеках Москвы и Петербурга, это даже не 104-й, а 94-й, от 7 августа. Как объяснить отсутствие еще десяти номеров в центральных библиотеках? Очень просто — с 9 августа газету уже не отсылали в Ленинград и Москву. Низы поняли, что верхам все равно, и перестали отчитываться о проделанной работе. Властная система еще не рухнула, но ее уже поразил паралич.

Жители пытались сбежать в Ленинград, но все пути были перекрыты постами НКВД. Те же посты не выпускали ни одной живой души и из Ленинграда.

А город Пушкин был попросту брошен. Потом стали искать виноватых, уверять, что, если бы не трусость командиров, самоуправство тыловых служб, потеря связи с подразделениями, город можно было бы удержать… Ведь были же и такие части, что

дрались, а иногда, ввиду потери связи, даже дрались друг с другом…[386] Все это, скорее всего, выдумки… Не про трусость, конечно, не про бегство тыловиков… Но если воинская часть сражается, то слышны выстрелы. А выстрелов никто из жителей Пушкина не слыхал.

Немцы тоже не сразу разобрались в чем дело…

Дадим слово Светлане Беляевой:

> «17 сентября 1941 года — этот день запомнился мне на всю жизнь — мы сидели всей семьей за столом и пили чай. Вдруг раздался страшный гул, дом затрясся как в лихорадке. Звенели стекла. Отец первым выскочил из-за стола и крикнул:
>
> — Скорей, скорей! — бросился в переднюю.
>
> Мама выбежала последней и, схватившись за ручку, тщетно пыталась удержать рвущуюся из рук дверь. Раздался ужасный грохот. Потом сразу наступила такая тишина, словно все вокруг перестало существовать. Мы все были, словно мукой, обсыпаны мелом, в воздухе плавала белая мгла. Мы вернулись в комнату: окна были выбиты, люстра лежала на столе среди разбитой посуды. Пол был усеян битым стеклом и кусками штукатурки. Когда мы открыли выходную дверь и вышли на площадку, то от пелены пыли не увидели лестницы. И мне показалось, что ступени провалились и нам теперь не спуститься. Хотя все стихло, отец уговорил нас пойти в убежище, которое находилось у нас во дворе. Когда мы вышли во двор, то увидели огромную воронку от авиационной бомбы, которая упала перед самыми окнами дома, в котором мы раньше жили. Как ни странно, дом выстоял, только в нем, как и во всех соседних, вылетели все стекла и перекосились двери. <…>
>
> Чугунные ворота были сорваны с петель и так смяты, словно они были из тонкой проволоки. В убежище, куда мы пришли, было полно народа, душно, пахло керосином. Кто сидел, кто лежал на матрацах, прислушиваясь к канонаде. Какая-то беззаботная компания из нескольких человек при свете коптилки играла в карты. Только мы сели на узкую длинную скамью, как около убежища что-то грохнуло, но разрыва не последовало. Мама открыла дверь и выглянула наружу. Около самого выхода лежал огромный бронебойный неразорвавшийся снаряд. Опять мы

остались живы.

Если бы он разорвался, нам несдобровать, ведь убежище могло спасти нас разве что от осколков.

В это время мама заметила, что из глубины двора к убежищу приближаются двое в сером, с автоматами в руках. Это были немцы. Заглянув в дверь убежища, они скомандовали: раус, раус! („вон, вон!“ — *З. Б.-С.)*»[387].

Эти двое немцев были разведчиками. Они пришли и увидели, что советских войск в городе нет. Но командование, видимо, разведчикам не поверило — первая немецкая воинская часть вступила в Пушкин лишь три дня спустя — 20 сентября.

И наступил новый порядок.

Глава двадцать шестая
СМЕРТЬ

Семейство Беляевых выбралось из подвала, но отправилось не на квартиру соседей, с рухнувшей люстрой и выбитыми стеклами, не в свой уцелевший дом, а в другой подвал — в доме через дорогу, на Московской улице. Раньше дом принадлежал богатейшему купцу Кокореву. Облицованное светлым кафелем, с огромными окнами зеркального — в палец толщиной — стекла, дверями черного дерева, цветными витражами, здание это невольно наводило на мысли о каких-то родовых тайнах… И точно — местное предание гласило, что купец Кокорев был не столько хозяином этого дворца, сколько его узником — больной проказой, бродил он каждую ночь по бесчисленным комнатам и, как говорили знающие люди, не оставил этого занятия и после смерти, когда дом отдали под аудитории и общежитие Молочного института.

Сейчас же в междуэтажном перекрытии торчала неразорвавшаяся авиабомба, а подвал заполнили обитатели соседних домов. Спасались они теперь не от немецких бомбежек, а от снарядов — хотя немецкие части в Пушкин еще не вошли, советская артиллерия подвергала город массированному обстрелу.

В подвале не было ни одного свободного места, но когда жена Беляева сказала, что муж ее тяжело болен, кастелянша общежития пустила семейство на склад, забитый от пола до потолка ватными тюфяками. На этих тюфяках семейство провело несколько дней и ночей. А затем в подвал заглянул немецкий офицер. Его интересовало только одно: имеются ли евреи? Нашлись и такие. Офицер приказал им к 9 часам утра завтрашнего дня быть готовыми к отправке. И ровно в 9.00, с немецкой пунктуальностью, офицер уже стоял в дверях подвала. Рядом с ним два автоматчика. Евреи покорно потянулись к выходу. Среди них и знакомая Светлане девочка. Проходя мимо Светланы, она спросила: «Нас куда-то повезут?» Никто ей не ответил, и девочка побежала догонять своих родителей.

Идти пришлось недалеко — в подвал Екатерининского дворца. А там всех евреев в тот же день расстреляли.

Спустя несколько дней Беляевы покинули кокоревский подвал и перебрались на новую оставленную жильцами квартиру, — в том же дворе, но с окнами, выходившими на улицу 1 Мая. Стекла в этих окнах уцелели, и можно было начинать

жить.

Время от времени Беляев выходил из дома и однажды привел гостей — профессора Чернова с сыном-подростком. Четырнадцатилетнего мальчика звали Костей, а Сергей Николаевич Чернов оказался историком, заведующим кафедрой ленинградского Института народов Севера. Впрочем, особого интереса к Крайнему Северу профессор не испытывал — предметом его страсти были декабристы и русское освободительное движение вообще. Судя по всему, историк Чернов не питал иллюзий относительно того, насколько советская действительность похожа на мечты лучших русских людей. Поэтому даже занятия Чернышевским не спасли его от увольнения из Саратовского университета. В Ленинградском же университете ему в работе отказали с порога. Но Чернов до самой войны всё надеялся, что служба в Институте народов Севера и пединституте — это дело временное… Он тоже не эвакуировался в Ленинград — вначале опасался за сохранность своей библиотеки (по отзывам коллег, действительно отличной), а когда место для книг нашлось, оказалось, что немцы вот-вот войдут в Пушкин… В Пушкине оставалась семья, профессор рванулся домой и… оказался по ту сторону линии фронта.

Чернов-младший был горячим поклонником беляевских книг, а вот о чем разговаривали старшие — теперь не узнать. Светлана Беляева запомнила лишь спор отца с Черновым-историком. Спорили они о том, кто раньше умрет, и каждый уверял, что войны ему не пережить.

А женщины делали всё, чтобы выжить. В планы немцев, как выяснилось, снабжение населения продовольствием вообще не входило. Поэтому жители тащили в дома всё, что могли найти: картошку с брошенных огородов, коллекции — в аккуратных полотняных мешочках — элитных семян с селекционной, основанной Николаем Вавиловым, станции[388] (оказалось, что в пищу годятся лишь семена бобовых — фасоли, гороха и сои)… Уехавшие из Пушкина знакомые подарили Беляевым полбочки квашеной капусты. А еще во дворе кокоревского дома стояла немецкая полевая кухня. Едой немцы ни с кем не делились, и теща Беляева предложила повару свою помощь. Тот согласился и, в награду за труды, позволял уносить с собой котелок супа и набивать сумку картофельными очистками. Из очисток женщины пекли лепешки.

Беляев был малоежкой — малоподвижный образ жизни не требовал обильных трапез. Но гастрономические пристрастия у него были — дочь вспоминала рассказы отца о преимуществах французской кухни. Ничего подобного советские магазины

предложить не могли. Тем не менее, при всей неизысканности довоенного питания, имелось мясо, были и молочные продукты, а летом свежие фрукты, овощи, ягоды…

А теперь — удивительным образом — люди голодали по обе стороны фронта. В Ленинграде этому хоть было оправдание — гибель Бадаевских продуктовых складов и блокада. В Пушкине, впрочем, голодали не все русские жители — назначенный немцами бургомистр не бедствовал. Прочим работникам управы выдавали по килограмму овса или килограмму мерзлой картошки — на неделю. Беда, что не каждую неделю… А лучше всех устроились те, кто служил при немецких воинских частях, — им полагался специальный немецкий паек. В пайке том не было только мяса, зато всего остального не перечесть: и мука, и хлеб, и крупа, и жиры, и сахар… Впрочем, один повод для недовольства оставался — количество: муки выдавали 1 килограмм, хлеба — одну буханку, крупы — стакан, жиров и сахара — каждого по 36 граммов. На неделю! Вся плата за измену Родине. Впору завидовать блокадникам!

Имелись и спекулянты, но немцы и здесь ввели строгую норму: на весь город Пушкин спекулянтов было ровно два. Официальных, с разрешением властей на поездки в тыл. Тех же, кто решил нажиться на свой страх и риск, вешали. И оставляли висеть неделю — в назидание непослушным.

Привезенными из тыла продуктами спекулянты торговали — продавали или обменивали на вещи. Буханка хлеба — тысяча рублей, меховая шуба — четыре буханки.

Кроме того, исчезли нитки, иголки, пуговицы, спички, мыло, табак и почему-то веники. А еще не было электричества и не работал водопровод. Воздушные налеты тоже прекратились, но дважды в день по городу били дальнобойные орудия из Кронштадта.

Однажды, когда в доме остались только Беляев с дочерью, вошел немецкий солдат и приказал убираться. Дочь, собрав остатки школьного немецкого, заявила, что отца трогать нельзя: он тяжело болен, а кроме того — знаменитый писатель. Фамилия «Beljaeff» солдату ничего не сказала, но он, махнув рукой, ушел.

Уже в октябре ударили морозы. Потом повалил снег и превратил умирающий город в природный ландшафт, пересеченный редкими цепочками следов — не то звериных, не то человечьих — на месте бывших улиц. Из неприродного в окна новой беляевской квартиры смотрел лишь столб с табличкой «Переход». Теперь эта надпись читалась совершенно иначе — столб превратили в виселицу.

Висельники менялись — то мародеры, грабившие брошенные

квартиры, то кто-нибудь из бывших хозяев города — например, как гласил пришпиленный к трупу плакат, неправедный судья, любивший евреев…

Холод, голод, комендантский час и никакого будущего.

И Александр Беляев умер. От голода, как пишет дочь.

На весь город была только одна лошадь, чтобы отвезти гроб на кладбище. Поэтому несколько дней гроб с телом простоял в соседней пустующей квартире. В одну из ночей покойника раздели. Вдова обернула труп одеялом и вспомнила, что когда-то Беляев относился к собственной смерти легкомысленно и даже шутил: «Когда я умру, не надо ни пышных похорон, ни поминок. Заверните меня просто в газету. Ведь я литератор и всегда писал для газет».

После многих мытарств тело писателя доставили в кладбищенский морг. Там у Беляева отобрали последнее — гроб. В переполненной мертвецкой и без гробов едва хватало места на всех покойников…

Похоронили Беляева весной — в марте. Ни вдовы, ни дочери в городе уже не было, и то, где упокоился писатель, никого не заинтересовало.

Когда о Беляеве вспомнили, то многим такая смерть фантаста показалась до обидного обыденной, невпечатляющей…

И тогда кончину писателя принялись обставлять подробностями:

> «Рассказывают, будто немецкий майор, военный комендант Детского Села (то есть Пушкина. — *З. Б.-С.),* узнав, что в подведомственном ему городе скончался писатель, чьи произведения он знал и любил (многие беляевские книги были к тому времени переведены в Германии и пользовались там популярностью — в первую очередь роман „Властелин мира“ и Вагнеровский цикл), устроил ему похороны с оркестром и воинскими почестями. Впоследствии, когда немецкая оккупационная политика резко ужесточилась, майору, говорят, пришлось за это ответить — Бог весть, сколь серьезно».

Впоследствии Андрей Балабуха в этом рассказе все-таки усомнился:

> «Увы, все поиски немецких следов этой истории, предпринятые полтора десятка лет назад мною и моим покойным другом и соавтором, ведущим отечественным литературоведом в области фантастики Анатолием

Федоровичем Бритиковым, оказались тщетными. Сами поехать в Германию для архивных разысканий мы, понятно, не могли, а нашим немецким друзьям и коллегам выяснить ничего не удалось».

Другой биограф Беляева, Олег Орлов, об оркестре на похоронах не слыхал, но тоже считает, что немцы были к Беляеву неравнодушны: стоило только Беляеву скончаться, как им «заинтересовывается гестапо. Исчезает папка с документами. Немцы роются в книгах и бумагах Беляева»[389].

А краевед-царскосел Федор Морозов уверяет, что ему известна и причина такого пристального интереса. Оказывается, это Янтарная комната. Да-да — та самая, которая была вывезена немцами из Царского Села в Кёнигсберг, а там таинственнейшим образом пропала. Так вот, объявляет Федор Морозов, пропала, да не она! Потому что Сталин Янтарную комнату заблаговременно вывез, а немцам оставил копию. Настоящую же реликвию Сталин готовил в подарок — вначале Гитлеру, затем Рузвельту… Потом дарить передумал, и ныне сберегается Янтарная комната в тайном хранилище. А Беляев про все это узнал и даже начал писать об этом роман. А когда пришли немцы, то писателя схватили и принялись допрашивать в гестапо. Беляев гестаповцам тайну не выдал, но допросов не выдержал и скончался.

Поверить в эту историю мешает только одно — полное отсутствие не то что фактов, но даже малейшего правдоподобия… Ведь и Янтарную комнату никто копировать не собирался, и Беляев ничего на эту несуществующую тему не писал…

Честно говоря, в Царском Селе любили сочинять героические сказки. И про профессора Чернова после войны рассказывали, что немцы предложили ему сотрудничество, но профессор, едва только его допустили к микрофону местной радиостанции, вместо восхваления новых порядков призвал сограждан к самоотверженной борьбе с оккупантами. И немцы с Черновым расправились. На эту тему поэт В. М. Черников написал целую поэму. «Профессор» называется…

Вот только вдове Чернова, Маргарите Алексеевне, находившейся рядом с мужем до последнего его часа, такой героический эпизод остался неизвестен. Неизвестно также, работал ли при немцах Пушкинский радиоузел…

Тем не менее одну загадку смерти писателя никто пока не разрешил… Ее даже никто не заметил.

С конца 1950-х и по сей день в справочниках и энциклопедиях указывается, что Александр Беляев скончался 6 января 1942 года.

Но еще в 1954 году, в мюнхенском журнале «Грани», был опубликован дневник Лидии Осиповой за 1941–1944 годы. И из дневника этого выяснилось, что в 1941 и 1942 годах автор его находился в оккупированном немцами Пушкине.

Несколько слов о Лидии Осиповой. Прежде всего, звали ее иначе: Олимпиада Георгиевна Полякова, 1902 года рождения. Осиповой и Лидией Тимофеевной она стала после войны, чтобы избежать выдачи советским властям как пособницы оккупантов. Приход немцев она приветствовала, уповая на то, что немцы покончат с большевизмом. Потом разочаровалась и в немцах — выяснилось, что способствовать становлению свободного русского государства те не собираются. В 1943 году перебралась в Ригу, печаталась в газете «За Родину». Очень радовалась тому, что газета себя окупает, а значит, хотя бы существует не на немецкие деньги. Но отступала вместе с немцами и оказалась в Германии, где встретила конец войны и в 1958 году скончалась.

Кроме лютой ненависти к советской власти, до конца дней испытывала еще и физические страдания — последствия бруцеллеза: в конце 1930-х, отдыхая в Крыму, выпила парного молока.

А в 1954 году, как уже было сказано, опубликовала в эмигрантском журнале свои записки, которым дала провокационное название «Дневник коллаборантки». Дневник был напечатан с большими купюрами. Это выяснилось, когда в Бахметьевском архиве (Нью-Йорк) был найден оригинальный текст, который через 50 лет (и тоже в извлечениях) был напечатан Н. А. Ломакиным в сборнике «Неизвестная блокада». О первой публикации в «Гранях» и о том, что «Лидия Осипова» — псевдоним, Ломакин не подозревал.

Но сейчас нас интересуют лишь три дневниковые записи:

> *23 декабря [1941 года]*
>
> Умер Александр Нилович Карцев. Умер, имея несколько фунтов гречневой крупы и муки. Умер от голода, имея, по нашим понятиям, очень много золота. Это еще один вид самоубийц. Люди боятся будущего голода и потому голодают до смерти сейчас и умирают на продуктах… [все] боятся будущего. А настоящее таково, что никакого будущего может и не быть. <…>
>
> Писатель Беляев, что писал научно-фантастические романы вроде «Человек-Амфибия», замерз от голода у себя в комнате. «Замерз от голода» — абсолютно точное выражение. Люди так ослабевают от голода, что не в состоянии подняться и принести дров. Его нашли уже

совершенно закоченевшим[390]. <…>

Профессор Чернов умирает от психического голода… <…> Человек физически не голодает, но так боится начать голодать, что умирает… <…>

24 декабря.

Морозы стоят невыносимые. Люди умирают от голода в постелях уже сотнями в день. В Царском Селе оставалось к приходу немцев примерно тысяч 25. Тысяч 5–6 рассосалось в тыл и по ближайшим деревням, тысячи две — две с половиной выбиты снарядами, а по последней переписи Управы, которая проводилась на днях, осталось восемь с чем-то тысяч. Всё остальное вымерло. Уже совершенно не поражает, когда слышишь, что тот или другой из наших знакомых умер. Все попрятались по своим норам, и никто никого не навещает без самого нужнейшего дела. А дело всегда одно и то же — достать какой-нибудь еды[391]. <…>

26 декабря.

Профессор Чернов умер. Говорят, что жена отнеслась к этому безразлично. Инстинкт самосохранения в этой семье превалирует над остальными. Наш городской юрист также заболел психическим голодом. А они питаются гораздо лучше нас… <…> Как много полезного могли бы найти для себя психологи и философы, если бы наблюдали людей в нашем положении[392].

До недавних пор считалось, что профессор Сергей Николаевич Чернов скончался в 1942 году — 5 января. Но авторы новейшей биографии историка добрались до дневника Осиповой, а еще разыскали воспоминания Е. А. Матеровой, двоюродной племянницы Чернова:

«Зима 1941 г. была лютой. С[ергей] Н[иколаевич], не обладая крепким здоровьем, быстро стал терять силы и превратился в дистрофика. В декабре он тихо скончался».

Итак, два независимых свидетеля в один голос утверждают: профессор Чернов скончался в декабре 1941 года…

Откуда же взялась дата 5 января 1942-го?

Из документа — свидетельства о смерти. Выдано 2 января 1948 года пушкинским бюро загса за подписью врача Н. Малининой. Вдове оно понадобилось при устройстве на работу…

На основании чего было это свидетельство выдано? Архив пушкинской оккупационной управы не сохранился… Значит,

основанием могли стать лишь показания свидетелей — точнее, одного свидетеля, Маргариты Алексеевны Черновой… Что заставило ее сообщить неверную дату?

О личном знакомстве с Черновым или Беляевым Осипова нигде не упоминает. Значит, в дневниковых записях она указывает не даты их смерти, но день, когда ей стало об этом известно. С чужих слов. Следовательно, Чернов скончался не 26 декабря, но *не позднее* 26 декабря 1941 года, а Беляев — *не позднее 23 декабря.* Так или иначе, до 1942 года оба они не дожили.

Откуда же взялась дата смерти С. Н. Чернова в справке загса?

Дневников Маргарита Алексеевна не вела… Но попытаемся представить жизнь в Пушкине под оккупацией. Ни газет, ни радио — с началом войны власти заставили сдать все радиоприемники (населению оставили лишь «радиоточки», способные принимать вещание местной радиосети). Новый день отличается от прошедшего тем, что сегодня еды еще меньше, чем вчера, еще меньше надежды выжить. И друг с другом уже не видятся: любой гость — нежеланный нахлебник… Календарь — это планы, надежды, ожидания… Здесь же никакой надежды, никакого завтрашнего дня, а значит, и потребности в календаре больше нет. И праздников тоже нет.

Впрочем, не для всех… Осипова-Полякова записывает:

> *«25 декабря [1941 г.].*
>
> Были вчера на елке у Давыдова [переводчика при СД (Sicherheitsdienst) — контрразведке СС. — *З. Б.-С.]*. Сказочное изобилие. Хлебных лепешечек сколько угодно. Тех самых, которых не хватает для умирающего от голода населения… <…> В гостях был городской голова со своей женой… Они знают всех немцев, стоящих в городе, имеют с ними связи и этой связью пользуются. А населению они, конечно, не помогают нисколько. Хорошо, что хоть сами не грабят это население»[393].

Здесь, видимо, и кроется разгадка. Обратившись за свидетельством, вдова Чернова смогла припомнить лишь, что муж умер в канун Рождества. И врач Малинина написала: «5 января». Но в Пушкине зимой 1941 года Рождество праздновали только немцы и их прихвостни. А православное Рождество приходится на 25 декабря *по старому стилю*! И с 1917 года в России его встречают 7 января. Вот жизнь профессора Чернова и продлилась на полторы недели. На бумаге…

Но нас по-прежнему интересует Беляев. И Чернов — не более

чем ниточка…

Вспоминает Маргарита Беляева:

> «Пока я достала от доктора свидетельство о смерти, пока сделали гроб, ждали лошадь, прошло две недели. Приходилось ежедневно ходить в Городскую управу. Как-то прихожу и слышу, кто-то говорил: „Профессор Чернов умер“. И я подумала, хорошо бы похоронить их рядом. В дверях я столкнулась с женщиной. Мне почему-то показалось, что это жена Чернова. Я не ошиблась. Мы познакомились и договорились, что, как только я достану лошадь, мы вместе отвезем наших покойников и похороним их рядом. Чернова обещала сходить на кладбище и выбрать место. Наконец я получила подводу, и мы поехали на кладбище. Когда мы добрались до Софии, начался артиллерийский обстрел. Снаряды рвались так близко, что нас то и дело засыпало мерзлой землей и снегом. Комендант кладбища принял наших покойников и положил их в склеп, как он сказал, временно. За место на кладбище мы заплатили в Управе. А могильщики брали за работу продуктами или одеждой, которую потом меняли.
>
> Когда мы приехали, никого из них не было. Морозы стояли страшные, умирало много. На кладбище находилось около трехсот покойников. Ими были забиты все склепы. Все были без гробов, кто завернут в рогожу или одеяло. Кто одет, а кто в одном белье. Лежали друг на друге, как дрова. <…> Я еще раз побывала на кладбище. <…> Муж все еще не был похоронен. Я рассказала коменданту, что мой муж известный писатель, и очень просила его похоронить мужа не в братской могиле, а рядом с профессором Черновым. Комендант пообещал мне»[394].

Две женщины… Что общего между ними, кроме вдовства и места жительства? Имя — Маргарита. Но больше этого случайного совпадения расскажут фамилии — Беляева и Чернова. Цвет, в котором соединяются все цвета, — белый. И черный — все цвета отрицающий, зияние, тьма… Вдова фантаста, который видел то, чего не бывает, и вдова историка, знавшего всё о том, что прошло навсегда и кануло во мрак забвения.

И оба они, фантаст и историк, скрылись в безвестной яме — за индивидуальное захоронение надо было платить (деньгами или вещами), а потому и закопали их в общей — братской — могиле без опознавательных знаков.

И когда спустя 15 лет Маргарита и Светлана Беляевы пришли на царскосельское Казанское кладбище, могилы мужа и отца они не нашли.

Но Беляев, не оставивший следа в земле, оставил ценности нетленные — свои романы. И пришло время получить за них гонорар — именно в 1956 году издательство «Молодая гвардия» выпустило беляевский двухтомник.

Но наследник вступает в права лишь тогда, когда может доказать факт смерти автора.

И тогда Маргарита Беляева вспомнила, видимо, свою случайную знакомую. Вдова Беляева наверняка помнила дату смерти мужа, но единственный документ, на который можно было опереться, находился в руках Маргариты Черновой. И пришлось подогнать дату смерти писателя к свидетельству о смерти историка… Решили, что Беляеву было отпущено на день дольше Чернова.

А на самом деле Беляев скончался за день или за два до Чернова — не позднее 23 декабря 1941 года[395]. Так что тот давний спор — кто умрет раньше? — Беляев выиграл.

Удивительное дело — такой же цветовой рок преследовал и отца писателя, Романа Петровича Беляева. После его смерти вакантное место священника Одигитриевской церкви в Смоленске занял Алексей Чернавский…

Глава двадцать седьмая
ПОСМЕРТИЕ

Война закончилась. Победители возвращались домой. И то, что четверть страны лежала в руинах, а три оставшихся четверти были разорены вконец, лишь подстегивало желание вернуть прошлую мирную жизнь. Со всеми ее приметами. В 1946 году Ленинградское отделение издательства «Детгиз» выпустило роман «Человек-амфибия».

Отличная книга! Одна только странность: на титульном листе напечатано: «Издание 3-е»…

Если считать все издания «Человека-амфибии» — с 1928 года, то книжка эта должна именоваться «изданием *5-м*».

Если же перечислять лишь тех «амфибий», что выпустил Детгиз, то издание 1938 года должно считаться первым, а издание 1946-го только *вторым*…

Что это — опечатка? Думаю, что считать до трех редакторы Детгиза умели. А значит, — было еще одно издание, оставшееся никому не известным. Не дошедшее ни до Книжной палаты в Москве, ни даже до ленинградской Публички… Могло такое случиться? Вполне.

Книга считается вышедшей, как только типография напечатала, сброшюровала и снабдила обложкой хотя бы один книжный экземпляр. Он называется «сигнальным», и с этого момента книга существует как юридический факт. И, судя по всему, один или несколько экземпляров «Человека-амфибии» типография изготовила. Когда это произошло? Ни Беляев, ни его семья о таком издании не знали. Значит, можно полагать, что произошло это, когда Царское Село уже было отрезано от Ленинграда — после 17 сентября 1941 года. Основной тираж, видимо, так и не был напечатан. Но издательству для нумерации изданий хватило и сигнального экземпляра. Быть может, и он не уцелел физически, а остался лишь в памяти работников издательства. Ну что ж, если так, книжка эта — «Человек-амфибия» 1941 года — становится еще более заманчивым объектом библиофильских вожделений…

И еще одна деталь: в первом и «3-м» изданиях автор иллюстраций один и тот же — художник Александр Эдуардович Блэк. И подписи к рисункам те же самые, и в текст иллюстрации вставлены на тех же самых местах… Вот только сами рисунки другие. В чем причина? Наверняка в том, что погибли не только отпечатанные экземпляры второго издания книги, но и

типографские клише. И в 1946 году издательство поручило Александру Блэку изготовить новые иллюстрации. Александр Эдуардович выжил в блокаду, но пережитое не прошло бесследно — новые иллюстрации лишь бледное подобие довоенных.

А больше ни одной беляевской книги не вышло. Ни в Детгизе, ни в Ленинграде, ни в одном другом городе Советского Союза…

Почему? Писатель перестал быть интересным?

Да нет! В том же 1946 году Детгиз готовил к печати однотомник Александра Беляева, включавший роман «Человек, потерявший лицо» и две повести — «Воздушный корабль» и «Лаборатория Дубльвэ». А на 1947-й был запланирован и выход двухтомника. Его составил и снабдил предисловием Борис Ляпунов.

Борис Валерианович Ляпунов был, наверное, самым стойким поклонником Беляева. Еще в 1944 году он опубликовал статью о космических проектах Циолковского, которую снабдил специальной врезкой «Ракетоплавание в научной фантастике» с аннотациями произведений на космическую тему. Из пяти упомянутых книг одна принадлежала перу Циолковского («Вне Земли»), а три — Александру Беляеву («Прыжок в ничто», «Звезда Кэц» и «Воздушный корабль»)…[396]

Значит, даже издательство проявляло интерес… О читателях и говорить нечего!

Но ни тогда, ни в последующие десять лет ни одной книги Беляева так и не вышло… А все, что было подготовлено, отправилось в архив[397].

Что ж это за немилость такая? Чем и как сумел провиниться писатель после смерти?

Лишь в 1984 году массовый читатель узнал, что в годы войны семья писателя покинула пределы СССР… Об этом рассказала в своих воспоминаниях дочь Беляева, Светлана[398]. О том, что случилось дальше, нетрудно было догадаться — все знали о безжалостном отношении власти к тем, кто не по своей воле оказался на территории рейха, — будь то угнанные в Германию на работы, или даже узники концлагерей. Ведь одно лишь пребывание на оккупированной территории ложилось несмываемым клеймом на всю последующую жизнь… А сколько людей попало под оккупацию только потому, что не в силах было угнаться за стремительно отступавшей Красной армией!

Много лет спустя Светлана Беляева, наконец, рассказала о том, что пришлось пережить ей и матери после войны: фильтрационный лагерь, выматывающие душу проверки и, наконец, решение комиссии: ссылка в Барнаул. Пожизненно!

В 1999 году, уже после конца советской власти, Светлана

Беляева вспоминала, как ее с матерью и бабушкой угоняли в Германию:

> «С приходом немцев в городе была основана Городская управа, где все жители должны были пройти регистрацию. Моя бабушка была шведка, и нас занесли в списки лиц нерусской национальности. После этого нам объявили, что мы будем эвакуированы из Пушкина. Придя домой с этим известием, мама категорически заявила, что никуда не поедет. Она решила лучше умереть, чем покинуть родину. В случае отказа нас ждал расстрел! И тогда бабушка, собрав все свое мужество, сказала ей:
>
> — Ты могла бы так поступить, если бы была одна, но у тебя есть дочь, и ради нее ты должна жить! <…>
>
> День отъезда был назначен на 6 февраля [1942 года]»[399].

Но через два года, в интервью корреспонденту «Новой газеты» Сергею Милову, Светлана Александровна все-таки проговорилась…

> «— *А как вас увезли в Германию?*
>
> — Нас с мамой записали как „фольксдойч“. Дело в том, что моя бабушка была шведкой, у нее даже имя было двойное — Эльвира Иоанетта. Когда перед самой войной меняли паспорта, возмутились, что двойное имя — нельзя, оставили одно и записали ее почему-то немкой. Маму эта же паспортистка, видимо, за компанию, записала немкой, несмотря на то, что и имя, и отчество, и фамилия были русскими. Мы с мамой тогда очень смеялись, но менять что-то было очень сложно, и мы решили, что наплевать. Когда пришли немцы, они сразу зарегистрировали всех, кто не русской национальности, а раз в паспорте было „немка“, то уж с ними спорить было просто опасно. Потом в комендатуре сказали, что все „фольксдойчи“ должны уехать в Германию, а кто откажется, грозили расстрелять. Так нас и угнали»[400].

Охотно допускаю, что в 2001 году — через 56 лет после войны — большинство читателей уже плохо понимали, о чем поведала Светлана Беляева, и не усомнились в правдивости ее дальнейших показаний:

«— *А в чем вас обвиняли-то?*

— А ни в чем. У нас ни статьи не было, ни суда. Просто выслали — и всё. В Германии были сотни тысяч таких, как мы, и дела отдавали на рассмотрение разных комиссий. Одна комиссия решала всех отправить по домам, а другая точно таких же ссылала и отправляла в лагеря. Потом, через несколько лет, мы даже подписку дали, что согласны с проживанием там пожизненно и даже из Барнаула за город выехать не имеем права. Ходили все время отмечались»[401].

Начнем с того, что не «фолькс дойч», а «фольксдойче». Слово это немецкое (*Volksdeutsche)* и обрезать его причин нет. Означает оно «немец по этнической принадлежности», и придумал его в 1938 году не кто иной, как Адольф Гитлер[402]. Фюреру требовалось поставить немецкому народу национальную цель, и Гитлер решил, что лучшего повода для оправдания территориальных захватов не найти. Так вот, согласно Гитлеру, немец всегда остается немцем. И это неоспоримый факт. Но немцы бывают разные. Одни проживают в Германии — это «рейхсдойче» *(Reichsdeutsche* — «немцы рейха»), и с ними все понятно. Но территория Германии мала, и оттого многие немцы были вынуждены покинуть родину. И их называли «фольксдойче». Их цель — выстроить отечество (*Vaterland)* для всех немцев, где бы они сейчас ни находились. Но для этого необходимо создать условия для их проживания в Германии, то есть расширить германскую территорию.

Начали с родины Гитлера и вернули рейху немецкоязычных австрийцев. Затем судетских немцев — вместе с Судетами и остальной Чехословакией. Потом воссоединили с Германией немцев Польши…

7 октября 1939 года стало ясно, что продолжение неизбежно — рейхскомиссаром по расселению германской расы был назначен Генрих Гиммлер.

И вот роковой час пробил — Германия пришла к своим соплеменникам в СССР. Попасть в число «фольксдойче» было совсем непросто — любой претендент на это звание подвергался строгой расовой проверке, и простой записи «немец» или «немка» в советском паспорте никто бы не поверил. Кроме того, дело это было сугубо добровольное и личное: статус «фольксдойче» можно было получить, только заполнив специальную анкету — *«Deutsche Volksliste».*

Жена и теща Беляева подпадали под две категории анкеты: третью («личность германского происхождения, этнически

частично смешавшаяся с местным населением, напр., посредством брака с местным партнером») и четвертую («личность с германскими предками, чьи предки были культурно едины с местным населением, но поддерживающая германизацию»).

Получившим статус «фольксдойче» предоставлялись различные льготы — на Украине, например, каждому новому арийцу выдавали еженедельно четыре яйца, килограмм сыра, овощи, фрукты, мед, мармелад…

Кроме того, только им предоставлялась работа по обслуживанию немецких воинских частей. Поэтому трогательный рассказ Светланы Беляевой об энергичной бабушке, сумевшей очаровать повара полевой кухни, правдив лишь в одном: бабушку Эльвиру Иоанетту действительно допустили к работе на кухне. Но именно потому, что она уже заявила о своей преданности арийской расе. Да и как могло быть иначе: готовить пищу для немецких солдат кому попало не доверишь — недочеловек ведь только того и ждет, чтобы яду в котел насыпать…

Для мужчин призывного возраста статус «фольксдойче» означал, кроме льгот, принятие на себя и некоторых обязанностей — прежде всего службу в вермахте.

Иными словами, в условиях войны присоединение советского гражданина к германскому народу означало только одно — переход на сторону врага.

И в 1942 году Совнарком особым указом приравнял заполнивших анкеты «фольксдойче» к изменникам Родины.

Из воспоминаний Светланы Беляевой можно понять, что женское большинство семьи заполнило свои анкеты еще при жизни писателя. Но что он мог им сказать в голодном и вымерзающем Царском Селе: умирайте вместе со мной?!

Так что дела Беляевых — Магнушевской, в октябре 1945 года прибывших в СССР под конвоем, разбирала не какая-то там «комиссия»… Был и суд (хотя бы и заочный), был и приговор, что бы теперь ни рассказывала Светлана Беляева.

Могло это повлиять на судьбу литературного наследия Александра Беляева?

Еще как!

В середине 1990-х в Иерусалиме возник Клуб любителей научной фантастики. Там я встретил писателя Даниэля Клугера. Узнав, что он окончил физфак Симферопольского университета, не преминул задать вопрос: интересовался ли кто-нибудь из тамошних литературных следопытов одним из самых темных периодов жизни Александра Беляева — крымским? И получил обескураживающий ответ: в советские годы крымское начальство

наложило негласный запрет на всякие поиски, касающиеся биографий двух писателей: Александра Беляева и Александра Грина.

С Грином все было понятно: его вдова, Нина Николаевна Грин, в годы оккупации сотрудничала с немцами. Потом, правда, она рассказывала, что на немцев работала по заданию партизанского штаба, но подтвердить ее слова было некому — все, кого она называла, погибли… Так или иначе, при приближении советских войск Нина Николаевна пыталась уйти с немцами. Но вместо Германии следующие десять лет провела в лагере на Печоре. В 1956 году освободилась и стала добиваться создания в Старом Крыму дома-музея Грина. Московские писатели ее всячески поддерживали, а жители Старого Крыма, помнившие ее подвиги при немцах, ненавидели… На свои средства она отремонтировала дом и устроила в нем гриновскую экспозицию. Умерла в 1970 году, так и не дождавшись ни государственного признания музея, ни справки о собственной реабилитации…

Вот такой была посмертная глава в крымской биографии Александра Грина, скончавшегося за девять лет до Великой Отечественной войны.

Можно ли было ожидать, что к Беляеву судьба окажется более благосклонной?!

Едва ли… И все-таки я склонен думать, что истинной причиной беляевской опалы были не прегрешения семьи, а сам писатель!

Случилось так, что в 1947 году вышла еще одна книга Беляева — роман «Властелин мира», не переиздававшийся с 1929 года. Выпустило книгу издательство «Родина». Вот только, вопреки своему названию, находилось оно не на советской земле, а в немецком городе Мюнхене — в американской оккупационной зоне. Создано издательство было недавними советскими гражданами, не желавшими возвращаться в СССР. И продукцию свою оно адресовало таким же невозвращенцам. Конечно, на первом месте в издательском плане стояла литература антисоветская или запрещенная в СССР… Но эмигрантские издательства и советской литературой не брезговали, тем более развлекательной… Ведь одним Достоевским с Гумилевым сыт не будешь. Да и детям нужно что-то читать на родном языке, а то вовсе забудут!

Впрочем, «Властелин мира» мог оказаться полезным и для более старшего возраста. Роман повествует о гениальном немецком авантюристе, внушившем любовь к себе не только молоденькой девушке, но и более широким массам. И сделал он

это с помощью радиогипноза, безотказно действовавшего на мозги. Конец же его авантюре положил изобретатель не менее гениальный и, что характерно, — русский.

А ведь только что, на Нюрнбергском процессе, Ганс Франк, генерал-губернатор Польши, раскрыл секрет гитлеровской власти: «Нельзя сказать, что Гитлер изнасиловал немецкий народ. Он соблазнил его…»

Вот и добежавшие до Мюнхена читатели книжек «Родины» тоже могли сказать, что никакие они не военные преступники, а жертвы! Гитлер их соблазнил, а потом заставил насиловать и убивать!

Если очень-очень хочется, можно убедить себя в чем угодно…

Но раскроем роман образца 1947 года.

Итак, глава первая:

> «Кандидат в Наполеоны»
>
> «— Можно подумать, что штаб банкира Готлиба выехал на разведку, чтобы сделать заключение о возможности направить сокровища реки в сейфы нашего патрона. — Проговорив это с иронией, Штирнер улыбнулся и перестал грести.
>
> — Ваш почтенный *(так!)* слуга — личный секретарь, юрисконсульт, машинистка и стенографистка. Все налицо. Наверное, многим это покажется подозрительным. Что вы скажете, фрейлейн? — обратился Штирнер к Эльзе Глюк.
>
> — Я ничего не скажу. Кому какое дело?
>
> — О, несомненно! Кто заподозрит такую очаровательную фрейлейн в разбойничьих планах ее патрона. Конечно, никто!
>
> — Вы не можете без комплементов *(так!)!*
>
> — Конечно не могу, фрейлейн Эльза. Ваши глаза, волосы, лицо, ваши руки, наконец. Они настолько прекрасны, что кажутся не настоящими *(так!)*.
>
> Эльза улыбнулась и не замедлила ответить:
>
> — Вы это так часто повторяете, что уже надоели. Но я вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..»[403]

И так далее…

Но, позвольте, ведь в романе «Властелин мира» первая глава хоть и называется «Кандидат в Наполеоны», однако начинается совсем не так:

«— Не брызгайте мне на платье, Штирнер! Вы не умеете грести.

— Ну конечно! Женщины, отправляясь кататься на лодке, имеют обыкновение надевать платье из такой материи, на которой брызги воды оставляют неизгладимые пятна.

— Эту остроту вы позаимствовали у Джерома Джерома, из его повести „Трое в лодке“?

— Вы очень начитаны, фрейлейн. Я не виноват в том, что это наблюдение Джером сделал раньше меня. Истина остается истиной, хотя бы в лодке ехало и не четверо, а пятеро.

— Нас только четверо! — отозвалась со своей скамьи Эмма Фит.

— Прекрасная, златокудрая кукла, — ответил Штирнер, — четвертым пассажиром в лодке Джерома была собака; первым в нашей лодке является мой Фальк…

— Почему первым?

— Потому что он гениален. Фальк! Подай носовой платок фрейлейн Фит, — видишь, она уронила его.

Фальк, красивый белый сеттер, ловко прыгнул и…»[404]

И так далее…

В чем причина столь вызывающего разночтения?

Думаю, вопрос этот я задал не первый…

Роман «Властелин мира» обнаружился в фондах бывшего Спецхрана бывшей «Ленинки» (ныне — Российской государственной библиотеки). Советские библиотеки книгообменом с эмиграцией не занимались и книг у эмигрантских издательств не покупали. Печатная продукция такого рода попадала в Советский Союз по иным каналам… После войны Министерство госбезопасности СССР и спецслужбы советской оккупационной администрации пристально следили за деятельностью вчерашних соотечественников в Западной Германии. К такой деятельности относилось и ведение антисоветской пропаганды, то есть выпуск газет, журналов и книг.

И Советский Союз настойчиво требовал от союзных держав Запада эту деятельность пресечь. Союзники поначалу такому давлению поддались: на полгода — с ноября 1946 года по 14 июня 1947-го — русское книгоиздание на всей западной территории Германии полностью прекратилось[405]. Потом

возобновилось, и у советских чекистов снова появилась работа: образцы печатной продукции собирались, изучались и, по миновании надобности, передавались в отделы специального хранения библиотек.

Потому в высшей степени вероятно, что спецхрановский «Властелин мира» прошел через руки компетентных органов. Какой же вывод могли сделать аналитики МГБ, сравнив два издания романа — советское и антисоветское? Для Беляева самый неблагоприятный: отличие текстов объясняется тем, что автор свой роман *переработал*. И, значит, Беляев не умер зимой 1941 года в оккупированном Пушкине, а остался жив и ушел с немцами!

Одного такого подозрения было достаточно, чтобы ни одной книги означенного автора больше в СССР не вышло.

Неужели «литературоведы в штатском» оказались правы и Александр Романович действительно доживал свой век где-то на Западе?

Нет, «органы» ошиблись, и мы можем это доказать!

Мюнхенский «Властелин мира» отличается от своего советского собрата еще двумя моментами.

Во-первых, фраза: «Но так как кругом — о присутствующих, конечно, не говорят — тоже сплошные жулики, то, чтобы овладеть счастьем, — и он многозначительно посмотрел на Эльзу Глюк, — надо, очевидно, стать таким сверхжуликом, по сравнению с которым все остальные жулики казались бы добродетельными людьми» — не сопровождается сноской: «По-немецки „глюк“ — „счастье“».

Тут, слава богу, все понятно: читатели, столько лет прожившие бок о бок с немцами, в переводе слова *Glück* не нуждались, и авторская игра слов была им совершенно понятна.

Настоящая загадка в другом — имя автора: «Беляев»… Не «Александр», не «А. Р.» и даже не «А.» — просто «Беляев»! Что это — маскировка? Если маскировка, то на редкость нелепая и беспомощная!

Но вернемся к началу… Оказывается, мы прервали чтение первой главы мюнхенского «Властелина» на самом интересном месте:

> «— Вы не можете без комплементов (*так!)!*
>
> — Конечно не могу, фрейлейн Эльза. Ваши глаза, волосы, лицо, ваши руки, наконец. Они настолько прекрасны, что кажутся не настоящими (*так!)!*
>
> Эльза улыбнулась и не замедлила ответить:
>
> — Вы это так часто повторяете, что уже надоели. Но

> я вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..»

Дело в том, что последний абзац распадается на две части:

> «— Вы это так часто повторяете, что уже надоели. Но я»

и:

> «…вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..»

Так вот, начиная со второй части абзаца и до самого конца романа мюнхенская книжка *ничем* не отличается от ленинградского издания 1929 года!

И в этом ленинградском издании словами «вам отплачу…» начинается третья страница!

Теперь все ясно: в мюнхенские руки попала книжка 1929 года, но — с оторванной обложкой (работы художника С. Верховского) и вырванными двумя листами. На обложке и первом листе — титульном — помещались имя автора («А. Беляев») и название романа («Властелин мира»). На втором листе уместились две страницы — первая и вторая.

И в этом изуродованном мюнхенском экземпляре, на третьей его странице, которая теперь стала первой, красовалась начертанная кем-то, скорее всего, бывшим владельцем, карандашная или чернильная надпись:

> *«Беляев Властелин мира».*

Больше об авторе и романе издатели ничего не знали.

Стоп! — название главы: «Кандидат в Наполеоны»… Оно-то ведь было напечатано на втором листе — на первой странице романа!

Никакой тайны нет и здесь — последняя страница книги тоже уцелела: на ней было напечатано «*Оглавление*»!

Но издать роман, который начинается словами: «вам отплачу, несносный…», было, конечно, невозможно. И тогда издатели состряпали *имитацию* начала.

Мастерили ее они так.

Из оставшейся части главы узнали, что герои работают у банкира Готлиба, а в данный момент катаются на лодке, — и сварганили первую фразу:

> «Можно подумать, что штаб банкира Готлиба выехал на разведку…»

Еще раз прочли, выяснили, кто именно в лодке сидит, и сочинили продолжение:

> «— Ваш *почтенный (так!* Вместо правильного: *„покорный“. — З. Б.-С.)* слуга — личный секретарь, юрисконсульт, машинистка и стенографистка. Все налицо».

Затем вчитались в огрызок фразы на третьей странице:

> «…вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..»

И — перевернули:

> «— Вы не можете *без комплементов* (*так!)!*
> — Конечно не могу, фрейлейн Эльза. *Ваши* глаза, **волосы, лицо, ваши руки**, наконец. Они настолько прекрасны, что кажутся *не настоящими (так!)!».*

Вот и все! Можно нести в типографию…

Проделать такой анализ могли бы и сотрудники МГБ. Но им это было ни к чему… Для приговора хватало и подозрения… Тем более приговор заочный.

А в 1956 году Беляева реабилитировали — за отсутствием события преступления. Реабилитировали так же тихо и негласно, как посмертно репрессировали…

БЕССМЕРТИЕ

Еще четверть века назад хвалить Александра Беляева было до крайности легко. Определение «советский» само по себе было знаком качества: советская власть, советский народ, советская наука, советская литература… Отчего бы не быть и советской фантастике? И Беляеву присвоили единственный в своем роде титул — классик советской фантастики. Других кандидатур не было. Тем более что признание, хоть и посмертное, пришло к нему сразу — в 1956 году, когда в издательстве «Молодая гвардия» вышел и мгновенно разошелся первый его двухтомник. Через год — трехтомник. А затем в каждом городе — столичном и областном — однотомники избранного и отдельные романы. Больше всех повезло Ихтиандру и голове профессора Доуэля. Политических претензий и подозрений вновь открытый классик тоже не вызывал, а литературной стороной фантастики заниматься было не принято. Да и проходила она по разряду литературы для детей и юношества.

Но когда стало окончательно ясно, что советская власть рухнула навсегда, былые апологеты Беляева принялись каяться. При этом клеймили они не себя, а других — желательно покойных, или, на худой конец, эмигрантов:

> «Беляев был причислен к лику святых, о нем стало принято говорить как о бесспорном лидере и классике. „Беляев заложил основы творческих принципов советской фантастики. В его книгах впервые сформировалось ее идейное лицо. В них с наибольшей страстностью были провозглашены и воплотились ее гуманистические идеалы — одушевленность идеями человеческой и социальной справедливости, взволнованное обличение всех форм угнетения, вера в величие человека, его разума, в его неограниченные возможности, убежденность в праве человека на счастье“, — писали авторы предисловия к первому собранию сочинений Беляева Б. Ляпунов и Р. Нудельман».[406]

Виновными оказались не только недалекие или корыстные критики:

> «Начну с того, что существует многочисленная категория читателей, которых привлекает именно такая,

упрощенная литература. Обращение к фантастике льстит их комплексу неполноценности, но Платонов или Стругацкие им не по плечу. Со второй причиной стоит расправляться более решительно. Опора на таких, как Беляев, привлекает тоже немалочисленную когорту бумагомарателей, как молодых, так и находящихся в преклонном возрасте, обделенных талантом, но мнящих себя писателями и желающих часто публиковаться»[407].

А Беляев… Ну что такое Беляев?!

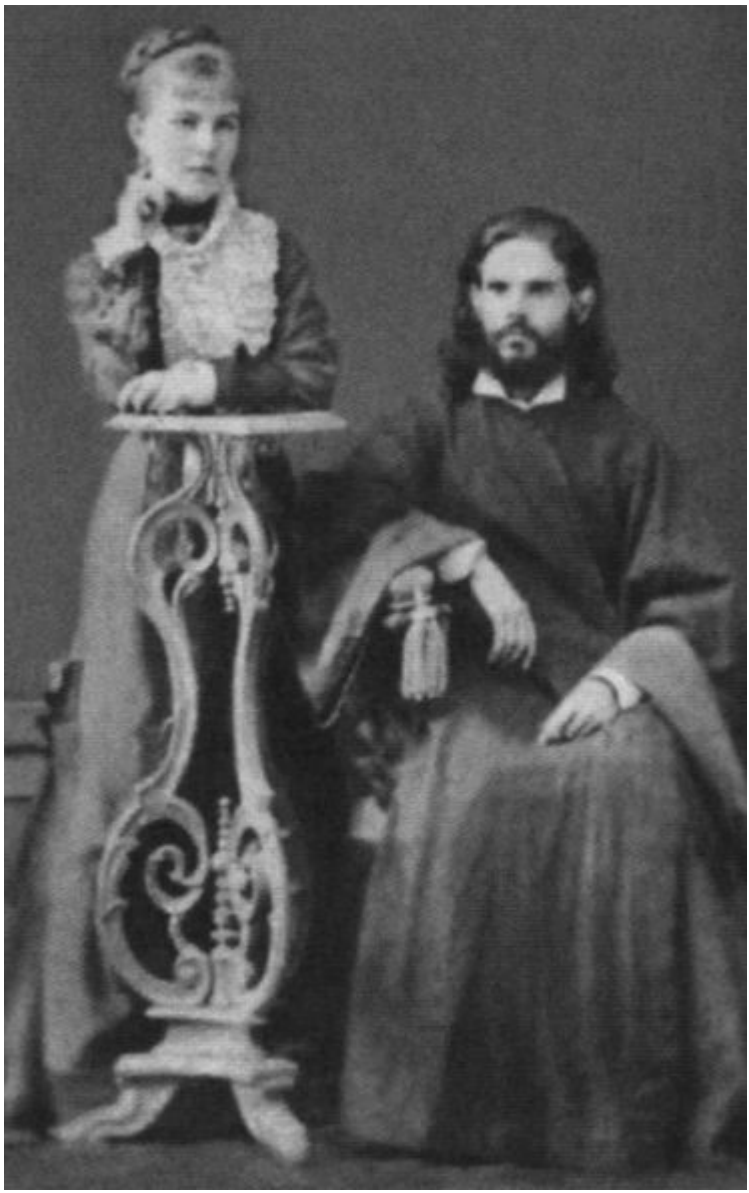
> «Он был трудолюбив, и можно было бы сказать, что он успел сделать многое. Но все плюсы перечеркиваются тем непреложным фактом, что книги его бездарны, не в оскорбительном смысле слова, а в прямом — *без дара*, без искры Божьей»[408].

При этом на равных и одинаково гневно говорится о вещах, созданных Беляевым на пике творчества (1925–1930), и поделках, едва подымающихся над уровнем прочей советской макулатуры. Да и произведения 1920-х годов берутся не в своем первоначальном виде, а в поздних перелицовках.

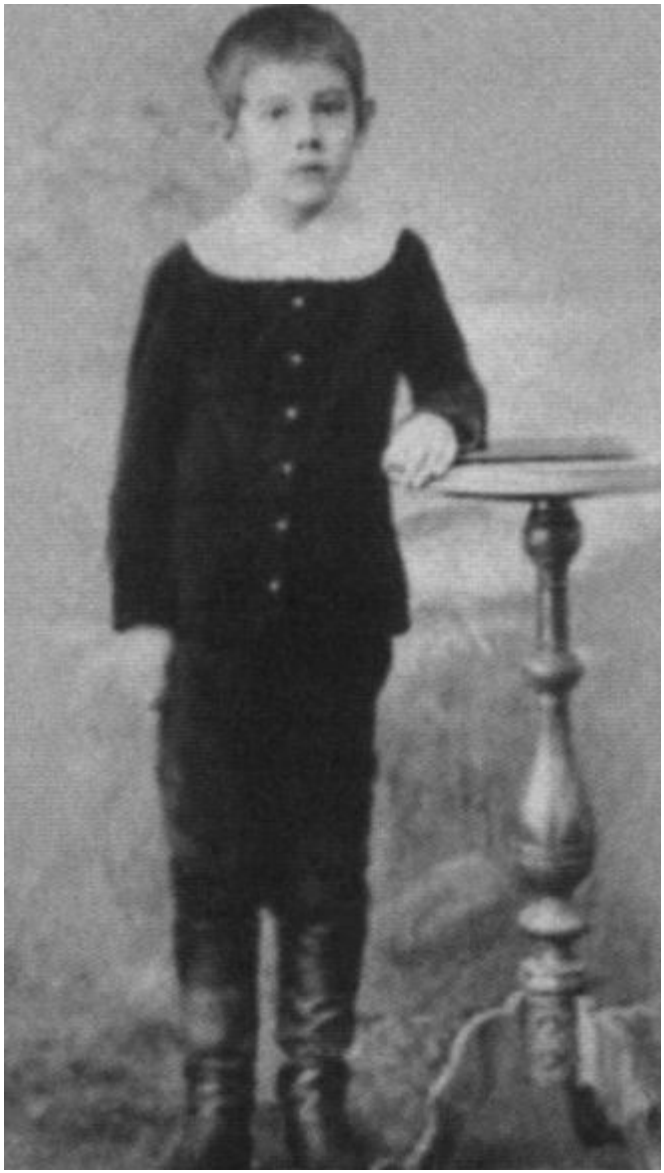
Мы не будем повторять уже сказанного и бросаться на защиту Беляева-писателя. Уже одно то, что советской власти нет, а книги его живут, свидетельствует о их принадлежности к литературе — литературе без кавычек и эпитетов.

И Беляев действительно заслужил звание классика. Потому что, открыв его в 1956 году, Россия научилась мечтать. И уже никогда не сможет разучиться.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Родители — Наталья Федоровна и Роман Петрович Беляевы



Саша Беляев. Смоленск. 1901 г

Одигитриевская церковь в Смоленске. Начало XX в.

Девятнадцатилетний Александр Беляев. Смоленск

Здание Смоленской духовной семинарии. Начало XX в.

Александр Беляев — студент Демидовского юридического лицея. Ярославль. 1902 г.

Здание Демидовского юридического лицея, разрушенное артобстрелом. Ярославль. 1918 г.

Александр Романович Беляев в должности присяжного поверенного. Смоленск. 1914 г.

Александр Беляев с другом детства Николаем Высоцким. Смоленск. 1910-е гг.

Будущая жена писателя Маргарита Магнушевская. Ялта. 1918 г.

Вид Ялты. Начало XX в.

Страницы «Книжки на память», написанной, нарисованной и подаренной А. Р. Беляевым жене Маргарите Константиновне. 1920-е

Эвакуация русской армии из Ялты. Ноябрь. 1920 г.

Александр Романович Беляев с дочкой Людмилой, его жена Маргарита Константиновна, брат и мать жены — Леопольд Константинович и Эльвира Юрьевна Магнушевские. Москва. 1928 г.

Маргарита Константиновна Беляева. Москва. 1929 г.

Шутки артистически и музыкально одаренного Беляева перед фотокамерой. Конец 1920-х гг.

(1857—1935 г.г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

ко второму изданию

Обстоятельный, добросовестный и благоприятный отзыв о романе А. Р. Беляева «Прыжок в ничто» сделан уважаемым проф. Н. А. Рынипым. Этот отзыв в качестве послесловия помещен и в настоящем, втором, издании.

Я же могу только подтвердить этот отзыв и прибавить, что из всех известных мне рассказов, оригинальных и переводных, на тему о межпланетных сообщениях роман А. Р. Беляева мне кажется наиболее содержательным и научным. Конечно, возможно лучшее, но однако пока его нет.

Поэтому я сердечно и искренно приветствую появление второго издания, которое, несомненно, будет способствовать распространению в массах интереса к заатмосферным полетам.

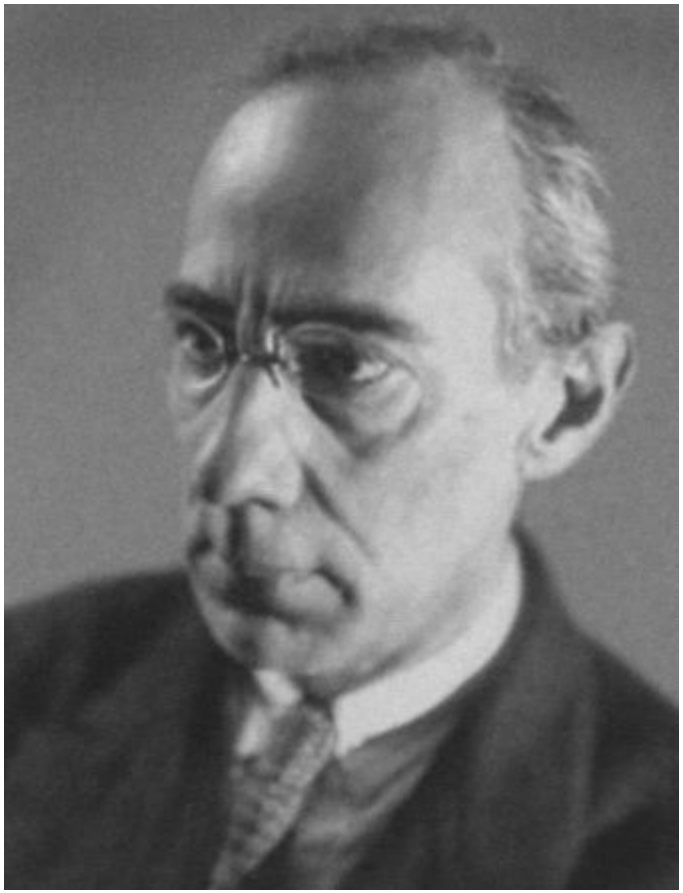
Вероятно, их ожидает великое будущее.

Калуга. К. Циолковский

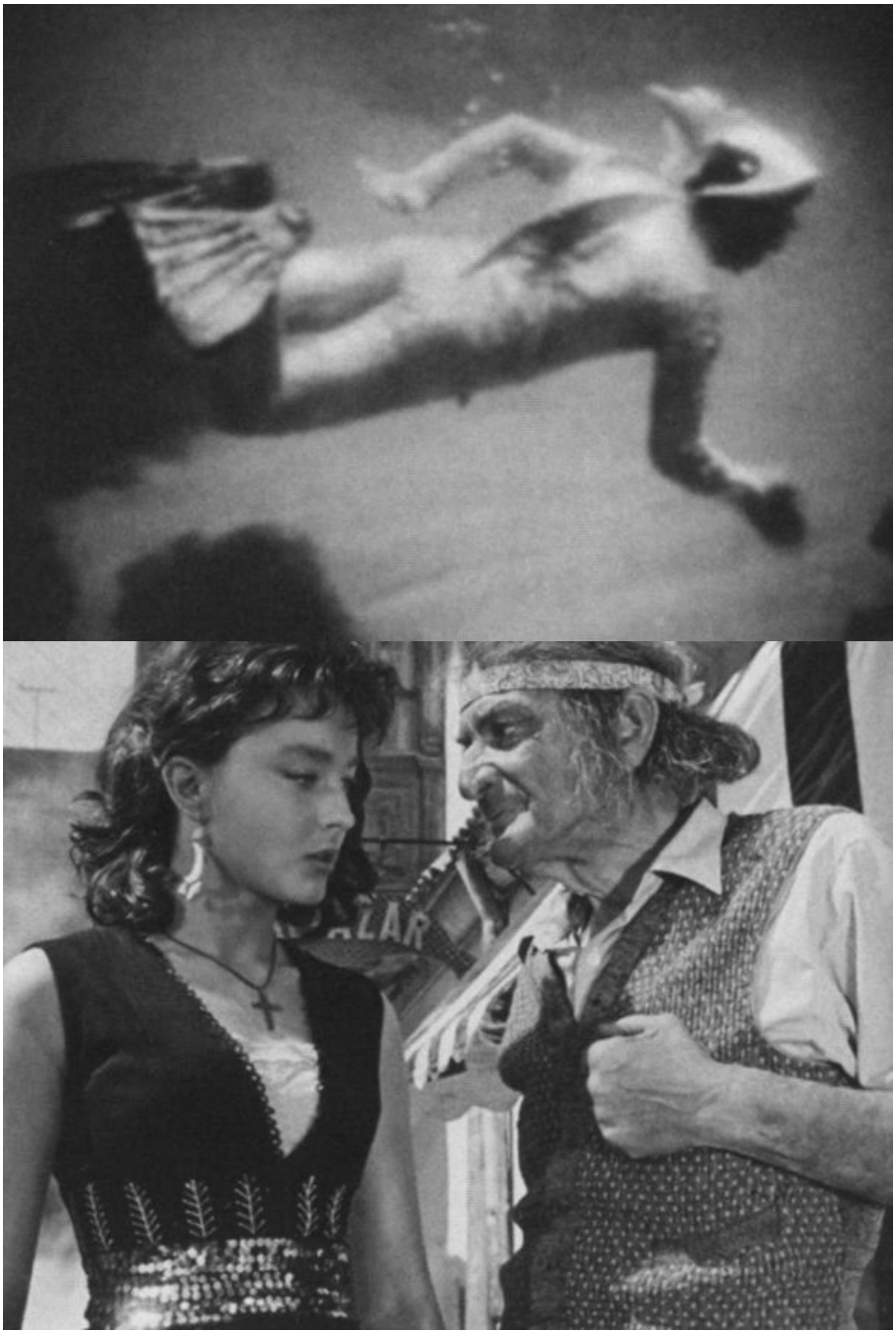
Предисловие к книге А. Р. Беляева «Прыжок в ничто». Март 1935 г.

Константин Эдуардович Циолковский. Калуга. 1932 г.

Индийский духовный учитель Кришнамурти в 1920-е годы. Историей его жизни навеян рассказ об Ариэле

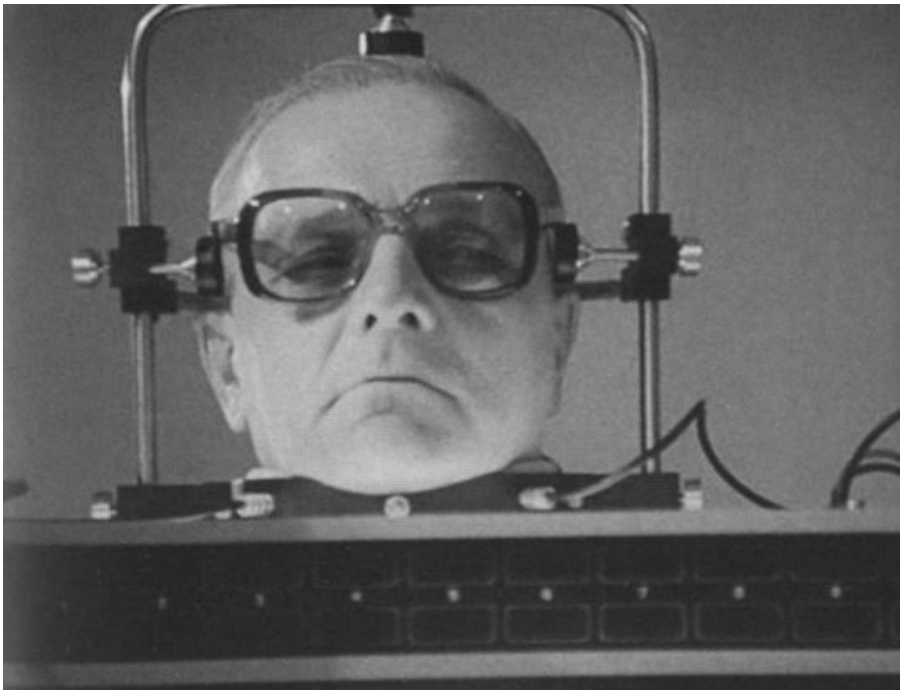


Писатель А. Р. Беляев в 1930-е годы



Кадры из фильма «Человек-амфибия». Киностудия «Ленфильм», 1962 г.

Актер Владимир Коренев в роли Ихтиандра



Кадр из фильма «Завещание профессора Доуэля». Киностудия

«Ленфильм», 1984 г.

Дочь Беляева Светлана в возрасте одиннадцати лет. 1940 г.

Светлана Александровна и Маргарита Константиновна Беляевы. Ленинград. 1970 г.

Надгробный памятник А. Р. Беляеву на Казанском кладбище в Пушкине. Здесь похоронена только его жена, а тело писателя покоится в братской могиле

Издания произведений А. Р. Беляева

Писатель-фантаст Александр Беляев

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Произведения А. Р. Беляева

Собрание сочинений: В 8 т. М.: Молодая гвардия, 1963–1964.

Собрание сочинений: В 5 т. Л.: Детская литература, 1983–1985.

Собрание сочинений: В 4 т. Воронеж: Анна, 1992 (Вышли Т. 1–3).

Собрание сочинений: В 9 т. М.:Терра, 1993–1994.

Полное собрание сочинений: В 5 т. М.: Литература: Престиж Бук, 2008.

Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Эксмо, 2009–2010.

1906[409]

0 Хлудовской фабрике (Рассказ рабочего) // Смоленский вестник. Смоленск (Далее: Смоленский вестник). 1906. № 97. 7 мая. С. 4 *[Б. п.];* № 98. 8 мая. С. 2 *[Подпись: Б. Р-нъ].* [Ответ: *Гончаров А.,* заведующий больницей Товарищества Ярцевской мануфактуры, врач. *Ярцево* (Письмо в редакцию) // Смоленский вестник. 1906. № 108. 18 мая. С. 3–4].

Ярцево [«4-го мая здешние рабочие с Хлудовской фабрики выработали целый ряд требований…»] // Смоленский вестник. 1906. № 99. 9 мая. С. 3 *[Подпись: Б. Р.].*

Ярцево [«Мастер слесарного отделения Хлудовской фабрики стал сбавлять плату…»] // Смоленский вестник. 1906. № 106. 16 мая. С. 3 *[Подпись: Б. Р-нъ].*

[Письмо в редакцию] // Смоленский вестник. 1906. № 114. 24 мая. С. *2 [Подпись: А. БЂляевъ, И. Бекинъ, П. Гильбертъ].*

Ярцево [«Рабочие Ярцевской мануфактуры, как известно[,] предъявили экономические требования…»] // Смоленский вестник. 1906. № 120. 30 мая. С. 4 *[Подпись: В-ръ].*

Ярцево [«В понедельник, 5 июня, в 7 ч. вечера в лесу около Ярцова *(так.)* состоялась сходка хлудовских рабочих…»] // Смоленский вестник. 1906. № 131. 10 июня. С. 4 *[Подпись: Б-ръ].*

Ярцево [«В среду 7-го июня на Хлудовской фабрике, насчитывающей до 9 тысяч рабочих, состоялся митинг…»] // Смоленский вестник. 1906. № 134. 13 июня. С. 4 *[Б. п.].*

1907

Народная лирика // Смоленский вестник. 1907. № 104. 27 апреля. С. 3 *[Подпись: Ал. Р-овъ]*.

Первая лекция в Смоленском Народном Университете // Смоленский вестник. 1907. № 210. 6 сентября. С. 3 *[Подпись: Б.]*.

1908

Концерт Эрденко // Смоленский вестник. 1908. № 221. 7 октября. С. 3 *[Подпись: Б.]*.

Концерт М. Д. Славянской // Смоленский вестник. 1908. № 236. 25 октября. С. *2 [Подпись: Б.]*.

Концерт М. А. Михайловой // Смоленский вестник. 1908. № 248. 8 ноября. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

1910

Концерт Гофмана // Смоленский вестник. 1910. № 81. 13 апреля. С. 3 *[Подпись: B-la-f]*.

[«21 апреля в зале Дворянского собрания состоялся концерт Смирнова, Вольской и П. Сироты…»] //Смоленский вестник. 1910. № 88. 23 апреля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Лабинского и Касторского // Смоленский вестник. 1910. № 91. 24 апреля. С. 2 *[Подпись: B-la-f]*.

[«Казалось мы совсем разучились смеяться…»] // Смоленский вестник. 1910. № 96. 4 мая. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

[«Вчера, в зале Благородного собрания, состоялся первый спектакль т-ва артистов Спб. Нового драматического театра…»] // Смоленский вестник. 1910. № 98. 6 мая. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

«Пути любви»//Смоленский вестник. 1910. № 101. 11 мая. С. 2–3 *[Подпись: B-la-f],*

Рижская опера//Смоленский вестник. 19Ю.№ 108. 20 мая. С. 2 *[Подпись: B-la-f-t (так!)]*.

[«В каждой опере, из какого-нибудь *(sic!)* уголка, выглядывает „Вампука“…»] // Смоленский вестник. 1910. № 109. 21 мая. С. *2 [Подпись: B-la-f],*

[«„Евгений Онегин“ — во всех отношениях удачный спектакль. <…>»] // Смоленский вестник. 1910. № 110. 22 мая. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

«Сатана» // Смоленский вестник. 1910. № 145. 6 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Комедия брака//Смоленский вестник. 1910. № 151. 13 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Тайфун // Смоленский вестник. 1910. № 167. 1 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Когда цветет молодое вино» // Смоленский вестник. 1910. № 175. 12 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

[«— Как вам нравится Смоленск? <…>»] // Смоленский вестник. 1910. № 182. 20 августа. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

(Цезарь и Клеопатра) // Смоленский вестник. 1910. № 185. 24 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Ядвиги Залесской // Смоленский вестник. 1910. № 213. 28 сентября. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Каринской // Смоленский вестник. 1910. № 226. 14 октября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

[?] Заново[410] // Смоленский вестник. 1910. № 243. 4 ноября. С. 3 *[Подпись: А. Б.* или *А. В.].*

Концерт Сливинского // Смоленский вестник. 1910. № 257. 20 ноября. С. 2 *[Подпись: Б-la-f <так!>].*

[«Концерт Южина несколько не оправдал ожиданий…»] // Смоленский вестник. 1910. № 259. 23 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

[«„Ночи безумные… пенье цыганское“. <…>»] // Смоленский вестник. 1910. № 268. 3 декабря. С. 3 *[Подпись: B-la-f],* Концерт Ауэра // Смоленский вестник. 1910. № 284. 23 декабря. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

1911

У передвижников//Смоленский вестник. 1911. № 7. 11 января. С. 3 *[Подпись: В.-l-a-f(так!)].*

Жеффруа Г[юстав] Ряса. (Пер. с фр. *А. Б.)* // Смоленский вестник. 1911. № 90. 24 апреля. С. 2.

[«Поставленная 16 мая во 2-ой раз оперетта „Ночь любви“ прошла гладко…»] // Смоленский вестник. 1911. № 108. 18 мая. С. 2 *[Подпись: В.-l-a-f(таК.)].*

«Распутица» Рышкова // Смоленский вестник. 1911. № 152. 12 июля. С. 2 *[Подпись: В.-l-a-f(так!)].*

[«Вчера в театре Лопатинского сада состоялся первый спектакль с участием г-жи Мунт „Дикарка“ <…>»] // Смоленский вестник. 1911. № 155. 15 июля. С. 2 *[Подпись: B-l-a-f(так!)].*

[«20 июля в театре Лопатинского сада была поставлена новая пьеса Г. Запольской…»] // Смоленский вестник. 1911. № 161. 22

июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Душа, тело и платье» // Смоленский вестник. 1911. № 164. 26 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Распродажа жизни» // Смоленский вестник. 1911. № 176. 11 августа. С. 2 *[Подпись: B-la-f].*

Miserere (Песнь горя) // Смоленский вестник. 1911. № 187. 26 августа. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

«Живой труп» на сцене Народного дома // Смоленский вестник. 1911. № 219. 6 октября. С. 2*[Подпись: B-la-f],*

(«В воскресенье, 27 ноября в зале Дворянского собрания состоялся концерт сестер Любошиц и Петровой-Званцевой…»] // Смоленский вестник. 1911. № 263. 29 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Бронислава Губермана // Смоленский вестник.

1911. № 276. 15 декабря. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Альфреда Гена // Смоленский вестник. 1911. № 280. 20 декабря. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

1912

[«„Обожжешься на молоке, — станешь дуть на воду“…»] // Смоленский вестник. 1912. № 103. 8 мая. С. 3 *[Подпись: B-1-a-f (так!)].*

«Прохожие» // Смоленский вестник. 1912. № 148. 3 июля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Псиша // Смоленский вестник. 1912. № 157. 13 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Милый Жорж//Смоленский вестник. 1912.№ 158. 14 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Мечта любви» // Смоленский вестник. 1912. № 163. 20 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Живой труп» // Смоленский вестник. 1912. № 170. 28 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

О репертуарах и пьесах // Смоленский вестник. 1912. № 171. 31 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],* (Ответ: *Глаголин Б.* Репертуарный разговор (Письмо в редакцию) // Смоленский вестник. 1912. № 176. 5 августа. С. 3–4].

Неудачные парадоксы//Смоленский вестник. 1912. № 181. 12 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],* [Отклики: *Глаголин Б. О* плохом театре. (Письмо в редакцию) // Смоленский вестник. 1912. № 183. 15 августа. С. 3; *Старый.* О письме г. Глаголина // Там же. С. 3].

О провинциальных синицах и столичных журавлях //

Смоленский вестник. 1912. № 184. 17 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],* [Ответ: *Глаголин Б.* Моим критикам (Письмо в редакцию) // Смоленский вестник. 1912. № 189. 23 августа. С. 3; № 190. 24 августа. С. 3–4].

Доктор Штокман // Смоленский вестник. 1912. № 187. 21 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

«Дети Ванюшина» // Смоленский вестник. 1912. № 188. 22 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

К сегодняшнему бенефису Глаголина // Смоленский вестник. 1912. № 188. 22 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

Царь Федор Иоаннович // Смоленский вестник. 1912. № 190. 24 августа. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

К вопросу об открытии в Смоленске городской аптеки // Смоленский вестник. 1912. № 222. 4 октября. С. 2.

Концерт великорусского оркестра Андреева // Смоленский вестник. 1912. № 244. 30 октября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],* Пер Понт в Московском Художественном театре // Смоленский вестник. 1912. № 251. 7 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],* Концерт Плевицкой // Смоленский вестник. 1912. № 270. 30 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

К сегодняшнему концерту Ванды Ландовска // Смоленский вестник. 1912. № 275. 30 ноября. С. [3] *[ошибочно проставлено:* 2; *Подпись: B-la-f],*

1913

«Лекция» об искусстве г. Бернова // Смоленский вестник. 1913. № 22. 26 января. С. 2–3 *[Подпись: А. Б.].*

По поводу письма г-на Бернова (Письмо в редакцию) // Смоленский вестник. 1913. № 29. 5 февраля. С. 2 *[Подпись: А. Б.].*

Концерт Гофмана // Смоленский вестник. 1913. № 31. 7 февраля. С. 2 *[Подпись: B-ia-j (так!)].*

Пате — лектор // Смоленский вестник. 1913. № 32. 2 февраля. С. 3.

Гастроль босоножки Елизаветы Гульбе // Смоленский вестник. 1913. № 46. 27 февраля. С. 2. *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Шевелева // Смоленский вестник. 1913. № 54. 8 марта. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Всеобщая забастовка в Бельгии (От нашего корреспондента) // Смоленский вестник. 1913. № 82. 11 апреля. С. 2 *[Подпись: Б.].*

Прогулка на гидро-аэроплане (Из заграничных впечатлений) // Смоленский вестник. 1913. № 89. 21 апреля. С. 2.

Концерт М. А. Михайловой // Смоленский вестник. 1913.

№ 91. 24 апреля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Девушка за стеной. Сцены А. Серафимовича // Смоленский вестник. 1913. № 101. 5 мая. С. 2 *[Подпись: Б.]*

Концерт Серебрякова//Смоленский вестник. 1913. № 113. 23 мая. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

«Лес» // Смоленский вестник. 1913. № 123. 6 июня. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

К театральному вопросу // Смоленский вестник. 1913. № 126. 9 июня. С. 2 *[Подпись: Б.].*

Последняя жертва // Смоленский вестник. 1913. № 148. 6 июля. С. 3 *[Подпись: B-la-f],*

[Театральные заметки.] [«В последнее время поразительных результатов…»] // Смоленский вестник. 1913. № 151. 10 июля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

За стенами // Смоленский вестник. 1913. № 152. 11 июля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

«Крылья смерти» // Смоленский вестник. 1913. № 154. 13 июля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Театральные заметки. О публике // Смоленский вестник. 1913. № 158. 13 июля. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Восхождение на Везувий (Из заграничных впечатлений) // Смоленский вестник. 1913. № 185. 21 августа. С. 2; № 189. 25 августа. С. 2; № 191. 28 августа. С. 2 *[Подпись: А. Б.].*

Концерт Зилоти и Збруевой // Смоленский вестник. 1913. № 213. 25 сентября. С. 2 *[Подпись: B-la-t (так!)].*

Концерт Рахманинова // Смоленский вестник. 1913. № 225. 10 октября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт Доры Строевой // Смоленский вестник. 1913. № 227. 12 октября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Цена жизни // Смоленский вестник. 1913. № 245. 2 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

Концерт А. Гена // Смоленский вестник. 1913. № 252. 10 ноября. С. 2 *[Подпись: B-la-f],*

1914

Концерт Мееровича, Требинского и Ухова // Смоленский вестник. 1914. № 5. 8 января. С. *2 [Подпись: А. Б.].*

Интересный концерт// Смоленский вестник. 1914. № 88. 20 апреля. С. 2 *[Подпись: А. Б.].*

Раздельное жительство супругов // Смоленский вестник. 1914. № 96. 1 мая. С. 2.

Раздельное жительство супругов. П. Имущественное право //

Смоленский вестник. 1914. № 99. 6 мая. С. 3.

Осложняющийся кризис [О правительственном кризисе во Франции] //Смоленский вестник. 1914. № 117. 1 июня. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

Моряки // Смоленский вестник. 1914. № 145. 4 июля. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

Женитьба Белугина // Смоленский вестник. 1914. № 148. 8 июля. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

«Вишневый сад» // Смоленский вестник. 1914. № 151. 11 июля. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

В самозащите // Смоленский вестник. 1914. № 156. 17 июля. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

Бабушка Мойра (Пьеса-сказка в 4-х д. для детского спектакля) // Занавес поднят! [Бесплатное приложение к № 7 журнала «Проталинка» за 1914 год] [М., 1914]. С. 7–30.

[?] «Концерт» // Смоленский вестник. 1914. № 288. 26 ноября. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

1915

[?] Концерт Завадского //Смоленский вестник. 1915. № 63. 6 марта. С. 2 *[Подпись: Б.]*.

На курортах (Из крымских впечатлений) // Приазовский край. Р.-н/Д. (Далее: Приазовский край). 1915. № 184. 14 июля. С. 2.

Роль Англии в мировой войне // Приазовский край. 1915. № 209. 9 августа. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

Организация тыла // Приазовский край. 1915. № 234. 4 сентября. С. 1.

На западном фронте // Приазовский край. 1915. № 245. 17 сентября. С. 2.

Экзамены для родителей // Приазовский край. 1915. № 247. 19 сентября. С. 2.

«Лишаемые прав» // Приазовский край. 1915. № 252. 24 сентября. С. 3.

«Вишневый сад» // Приазовский край. 1915. № 256. 28 сентября. С. 3.

«Доходное место» // Приазовский край. 1915. № 262. 5 октября. С. 3.

«Всероссийское горе» // Приазовский край. 1915. № 266. 9 октября. С. 3.

В борьбе с дороговизной// Приазовский край. 1915. № 275. 18 октября. С. 2.

Беззащитные // Приазовский край. 1915. № 283. 27 октября. С. 4.

[Рецензия:] «Нейтралитет Бельгии». Официальное издание бельгийского правительства. XXIX, 195 стр. Петроград, издательство «Библиотека Великой Войны», 1915 г. Цена 1 руб. // Приазовский край. 1915. № 289. 2 ноября. С. 4 *[Подпись: А. Б-въ]*.

[Рецензия:] С. *П. Гернет.* Миниатюры Скальда. Петроград, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к. С. Я. *Гернет.* Сатиры Скальда. Петроград, 1915 г. 1 р. 50 к. // Там же. С. 4 *[Подпись: А. Б.]*.

«Чужие» Потапенко (Бенефис Н. И. Соболыцикова-Сама-рина) // Приазовский край. 1915. № 295. 8 ноября. С. 5.

К письму г. Смирнова // Приазовский край. 1915. № 304. 17 ноября. С. 4.

«Мы не знали!» // Приазовский край. 1915. № 312. 29 ноября. С. 3.

Только один вечер // Приазовский край. 1915. № 317. 1 декабря. С. 2.

Мимоходом // Приазовский край. 1915. № 318. 2 декабря. С. 3 *[Подпись: А. Б.]*.

Язык цыфр *(так!)* // Приазовский край. 1915. № 323. 8 декабря. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

Благотворительный концерт // Там же. С. 4 *[Подпись: А. Б.]*.

Веревочки // Приазовский край. 1915. № 326. 11 декабря. С. 2.

К родителям и педагогам // Приазовский край. 1915. № 328. 13 декабря. С. 4.

Взятка// Приазовский край. 1915. № 335. 20 декабря. С. 2. Берлин в 1925 г. (Очерк) // Приазовский край. 1915. № 340. 25 декабря. С. 5–6.

1916

Скаутизм и «потешные» // Приазовский край. 1916. № 10. 12 января. С. 2.

Хождение в народ// Приазовский край. 1916. № 14. 16 января. С. 2.

[Рецензия:] Павел Тулуб[,] член киевского окружного суда. Из судейской практики. Решение по гражданским делам. Вып. первый. Киев. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к. // Приазовский край. 1916. № 16. 18 января. С. 4 *[Подпись: А. Б-въ]*.

Изобретатели // Приазовский край. 1916. № 22. 24 января. С. 2.

«Душа Востока» // Приазовский край. 1916. № 36. 8 февраля.

С. 2.

Права грузоотправителей // Приазовский край. 1916. № 43. 15 февраля. С. 1–2.

[Рецензия:] Критика о творчестве Игоря Северянина. Статьи и рецензии. Изд. В. В. Пашуканиса. Москва // Приазовский край. 1916. № 77. 21 марта. С. 4.

Враг в небе (Набросок) // Приазовский край. 1916. № 95. 10 апреля. С. 8–9.

Господин капитал // Приазовский край. 1916. № 116. 3 мая. С. 2 [В конце текста: *Петроград*].

Петроград и провинция // Приазовский край. 1916. № 120. 7 мая. С. 2 [В конце текста: *Петроград*].

Всемирный язык//Приазовский край. 1916. № 123. 10 мая. С. 1–2 [В конце текста: *Петроград*]. [Отклик: *Эрдманн Э.* Еще о «всемирном языке»// Приазовский край. 1916. № 132. 19 мая. С. 2].

Художественный театр и провинция (К гастролям ансамбля Московского Художественного театра) // Приазовский край. 1916. № 120. 17 июня. С. 3.

Спящая царевна (Из кавказских впечатлений) // Приазовский край. 1916. № 161. 20 июня. С. 2; № 162. 21 июня. С. 2.

Военная литература // Приазовский край. 1916. № 170. 29 июня. С. 3.

О чехах// Приазовский край. 1916. № 214. 14 июня. С. 2. [Рецензия:] «Новый журнал для всех». № 4–6 // Приазовский край. 1916. № 250. 22 сентября. С. 5.

В защиту квартирантов // Приазовский край. 1916. № 261. 4 октября. С. 2–3.

Чаши гнева Господня (Рассказ) // Приазовский край. 1916. № 340. 25 декабря. С. 7–8.

[Рецензия:] «Чашка чая», ежемесячный альманах, вып. первый. Издание комитета по оказанию помощи больным и раненым *(так.)* воинам гг. Ростова и Нахичевани н-Д. // Приазовский край. 1916. № 342. 29 декабря. С. *5 [Подпись: А. Б.]*.

1917

Отклики. I. О хорошем тоне // Приазовский край. 1917. № 288. 9 декабря. С. 2.

[?] ***(«Друг мой? Разве ты думаешь, что всем так уж скверно на свете живется?..») // Дым нашей сигары. [М.], [1917]. С. 55 *[Подпись: Александръ БЬляевъ]*.

[?] *** («Отчего ты грустишь, моя милая?..») // Дым нашей

сигары. [М.], [1917]. С. 56 *[Подпись: Александръ БЂляевъ]*. [Несмотря на то, что имя и фамилию Беляева нельзя назвать редкими, во всей русской периодике в качестве подписи под стихами подобное сочетание встречается лишь однажды. Это позволяет высказать предположение, что данные стихи могут принадлежать перу А. Р. Беляева].

1918

Письма иностранца // Ялтинский голос. Ялта (Далее: Ялтинский голос). 1918. № 77.

Единство России //Ялтинский голос. 1918. № 159.

1919

Церковь и государство // Ялтинский голос. 1919. № 585. 13 октября.

Последнее письмо Леонида Андреева // Ялтинский голос. 1919. № 591. 20 октября.

1920

А. И. Герцен и новая Россия // Ялтинский голос. 1920. № 653.

«Смех и горе» // Ялтинский голос. 1920. № 674.

Дача А. П. Чехова // Наш путь. Ялта (Далее: Наш путь). 1920. № 121.

Левитан // Наш путь. 1920. № 128.

1923

Положение внешних почтово-телеграфных сношений С.С.С.Р. // Жизнь связи. М. (Далее: Жизнь связи). 1923. № 5. Май. С. 9–12. *[Подпись: Б.]*.

[?] Из прошлого связи. Великобританская почтовая реформа в XIX веке; Воздушное почтовое сообщение в франко-прусскую войну; Происхождение почтового ящика // Жизнь связи. 1923. № 10. С. 131–132 *[Подпись: Б.]*.

[?] Из прошлого связи. I. Почта до основания Всемирного Почтового Союза. II. Китайская почта. III. Из истории телеграфирования // Жизнь связи. 1923. № 11. С. 117–120

[Подпись: Б.].

1924

В киргизских степях (Рассказ начальника Округа) // Жизнь и техника связи. М. (Далее: Жизнь и техника связи). 1924. № 3. Март. С. 76–82.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 1 (4). Апрель. С. 109–113 *[Подпись: А. Б-ев; в «Содержании»: А. Б.-в.]*.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 2 (5). Май. С. 117–123 *[Подпись: А. Б-ев]*.

1124 дня // Там же. С. 147 *[Подпись: Б.]*.

Новая «эпидемия» // Там же. С. 148 *[Подпись: А. Б.]*. [Рецензия:] Х. Диамент. — Рабочий профессиональный клуб. В помощь клубным работникам. Издательство МГСПС «Труд и Книга». Москва. 1924. 79 с. // Там же. С. 166–167.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 6. Июнь. С. 117–123.

[Рецензия:] Советский филателист. № 4 и 5–1924 г. //Там же. С. 176–177 *[Подпись: А. Б.]*.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 7. Июль. С. 115–119 *[Подпись: А. Б.]*.

В поисках виноватого (О крестьянской печати) // Там же. С. 102–104 *[Подпись: Романыч]*.

[Рецензия:] Беспроволочный телеграф, его применение в мирное время и на войне. — Вердье. — Цена 35 франков //Там же. С. 154 *[Подпись: Б.]*.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 8. Август. С. 113–118 *[Подпись: А. Б-ев]*.

На путях к НОТ // Там же. С. 103–106 *[Подпись: Романыч]*. [Рецензия:] «Система и Организация». № 6–1924 г. Изд. «Вся Россия» //Там же. С. 167–168 *[Подпись: Б.]*.

Закон о частном радиолюбительстве // Жизнь и техника связи. 1924. № 9/10. С. 11–16.

О чем нам пишут // Там же. С. 145–150 *[Подпись: А. Б.]*. [Рецензия:] «Советская волость». № 7, июнь 1924 г. Изд. НКВД // Там же. С. 211 *[Подпись: А. Б-ев]*.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 11. С. 123–128 *[Подпись: А. Б-ев]*.

[Рецензия:] Что такое статистика и для кого она нужна. (Популярное пособие для работников связи). Москва. Статистический отдел НКПиТ. 126 с. Коллективный труд В. Г. Песчанского, Д. В. Савинского, Н. А. Сетницкого,

Я. С. Улицкого, под редакцией нач. статотдела НКПиТ Песчанского //Там же. С. 180 *[Подпись: А. Б-в]*.

О чем нам пишут // Жизнь и техника связи. 1924. № 12. С. 107–111 *[Подпись: А. Б-ев]*.

Кабель Америка — Европа // Там же. С. 133–137 *[Подпись: Н.Л.* (Н. П. Лапин) и *Я. Б.]*.

1925

Голова профессора Доуэля // Всемирный следопыт. М. (Далее: Всемирный следопыт). 1925. № 3. С. 17–27; № 4. С. 24–31 // Рабочая газета. М. 1925. № 134–152. 16 июня — 7 июля.

Последний человек из Атлантиды // Всемирный следопыт. 1925. № 5. С. 45–61; № 6. С. 50–65; № 7. С. 58–74; № 8. С. 28–47.

Перспективы п[очтово]-т[елеграфного] обмена в ближайшее трехлетие // Жизнь и техника связи. 1925. № 10. С. 6–12.

На пороге 9-го года // Жизнь и техника связи. 1925. № 11. С. 7–15.

Три портрета // Жизнь и техника связи. 1925. № 11.С. 120–126 *[Подпись: А. Ром)*.

О рационализации в НКТП //Жизнь и техника связи. 1925. № 12. С. 73–76.

1926

О путях развития связи // Жизнь и техника связи. 1926. № 1.С. 4–8.

Новые громкоговорители. La science et la Vie. № 97. 1925 г.// Там же. С. 35–36 *[Подпись: А. Б.]*.

Почтовая клиентура//Там же. С. 38–42 *[Подпись: А. Б.]*. Сверхъестественные задания // Там же. С. 48–50 *[Подпись: Ал. Ром.]*.

[?] Вредный уклон // Жизнь и техника связи. 1926. № 3. С. 64*[Подпись: А. Б.]*. [Корреспонденция из Дмитровска] *[Подпись: А. Б.]*.

Остров Погибших Кораблей (Фантастический кинорассказ) // Всемирный следопыт. 1926. № 3. С. 3–19; № 4. С. 21–38.

[?] Письмоносцы в омутнинских лесах // Жизнь и техника связи. 1926. № 5. С. 64–65 *[Подпись: Романов]*.

Счастливые американцы // Там же. С. 73–75.

Ни жизнь, ни смерть // Всемирный следопыт. 1926. № 5. С. 3–15; № 6. С. 3–14.

Английская забастовка и связь // Жизнь и техника связи. 1926. № 6. С. 80–83.

Идеофон // Всемирный следопыт. 1926. № 6. С. 29–33 *[Подпись: А. Ром]*.

Белый дикарь// Всемирный следопыт. 1926. № 7. С. 3–19. «Высокий штиль» // Жизнь и техника связи. 1926. № 8/9. С. 70–71 *[Подпись: А. Б.]*.

«Известия ЦИК СССР». 11 августа 1926 г. № 182 // Там же. С. 108–109 [Ответ на фельетон Г. Рыклина «Почту кружит»].

Мир в стеклянном шаре (Отрывок из рас. «Гость из книжного шкафа») // Всемирный следопыт. 1926. № 9. С. 74–75.

Страх//Жизнь и техника связи. 1926. № 11. С. 57–61 *[Подпись: А. Ром]*.

[?] Почтовая связь в Казахстане // Там же. С. 55 *[Подпись: Б]*. Властелин мира // Гудок. 1926. № 241–257. 19 октября — 6 ноября; № 260–267. 10 ноября —18 ноября.

Цветные штаты // Жизнь и техника связи. 1926. № 12. С. 48–50 *[Подпись: А. Б.]*.

Гость из книжного шкафа // *Беляев А.* Голова профессора Доуэля. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. С. 153–199.

Голова профессора Доуэля. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. 200 с. [Голова профессора Доуэля (с. 5-76) — Человек, который не спит (с. 77—151) — Гость из книжного шкафа (с. 153–199)]. Современная почта за границей. М.: [Связь], 1926. 184 с.

1927

Народная связь в условиях социалистического строительства // Жизнь и техника связи. 1927. № 1. С. 6–8.

Радиополис (Научно-фантастическая повесть) // Жизнь и техника связи. 1927. № 1. С. 76–80; № 2. С. 64–68; № 3. С. 62–65; № 4. С. 66–70; № 5. С. 94–97; № 6. С. 99–103; № 7. С. 93–95; № 8/9. С. 127–130.

Над черной бездной // Вокруг света. М. (Далее; Вокруг света). 1927. № 2. С. 28–29; № 3.

Охота на Большую медведицу // Вокруг света. 1927. № 4. С. 61–62.

Верн Ж. В 2889 году // Вокруг света. 1927. № 5. С. 67–70. [Перевод и примечания А. Беляева].

Остров Погибших Кораблей [Окончание] // Всемирный следопыт. 1927. № 5. С. 323–343; № 6. С. 403–422.

Среди одичавших коней // Всемирный следопыт. 1927. № 12. С. 908–919.

Остров Погибших Кораблей: Последний человек из Атлантиды. М.; Л.; Земля и фабрика, [1927]. 334 с.

1928

Пересылка посылок // Жизнь и техника связи. 1928. № 2. С. 56–58 *[Подпись: А. Б.]*.

Человек-амфибия // Вокруг света. 1928. № 1. С. 1–5; № 2. С. 17–22; № 3. С. 33–38; № 4. С. 49–52; № 5. С. 65–69; № 6. С. 81–85; № 11. С. 161–166; № 12. С. 180–186; № 13. С. 196–202.

Сезам, откройся! // Всемирный следопыт. 1928. № 4. С. 286–297 *[Подпись: А. Ром]*.

Указ. соч. [Под назв.: «Электрический слуга»] // Вокруг света. Л. 1928. № 49 *[Подпись: Роме]*. [Опубликованный в ленинградском журнале «Вокруг света» (1928. № 49. С. 7—11) рассказ «Электрический слуга» представляет собой обратный перевод с иврита из нью-йоркской еврейской газеты].

Мертвая голова // Вокруг света. Л. 1928. № 17. С. 257–260; № 18. С. 273–276; № 19. С. 289–292; № 20. С. 305–308; № 21. С. 321–325; № 22. С. 337–341.

Вечный хлеб // *Беляев А.* Борьба в эфире. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. С. 143–228.

Фантастика и наука (Очерк) // *Беляев А.* Борьба в эфире. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. С. 309–323.

Спутник письмоносца: Элементарное руководство по справочной службе почтовика. М.: Издательство НКПТ, 1928. XVI, 297 с. [На обл.: 1927].

Человек-амфибия (Научно-фантастический роман). М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. 200 с. (2-е изд. М.; Л.: Земля и фабрика, [1928]. 204 с.).

Борьба в эфире. М.;Л.: Молодая гвардия, 1928. 335 с. [Борьба в эфире (с. 9—142) — Вечный хлеб (с. 143–228) — Ни жизнь, ни смерть (с. 229–282) — Над бездной (с. 283–306) — Фантастика и наука (с. 309–323)).

1929

Инстинкт предков // На суше и на море. М. 1929. № 1. С. 6–8; № 2. С. 4–5.

Светопреставление // Вокруг света. Л. 1929. № 1. С. 2–6; № 2. С. 3–8; № 3. С. 1–5; № 4. С. 1–6; № 7. С. 20–24.

Изобретения профессора Вагнера (Материалы к его

биографии, собранные А. Беляевым: Творимые легенды и апокрифы) [1. Человек, который не спит; 2. Случай с лошадью; 3. О блохах; 4. Человек-термо] // Всемирный следопыт. 1929. № 4. С. 273–278.

Мертвая зона//Вокруг света. Л. 1929. № 12. С. 18–21.

Продавец воздуха // Вокруг света. 1929. № 4. С. 49–56; № 5. С. 70–75; № 6. С. 86–91; № 7. С. 104–108; № 8. С. 118–123; № 9. С. 129–134; № 10. С. 146–149; № 11. С. 161–165; № 12. С. 183–187; № 13. С. 197–203.

Человек, потерявший лицо // Вокруг света. Л. 1929. № 19. С. 1–5; № 20. С. 6–9; № 21. С. 18–22; № 22. С. 18–22; № 23. С. 19–23; № 24. С. 19–23; № 25. С. 21–23.

Отворотное средство // Вокруг света. Л. 1929. № 27. С. 9–11.

Чертова мельница (Изобретения профессора Вагнера) // Всемирный следопыт. 1929. № 9. С. 662–670.

В трубе // Вокруг света. Л. 1929. № 33. С. 4–7 *[Подпись: А. Ром]*.

Амба (Изобретения профессора Вагнера) // Всемирный следопыт. 1929. № 10. С. 723–738.

Легко ли быть раком? (Биологический рассказ-фантазия) // Вокруг света. 1929. № 19. С. 302–304 *[Подпись: А. Ром]*.

Держи на Запад! // Знание — сила. М. (Далее: Знание — сила). С. 284–288.

Верхом на ветре // Вокруг света. 1929. № 23. С. 353–359 *[Подпись: А. Ром]*.

Золотая гора // Борьба миров [Иллюстрированный альманах; приложение к журналу «Вокруг света»]. Л. 1929. № 2. С. 33–60.

[Предисловие к роману Д. Лондона «Лунная долина»] // *Лондон Д.* Полное собрание сочинений [Приложение к журналу «Всемирный следопыт» за 1928–1929 годы]. М.: Земля и фабрика, 1929. Т. XVIII. Кн. 34. С. 3–5.

[Предисловие к роману Д. Лондона «Железная пята»] // *Лондон Д.* Полное собрание сочинений [Приложение к журналу «Всемирный следопыт» за 1928–1929 годы]. М.: Земля и фабрика, 1929. Т. XXIII. Кн. 46. С. 5–6.

Властелин мира (Научно-фантастический роман). Л.; Красная газета, 1929. 259 с. [Приложение к журналу «Вокруг света»].

Остров Погибших Кораблей: Последний человек из Атлантиды. 2-е изд. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 333 с.

Человек-амфибия. 3-е изд. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 204 с.

1930

Хойти-Тойти // Всемирный следопыт. 1930. № 1. С. 24–42; № 2. С. 102–123.

Нетленный мир// Знание — сила. 1930. № 2. С. 5.

Город победителя (Этюд) // Всемирный следопыт. 1930. № 4. С. 271–287.

Подводные земледельцы // Вокруг света. 1930. № 9. С. 123–133; № 10. С. 145–149; № 11. С. 161–166; № 12. С. 177–181; № 13. С. 193–197; № 14. С. 209–213; № 15. С. 226–229; № 16. С. 241–244; № 17. С. 257–260; № 18. С. 274–276; № 19. С. 289–292; № 20. С. 305–308; № 21. С. 321–323; № 22/23. С. 337–339.

Что правда и что вымысел в романе «Подводные земледельцы» // Вокруг света. 1930. № 22/23. С. 359 *[Б. п.]*.

ВЦБИД // Знание — сила. 1930. № 6. С. 3–7; № 7. С. 2–5. Гражданин Эфирного Острова // Всемирный следопыт. 1930. № 10/11. С. 796–800.

Зеленая симфония: Очерк о Зеленом городе // Вокруг света. 1930. № 22/23. С. 340–342; № 24. С. 368–370 *[Подпись: А. Ром]*.

Дорогой Чандана // Вокруг света. 1930. № 24. С. 361–365; № 25/26. С. 377–381.

Людина-амфібія / Пер. Вовчик. Харків: Державне видавництво України, 1930. 232 с. [На обложке: А. Беляев].

1931

Воздушный змей // Знание — сила. 1931. № 2. С. 2–6. Сильнее бога // Природа и люди. 1931. № 10. С. 11–20 *[Подпись: Арбель]*.

Освобожденные рабы // Природа и люди. М. (Далее: Природа и люди). 1931. № 13/14. С. 44–50.

Солнечные лошади // Природа и люди (с № 20: Революция и природа). № 19. С. 10–13; № 1 (20). С. 42–45 *[Подпись: Арбель]*.

Заочный инженер // Революция и природа (Природа и люди). 1931. № 2 (21). С. 28–34.

О КАС и персиковой косточке // Там же. С. 60–63 *[Подпись: А. Б.]*.

Шторм // Революция и природа (Природа и люди). 1931. № 3. С. 39–41; № 4/5. С. 39–44.

Сильнее бога // Революция и природа (Природа и люди). 1931. № 10. С. 11–20 *[Подпись: Арбель]*.

Чертово болото // Знание — сила. 1931. № 15. С. 2–7.

Земля горит // Вокруг света. Л. 1931. № 30. С. 15–18; № 31. С. 19–21; № 32/33. С. 15–18; № 34/35. С. 7–11; № 36. С. 17–20.

На воздушных столбах // Борьба миров. Л. 1931. № 1. С. 30–

41 *[Подпись: А. Ром]*.

Как можно летать без мотора (К рассказу А. Рома «На воздушных столбах») // Там же. С. 76 *[Б. п.]*.

Каменное сердце // Всемирный следопыт. 1931. № 10. С. 1–3 *[Подпись: Арбель]*.

Веселый Таи // Всемирный следопыт. 1931. № 12. С. 5–7 *[Подпись: Арбель]*.

1932

Голубой уголь // Полярная правда. Мурманск (Далее: Полярная правда). 1932. № 60. 11 марта. С. 2.

Спасайте архив по истории гражданской войны // Полярная правда. 1932. № 84. 9 апреля. С. 4.

Создадим мурманский зоопарк // Полярная правда. 1932. № 89. 15 апреля.

Больные вопросы рабочего изобретательства // Полярная правда. 1932. № 118. 22 мая. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

ИТС и техпропаганда // Полярная правда. 1932. № 130. 5 июня. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

Севтралтрест должен иметь техническую станцию // Полярная правда. 1932. № 139. 16 июня. С. 3.

Озеленение Мурманска — забытый участок // Полярная правда. 1932. № 155. 5 июля. С. 4.

Радио-узел должен решительно перестроить свою работу // Полярная правда. 1932. № 211. 10 сентября. С. 4 *[Подпись: А. Б.]*.

Еще об озеленении города // Полярная правда. 1932. № 221. 11.09. С. 4.

К. Э. Циолковский // Полярная правда. 1932. № 233. 15 сентября.

Будет ли этому конец? (Письмо из Севтралтреста) // Полярная правда. 1932. № 235. 17 сентября. С. 2.

Беспризорный уголь […]// Заполярный металлист. Мурманск (Далее: Заполярный металлист). 1932. № 4. 22 июля. С. 2.

[«2 года как работает бондарный завод…»] // Там же. С. 2 *[Подпись: рабкор А. Б.]*.

Трест, прими меры // Там же. С. 2 *[Подпись: рабкор А. Б.]*. Товары под угрозой // Заполярный металлист. 1932. № 5. 27 июля. С. 2.

Славный путь к славному юбилею [К 40-летию литературной деятельности А. М. Горького] // Мурманский портовик. 1932. № 19. 26 сентября. С. 2 *[Подпись: А. Б.]*.

1933

Встреча Нового 1954 года // Еж. Л. (Далее: Еж). 1933. № 12. С. 6–9.

Игры у животных // Чиж. Л. (Далее: Чиж). 1933. № 6. С. 4–6.

Огни социализма, или Господин Уэллс во мгле // Вокруг света. 1933. № 13. С. 10–13.

Рассказы о дедушке Дурове // Чиж. 1933. № 7. С. 8–9; № 8. С. 8–9; № 9.'С. 4–5; № 10. С. 16–17; № 11. С. 16–17; № 12. С. 4–5.

Необычайные происшествия // Еж. 1933. № 9. С. 25–26; № 10. С. 23; № 11. С. 29–30.

Рекордный полет// Еж. 1933. № 10. С. 16–19.

Стормер-сити [Отрывок из романа «Прыжок в ничто»] // Юный пролетарий. Л. (Далее: Юный пролетарий). 1933. № 8. С. 21–23.

Пики (Из нового романа об электрофикации СССР) // Юный пролетарий. 1933. № 11. С. 16–17.

О необычайных происшествиях // Еж. 1933. № 12. С. 30 *[Б. п.]*. Прыжок в ничто. Д.; М.: Молодая гвардия, 1933. 243 с.

1934

Создадим советскую научную фантастику //Литературный Ленинград. 1934. № 40. 14 августа. С. 4–6.

Воздушный корабль // Вокруг света. Л. 1934. № 10. С. 1–4; № 11. С. 5–7; № 12. С. 14–18.

1935

Воздушный корабль [Окончание] // Вокруг света. Л. 1935. № 1. С. 5–9; № 2. С. 13–17; № 3. С. 8–12; № 4. С. 10–14; № 5. С. 20–23; № 6. С. 15–19.

Слепой полет // Уральский следопыт. Свердловск. 1935. № 1.С. 27–34.

Пропавший остров// Юный пролетарий. 1935. № 12. С. 24–32. Памяти великого ученого изобретателя // Юный пролетарий. 1935. № 23. С. 43–44.

Академик Павлов// Юный пролетарий. 1935. № 24. С. 44–48. Прыжок в ничто. 2-е изд., перераб. Л.: Молодая гвардия, 1935. 303 с.

Чудесне око (Науково-фантастичний роман). Київ: Молодий більшовик, 1935. 222 с. *[Подпись: О. Беляев]*.

1936

Джемс Уатт и Иван Ползунов // Юный пролетарий. 1936. № 1.С. 24.

Звезда Кэц // Вокруг света. Л. 1936. № 2. С. 10–15; № 3. С. 13–19; № 4. С. 12–16; № 5. С. 1–5; № 6. С. 14–19; № 7. С. 11–15; № 8. С. 11–16; № 9. **с. 7—11;** № 10. С. 6–10; № 11. С. 13–16.

Дмитрий Иванович Менделеев// Юный пролетарий. 1936. № 3. С. 24.

Михайло Ломоносов // Юный пролетарий. 1936. № 21. С. 15–17.

Пленники огня [Отрывок из ром. «Под небом Арктики»] // Вокруг света. Л. 1936. № 11. С. 12–17.

Ковер-самолет // Знание — сила. 1936. № 12. С. 4–7. Прыжок в ничто. 3-е изд. Л.: Молодая гвардия, 1936. 303 с.

Зірка Кец. Київ; [Одеса]: Молодий більшовик, 1936. 222 с. *[Подпись: О. Беляев]*.

1937

Голова профессора Доуэля (Роман) // Смена. Л. 1937. № 25–57. 1 февраля — 11 марта.

Указ. соч. // Вокруг света. Л. 1937. № 6. С. 1–6; № 7. С. 17–21; № 8. С. 24–30; № 9. С. 22–26; № 10. С. 16–20; № 12. С. 25–30.

Застрэльшчыкі новых адкрыцияў // Чырвоная змена. Менск. 1937. № 94. 24.04. С. 3.

Мистер Смех//Вокруг света. Л. 1937. № 5. С. 15–21. Подземный город [Отрывок из ром. «Под небом Арктики»] // Вокруг света. Л. 1937. № 8. С. 19–21 *[Подпись: А. Романович]*.

Север — завтра//Вокруг света. Л. 1937. № 9. С. 15–18 / *Подпись: А. Романович]*.

Небесный гость //Ленинские искры. Л. (Далее: Ленинские искры). 1937. № 116–119. 17–27 декабря.

1938

Небесный гость [Окончание] // Ленинские искры. 1938. № 1—21. 1 января — 3 июля.

Невидимый свет // Вокруг света. Л. 1938. № 1. С. 26–30; Указ. соч. // Огонек. 1938. № 13. С. 17–19.

Рогатый мамонт // Вокруг света. Л. 1938. № 3. С. 27–30. Под небом Арктики // В бой за технику! М. (Далее: В бой за технику!)

1938. № 4. С. 22–26; № 7. С. 21–39; № 9. С. 18–22; № 10. С. 23–28; № 11/12. С. 34–38.

Золушка: О научной фантастике в нашей литературе // Литературная газета. 1938. № 27. 15 мая. С. 3.

Лаборатория Дубльвэ // Вокруг света. Л. 1938. № 7. С. 26–32; № 8. С. 14–19; № 9. С. 5–9; № 11/12. С. 17–25.

К. Э. Циолковский // Большевистское слово. Пушкин (Далее: Большевистское слово). 1938. № 82. 18 сентября. С. 3.

О научно-фантастическом романе и книге Г. Адамова «Победители недр» //Детская литература. М. (Далее: Детская литература). 1938. № 11. С. 18–22.

Создадим советскую научную фантастику // Детская литература. 1938. № 15/16. С. 1–8.

«Арктания» //Детская литература. 1938. № 18/19. С. 67–71.

Парк чудес // Большевистское слово. 1938. № 110. 28 ноября. С. 2–3. [Отклики: *Юрий Прянишников, сотрудник Дома занимательной науки.* О предложении А. Беляева организовать «Парк чудес» // Большевистское слово. 1939. № 9. 20 января. С. 2; *Любовь Циолковская.* О предложении «Парка чудес» // Большевистское слово. 1939. № 18. 10 февраля. С. 2].

О фантастическом романе «Арктания» // Пионерская правда. М. (Далее: Пионерская правда). 1938. № 173. 24 декабря. С. 4.

Голова профессора Доуэля. Л.; М.: Советский писатель, 1938. 144 с.

Прыжок в ничто. Хабаровск: Дальгиз, 1938. 464 с.

Человек-амфибия. М.; Л.: Детиздат, 1938. 182 с.

1939

Под небом Арктики [Окончание] // В бой за технику! № 1. С. 20–23; № 2. С. 20–22; № 4. С. 31–33.

Визит Пушкина (Новогодняя фантазия) // Большевистское слово. 1939. № 1.1 января. С. 2–3.

Иллюстрация в научной фантастике //Детская литература. 1939. № 1. С. 61–67.

Лаборатория Дубльвэ // Большевистское слово. 1939. № 4-12, 15, 17–18, 20, 23, 27–28. 8-28 января, 4 февраля, 8-10 февраля, 15 февраля, 21 февраля, 4–6 марта. [Публикация не завершена].

Досуг детей // Большевистское слово. 1939. № 20. 15 февраля. С. 3; № 23. 21 февраля. С. 3; № 31. 12 марта. С. 3.

О моих работах // Детская литература. 1939. № 5. С. 23–25. «Аргонавты Вселенной» (В. Владко) //Там же. С. 51–55.

Замок ведьм // Молодой колхозник. 1939. № 5. С. 16–19; № 6.

С. 36–40; № 7. С. 35–37.

Великий транспортник // Большевистское слово. 1939. № 113. 28 сентября. С. 3.

Город Пушкин — рыбный город // Большевистское слово. 1939. № 116. 6 октября. С. 2.

Пусть пеняют на себя // Большевистское слово. 1939. № 140. 10 ноября. С. 2.

Сталинская забота о людях // Большевистское слово. 1939. № 150. 21 декабря. С. 6.

1940

На пороге великих открытий // Большевистское слово. 1940. № 5. 10 января. С. 4.

Пятнадцать смелых // Большевистское слово. 1940. № 8. 18 января. С. 2.

Капризы климата // Большевистское слово. 1940. № 10. 25 января. С. 4.

Парки летом // Большевистское слово. 1940. № 15. 6 февраля. С. 3.

Еще о библиотеке // Большевистское слово. 1940. № 17. 10 февраля. С. 3.

Анатомический жених // Большевистское слово. 1940. № 18. 12 февраля. С. 3–4.

Гениальный ученый [О И. П. Павлове] // Большевистское слово. 1940. № 23. 27 февраля. С. 4.

Жюль Верн (К 35-летию со дня смерти) // Большевистское слово. 1940. № 34. 24 марта. С. 4.

Новости военной техники // Большевистское слово. 1940. № 36. 30 марта. С. 3.

Михайло Ломоносов // Большевистское слово. 1940. № 43. 16 апреля. С. 3.

Больше простоты, точности // Большевистское слово. 1940. № 51.5 мая. С. 3.

Рождение радио // Большевистское слово. 1940. № 52. 8 мая. С. 4.

Герой-победитель (К 10-летию со дня смерти Фритиофа Нансена) // Большевистское слово. 1940. № 55. 15 мая. С. 4.

На выставке работ пушкинских художников // Большевистское слово. 1940. № 57. С. 3.

Интересное начинание («Театр улыбок») // Большевистское слово. 1940. № 96. 27 августа. С. 4.

Земля и небо // Большевистское слово. 1940. № 101. 7

сентября. С. 4.

Он жил среди звезд // Большевистское слово. 1940. № 106. 19 сентября. С. 2.

За культурный русский язык // Большевистское слово. 1940. № 109. 26 сентября. С. 4.

Об одном запущенном доме // Большевистское слово. 1940. № 111. 1 октября. С. 4.

К истории нашего города // Большевистское слово. 1940. № 114. 8 октября. С. 4.

О научно-популярных фильмах // Большевистское слово. 1940. № 115. 10 октября. С. 4 *[Подпись: А. Б]*.

Завоевание стратосферы // Большевистское слово. 1940. № 121. 24 октября. С. 4.

Что делают растениеводы // Большевистское слово. 1940. № 123. 29 октября. С. 4.

«Земля в ярме». «Пламя на болотах» [Рецензия на романы Ванды Василевской] // Большевистское слово. 1940. № 129. 14 ноября. С. 3.

Дворец Советов // Большевистское слово. 1940. № 131. 19 ноября. С. 4.

Гигант на Волге // Большевистское слово. 1940. № 138. 5 декабря. С. 3.

Герой выходит из экрана // Большевистское слово. 1940. № 148. 28 декабря. С. 4.

Человек, нашедший свое лицо. Д.: Советский писатель, 1940. 300 с.

Звезда Кэц. М.; Д.: Детиздат, 1940. 184 с.

Голова профессора Доуэля / Пер. с рус. А. Григорян. Ереван: Армгиз, 1940. 176 с. [На армянском языке].

1941

В мире атомов // Большевистское слово. 1941. № 24. 27 февраля. С. 4.

Следопыты вселенной // Большевистское слово. 1941. № 62. 29 мая. С. 2.

Созидатели и разрушители // Большевистское слово. 1941. № 76. 26 июня. С. 3.

Ариэль. Д.: Советский писатель, 1941. 268 с.

Публикация литературного наследия

Когда погаснет свет (Киносценарий) // Искусство кино. М. 1960. № 9. С. 111–130; № 10. С. 111–134. [При публикации текст киносценария подвергся сокращению; оригинал («Когда погаснет свет». Литературный сценарий, вариант первый. Редактор И. Ростовцев. Л., 1941) хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (СПб.) — Ф. 215. Оп.1. Ед. хр. 6].

Неразысканные произведения

«Рами»

«В 1930 году Беляев опубликовал „рассказ из колониальной жизни“, названный „Рами“. Действие его происходит в Индии. Рами — маленькая девочка, принадлежащая к касте неприкасаемых. Невольно вспоминаются те страницы романа „Ариэль“, где рассказывается о странствиях героя, его встречах с беднотой…» (*Ляпунов Б. В.* Александр Беляев; Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1967. С. 75).

«Алхимики, или Камень мудрецов» (Пьеса в стихах)

См. главу «Златые горы».

«Дождевая туча» (Пьеса)

«В 1935 году… по ленинградскому радио передавалась научно-фантастическая пьеса Беляева „Дождевая туча“» (*Ляпунов Б. В.* Указ. соч. С. 119).

«Роза улыбается»

«Александр Романович [в мае 1941 г.] прочитал мне начало и рассказал конец своего нового рассказа, над которым работал в то время. Назывался он „Роза улыбается“. Речь в нем шла о девушке из капиталистического мира, которую не принимали на работу из-за ее печального лица. Везде нужны были служащие с веселыми, улыбающимися лицами, а Роза не могла улыбаться, у нее было большое горе. Тогда она решилась на пластическую операцию, и на лице ее появилась вечная улыбка. Но глаза оставались грустными, и ее все-таки не принимали на работу. Наконец ей повезло, она устроилась в похоронное бюро — там нужна была именно такая улыбка» (*Подосиновская Л.* Мои встречи с Александром Беляевым // Костер. 1967. № 8. С. 40).

«Черная смерть»

См. главу «Война».

Приложение 2
А. Р. Беляев в прижизненной критике

1926

Локс К[онстантин Григорьевич]. [Рецензия:] А. БЕЛЯЕВ. Голова профессора Доуэля. Изд. «Земля и Фабрика». М.; Л. 1926. Стр. 199. Тир. 4000 экз. Ц. 1 р. 20 к. // Печать и революция. 1926. Кн. 8. С. 200–201.

С. *Д. [Сергей Сергеевич Динамов]* [Рецензия:] А. БЕЛЯЕВ. Голова профессора Доуэля. ЗИФ. М.; Л. 1926. Стр. 199. Ц. 1 р. 20 к. // Книгоноша. 1926. № 39. С. 28.

1928

Кар.-П., Н. [Рецензия:] «ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ». Научно-фантастический роман А. Беляева. Изд. ЗИФ. Стр. 201. Ц. 1 р. 50 к. // Известия. 1928. № 182. 8 августа. С. 5.

Рынин Н[иколай]А[лексеевич]. Межпланетные сообщения. Вып. 1. Космические корабли. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1928. С. 87.

1929

Динамов С[ергей Сергеевич]. Авантюрная и научно-фантастическая литература // *Анисимов И., Динамов С.* Заочные курсы по переподготовке библиотечных работников профсоюзных библиотек. Урок пятнадцатый. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. С. 46.

Константинов Н. [Константин Николаевич Боголюбов] [Рецензия:] «БОРЬБА В ЭФИРЕ». А. БЕЛЯЕВ. Научно-фантастический роман. «Молодая гвардия». 1928. Цена 2 р. 25 к. // На литературном посту. 1929. № 38. Сентябрь. 2-я сторона обложки.

Палей А[брам Рувимович]. Советская научно-фантастическая литература // Революция и культура. 1929. № 23/24. С. 67–68.

Рыкачев Я[ков Семенович]. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 89.

1930

Палей А[брам Рувимович]. Серьезный прорыв на литературном фронте // Революция и культура. 1930. № 17/18. С. 91. *Рынин Н. А.* Межпланетные сообщения. Вып. 3. Лучистая

энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых. Л. 1930 [На обложке: 1931]. С. 15–17, 110–111.

1933

Палей А[брам Рувимович]. О жанре, которого у нас нет. Научно-техническая фантастика// Молодая гвардия. 1933. № 8. С. 152–153.

1934

Инженеры завода «Севкабель»[:] гл. инж. *Грабовецкий В.,* старш. инж. *Залевский Б.,* нач. цеха *Дрейзин С.,* старш. инж. Коган Я., зам. нач. цеха *Туркин Н.,* старш. инж. *Флоренский Е.* Что мы хотим от советской литературы. [Нужны советские Уэллсы и Жюль-Верны] // Литературный Ленинград. 1934. № 34. 26 июля. С. 1.

Гладков Ф[едор Васильевич]. [«Наша художественная литература еще не вплотную подошла к вопросам техники. <… >»] // Борьба за технику. 1934. № 17/18. С. 11.

Западов А. Разрезая страницы «Вокруг света» // Литературный Ленинград. 1934. № 18. 20 апреля. С. 3.

Константинов Н. [Константин Николаевич Боголюбов] Научно-фантастическая тематика у начинающих писателей // Литературная учеба. 1934. № 1. С. 100.

Палей А[брам Рувимович]. [Рецензия:] «Прыжок в ничто» // За коммунистическое просвещение. 1934. № 42. 20 февраля. С. 3.

Палей А[брам Рувимович] Забытый жанр // Техника. 1934. № 77. 15 августа. С. 3.

Палей А[брам Рувимович]. О фантастике научной и ненаучной //Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 1. С. 86.

Палей А[брам Рувимович]. Техника и научно-художественная фантастика // Борьба за технику. 1934. № 17/18. С. 21–22.

Палей А[брам Рувимович]. Фантастика и изобретательство // Изобретатель. 1934. № 11. С. 26.

Перельман Я[ков Исидорович]. [Рецензия:] «Прыжок в ничто» А. Беляева // Литературный Ленинград. 1934. № 10. 28 февраля. С. 3.

От редакции [К статье: *Беляев А.* Создадим советскую научную фантастику] // Литературный Ленинград. 1934. № 40. 14 августа. С. 4.

Шарламов В[арлам Тихонович]. Наука и художественная

литература // Фронт науки и техники. М. 1934. № 12. С. 86–87.

1935

А. К. Воспитаем кадры мастеров научной фантастики // Литературный Ленинград. 1935. № 44. 28 сентября. С. 1.

*[Б. п.]*Константин Эдуардович Циолковский // Вокруг света. Л. 1935. № 10. С. 16.

Всеволодов А. Художник Травин иллюстратор научно-фантастической книги // Юный пролетарий. 1935. № 15.С. 44–45.

Палей А[брам Рувимович]. Научно-фантастическая литература// Литературная учеба. 1935. № 7/8. С. 129–131.

Перельман Я [ков Исидорович]. Циолковский — литератор // Литературный Ленинград. 1935. № 44. 28 сентября. С. 1.

1936

Борисенков А. [Рецензия:] А. Беляев — «Прыжок в ничто», изд. «Молодая гвардия». 1935. 300 стр. Ц. 4 р. 30 к. // География в школе. 1936. № 5. С. 119.

Палей А[брам Рувимович]. Научно-фантастическая литература. Статья вторая // Литературная учеба. 1936. № 2. С. 128–132.

1937

[Б. п.] [Рецензия:] «Прыжок в ничто» // Чырвоная змена. Менск. 1937. № 94. 24.04. С. 4. [На белорус, яз.].

[Б. п.]. [Рецензия:] «Прыжок в ничто» // Молодой сталинец. Саратов. 1937. № 10. 20 октября. С. 4.

1938

Аэль А. О пользе художественной литературы // Советское студенчество. 1938. № 10. С. 62.

Вейнберг Б., Натансон С., Эйгенсон М., Стеблин В., Чугров Н. Писатель, популяризирующий науку // Литературная газета. 1938. № 21. 15 апреля. С. 2.

Жуков Л. Советский приключенческий и научно-фантастический роман // Молодая гвардия. 1938. № 8. С. 173–

176.

Кремнев Г. [Георгий Моисеевич Трахтман]. Писатель остался один //Литературная газета. 1938. № 8. 10 февраля. С. 4.

Николаев Н. Советский научно-фантастический роман // Что читать. 1938. № 10. С. 59–60.

Рагозин А. [Рецензия:] «Человек-амфибия» // Литературная учеба. 1938. № 24. С. 11–18.

Шкловский В[иктор Борисович]. «Человек-амфибия» [О повести А. Беляева] //Детская литература. 1938. № 20. С. 39–40.

Юриков П. Книги, которых ждет читатель // Комсомольская правда. 1938. № 282. 10 декабря. С. 3.

1939

Белевич Б. Заметки читателя: А. Р. Беляев // Большевистское слово. Пушкин. 1939. № 34. 16 марта. С. 4.

Владко В[ладимир <Владимир Николаевич Еремченко>]. Пути научной фантастики // Детская литература. 1939. № 7. С. 14–16.

Рыкачев Я[ков Семенович] [Рецензия:] «Голова профессора Доуэля» //Детская литература. 1939. № 1. С. 50–53.

Рыкачев Я[ков Семенович]. Научная фантастика // Литературная газета. 1939. № 68. 10 декабря. С. 4.

1940

Дейч Александр Иосифович]. Научно-фантастические романы Жюль Верна // Что читать. 1940. № 2/3. С. 86.

Ивич Александр <Игнатий Игнатьевич Бернштейн>]. Книги о будущем//30 дней. 1940. № 5/6. С. 107–108, 110.

Ивич Александр <Игнатий Игнатьевич Бернштейн>] Научно-фантастическая повесть //Литературный критик. 1940. № 7/8. С. 154–164, 167, 170–171, 173–175.

Марьямов А[лександр <Эзра> Моисеевич]. Книги большой мечты // Детская литература. 1940. № 4. С. 36.

Мейерович М[оисей Липманович] [Рецензия:] Александр Беляев. ЧЕЛОВЕК, НАШЕДШИЙ СВОЕ ЛИЦО. Л.: Советский писатель, 1940. 298 с. Ц. 5 руб. Тир. 10 000//Детская литература. 1940. № 9. С. 46–47.

Рыкачев Я[ков Семенович]. О советской научно-фантастической литературе // Учительская газета. 1940. № 137. 23 октября. С. 4.

1941

Андреев Ив. [Рецензия:] Александр БЕЛЯЕВ. Звезда КЭЦ. Научно-фантастический роман. Рисунки, переплет и форзац Г. Фитингоф. М.; Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940. 183 стр. Тираж 25 ООО. Ц. 4 руб. 30 коп. // Литературное обозрение. 1941. № 6. С. 17–20.

Борисов Л[еонид Ильин]. [Рецензия:] Александр Беляев. «Звезда Кэц». Детиздат, 1940// Звезда. 1941. № 4. С. 172–173.

Головко С. Мастер научной фантастики // Большевистское слово. Пушкин. 1941. № 38. 1 апреля. С. 4.

Ивин Александр <Игнатий Игнатьевич Бернштейн>] [Рецензия:] Александр БЕЛЯЕВ. Человек, нашедший свое лицо. «Советский писатель». Л. 1940. Стр. 300. Тираж 10 000. Ц. 5 руб. // Литературное обозрение. 1941. № 3. С. 13–15.

Марьямов А[лександр <Эзра> Моисеевич]. Советский научно-фантастический роман // Что читать. 1941. № 1. С. 25–26, 28.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. Р. БЕЛЯЕВА

1884, 16 (4) марта — в Смоленске в семье настоятеля церкви Смоленской иконы Божией Матери (Одигитрии) Романа Петровича Беляева и его супруги Натальи Федоровны родился сын Александр.

1891 — Александр Беляев поступил в духовное училище города Смоленска.

1895 — начало обучения в Смоленской духовной семинарии.

1901*, июнь* — окончание Смоленской духовной семинарии по 1-му разряду.

Конец, августа — зачисление в труппу театра Народного дома в Смоленске.

1902*, март* — окончание срока контракта с театральной труппой Народного дома.

Июнь — поступление в Демидовский юридический лицей в Ярославле.

1905*, январь* — всероссийская забастовка студентов. Занятия в лицее прекращены. Беляев возвращается в Смоленск.

27 марта (9 апреля) — кончина отца, Романа Петровича Беляева. *Июнь* — занятия в Демидовском лицее не возобновились.

10–11 декабря — участие в строительстве баррикад в Москве.

1906*, 7(20) мая* — начало литературной деятельности: статья в газете «Смоленский вестник».

Июнь — возобновление занятий в Демидовском лицее.

1908*, январь* — вступление в брак с Анной (Станкевич?).

1909— развод с первой женой.

Июнь — окончание Демидовского юридического лицея.

Июль — служба в Смоленске помощником присяжного поверенного.

Август — ввиду подозрений в принадлежности к партии социалистов-революционеров за Беляевым установлена слежка.

Ночь со 2 на 3 ноября — сотрудники жандармского управления проводят у Беляева обыск.

1911*, январь* — начало регулярного сотрудничества в газете «Смоленский вестник» в качестве театрального и музыкального критика.

1913 — вступление во второй брак (жену звали Вера, фамилия неизвестна).

Март — путешествие по Европе.

1914*, июль* — Беляеву присвоено звание присяжного

поверенного. В московском детском журнале «Проталинка» опубликована пьеса «Бабушка Мойра».

Ноябрь — прекращение адвокатской практики, вступление в должность ответственного редактора газеты «Смоленский вестник».

***1915**, февраль* — прекращение редакторской деятельности, возвращение к адвокатским обязанностям.

Весна — Беляев заболевает костным туберкулезом. Развод со второй женой.

Лето — поездка в Крым и переезд в Ростов-на-Дону.

14 июля — начало сотрудничества в ростовской газете «Приазовский край».

25 декабря — опубликован первый фантастический рассказ «Берлин в 1925 году».

***1916**, 14 января* — первая статья Беляева о Циолковском.

Ноябрь — обострение болезни, отъезд на лечение в Крым. Три с половиной года Беляев закован в гипсовый корсет.

***1917**, 9 (22) декабря* — публикует антибольшевисткую статью в газете «Приазовский край».

1918–1920 — сотрудничество в ялтинских белогвардейских газетах.

1919 — знакомство с будущей женой Маргаритой Магнушевской.

***1920**, ноябрь* — армия Врангеля покидает Крым. Писатель становится свидетелем вакханалии «красного террора».

***1921**, весна* — умирает от голода мать писателя, Наталья Федоровна.

Лето — в доме отдыха для ученых и писателей в Гаспре Беляеву изготовили целлулоидный корсет, и писатель смог встать на ноги. Работа в учреждениях Ялты — заведующим школой-колонией, инспектором уголовного розыска, библиотекарем.

Декабрь — венчание с Маргаритой Магнушевской.

***1923**, 22 мая* — регистрация брака в загсе.

***1924**, 15 марта* — рождение старшей дочери Людмилы.

***1925**, март — август* — публикация в журнале «Всемирный следопыт» рассказа «Голова профессора Доуэля» и повести «Последний человек из Атлантиды».

***1926**, март — апрель* — во «Всемирном следопыте» напечатана первая часть романа «Остров погибших кораблей» (публикация завершена в мае — июне 1927 года). В издательстве «Земля и фабрика» выходит первая книга Беляева — сборник рассказов «Голова профессора Доуэля».

Октябрь — ноябрь — в газете «Гудок» напечатана сокращенная версия романа «Властелин мира».

1927 — в январе начала печататься журнальная версия романа «Радиополис» (через год опубликован под названием «Борьба в эфире»). В московском журнале «Вокруг света» опубликован рассказ «Над черной бездной» — первый из рассказов о профессоре Вагнере. *1928, январь-июль* — в московском журнале «Вокруг света» опубликован роман «Человек-амфибия». В том же году роман дважды вышел отдельной книгой. Рассказ «Голова профессора Доуэля» переработан в роман «Воскресшие из мертвых».

28 декабря — переезд из Москвы в Ленинград в квартиру на Можайской улице.

1929 — роман «Человек-амфибия» вышел третьим изданием. В московском журнале «Вокруг света» опубликован роман «Продавец воздуха», а в одноименном ленинградском — «Человек, потерявший лицо». В альманахе «Борьба миров» напечатана повесть «Золотая гора».

19 июля — рождение дочери Светланы.

19 сентября — переезд семьи в Киев (ул. Нестеровского, 25/17). *Осень* — роман «Властелин мира» вышел отдельной книгой.

1930 — в московском журнале «Вокруг света» напечатан роман «Подводные земледельцы», а во «Всемирном следопыте» очерк «Гражданин Эфирного острова» — о К. Э. Циолковском.

1931*,19 марта* — в возрасте шести лет умирает от менингита старшая дочь Людмила.

Август — сентябрь — в ленинградском журнале «Вокруг света» напечатан роман «Земля горит».

14 сентября — возвращение из Киева в Ленинград (поселок Щемиловка за Невской заставой).

1932*, январь* — переезд семьи в Детское (Царское) Село (с 1937 года — город Пушкин) в квартиру на улице Жуковской, 15). Публикация произведений в жанре научной фантастики в СССР прекращена практически полностью.

Весна — Беляев нанимается на должность юрисконсульта Севтралтреста и уезжает в Мурманск.

Март — сентябрь — сотрудничество в мурманских газетах.

Осень — возвращение в город Пушкин.

1933 — сотрудничество в ленинградских детских журналах «Чиж» и «Еж».

Издан роман «Прыжок в ничто».

1934*, 28 февраля* — в газете «Литературный Ленинград» Я. И. Перельман опубликовал разгромную рецензию на роман «Прыжок в ничто». *Конец июля* — встреча с Гербертом Уэллсом в Ленинграде.

Октябрь — в ленинградском журнале «Вокруг света» начата публикация повести «Воздушный корабль» (завершена в июне 1934 года).

27 декабря — начало переписки с К. Э. Циолковским.

1935 — семья Беляевых получила две комнаты в писательском доме в Ленинграде (Петроградская сторона, Большой проспект, 51/2). Вышло в свет второе издание романа «Прыжок в ничто» с предисловием К. Э. Циолковского. В Киеве издана повесть «Чудесный глаз» в переводе на украинский («Чудесне око»).

Июль — лечение в Евпатории (санаторий «Таласса»).

1936*, февраль — июнь* — в ленинградском журнале «Вокруг света» напечатан роман «Звезда Кэц».

1937*, февраль — март* — в газете «Смена» опубликован роман «Голова профессора Доуэля».

Июнь — начата публикация романа «Голова профессора Доуэля» в ленинградском журнале «Вокруг света» (завершена в декабре). *Лето* — лечение в Евпатории.

Декабрь — в газете «Ленинские искры» начата публикация повести «Небесный гость» (завершена в июле 1938 года).

1938*, 10 февраля* — «Литературная газета» возмущена равнодушием Союза писателей к бедственному положению Беляева (болезнь, одиночество, его произведения не издают).

Апрель — журнал «В бой за технику!» начал печатать роман «Под небом Арктики».

15 мая — Беляев публикует статью «Золушка» — в защиту жанра научной фантастики.

Лето — переезд в город Пушкин.

Июль — декабрь — в ленинградском журнале «Вокруг света» напечатана повесть «Лаборатория Дубльвэ». В течение года выходят три книги писателя: в Ленинграде новая редакция «Человека-амфибии» и роман «Голова профессора Доуэля», а в Хабаровске — «Прыжок в ничто».

1939*, май — июль* — в журнале «Молодой колхозник» напечатана повесть «Замок ведьм».

1940 — вышли в свет два романа — «Человек, нашедший свое лицо» (переделка романа 1929 года «Человек, потерявший лицо») и «Звезда Кэц» (новая редакция). По заказу Одесской киностудии (режиссер И. Ростовцев) начата работа над сценарием кинофильма «Когда погаснет свет».

1941*, 14 июня* — вышел сигнальный экземпляр романа «Ариэль».

22 июня — начало Великой Отечественной войны. Безуспешные попытки «перестроить» свое творчество в духе

военного времени.

17–19 сентября — немцы заняли город Пушкин. Женская часть семьи Беляевых получила статус «фольксдойче».

Не позднее 23 декабря — на 58-м году жизни в оккупированном Пушкине умер от голода Александр Романович Беляев.

ЛИТЕРАТУРА

Devigne R. L'Atlantide: sixième partie du monde. Paris: d'Oeuvres representatives, 1931.

Devigne R. L'Atlantide: Un continent disparu. Paris: G. Crès & c^{ie}, 1924.

Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Wek und Wirkung. München: Otto Sagner, 1989 (Marburger Abchandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 28).

La Hire, Jean de. L'Homme que peut vivre dans l'eau. Paris: J. Ferenczi et fils, 1926.

Qaganskayah M. 'Or kelev, 'o hokhmath sophrim [Собачья шкура, или Мудрость писателей] // *Bulgaqov M.* Lev kelev. Tel-'Aviv: Yedi'oth 'ahronoth [e. a.], 2002.

[Беляева С. А.] [Беседа с С. А. Беляевой] // Искорка. Л., 1986. № 1.

[Беляева С. А.] [Интервью Дмитрию Тихонову] Голова писателя Беляева // Труд. 2004. № 64. 8 апреля.

[Беляева С. А.] [Интервью Ивану Жукову] Тайна смерти фантаста Беляева //Аргументы и факты. СПб., 2003. № 28. Июль.

[Беляева С. А.] [Интервью Сергею Мирову) Материк Погибших Кораблей // Новая газета. 2001. № 44. 28 июня.

[Беляева С. А.] Наш земляк Александр Беляев // Вперед. Пушкин, 1989. № 32. 16 марта.

[Будницкий О. В.] Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6.

[Воробьев Б. Н.] [9 писем А. Р. Беляева и К. Э. Циолковского] // Искатель (Приложение к журналу «Вокруг света»). 1962. № 5.

[Шалимов А., Стругацкий Б. Н., Никольский Б., Ларионова О.] Рыцарь мечты / Записал А. Мясников // Вечерний Ленинград. 1984. № 65. 16 марта.

«Что-то дикое, ужасное, но геройски благородно!»: Записки графини Е. Л. Камаровской. Декабрь 1905 года / Комм, и публ. документа М. И. Одинцова // Исторический архив. 2000. № 5.

Алексеев В. «Зачем заглядывать в будущее?»: Из записной книжки букиниста // Неделя (Приложение к газете «Известия»). 1978. № 7. 13–19 февраля.

Алексеев В., Корнеев А. Ничего не предвещало славы // Советская культура. 1984. № 33. 17 марта.

Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов: 1887–1941. Саратов: Научная книга, 2006.

Безгина Н. Л. Александр Романович Беляев: к 100-летию со

дня рождения. Волгоград, 1984.

Безродный М. Oh, du lieber Augustin // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24. Spring. — http://www.utoronto.ca/tsq/24/bezrodny24.shtml

Беляева М. К. Мой «фантастический» спутник // Край Смоленский. Смоленск, 2004. № 3/4.

Беляева С. А. «Он был для меня просто отцом и большим фантазером» // Край Смоленский. Смоленск, 2004. № 3/4.

Беляева С. А. Воспоминания об отце // Аврора. Л., 1982. № 9.

Беляева С. А. Воспоминания об отце // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1984. № 52. 17 марта.

Беляева С. А. Воспоминания об отце // Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Эксмо, 2009–2010 [Т. 7]. 2010.

Беляева С. А. Воспоминания об отце // Синяя дорога. JL: Детская литература, 1984.

Беляева С. А. Воспоминания об отце // Уральский следопыт. Свердловск, 1984. № 3.

Беляева С. А. Воспоминания об отце. СПб.: Серебряный век, 2009.

Беляева С. А. Дороги в никуда // Нева. СПб., 1999. № 8.

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… // Фантастика-84. М.: Молодая гвардия, 1984.

Беляева С. А. Мой отец — Александр Беляев // Терминатор. 1994. № 2/3.

Беляева С. А. Мой отец — фантаст Беляев// Нева. СПб., 1999. № 3.

Беляева С. А. На другой день после войны: Воспоминания // Край Смоленский. Смоленск, 2005. № 5/6.

Беляева С. А. Наш земляк Александр Беляев// Вперед. Пушкин, 1989. № 32. 16 марта.

Беляева С. А. Несколько штрихов // Рабочий путь. Смоленск, 1984. № 64. 15 марта.

Беляева С. А. Новое о писателе Беляеве (Публикуется впервые) // За знания. Комсомольск-на-Амуре, 1987. № 18 (357). 11 июня.

Библия / Синодальный перевод. [Без указания года издания].

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М.: МФД; Материк, 2005.

Брандис Е. П. Рукопись «Звезды КЭЦ» // Уральский следопыт. Свердловск, 1977. № 8.

Брандис Е. П. Рыцарь советской фантастики: К 90-летию со дня рождения А. Р. Беляева //Детская литература. 1974. № 3.

Бритиков Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). СПб.: Борей-Арт, 2005. Кн. 1.

Булгаков М. Романы [Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита]. М.: Художественная литература, 1973.

Буря В. Бенефис Александра Беляева // Мир чудес. Хабаровск, 1991. № 5.

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева. Рукопись.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Володченко В. «Сказки» для беспризорных // Щит и меч. М., 2007. 6 сентября.

Володченко В. Ихтиандр в милиции родился… // Милиция. М., 2008. № 9.

Володченко В. Фантастическая правда // Россия. М., 2008. 21 февраля.

Гойлов Н. С. Моя московская богема // Архивный фонд Музея-библиотеки Н. Ф. Федорова. Машинопись.

Горский А. К. Огромный очерк// *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Сочинения. М.: Раритет, 1995.

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002.

Грибоедов В. Александр Беляев — артист: К 200-летию смоленского театра // Смена. Смоленск, 1980. № 4. 4 декабря.

Грибоедов В. Начало биографии // Рабочий путь. Смоленск, 1984. № 64. 15 марта.

Грибоедов В. Писатель и сцена // Рабочий путь. Смоленск, 1981. № 2. 3 января.

Гурзов А. И. Усадьба Беляевых в Смоленске // Рабочий путь. Смоленск, 1987. № 8. 10 января.

Дэвинь Р. Атлантида, исчезнувший материк / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. О. Лернера. Л.: Петроград, 1926.

Егоров А. Д. Лицеи России: Опыт исторической хронологии: В 5 кн. Кн. 3. Ч. II. Иваново: Ивановский инженерно-строительный институт, 1994.

Ершова Т. Л. К. Г. Локс // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990.

Желнина Т. Н. Методы выявления поддельных автографов К. Э. Циолковского // Космонавтика и культура. Материалы секции 10 XXIX Академических чтений по космонавтике. М., 2005.

Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1953.

Золотоносов М. Приключения человека-амфибии // Московские новости. 2003. № 6.

Ильф И. Записные книжки. М.: Текст, 2000.

Каганская М. Собачья смерть // Солнечное сплетение. Иерусалим, 2002. № 24–25.

Кажинский Б. Б. Передача мыслей: Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу. М.: Новая деревня, 1923.

Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. XII: Казачий исход. М.: РГГУ, 2003. (1-е изд.: *Калинин И. М.* Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора. Л.: Прибой, 1925).

Капица П. И. Редактор Маршак. Фантаст Александр Беляев // Звезда. Л., 1988. № 1.

Карпов Н. А. Волшебное зеркало // Сборник русской и иностранной литературы: Сб. 12. СПб., 1914.

Карпов Н. А. Необычайный пациент. СПб., 1909.

Карпов Н. А. Отшельник //Аргус. 1916. № 3.

Киселев А. А., Краснобаев А. Ц. История Мурманского тралового флота. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1973.

Киселев А., Тулин М. Книга о Мурманске. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977.

Ковальчук В. М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отечественная история. 2000. № 3.

Кротков А. Чистый вымысел //Алфавит. М., 2001. № 5. Февраль.

Крыштич Д. Двое суток в Симферопольской чрезвычайке // Красный террор глазами очевидцев. 1917–1922 / Сост. С. В. Волков. М.: Айрис-Пресс, 2009.

Кудрявцев Э. П. Переписка писателя-фантаста А. Р. Беляева с К. Э. Циолковским // Нева. СПб., 2005. № 4.

Лавринец П. Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2008.

Левитин М. Александр Беляев и «Смоленский вестник» // Рабочий путь. Смоленск, 1994. № 141. 27 июля.

Левитин М. В конце восьмого тома // Рабочий путь. Смоленск, 1984. № 64. 15 марта.

Левитин М. Новое о писателе Беляеве // Нева. Л., 1986. № 10.

Левитин М. Под кличкой «Живой» // Край Смоленский. Смоленск, 1992. № 1.

Любарская А. И. За тюремной стеной // Нева. СПб., 1998. № 5.

Ляпунов Б. В. Александр Беляев: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1967.

Ляпунов Б. В. Они мечтали о покорении космоса // Искатель (Приложение к журналу «Вокруг света»). 1962. № 5.

Максим Исповедник. Четыре сотницы о любви. М., 1995.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. [Кн. 1].

Меленберг А. Решетка на осциллографе: Незамеченная дата // Новая газета. 2009. № 59. 5 июня.

Милов С. Материк Погибших Кораблей // Новая газета. 2001. № 44. 28 июня.

Мишкевич Г. И. Встреча в «Астории» // Уральский следопыт. Свердловск, 1962. № 7.

Мишкевич Г. И. Доктор занимательных наук: Жизнь и творчество Якова Исидоровича Перельмана. М.: Знание, 1986.

Мишкевич Г. И. Черная быль (Записки человека с номером на спине) // Печальная пристань / Сост. И. Л. Кузнецов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.

Морозов Н. Раритеты из павильона «Космос» продают на западных аукционах // Известия. 2009. 13 апреля.

Мухтаров Е. Песни нашей Победы //4 года из 1000:65-летию Победы посвящается. Ярославль: Ярновости, 2010.

Николаев Д. Д. Русская проза 1920—1930-х годов: Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006.

Никон, архиеп. (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь: Новая книга, 1995.

Нилус С. А. Близ есть при дверех: О том, чему не желают верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917.

Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.

Осокина Д., Потапов А. Кинолегенда об Ихтиандре // Чудеса и приключения. 2004. № 7.

Пантелеев В. Переписка мечтателей: К. Циолковский и А. Беляев // Литературная Россия. 1985. № 2. 11 января.

Петров А. Старт дает «Гудок» // Гудок. 2002. № 233. 21 декабря.

Плющ Л. И. На карнавале истории. London: Overseas Publications Interchange, 1979.

Подосиновская Л. Мои встречи с Александром Беляевым // Костер. Л., 1967. № 8.

Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914.

Полтев К. В. Мурманская эпопея Александра Беляева: Неизвестные страницы биографии писателя-фантаста // Север. Петрозаводск, 1975. № 3.

Потапов А. Ихтиандр и доктор Сальватор жили в Гатчине // Новый Петербург. СПб., 2005. 19 мая.

Потапов А. В., Максименко Ю. М., Осокина Л. А. Петербург аномальный: Путеводитель. СПб.: Майор, 2009.

Ревин В. А. Легенда о Беляеве // *Ревич В.* На перекрестках утопии. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. Т. 1 СПб., 1896.

Сетницкий Н. А. Единство трудового процесса // Октябрь мысли 1924. № 3–4.

Сологуб Ф. Мира не будет // Биржевые ведомости. 1914. № 14464. 30 октября.

Сонкин М. Так начиналось // Звезда. Л., 1960. № 9.

Сопельняк Б. 13 дней в подвалах Лубянки: [О деле К. Э. Циолковского: С публикацией документов 1919 г.] // Родина. 1994. № 9.

Стриндберг А. Полное собрание сочинений [В 15 т.]. М.: Современные проблемы, 1908–1912. Т. 9. Исторические драмы (1909).

Толстой Ник. Владимир Соловьев — католик (Письмо в редакцию) // Русское слово. 1910. 21 ноября.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны 1918–1920 гг. / В литер, обр. Ивана Лукаша. 3-е изд. [N. Y.]: Посев, 1990.

Тютюкин С., Христофоров И. Декабрьская репетиция Октября // Вокруг света. 2005. № 12.

Уокоп Р. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М.: Мир, 1966.

Успенский М., Лазарчук А. Гиперборейская чума. СПб.: Азбука, 1999.

Ушаков Л. И., Федюк В. П. Белый Юг: ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М.: АИРО-XX, 1997.

Федоров Н. Ф. Распределение задач всемирной регуляции природы // *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. Т. 2.

Халымбаджа И. Г. Иктанэр, брат Ихтиандра // Молодой дальневосточник. Хабаровск, 1979. 3 ноября.

Харитонов Е. А. Р. Беляев: Библиография первопубликаций и критической литературы о нем // Там же. С. 64–71.

Харитонов Е. Мой Беляев // Библиография. 1997. № 2. С. 61–64.

Харитонов Е. Неизвестный Беляев // *Беляев А. Р.* Небесный гость. М.: Центрполиграф, 2001. С. 465–472.

Харитонов Е. Неизвестный Беляев // Детская литература. 2000. № 1. С. 68–69.

Харитонов Е., Щербак-Жуков А. Беляев — первый

новеллизатор // Просто фантастика. 2003. № 7.

Хургес Л. Л. Москва — Испания — Колыма: Из жизни радиста и зэка. М.: Время, 2011.

Черкашин Н. Его так и называли — русский Жюль Верн! // Чудеса и приключения. М., 2004. № 7.

Черкашин Н. Судьба «русского Жюль Верна» // Сельская новь. М., 2005. № 7.

Чернавин В. В. Записки «вредителя» // *Чернавин В. В., Чернавина Т. В.* Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999.

Черненко Г. Дружба тесная, творческая // Нева. Л., 1977. № 7. С. 220.

Черненко Г. Семь писем «Гражданину Вселенной» // Секретные материалы XX века. СПб., 2001. № 21. Октябрь. (Указ. соч. // Хочу всё знать [Вып. 18]. Л.: Детская литература, 1977).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1982.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988.

Чуковская Л. К. Прочерк. М.: Время, 2009.

Чуковская Л. К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Арт-Флекс, 2001.

Шитиков А. Искушение оккультизмом // Русские идут! Липецк, 2002. № 4. 19 декабря.

Шкловский В. «Человек-амфибия» [О повести А. Беляева) // Детская литература. 1938. № 2.

Шкловский В. «Юго-запад» //Литературная газета. 1933. № 1. 5 января.

Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». Orange (Conn.): Antiquary, 1993.

Эллис Х. Автоэротизм. Для врачей и юристов. СПб., 1911.

Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М.: МАКС Пресс, 2005.

Яковлев С. М. Беляев А. Р. — актер и режиссер // Рабочий путь. Смоленск, 1969. № 264. 13 ноября.

Яковлев С. М. Пророк звездоплавания: Краткий биографический очерк о писателе-фантасте А. Р. Беляеве // Наши крылатые земляки. Смоленск: Областное книжное издательство, 1962.

Документы

Архив Российской академии наук (Москва). Ф. 555: Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 7; Оп. 4. Д. 91а. Л. 1-13.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5935. Оп. 1.Д. 12. Л. 2.

Государственный архив Автономной Республики Крым. Ф. П-150. Оп. 1.Д. 67. Л. 24–24 об.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1458. Л. 82–82 об. (Машинопись с авторской правкой); Оп. 4. Ед. хр. 366 (293 листа). Ед. хр. 249–251 (439 листов).

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–8; Ед. хр. 2–3; Ед. хр. 4. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 1—10 об.

Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург). Ф. 215. Оп.1. Ед. хр. 6.

notes

Примечания

1

Володченко В. Ихтиандр в милиции родился… // Милиция. 2008. № 9. С. 52.

2

Напр.: *Володченко В.* «Сказки» для беспризорных // Щит и меч. 2007. 6 сентября. С. 7.

3

Потапов А. Ихтиандр и доктор Сальватор жили в Гатчине // Новый Петербург. СПб., 2005. № 21. 19 мая. С. 8.

Потапов А. В., Максименко Ю. М., Осокина Л. А. Петербург аномальный: Путеводитель. СПб., 2009.

5

Черкашин Н. Его так и называли — «русский Жюль Верн!» // Чудеса и приключения. М., 2004. № 7. С. 46–49; *Черкашин Н.* Судьба «русского Жюль Верна» // Сельская новь. 2005. № 7. С. 44–45.

6

Инженеры завода «Севкабель»: гл. инж. *Грабовецкий В.,* старш. инж. *Залевский Б.,* нач. цеха *Дрейзин* С., старш. инж. *Коган Я.,* зам. нач. цеха *Туркин Н.,* старш. инж. *Флоренский Е.* Что мы хотим от советской литературы. (Нужны советские Уэллсы и Жюль-Верны) // Литературный Ленинград. 1934. № 34. 26 июля. С. 1.

Желнина Т. Н. Методы выявления поддельных автографов К. Э. Циолковского // Космонавтика и культура. Материалы секции 10 XXIX Академических чтений по космонавтике. С. 20, 25.

8

Беляев А. Человек, который не спит // *Беляев А.* Голова профессора Доуэля. М.; Л., 1926. С. 113.

9

Ныне улица Докучаева.

10

Смоленский вестник. 1901. № 191. 1 сентября. С. 2.

11

Там же. 1902. № 17. 20 января. С. 2; № 28. 2 февраля. С. 2; № 32. 8 февраля. С. 2.

12

Никон, архиепископ (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1995. С. 15–16.

13

Смоленский вестник. 1901. № 198. 11 сентября. С. 3.

Там же. № 213. 30 сентября. С. 1.

15

Смоленский вестник. 1901. № 257. 25 ноября. С. 3.

Там же. № 280. 28 декабря. С. 2.

17

Там же. 1902. № 9. 11 января. С. 2.

Там же. № 29. 5 февраля. С. 2.

Там же. № 31. 7 февраля. С. 2.

Там же. № 35. 12 февраля. С. 4.

21

Там же. № 46. 26 февраля. С. 2.

22

Смоленский вестник. 1902. № 32. 8 февраля. С. 2.

23

Там же. № 47. 27 февраля. С. 2.

Там же. № 55. 8 марта. С. 2.

25

[Б. п.] Судебные дела // Смоленский вестник. 1909. № 158. 18 июля. С. 2; *[Б. п.] Суд//* Смоленский вестник. 1909. № 231. 20 октября. С. 2–3; *[Б. п.]* Суд // Там же. № 233. 24 октября. С. 2.

Грибоедов В. Начало биографии // Рабочий путь. 1984. № 64. 15 марта. С. 3. Кстати, роль нынешних адвокатских коллегий в дореволюционной России выполняли советы присяжных поверенных при судебной палате.

27

Памятная книжка Смоленской губернии на 1911 год. Смоленск, 1910. С. 105.

28

[Б. п.] У городского судьи // Смоленский вестник. 1914. № 104. 14 мая. С. 2.

29

Смоленский вестник. 1914. № 170. 31 июля. С. 1; № 172. 2 августа. С. 1.

Ляпунов Б. В. Александр Беляев: Критико-биографический очерк. М., 1967.С. 12.

31

Смоленский вестник. 1905. № 43. 13 февраля. С. 1.

32

Ярославский вестник. 1905. № 116. 4 мая. С. 3.

33

[Б. п.] Злонамеренный слух // Ярославский вестник. 1905. № 117. 5 мая. С. 3.

34

Ярославский вестник. 1905. № 231. 31 августа. С. 3.

Там же. № 234. 3 сентября. С. 3.

Там же. № 243. 13 сентября. С. 3.

Там же. № 244. 14 сентября. С. 3.

Там же. № 247. 18 сентября. С. 3.

39

Там же. 1905. № 256. 27 сентября. С. 3.

Там же. № 259. 30 сентября. С. 3.

41

Ярославский вестник. 1905. № 286. 7 ноября. С. 3.

Ляпунов Б. В. Александр Беляев: Критико-биографический очерк. М., 1967. С. 11–12.

43

Цит. по: *Тютюкин С., Христофоров И.* Декабрьская репетиция Октября // Вокруг света. 2005. № 12. С. 62, 66.

44

И кое-кто прекрасно это понимал и помнил… Вот «Докладная записка Культпропа о состоянии основных литературно-художественных журналов», поданная в Оргбюро ЦК ВКП(б) 1 января 1932 года: «„Новый мир“ является каналом и рупором для чуждой идеологии. <…> Главы из романа „Повороты“ беззастенчиво извращают историческую действительность. На Путиловском заводе, по автору, весть о Русско-японской войне была принята восторженно и недовольство началось только после поражения» (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л. В. Максименков. М., 2005. С. 213). Писатель А. С. Яковлев вовремя опомнился: в 1935 году полностью роман переделал, а с 1936-го писал только о Павлике Морозове. Оттого и Сталина пережил — на полтора месяца.

Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 246–247.

46

«Что-то дикое, ужасное, но геройски благородно!»: Записки графини Е. Л. Камаровской. Декабрь 1905 года / Коммент. и публ. документа М. И. Одинцова// Исторический архив. 2000. № 5. С. 164.

[Б. п.] Новое общество // Смоленский вестник. 1909. № 200. 11 сентября. С. 2.

Гурзов А. И. Научная фантастика России начиналась в Смоленске (рукопись); сокращенный вариант статьи опубликован в смоленской газете «Рабочий путь» (1987. № 8. 10 января).

Смоленские епархиальные ведомости. 1905. № 8. 16–30 апреля. С. 376.

Там же. № 9. 1—15 мая. С. 506–507.

51

Днепровский вестник. 1903. № 111 (279). 17 декабря. С. 2.

Там же. № 116 (284). 23 декабря. С. 3; № 117 (285). 24 декабря. С. 3; № 121 (289). 31 декабря. С. 2.

53

Крылов К. Письмо в редакцию // Днепровский вестник. 1904. № 2. 3 января. С. 3.

Ровинский К. По поводу выборов старосты Одигитриевской церкви (Из письма в редакцию) //Днепровский вестник. 1904. № 3.4 января. С. 3. Впрочем, дело К. И. Ровинского было решено Священным синодом в его пользу (Смоленский вестник. 1904. № 258. 13 октября. С. 2).

55

Черевин Л. Желательно ли? // Днепровский вестник. 1904. № 2. 3 января. С. 3.

56

[Б. п.] Увольнение церковного старосты // Смоленский вестник. 1911. № 112. 24 мая. С. 2; *[Б. п.]* Духовная консистория и церковный староста // Там же. 1911. № 113. 25 мая. С. 2.

Северянин. 1906. № 3. 7 марта. С. 4.

Там же. № 4. 8 марта. С. 1.

Там же. № 9. 13 марта. С. 4.

Там же. № 11. 15 марта. С. 4.

Там же. № 21. 25 марта. С. 3.

62

[Б. п.] В кружке художников и любителей драматического искусства // Смоленский вестник. 1906. № 37. 5 марта. С. 3.

Беляев А. Р. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1964.

Смоленский вестник. 1906. № 97. 7 мая. С. 4.

Там же. № 98. 8 мая. С. 2.

Ватермашина — станок для изготовления грубоскрученной пряжи (англ. *water-frame* — «водяной станок»; первоначально машина приводилась в движение водяным колесом); банкаброс (чаще банкаброш) — станок для изготовления тонкой пряжи (фр. *banc à broches* — «скамейка с катушками», «станок со спицами»); дисконтёрщик — термин заимствован из банковского дела: «маклер, разменивающий векселя или осуществляющий дисконт — продажу/покупку товара по цене ниже номинальной».

Sapienti sat *(лат.)* — «разумному достаточно».

В нынешней больничной практике данный режим питания называется «первым столом».

69

Гончаров А. Письмо в редакцию // Смоленский вестник. 1906. № 108. 18 мая. С. 3–4.

Смоленский вестник. 1906. № 99. 9 мая. С. 3.

71

Смоленский вестник. 1906. № 106. 16 мая. С. 3 *[Подпись: Б. Р-нъ]*.

72

Там же. 1906. № 120. 30 мая. С. 3 *[Подп. — с опечаткой: В-ръ]*.

73

Там же. № 131. 10 июня. С. 4 *[Подпись: Б-ръ]:* Там же. № 134. 13 июня. С. 4 *[Б. п.]*.

74

Михаил Александрович Кваскoв (1876 —?) — врач, лидер смоленской организации партии конституционных демократов («Партии народной свободы»). Происходил из купеческой семьи. Учился на медицинском факультете Московского университета, откуда был исключен за неблагонадежность. Образование продолжил в Бреславском университете (Германия), а закончил в Москве (1901). С 1901 года — врач Смоленской губернской земской больницы. В 1906 году избран депутатом 1-й Государственной думы.

75

[Письмо в редакцию] // Смоленский вестник. 1906. № 114. 25 апреля. С. 2.

76

Памятная книжка Смоленской губернии на 1906 год. Смоленск, 1906. С. 68.

77

Памятная книжка Смоленской губернии на 1912 год. Смоленск, 1912. С. 86, 98.

Смоленский вестник. 1907. № 114. 27 апреля. С. 3.

Б. Первая лекция в Смоленском народном университете // Смоленский вестник. 1907. № 210. 6 сентября. С. 3.

Смоленский вестник. 1907. № 262. 15 ноября. С. 3.

Там же. 1907. № 269. 24 ноября. С. 3.

Там же. 1908. № 116. 29 мая. С. 3.

Б. Концерт Эрденко // Смоленский вестник. 1908. № 221. 7 октября. С. 3.

Смоленский вестник. 1908. № 204. 16 сентября. С. 3.

Там же. № 205. 17 сентября. С. 2.

Б. Концерт М. Д. Славянской // Смоленский вестник. 1908. № 236. 25 октября. С. 2.

Б. Концерт М. А. Михайловой // Смоленский вестник. 1908. № 248. 8 ноября. С. 2.

Смоленский вестник. 1908. № 251. 12 ноября. С. 3; тезисы доклада были оглашены заранее (Там же. № 246. 6 ноября. С. 2).

89

Ярославский вестник. 1906. № 274. 26 октября. С. 3.

90

Смоленский вестник. 1909. № 45. 9 февраля. С. 3. В заметке Беляев назван А. Р. БЂльцевым. но это не самое большое прегрешение корреспондента: о литературном вечере сказано, что он посвящен памяти Л. Н. Толстого, хотя в то время великий писатель был жив.

Ляпунов Б. В. Указ. соч. С. 11.

Алексеев В. «Зачем заглядывать в будущее?»: Из записной книжки букиниста//Неделя. 1978.№ 7. 13–19 февраля. С. 17; *Алексеев В., Корнеев А.* Ничего не предвещало славы // Советская культура. 1984. № 33. 17 марта. С. 6.

93

Угловая 16-гранная башня Смоленского кремля. Согласно распространенной версии, не слишком убедительной, название свое она получила оттого, что с нее открывается «веселая панорама» берегов Днепра.

94

Музей в Смоленске, созданный княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой (1858–1928) и предназначавшийся первоначально для размещения ее собственных коллекций. Строительство здания музея было завершено в 1905 году.

95

В рукописи слово «интересный» зачеркнуто (ввиду наличия слова «интерес» в продолжении фразы), но ничем не заменено.

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–7.

97

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

[Б. п.] В археологическом музее // Смоленский вестник. 1908. № 201. 12.09. С. 2.

99

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 8.

100

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… // Фантастика-84. М., 1984. С. 323.

101

[Б. п.] Суд // Смоленский вестник. 1909. № 231. 20 октября. С. 2–3; № 233. 24 октября. С. 2.

[Б. п.] Обыски //Там же. № 243.4 ноября. С. 2.

103

[Б. п.] Судебные дела // Там же. № 158. 18 июля. С. 2.

104

Левитин М. Под кличкой «Живой»//Смоленский край. 1992. № 1. С. 41–44.

105

Левитин М. Александр Беляев и «Смоленский вестник» // Рабочий путь. 1994. № 141. 27 июля. С. 5.

Здесь и далее в цитатах курсив автора.

107

[Б. п.] Новое общество // Смоленский вестник. 1909. № 200. 11 сентября. С. 2.

108

[Б. п.] Общее собрание членов «Смоленского клуба общедоступных развлечений»// Смоленский вестник. 1909. № 226. 10 октября. С. 2–3.

109

[Б. п.] В обществе «любителей изящных искусств» // Смоленский вестник. 1909. № 222. 9 октября. С. 2.

Там же. № 243. 4 ноября. С. 2.

111

Смоленский вестник. 1912. № 222. 9 октября. С. 2.

112

B-la-f Концерт Гофмана//Смоленский вестник. 1910. № 81.13 апреля. С. 3.

113

Смоленский вестник. 1910. № 108. 20 мая. С. 2; 1913. № 213. 25 сентября. С. 2.

114

Там же. 1913. № 31. 7 февраля. С. 2.

115

[Б. п.] В обществе изучения Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1910. № 102. 12 мая. С. 2.

[Б. п.] В обществе изучения Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1910. № 220. 11 октября. С. 3.

117

Памятная книжка Смоленской губернии на 1911 год. Смоленск, 1910. С. 105.

118

[Б. п.] Литературный вечер // Смоленский вестник. 1910. № 235. 14 октября. С. 2.

119

[Б. п.] Памяти Л. Н. Толстого // Там же. № 250. 12 ноября. С. 3.

120

[Б. п.] Музей общества изучения Смоленской губернии // Там же. 1911. № 66. 22 марта. С. 3.

121

[Б. п.] В о-ве содействия физическому и умственному развитию // Там же. № 221. 8 октября. С. 3.

122

[Б. п.] *С* уд // Смоленский вестник. 1911. № 45. 26 февраля. С. 2.

123

[Б. п.] Суд // Там же. № 46. 27 февраля. С. 2; *[Б. п.]* Дело о порубке леса// Там же. № 47. 1 марта. С. 2; № 49. 3 марта. С. 2–3.

124

[Б. п.] К аресту ельнинского старосты //Там же. № 66. 23 марта. С. 3.

125

[Б. п.] Самовольная порубка леса // Там же. № 239. 30 октября. С. 3.

126

[Б. п.] Из-за сходства фамилий // Там же. № 127. И июня. С. 2.

127

[Б. п.] Судебная палата // Смоленский вестник. 1911. № 236. 27 октября. С. 2.

128

[Б. п.] Сбыт фальшивых кредитных билетов // Смоленский вестник.1911. № 260. 25 ноября. С. 2.

129

[Б. п.] Суд // Смоленский вестник. 1914. № 219. 18 сентября. С. 2.

130

[Б. п.] Заявление присяжных заседателей // Там же. № 222. 21 сентября. С. 2.

131

[Б. п.] Суд //Там же. № 219. 18 сентября. С. 2.

132

[Б. п.] У городского судьи // Там же. № 104. 14 мая. С. 2.

133

Беляева С. А. Воспоминания об отце. СПб., 2009. С. 28–29.

«Ритуальное» дело Абрамовой, слушавшееся в Смоленском окружном суде 10 декабря 1913 года. СПб., 1914.

135

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 8 об. — 10.

136

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 3.

137

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 2.

138

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 10.

139

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 323.

140

А. Беляев. Прогулка на гидроплане // Смоленский вестник. 1913. № 89. 21 апреля. С. 2; *А. Б.* Восхождение на Везувий // Там же. № 185. 21 августа. С. 2; № 189. 25 августа. С. 2; № 191. 28 августа. С. 2.

141

Б. Всеобщая забастовка в Бельгии (От нашего корреспондента) // Там же. № 82. 11 апреля. С. 2.

142

B-la-f.Театральные заметки: О публике //Там же. № 158. 13 июля. С. 2.

Ляпунов Б. В. Указ. соч. С. 11.

144

В «Ведомостях о выданных с 1 марта сего 1913 года Смоленским губернатором заграничных паспортах» А. Р. Беляев значится под номером четвертым *(Левитин М.* Новое о писателе Беляеве // Нева. 1986. № 10. С. 204).

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 323.

146

Беляев А. Бабушка Мойра. (Пьеса-сказка в 4-х действиях для детского спектакля) // Занавес поднят! [Бесплатное приложение к № 7 журнала «Проталинка» за 1914 год]. С. 7—30.

147

Левитин М. Александр Беляев и «Смоленский вестник» // Рабочий путь. 1994. № 141. 27 июля. С. 5.

148

Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год. Смоленск, 1915. С. 134.

149

Рецензия «Концерт Завадского» (Смоленский вестник. 1915. № 63. 6 марта. С. 2) за подписью Б. принадлежит, скорее всего, А. А. Брохману.

150

[Б. п.] Рецидивист // Смоленский вестник. 1915. № 64. 7 марта. С. 2–3.

151

[Б. п.] Убийство; 1171 ст. //Там же. № 70. 13 марта. С. 2.

152

[Б. п.] В обществе изучения Смоленской губернии // Там же. № 94. 9 апреля. С. 2.

153

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 10–10 об.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002. С. 118–119.

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 323.

156

Приазовский край. 1915. № 184. 14 июля. С. 2.

157

А. Б. Роль Англии в мировой войне // Приазовский край. 1915. № 209. 9 августа. С. 2.

158

Беляев А. Организация тыла // Приазовский край. 1915. № 234. 4 сентября. С. 1.

Приазовский край. 1915. № 326. 11 декабря. С. 1; № 335. 20 декабря. С. 2; приложение к газете «Приазовский край». 1915. № 52. 25 декабря. С. 1212].

160

Приазовский край. 1915. № 340. 25 декабря. С. 5–6.

161

Сологуб Ф. Мира не будет // Биржевые ведомости. 1914. № 14464. 30 октября. С. 2.

162

[Б. п.] В обществе любителей изящных искусств // Смоленский вестник. 1912. № 243. 28 октября. С. 2.

163

[Б. п.] Интересная тема (В о-ве любителей изящных искусств) // Смоленский вестник. 1912. № 257. 14 ноября. С. 2.

164

Приазовский край. 1916. № 179. 9 июля. С. 2.

165

Библия / Синодальный перевод (Без указания года издания).

166

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1974–1982. Т. 13 (1978). С. 60.

167

Головко С. Мастер научной фантастики (Писатель А. Р. Беляев) // Большевистское слово. 1941. № 38. 1 апреля. С. 4.

Беляев А. О моих работах // Детская литература. 1939. № 5. С. 23.

169

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных работников РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп… 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

170

Приазовский край. 1917. № 288.9 декабря. С. 3.

171

[Вырезка из газеты «Петроградское эхо»1 // Государственный архив Автономной Республики Крым. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 67. Л. 24–24 об.

172

[Б. п.] К событиям в Ялте // Южные ведомости. Симферополь. 1918. № 8.11 января.

173

Ялтинский голос. 1918. № 102. 8 сентября (новый стиль).

Капица П. И. Редактор Маршак. Фантаст Александр Беляев // Звезда. 1988. № 1.С. 190.

Приношу свою искреннюю благодарность профессору Таврического университета С. Б. Филимонову, просмотревшему, по моей просьбе, все сохранившиеся номера газеты.

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 323.

177

Наш путь. 1920. № 121.

178

Там же. № 128.

179

Церковь и государство//Ялтинский голос. 1919. № 585. 13 октября.

180

Последнее письмо Леонида Андреева // Ялтинский голос. 1919. № 591. 20 октября.

181

Общее дело. Париж. 1919. № 59.

182

В оригинале письма Л. Андреев обнаруживал большую литературную сноровку: «Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монструм, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет?» (*[Будницкий О.* В.] Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6. С. 14).

183

Крыштич Д. Двое суток в Симферопольской чрезвычайке // Красный террор глазами очевидцев. 1917–1922 / Сост. С. В. Волков. М., 2009. С. 109.

Беляева М. Мой «фантастический» спутник // Край Смоленский. Смоленск. 2004. № 3/4. С. 78.

185

Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 2–3. Л. 1–1 об.; почтовый штемпель: «3. 9. 24».

Тут, кстати, проявилась черта, характерная для многих произведений Беляева («Золотая гора», «Продавец воздуха»…), — он как-то упускал из виду, что при отсутствии подъездных путей (болото, непроходимая тайга, отвесный склон) доставить на место стройматериалы и тяжелейшую научную аппаратуру физически невозможно…

187

Загадочные две строчки точек заменили следующий стих:

Я через овиди степные
Тянулся в каменистый Крым.

Выбор Мандельштамом диалектного (севернорусского!) слова ***о**вид**ь*** с не совсем подходящим значением («кругозор», «линия горизонта») был продиктован, видимо, созвучием с именем Овидия — римского поэта, сосланного императором Августом на берега Черного моря (город Т***о**мы* на месте нынешней Констанцы).

Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело. Избранные произведения: В 16 кн. Кн. XII: Казачий исход. М., 2003. С. 230 (1-е изд.: *Калинин И. М.* Под знаменем Врангеля: Записки бывшего военного прокурора. Л., 1925).

Туркул А. В. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны 1918–1920 гг. [N.Y.], 1990. С. 273.

190

ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 (см.: *Ушаков Л. И., Федюк В. П.* Белый Юг: ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М., 1997. С. 87).

191

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 328.

Беляева М. Указ. соч. С. 80.

193

Б. Положение внешних почтово-телеграфных сношений С.С.С.Р. // Жизнь связи. 1923. № 2(5). С. 117–123.

Б. Из прошлого связи. Великобританская почтовая реформа в XIX веке; Воздушное почтовое сообщение в франко-прусскую войну; Происхождение почтового ящика//Жизнь связи. 1923. № 10. С. 131–132; *Б.* Из прошлого связи. I. Почта до основания Всемирного Почтового Союза. II. Китайская почта. III. Из истории телеграфирования//Жизнь связи. 1923.№ 11.С. 117–120. Однако статья из той же серии, опубликованная в декабрьском номере (Из прошлого связи. 1. Кто изобрел телефон? 2. Городская почта в старину // Жизнь связи. 1923. № 12. С. 95–97), была подписана: *Бочаров*. Не принадлежит Беляеву и статья «К вопросу о нашем доходе в 1923–1924 году» (Жизнь связи. 1923. № 9. С. 28–30) за подписью *А. Б.* Автором ее несомненно являлся сотрудник Статистического отдела НКПТ А. Барон, в 1923 году опубликовавший в том же журнале еще несколько статей и рецензий.

195

В киргизских степях (Рассказ начальника Округа) // Жизнь и техника связи. 1924. № 3. С. 76–82; Три портрета // Жизнь и техника связи. 1925. № 11.С. 120–126 (Подпись: *А. Ром);* Страх // Жизнь и техника связи. 1926.№ 11. С. 57–61 (Подпись: *А. Ром)*.

196

Радиополис (Научно-фантастическая повесть) // Жизнь и техника связи. 1927. № 1–8/9.

Беляев А. О моих работах. С. 23.

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 329.

Петров А. Старт дает «Гудок» // Гудок. 2002. № 233. 21 декабря. С. 6.

200

Шкловский В. «Юго-запад» //Литературная газета. 1933. № 1. 5 января.

201

Белинков А. В. Поэт и толстяк// Байкал. Улан-Удэ. 1968. № 1–2.

Всемирный следопыт. 1925. № 3. С. 17–27; № 4. С. 24–31.

203

Рабочая газета. 1925. № 134–152. 16 июня — 7 июля.

Беляев А. Голова профессора Доуэля. С. 5—76.

Беляев А. О моих работах. № 5. С. 24.

Беляев А. О моих работах. С. 23.

207

[Б. п.] Опыты д-ра Карреля // Смоленский вестник. 1913. № 8. 10 января. С. 3.

208

Всемирный следопыт. 1925. № 3. С. 17. Лишь в рассказе 1929 года «Амба», где речь снова пойдет об оживлении отделенного от тела мозга, Беляев напишет эту фамилию, как и положено: «Каррель».

209

Нельзя, конечно, забывать и музыку! Друг писателя, Николай Павлович Высоцкий, вспоминал, что тот «охотно играл на рояле сложные пьесы таких авторов, как Скрябин, *Мак Доуэль* и другие» *(Беляева С. А.* Воспоминания об отце. С. 36). Имеется в виду американский композитор *Edward Alexander MacDowell* (1861–1908). Нынешнее русское написание его фамилии иное — Мак-Доуэлл.

Ершова Т. Л. К. Г. Локс // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 448–449.

211

Локс К. А. БЕЛЯЕВ. Голова профессора Доуэля. Изд. «Земля и фабрика». М.-Л… 1926. Стр. 199. Тир. 4000 экз. Ц. 1 р. 20 к. // Печать и революция. 1926. Кн. 8. С. 200–201.

Фразу эту Беляев сохранил в неприкосновенности и в романе.

213

С. Д. [Сергей Сергеевич Динамов] [Рецензия:] А. БЕЛЯЕВ. Голова профессора Доуэля. ЗИФ. М.-Л., 1926. Стр. 199. Ц. 1 р. 20 к. // Книгоноша. 1926. № 39.С. 28.

214

Из прочих примеров: «Крысолов» А. Грина (1924) или удивительная повесть Н. Автократова «Серая скала» (1955).

215

Вычеркнутое дано в квадратных [скобках]; вставки — жирным *курсивом;* вычеркнутые вставки — в фигурных {скобках}.

216

В рассказе фраза *«Лоран вздрогнула и с ужасом посмотрела на голову»* отсутствует.

217

В рассказе эти два абзаца — от слова *«Пауза…»* до слова *«раскаяния?..»* — отсутствуют.

Такая же операция была проделана и при первой публикации рассказа в журнале «Всемирный следопыт».

219

«Научной организации труда» Беляев посвятил две статьи: На путях к НОТ // Жизнь и техника связи. 1924. № 8. С. 103–106 (Подпись: *Романыч;* псевдоним раскрыт по отсылке во второй статье); О рационализации в НКТП // Жизнь и техника связи. 1925. № 12. С. 73–76.

Сетницкий Н. А. Единство трудового процесса // Октябрь мысли. 1924. № 3–4. С. 61.

221

Там же.

222

Что такое статистика и для кого она нужна (Популярное пособие для работников связи). Москва. Статистический отдел НКПиТ. 126 с. Коллективный труд В. Г. Песчанского, Д. В. Савинского, Н. А. Сетницкого, Я. С. Улицкого, под редакцией нач. статотдела НКПиТ Песчанского // Жизнь и техника связи. 1924. № 11. С. 180 (Подпись: *А. Б-в)*.

223

Гойлов Н. С. Моя московская богема //Архивный фонд Музея-библиотеки Н. Ф. Федорова. Машинопись. 28 с.

Горский А. К. Огромный очерк// *Горский А. К., Сетницкий Н. А.* Сочинения. М., 1995. С. 229.

225

Эллис Х. Автоэротизм. Для врачей и юристов. СПб., 1911. С. 77.

Горский А. К. Огромный очерк. С. 196.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 245.

Qaganskayah M. 'Or kelev, 'o hokhmath sophrim [Собачья шкура, или Мудрость писателей] // *Bulgaqov M.* Lev kelev. Tel-'Aviv, 2002. 'Am. 171–220; *Каганская М.* Собачья смерть // Солнечное сплетение. Иерусалим. 2002. № 24–25. С. 168–185.

229

Беляев А. Ни жизнь, ни смерть//Всемирный следопыт. 1926. № 5. С. 3—15; № 6. С. 3–14.

Dévigne R. L'Atlantide: Un continent disparu. Paris, 1924. Второе издание книги (Paris, 1931) носило название «Атлантида: Седьмая часть света» («L'Atlantide: sixieme partie du monde»).

Дэвинь Р. Атлантида, исчезнувший материк. Л., 1926.

Уокоп Р. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966.

А. Н. Толстой, иностранными языками не владевший, мог ознакомиться с книгой Скотт-Эллиота по переводу, напечатанному в журнале «Вестник теософии» за 1910 год.

Сам же Н. А. Толстой этот факт и обнародовал *(Толстой Ник.* Владимир Соловьев — католик (Письмо в редакцию) // Русское слово. 1910. 21 ноября).

Вокруг света. 1916. № 39. С. 582–583.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999 [Кн. 1]. С. 303.

Подосиновская Л. Мои встречи с Александром Беляевым // Костер. 1967. № 8. С. 40.

Выбор именно данной газеты был, скорее всего, продиктован тем, что в первый год своего существования «Всемирный следопыт» выходил в издательстве ЦК Союза железнодорожников «Гудок».

239

Здесь и деле цит. по: *Булгаков М.* Романы [Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита]. М., 1973.

240

Впервые на возможность связать оба эпизода указал Михаил Безродный (*Безродный М.* Oh, du lieber Augustin //Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 24. Spring. — http://www.utoronto.ca/tsq/24/bezrodny24.shtml).

Харитонов Е. Комментарии // *Беляев А. Р.* Человек-амфибия [Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1.]. М., 2009. С. 601.

242

Кажинский Б. Б. Передача мыслей: Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу. М… 1923. С. 26.

Кажинский Б. Б. Биологическая радиосвязь. Киев: Изд-во АН УССР, 1962. С. 82–83.

244

Бернард Бернардович Кажинский (1883–1962) был вообще крайне доверчив. Вот как описывает встречу с ним в конце 1950-х годов киевский математик и диссидент Леонид Плющ: «…в советской печати появились первые статьи о телепатии. Из них я узнал о том, что в Москве живет сотрудник академика Бехтерева — Б. Б. Кажинский, который вместе с Дуровым и Бехтеревым проводил эксперименты по телепатии в 20—30-х годах. Я списался с Кажинским и приехал к нему. Кажинский встретил меня очень радушно, так как видел во мне одного из молодых людей, которые продолжат то, что было сделано в телепатии до войны. За столом сидело нас четверо — Кажинский, его жена, молодой медик Э. Наумов и я. Наумов, улучив минуту, предложил помочь ему в псевдотелепатическом эксперименте — подталкивать его в нужные моменты ногой. Я согласился. Во время демонстрации фокуса Кажинский пытался обнаружить обман, но нам удалось надуть его. Он серьезно поверил в то, что это телепатия. Мне было очень стыдно перед ним, но выхода из создавшегося ложного положения я не нашел. Интерес к Кажинскому сразу пропал» *(Плющ Л. И.* На карнавале истории. London, 1979. С. 43–44). А вот «молодого медика» (1936 года рождения) Э. К. Наумова общение с Кажинским от веры в телепатию не отвратило. В дальнейшем Эдуард Константинович стал членом-корреспондентом Всемирной ассоциации парапсихологов (США) и президентом ассоциации «Всемирная парапсихология, новая этика сознания, культура и искусство целительства» (Москва). Жизнь его закончилась трагически: в июле 1997 года он вместе с матерью был убит в собственной квартире.

245

Гудок. 1926. № 261. 11 ноября. С. 4.

246

Библия / Синодальный перевод [Без указания года издания].

247

Согласно новейшему, выверенному по рукописям изданию, запись эта сделана не ранее июля и не позже ноября 1930 года (*Ильф И.* Записные книжки. М., 2000. С. 311).

248

Константинов Н. [Рецензия:] «БОРЬБА В ЭФИРЕ». А. БЕЛЯЕВ. Научно-фантастический роман. «Молодая гвардия». 1928. Цена 2 р. 25 к. // На литературном посту. 1929. № 38. Сентябрь. 2-я сторона обложки. Н. Константинов — псевдоним ленинградского журналиста Константина Николаевича Боголюбова. Родился в 1905 году, был редактором. В 1928 году напечатал два научно-фантастических рассказа («Вещи господина Пика» и «Долина ТУА») и счел себя вправе по-свойски разбираться с другими фантастами. В сентябре 1937 года его арестовали за шпионаж в пользу Японии и два месяца спустя — 24 ноября — расстреляли.

249

Рынин Н. А. Межпланетные сообщения. Вып. 3. Лучистая энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых. Л., 1930 [На обложке: 1931]. С. 110.

250

Для Беляева эпизод встречи героя с историком совсем не случаен. Вот рассказ 1926 года «Ни жизнь, ни смерть». Некоего Бенджэмина Джонсона заморозили, а потом вернули к жизни. Не зная, что прошло 73 года, он ждет встречи с семьей. К нему подходит человек: «Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку»… А затем открывает Джонсону, в каком времени тот очутился: «Позвольте мне рассказать, как было дело… <…> Я Крукс. Ученый, историк». Таким образом, все неслучайно: человека, попавшего в будущее, встречает историк, который носит имя Бог, или Крест. В повести имя Крукс оказалось вакантным и было передано врагу.

251

Рагозин А. [Рецензия:] А. Беляев. «Человек-амфибия» // Литературное обозрение. 1938. № 24. С. 16.

Там же. С. 16–17.

253

Там же. С. 17.

Шкловский В. «Человек-амфибия» [О повести А. Беляева] // Детская литература. 1938. № 20. С. 39–40.

255

Там же.

Там же.

Шкловский В. Указ. соч. С. 39–40.

258

Профессор тоже в долгу не остался и — в духе времени — накатал на своих оппонентов гнуснейший политический донос: «Одним из широко применяемых методов является травля под тем или иным предлогом и дискредитирование тех научных работников, которые искренно и честно работают с советской властью». Противников же своих он обозначил так: «Матерые черносотенные волки, настоящие „кулаки от науки“» *(Немилов А.* Борьба с правой профессурой // Революция и культура. 1930. № 12. 30 июня. С. 21–23).

Успенский М., Лазарчук А. Гиперборейская чума. СПб., 1999. С. 135–136.

Рагозин А. Указ. соч. С.16.

261

Халымбаджа И. Г. Иктанэр, брат Ихтиандра // Молодой дальневосточник. Хабаровск. 1979. 3 ноября; перепеч.: *Хастуниди В.* [Халымбаджа И. Г.] Таинственный Делэр// Наука Урала. Свердловск. 1984. № 5. 9 февраля. С. 4; *Алымов Х.* [Халымбаджа И. Г.[Таинственный Делэр // За знания. Комсомольск-на-Амуре. 1984. 29 февраля.

Именно об этой газетной публикации и писал В. Брюсов в наброске статьи «Пределы фантазии» (Отдел рукописей РГБ. Ф. 386. Картон 53. № 232): «Года два назад, в „Le matin“ печатался фантастический роман, героем которого был юноша, котором[у] искусственно одно легкое заменяла жабра апасу. Он мог жить под водой. Целая организация была образована, чтобы с его помощью поработить мир. Помощники „человека-акулы“ в разных частях з[емного] шара сидели под водой в водолазных костюмах, соединенных телеграфом. „Подводн[ик]“, объяв[ив] войну всему миру, взрывал минами Ф[ульбера] остров[а] и навел панику на весь мир. Благодаря помощи японцев ч[еловек]-акула был захвачен в плен; врачи удалили у него из тела жабры акулы, он стал обыкновенным человеком и грозная организация распалась» *(Бритиков Ф.* Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). 2-е изд., доп. СПб., 2005. Кн. 1. С. 51; транскрипция нами уточнена). Брюсов, вероятно, читал «Матэн», будучи в Париже осенью 1909 года — с 16 сентября по 23 октября *(Брюсов В., Петровская Н.* Переписка: 1904–1913. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 476, 499).

263

Золотоносов М. Приключения человека-амфибии // Московские новости. 2003. № 6. Чтобы не поминать одиозную газету «Земщина», Халымбаджа и ссылался, видимо, на несуществующую переводную книжку 1911 года.

Можно допустить, конечно, что Беляев два десятка лет хранил в памяти то, что в 1909 году случайно прочел в газете. Но, скорее всего, с романом де Ла Ира Беляев ознакомился гораздо позже и в виде книги — парижского издания 1926 года *(La Hire, Jean de.* L'Homme que peut vivre dans l'eau. Paris, 1926). Конечно, в Москве таких забавных книжонок не продавали, но ведь книгу Дэвиня об Атлантиде, изданную в том же Париже двумя годами раньше, Беляев как-то заполучил!..

265

Здесь и далее все цитаты по первой (журнальной) публикации романа.

Максим Исповедник. Четыре сотницы о любви. М., 1995. С. 90.

267

Известия. 1928. № 182. 8 августа. С. 5.

Карпов Н. А. Необычайный пациент. СПб., 1909; *Карпов Н. А.* Волшебное зеркало // Сборник русской и иностранной литературы: Сб. 12. СПб., 1914. С. 33–40; *Карпов Н. А.* Корабль-призрак // Жизнь и суд. 1915. № 30. С. 2–3; *Карпов Н. А.* Отшельник // Аргус. 1916. № 3. С. 62–70, и др.

269

Своеобразие дарования В. Г. Короленко проявлялось, в частности, в том, что писал он исключительно о местах и людях, которых видел. В Туруханском же крае он не бывал, а потому и писать о нем не стал бы. Видимо, А. Беляеву припомнились сочинения какого-то другого автора, тоже отбывавшего ссылку в Сибири, например, С. Я. Елпатьевского (1854–1933), напечатавшего рассказы «Окаянный город» и «В Туруханском крае», но имя его Беляев забыл и решил, что все это написал Короленко.

Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. Т. 1. СПб., 1896. Беляев мог воспользоваться и сокращенным (в 15 раз!) изложением этой книги: *Ромодановская Е. С.* Якуты и их страна. М., 1901 (в серии: «Природа и люди России. Общедоступные книжки под ред. А. А. Ивановского»).

271

Стриндберг А. Полное собрание сочинений (В 15 т.]. М., 1908–1912. Т. 9. Исторические драмы (1909). С. 31.

Концерт Зилоти и Збруевой // Смоленский вестник. 1913. № 213. 25 сентября. С. 2; в псевдониме, которым подписана рецензия, допущена опечатка: «*B-la-t*» вместо обычного *«B-la-f»*. Впечатление же от исполненного А. Зилоти скрябинского ноктюрна № 40 Беляев описывает почти теми же словами, что и северное сияние в романе: «…его мелодия, то разгораясь в яркое пламя, то потухая, капризно меняется как видение фантома, незаметно тает, переходя в небытие».

Былинская В. В. Из жизни А. Р. Беляева // Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации. Фонд А. Р. Беляева. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 9 об. — 10.

Странно, что с марсианского Беляев переводит не на русский язык, а на французский — lévitation — «подъем, воспарение, парение», да еще с латинским прононсом. Но в латыни такого слова нет — имеются лишь levis — «легкий» и levitas — «легкость», «легковесность», «ветреность».

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 332.

В последней строфе вторая и четвертая строки читаются так: «Чтоб о *самом себе* забыть» и «Не знать, не чувствовать, не *жить*».

Беляева М. К. Указ. соч. С. 78.

Беляева С. А. «Он был для меня просто отцом и большим фантазером» // Край Смоленский. 2004. № 3/4. С. 70.

279

Три портрета // Жизнь и техника связи. 1925. № 11 (Подпись: *А. Ром)*.

280

Воспроизведено по памяти М. Н. Гринбергом *(Полтев К. В.* Мурманская эпопея Александра Беляева: Неизвестные страницы биографии писателя-фантаста//Север. Петрозаводск. 1975. № 3. С. 124).

281

В русской синологической транскрипции: *Цзиньшань* — «золотые горы». Нынешняя наука полагает, что китайцы всего лишь перевели на свой язык исконное монгольское название этой горной страны — *Алтантай* — «золотоносный», «место, где есть золото».

282

Протокол совещания (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 171); см.: *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002. С. 235.

283

Жеффруа Г. Ряса. (Пер. с фр. А. Б.) // Смоленский вестник. 1911. № 90. 24 апреля. С. 2; *Верн Ж.* В 2889 году. (Пер. и прим. А. Беляева) // Вокруг света. М., 1927. № 5. С. 67–70.

Мухтаров Е. Песни нашей Победы // 4 года из 1000: 65-летию Победы посвящается. Ярославль, 2010. С. 23–76.

Федоров Н. Ф. Распределение задач всемирной регуляции природы // *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 302; ранее опубликовано во втором томе «Философии общего дела» (М., 1913).

Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993. С. 17.

Чернавин В. В. Записки «вредителя» // *Чернавин В. В., Чернавина Т. В.* Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 98.

288

Полярная правда. 1932. № 24. 28 января. С. 4.

Там же. № 49. 27 февраля. С. 3.

Там же. № 1. 1 января. С. 4.

291

Там же. № 72. 27 марта. С. 4.

292

Полярная правда. 1932. № 6. 6 января. С. 1.

293

Там же. № 60. 11 марта. С. 2.

294

Пьеса В. М. Киршона (1902–1938) «Город ветров» (1929) представляла собой романтическое (с участием сказителя-ашуга) изложение истории двадцати шести бакинских комиссаров.

295

Правильное наименование: УБЕКО-СЕВЕР (Управление по безопасности кораблевождения на Севере).

296

Об опытах М. Кащенко из Киевского акклиматизационного сада (КАС) Беляев писал годом раньше — «О КАС и персиковой косточке» (Революция и природа. Л., 1931. № 2. С. 60–63 *[Подпись: А. Б.]*).

Полтев К. В. Указ. соч. С. 124.

Заполярный металлист. 1932. № 4. 22 июля. С. 2.

299

Беляев А. Товары под угрозой //Заполярный металлист. 1932. № 5.27 июля. С. 2.

300

Заполярный металлист. 1932. № 13. 5 сентября. С. 1.

301

Беляев А. Спасайте архив по истории гражданской войны // Полярная правда. 1932. № 84. 9 апреля. С. 4.

302

Там же.

Здесь далее цитируется по: *Беляев А. Р.* Чудесное око // *Беляев А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 2009–2010. Т. 4 (2010).

304

Полярная правда. 1932. № 144. 22 июня. С. 1.

305

Там же. № 146. 24 июня. С. 4.

306

Цит. по: *Куприн А. И.* Звезда Соломона. Гельсингфорс: Библион, 1920.

307

РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1458. Л. 82–82 об. (машинопись с авторской правкой).

Смоленский вестник. 1910. № 263. 27 ноября. С. 4.

309

Желающим продолжить профессиональную жизнь предлагали «разоружиться», то есть покаяться самому и оклеветать коллег. В 1930 году так спас себе жизнь профессор Рамзин, проходивший по процессу Промпартии.

Меленберг А. Решетка на осциллографе: Незамеченная дата // Новая газета. 2009. № 59. 5 июня.

311

Примечательно, что в письме Г. И. Мишкевичу от 1937 года Беляев, излагая содержание романа «Электрический глаз», называет Бласко Хургеса сыном не польского еврея, а эмигранта из царской России — РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1458. Л. 82 (машинопись с авторской правкой). В таком случае, мечту Хургеса подарить свое открытие Советской России можно связать с участием Зворыкина в создании первого телецентра в СССР. А фамилию Хургес Беляев мог услышать от знаменитого радиста-полярника Э. Т. Кренкеля. В 1932 году Кренкель познакомился в Москве с юным радиолюбителем Левой Хургесом. В дальнейшем Лев Лазаревич Хургес (1910–1988) побывал и в Арктике, и в Испании, и в колымских лагерях. А в первой половине 1930-х он увлеченно занимался радиоделом — исполнял технические задания НКВД, руководил радиофикацией самолета «Максим Горький» — и являл собой пример счастливого молодого человека сталинской эпохи. (Подробнее см.: *Хургес Л. Л.* Москва — Испания — Колыма: Из жизни радиста и зэка. М., 2011.)

Здесь и далее цит. по: *Беляев А.* Прыжок в ничто. Л., 1935.

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 332.

314

Впрочем, и у барона был предшественник — в 1927 году во втором номере журнала «Мир приключений» вышел рассказ Б. К. Армфельта «Прыжок в пустоту».

315

Палей А. [Рецензия:) «Прыжок в ничто» // За коммунистическое просвещение. 1934. № 42. 20 февраля. С. 3.

Еще один пример подобного самоумаления: «Наш „ковчег“ имеет всего четыре метра в диаметре. В сущности, он представляет собой комбинацию двадцати простых ракет. Это так называемая „составная пассажирская ракета 2017 года“ Циолковского. Моя скромная роль при проектировании ограничилась некоторыми незначительными дополнениями и конструктивными изменениями».

317

Большевик. 1932. № 8. 30 апреля.

Калинин И. М. Указ. соч. С. 231.

319

Циолковскому, кстати, понравилось: «Остроумное и живое описание англ[ийского] аристокр[атического] общ[ества]» (заметки о романе «Прыжок в ничто», между 8 и 15 декабря 1934 года; Архив РАН (М.). Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 7). Пределов России Циолковский никогда не покидал и собственных впечатлений о заграница не имел.

320

Гибель армии Самсонова в Восточной Пруссии (август 1914 года).

321

Беляев А. Изобретатели // Приазовский край. 1916. № 22. 24. января. С. 2.

322

Неудачник Лев Венецианович Шкляр в 1893 году провел выставку своих изобретений в Париже и незамедлительно был удостоен Большой золотой медали города Парижа и представлен к ордену Почетного легиона. Орденом, впрочем, он так и не был награжден. А в 1920-е годы в русских эмигрантских газетах много писалось об изобретенном Шкляром особом взрывчатом веществе, способном на расстоянии уничтожать подводные лодки, и о безуспешных попытках Х. Г. Раковского, председателя Совнаркома Украины, выманить этот секрет у сына покойного (*Лавринец П.* Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца. Вильнюс, 2008. С. 18–19).

323

Сонкин М. Е. Так начиналось // Звезда. 1960. № 9. С. 121; по всей видимости, автор статьи ссылается не на оригинал письма Циолковского, а на те отрывки из него, которые процитировал Беляев в одном из писем Н. А. Рынину.

324

Архив РАН (Москва). Ф. 555. Д. 91а. Л. 1.

325

Архив РАН (Москва). Ф. 555. Д. 91а. Л. 1–1 об.

326

http://www.liveauctioneers.corn/item/5093304 (Lot 2953).

327

Там же.

Морозов Н. Раритеты из павильона «Космос» продают на западных аукционах // Известия. 2009. 13 апреля.

329

Там же.

Space Memorabilia Fuction 27–28.10.2001: Catalog. P. 349 (Lot 1881).

Желнина Т. Н. Указ. соч. С. 156–194.

332

Перельман Я. «Прыжок в ничто» А. Беляева // Литературный Ленинград. 1934. № 10. 28 февраля. С. 3

333

Там же.

334

Письмо Циолковского (как и все прочие письма, адресованные Беляеву) не сохранилось, и до сих пор исследователи судили о нем по плохо читаемому черновику, оставшемуся в бумагах Циолковского. Однако как раз данное письмо отразилось и в иных источниках: в 1938 году его читал и процитировал в своей статье встречавшийся с Беляевым журналист Г. Кремнев (Г. М. Трахтман) *(Кремнев Г.* Писатель остался один // Литературная газета. 1938. № 8. 10 февраля. С. 4), а еще раньше — 12 января 1935 года — сам Беляев отослал Н. А. Рынину копию этого письма, воспроизведенную в статье М. Е. Сонкина *(Сонкин М. Е.* Указ. соч. С. 122). Помещенный выше текст является сводкой двух указанных публикаций, сверенной — в случаях, когда показания источников расходятся, — с черновиком (Архив РАН (М.). Ф. 555. Оп. 4. Д. 91а. Л. 1 об).

335

Читать его следует так: в квадратные скобки помещены вычеркнутые (слова); в ломаные скоб<ки> — части сокращенных или недописанных слов; жирным курсивом даны ***вставки***; вычеркнутые вставки помещены в фигурные *{скобки}*.

Указано Т. Н. Желниной.

337

Предложенная транскрипция сверена Т. Н. Желниной с оригиналом.

Кудрявцев Э. П. Переписка писателя-фантаста А. Р. Беляева с К. Э. Циолковским // Нева. 2005. № 4. С. 262.

339

Черненко Г. Семь писем «Гражданину Вселенной» // Хочу всё знать. Л.: Детская литература, 1977. (Вып. 18). С. 100.

Архив РАН (Москва). Ф. 555. Оп. 4. Д. 91а. Л. 13.

341

Письмо Беляева Циолковскому от 20 июля 1935 года: «Второе издание… находится уже в верстке. <…> Н. А. Рынин дает предисловие, написанное наново. — как говорил мне редактор Мишкевич» (Архив РАН (Москва). Ф. 555. Оп. 4. Д. 91а. Л. 13).

Здесь и далее цит. по: *Беляев А.* Звезда Кэц. М.; Л.: Детиздат, 1940.

Николаев Д. Д. Русская проза 1920—1930-х годов: Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006. С. 442.

344

Сопельняк Б. 13 дней в подвалах Лубянки: [О деле К. Э. Циолковского: С публикацией документов 1919 г.]// Родина. 1994. № 9. С. 47–52.

345

Одна из первых научных работ Циолковского — «Вычисления и формулы, относящиеся к вопросу о межпланетных сообщениях» (1879) — снабжена подзаголовком: *«Вопрос о вечном блаженстве».*

Точно теми же словами Беляев пользовался при описании космического полета в романе «Прыжок в ничто» — речь идет о помещении пассажиров в амортизационные ящики («— Всё наделала эта мадам вертихвостка. Надо было поскорее уложить ее. А она, вместо того чтобы выслушать нас, в истерику. Кое-как справились. Уложили, закрыли. Так она еще в дыхательную трубку кричит: „Варвары! Изверги! За что вы загнали меня в гроб? Проклятые!“») и последующем извлечении из оных:

«„Вот она — теория и жизнь, — думал Цандер. — Расчеты ломаются в самом начале. Драгоценные минуты проходят, а мы, вместо того чтобы двигаться ускоренно, летим по инерции. Отложить *„пробуждение мертвых“,* чтобы еще раз пришпорить ракету? <…>“ Последние уже давно ожидали своего *„воскрешения“*. Стормер… вообразил, что находится в руках большевиков, которые сыграли с ним страшную шутку. <…> От этой мысли он обливался потом в своем „гробу“»:

«Постепенно все *„мертвые“* были *„воскрешены“»:*

«Ганс вдруг громко запел, разнося радостную весть:

— Вставайте! *Воскресайте, лежащие во гробах'.* Солнце Венеры приветствует вас…»

И слова «радостная весть» тоже употреблены к месту — это «благая весть», в переводе на греческий: «евангелие».

347

Кроме приведенной выше статьи «Изобретатели» (1916), см. также: *Беляев А.* Гражданин Эфирного Острова // Всемирный следопыт. 1930. № 10–11: *Беляев А.* К. Э. Циолковский // Полярная правда. 1932. № 60. 15 сентября: *Беляев А.* Памяти великого ученого изобретателя // Юный пролетарий. 1935. № 23; *Беляев А.* К. Э. Циолковский // Большевистское слово. 1938. 18 сентября; *Беляев А.* Великий транспортник // Большевистское слово. 1939. 28 сентября; *Беляев А.* Он жил среди звезд // Большевистское слово. 1940. 19 сентября. Часто приписываемый Беляеву анонимный некролог «Константин Эдуардович Циолковский» (Вокруг света. 1935. № 10. С. 14–16) является, по всей видимости, плодом коллективного творчества.

Ляпунов Б. В. Указ. соч. С. 85.

349

Там же. С. 86.

Там же. С. 85.

351

Вопрос о том, как и кем писалось завещание Циолковского (с обращением: «Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, тов. Сталин!»), подробно исследован в статье: *Максимовская Н.* История завещания Циолковского // Меценат. Калуга, 2005. № 10. 30 сентября. С. 4–5.

Раушенбах Б. В. Пристрастие. М., 1997. С. 179–180.

353

Литературная газета. 1938. № 8. 10 февраля. С. 4.

Там же. № 21.15 апреля. С. 2.

355

Письмо Беляева Циолковскому из Евпатории (санаторий «Таласса», палата 21-б) от 20 июля 1935 года: «Простите, что пишу карандашом, — я лежу уже 4 месяца».

356

РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1458. Л. 82 (машинопись с авторской правкой).

357

То же сакраментальное число Беляев называет и в предисловии к роману «Голова профессора Доуэля»: «Тринадцать лет тому назад я написал рассказ „Голова профессора Доуэля“…»

358

Мишкевич Г. И. Встреча в «Астории» // Уральский следопыт. 1962. № 7. С. 36–39; более подробно обстоятельства встречи изложены в кн.: *Мишкевич Г. И.* Доктор занимательных наук: Жизнь и творчество Якова Исидоровича Перельмана. М., 1986. С. 114–121 (глава «Три часа у Герберта Уэллса»).

Чуковская Л. К. Прочерк. М., 2009. С. 242–243.

Любарская А. И. За тюремной стеной // Нева. СПб., 1998. № 5. С. 155.

361

Мишкевич Г. И. Черная быль (Записки человека с номером на спине) // Печальная пристань /Сост. И. Л. Кузнецов. Сыктывкар, 1991. С. 99—144.

Любарская А. И. Указ. соч. С. 154–155.

Мишкевич Г. И. Черная быль. С. 114.

Чуковская Л. К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 58.

Чуковская Л. К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 273.

366

Жуков Л. Советский приключенческий и научно-фантастический роман // Молодая гвардия. 1938. № 8. С. 175–176.

367

См. в письме А. Р. Беляева А. З. Сокольскому от 14 июня 1941 года: «Сегодня М<аргарита> К<онстантиновна — жена Беляева> должна привезти <из Ленинграда в Пушкин> новорожденного „Ариэля“ — летающего человека» (*Кудрявцев Э. П.* Переписка писателя-фантаста А. Р. Беляева с К. Э. Циолковским // Нева. 2005. № 4. С. 264).

Шитиков А. Искушение оккультизмом // Русские идут! Липецк, 2002. № 4. 19 декабря. С. 6.

369

Нилус цитирует отчет Чарлза Лидбиттера, опубликованный в январском номере «*Bulletin del 'Ordre del 'Etoile d 'Orient*» за 1913 год.

Цит. по: *Булгаков М.* Романы [Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита]. М., 1973.

Библия / Синодальный перевод |Без указания года издания].

Там же.

(Быт. 21: 17, 19) — Библия / Синодальный перевод |Без указания года издания].

Кремнев Г. Указ. соч. С. 4.

375

Белевич Б. Заметки читателя: А. Р. Беляев // Большевистское слово. 1939. № 34. 16 марта. С. 4.

Головко С. Указ. соч. С. 4.

Там же.

378

Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М… 2005. С. 6–7, 13–15.

379

Беляев А. На курортах (Из крымских впечатлений) // Приазовский край. 1915. № 184. 14 июля. С. 2.

Беляев А. Созидатели и разрушители // Большевистское слово. 1941. № 76. 26 июня. С. 3.

381

Беляева С. Дороги в никуда // Нева. 1999. № 8. С. 146.

382

Беляев А. Об одном запущенном доме // Большевистское слово. 1940. № 111.1 октября. С. 4.

383

Осипова Л. Т. Дневник коллаборантки // Грани. Лимбург. 1954. № 21. С. 94. (Запись от 14 августа 1941 года.)

384

После освобождения города Пушкин от немцев в 1944 году возобновилось и издание городской газеты. Первый выпуск был помечен так: № 1 (531), и, значит, с 1938 года и до захвата города немцами вышло 530 номеров газеты. Поскольку с 1938 по 1940 год вышло 426 номеров, нетрудно вычислить дату смерти газеты.

385

В статье, посвященной 65-летнему юбилею «Большевистского слова», столь раннее прекращение выпуска городской газеты (за две с половиной недели до прихода немцев) объясняется так: главный редактор, А. Н. Самуйлов, был назначен комиссаром 76-го истребительного батальона и, «когда еще не было непосредственной угрозы захвата города, по воспоминаниям очевидцев, комиссар Самуйлов, выпуская газету, успевал бывать и в расположении своего батальона. Но в начале сентября ситуация резко обострилась. Фашистские войска были уже на ближних подступах к городу. Теперь комиссар вместе с командиром батальона дни и ночи находился среди бойцов-истребителей». А 14 сентября 1941 года комиссар Самуйлов погиб в бою (Царскосельская газета. Пушкин. 2003. № 17. 5 марта. С. 4.). Согласиться с предложенным объяснением можно, лишь допустив, что Самуйлов был не только главным редактором, но и единственным сотрудником редакции.

386

«Стенограмма сообщения тов. Лебедь Анатолия Назаровича — зам. директора по кадрам завода № 189 им. Орджоникидзе (Балтийского)» // http://geglov2.narod.ru/Spravka/giteli/Lebed_01.htm.htm

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 344.

Годом ранее Беляев с восторгом описывал достижения пушкинских селекционеров *(Беляев А.* Что делают растениеводы // Большевистское слово. 1940. № 123. 29 октября. С. 4.

389

У знакомого нам бывшего редактора Детиздата Г. И. Мишкевича свои фантазии: «Война застала А. Р. Беляева в Детском Селе. Прикованный болезнью к постели, он не мог передвигаться и вынужден был остаться на месте. Когда город был захвачен гитлеровцами, гестапо усиленно разыскивало Александра Романовича, чтобы покарать его за антифашистские романы. Лишь смерть спасла писателя от неминуемой расправы и пыток…» *(Мишкевич Г. И.* Доктор занимательных наук: Жизнь и творчество Якова Исидоровича Перельмана. С. 120).

Осипова Л. Т. Указ. соч. С. 114.

391

Там же. С. 115.

Там же. С. 114.

Осипова Л. Т. Указ. соч. С. 115.

Беляева С. А. Воспоминания об отце. С. 91.

395

В четвертом томе «Большой советской энциклопедии» (2-е изд.; 1950) датой смерти А. Р. Беляева указан 1941 год. Чем руководствовались составители БСЭ — неизвестно, но указанный ими год рождения (1894-й вместо 1884-го) свидетельствует, что достоверной информацией о биографии Беляева они не располагали.

Ляпунов Б. Циолковский и ракетоплавание // Техника — молодежи. 1944. № 9. С. 12.

397

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 630. Оп. 4. Ед. хр. 366 (293 листа), 249–251 (439 листов).

Беляева С. А. Звезда мерцает за окном… С. 347.

Милов С. Материк Погибших Кораблей // Новая газета. 2001. № 44. 28 июня. С. 13.

400

Там же.

Bergen D. L. The Nazi Concept of «Volksdeutsche» and the Exacerbation of Anti-Semitism in Eastern Europe. 1939-45 // Journal of Contemporary History.

1994. Vol. 29. № 4. P. 569–582.

Беляев. Властелин мира. Мюнхен: Родина, 1974. С. 4.

Беляев А. Властелин мира. Л.: Красная газета, 1929. С. 4.

405

Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». Orange (Conn.): Antiquary, 1993. С. 8.

Ревич В. А. Легенда о Беляеве // *Ревич В.* На перекрестках утопии. М., 1998. С. 120.

Там же. С. 120–121.

Там же. С. 121.

Далее в хронологическом порядке перечислены романы, повести, рассказы, журнальные и газетные статьи А. Р. Беляева.

410

Авторство предположительно.